

М. БЕЛЛЕР

СОЦИОЛОГИЯ
ЭНЕРГОЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Энергоэволюционизм

Михаил Веллер

Социология энергоэволюционизма

«Издательство АСТ»

2010

Веллер М. И.

Социология энергоэволюционизма / М. И. Веллер —
«Издательство АСТ», 2010 — (Энергоэволюционизм)

ISBN 978-5-17-071703-3

Социология – важнейшая часть философии энергоэволюционизма, как назвал свою систему взглядов Михаил Веллер. Устройство общества и его эволюция определяются общими законами мироздания.

ISBN 978-5-17-071703-3

© Веллер М. И., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Предварение первое	7
Концепция человека	7
1. Что такое человек?	7
2. Что человеку надо?	8
3. Как он этого добивается?	8
4. Чего же он хочет?	8
5. Что же он имеет?	8
6. Что такое счастье?	8
7. Главное противоречие	9
8. Воспоминания	10
9. Ощущения	11
10. Ощущения доминируют?	12
11. Положительные и отрицательные	12
12. Разум	12
13. Адаптационный ресурс	13
14. Избыток энергии	13
15. Игра	13
16. Жизнь как действие	14
17. Связь?	14
18. Роль разума	15
19. Кнут и пряник	15
20. Глобальный эволюционизм	15
22. Человек	16
Космологическая составляющая	17
Бытие-внутри-нас и Бытие-вне-нас	20
Надличностные ценности	23
Предварение второе	27
Агрессия и эволюция	27
Прогресс	34
Пища	37
Письменность и информатика	39
Приближение первое	40
Глава 1	40
Системообразующий инстинкт[1]	40
Возникновение цивилизаций	43
Собственность	47
(О равноправии и неравенстве народов)	50
Метисы	56
Цивилизация и рождаемость	57
Глава 2	66
Государство и ландшафт	66
Государство и эволюция	67
Государство как система	69
1. Два муравья	69
2. Цвай камараден	70
3. Бригада	70

4. Тургруппа	71
5. Ролевое распределение	71
6. Крысы в вольере	72
7. Зеки в камере	72
8. Семья	74
9. Система структурирует: Бытие-внутри-себя и Бытие-вне-себя	75
10. Фирма	76
11. Ветвь и дерево	77
12. Армия	77
13. Государство – всегда	78
14. Цель государства	79
15. Локк, Гоббс и Спенсер	79
16. Предварительные обобщения	80
17. Предопределенность	80
18. Происхождение государства и семья	81
19. Из чего состоит	82
20. Начало	83
21. Развитие	85
22. Экспансия	85
23. Деструктивные государства	88
24. Молодость	90
25. Укрепление	90
26. На пике	91
27. Цветение и гниение	92
28. Конец	92
29. Заключение	94
Государство и воровство	94
Глава 3	97
Война	97
Империя	103
Глава 4	111
Народ и власть	111
Закон	112
Справедливость	115
Закон 2	118
Глава 5	121
Иллюзия экономической доминанты	121
Паразитарно-зацикленная раздробленность	125
Табу и его разрушение	127
Падение цивилизаций	133
Приближение второе	136
Глава 1	136
Социальный инстинкт	136
Формы социального инстинкта	142
1. Общение	142
2. Закон и порядок	143
3. Метаморфозы Закона	144
4. Справедливость	145

5. Человек групповой	147
6. Анархизм	149
7. Мораль	150
Интермедия	152
9. Совмещения	153
10. Равновесие	153
Проявления и код социального инстинкта	154
Знак социума	160
К вопросу о самоусложнении социума	167
Глава 2	173
Свистать всех наверх	173
Прокрустово ложе социума	177
Лидер	180
Пылесос социального инстинкта	184
Коллективная ответственность	186
Имперский синдром	190
Психология роли	192
Глава 3	205
Ритуал	205
Религия	212
Глава 4	218
Системный ресурс	218
Био-социальный регулятор	221
Колебательный контур	225
Заключение	232
Что вам история?	232
Движущая сила, смысл и цель истории	238

Михаил Веллер

Социология энергоэволюционизма

Предварение первое Экзистенциальная составляющая

Концепция человека

1. Что такое человек?

1. «Двуногое животное без перьев», – усмехнулся Платон.
2. «Общественное животное», – уточнил добросовестный Аристотель.
3. «Высшая ступень живых организмов на Земле», – классифицирует биология.
4. «Особый род сущего, субъект социального процесса, творец культуры, исторического развития; биосоциальное существо», – напрягаются философские энциклопедии.
5. «Мыслящее, но главным образом водящее и чувствующее существо», – решила философия жизни устами Шопенгауэра, Кьеркегора и Ницше.
6. «Homo faber» – «человек деятельный», – определяет позитивизм.
7. А Макс Шелер, развивая философскую антропологию в отдельную науку, развернул типологию: трактовки человека религиозная, рациональная, деятельная, психологическая и вообще как помешанной обезьяны, свихнувшейся на «духе».
8. Итого. Что такое человек, все знают. Но исчерпывающе и всеобъемлюще сформулировать не могут. Смотря на каком уровне формулировать: физики, биологии, социологии, психологии, истории, философии, религии.
9. Нас интересует базовый уровень. А базовых уровней здесь получается два. Первый – уровень энергии: всеобщий, бытийный, всеохватный. Объективный. Человек как неотъемлемая часть Вселенной. И второй уровень – субъективный – максимально разнесенный от первого, противоположный ему. Уровень психический, сенсорный, в основе которого лежат первичные ощущения, эмоции. Человек как совокупность психических процессов его нервной системы. На этом уровне он познает мир и себя самого, на этом уровне мир в человеке отражен. Напрашивается и третий уровень – разума, отличающего человека от прочих существ: но об этом ниже.

Все прочие уровни существования человека – биологический, социальный, экономический, религиозный, культурный, технический – лежат между названными двумя, базовыми, крайними, предельными (как пластины аккумулятора между крайними обкладками – левее и правее уже ничего нет). И, следовательно, могут быть правильно поняты во взаимосвязях всех явлений лишь в рамках единой общей системы, единой всеохватной шкалы Бытия, где на одном полюсе – Вселенная как совокупность агрегатных состояний единой энергии, а на другом – субъективные ощущения «познавателя» этой Вселенной, в психике которого она отражена, и этой психике только и остается самой себя познавать. Если хотите – полюса сугубо материальный и сугубо идеальный.

2. Что человеку надо?

Скажи мне, что тебе надо, и я скажу тебе, кто ты есть.

Если провести всепланетный опрос – чего тебе надобно, старче? – перечень ответов окажется весьма ограничен. Людям потребно: здоровье, богатство, слава, интересная работа, и чтоб вообще было интересно, любовь, дружба, уважение окружающих, благополучие семьи, повидать мир, а также смысл жизни. В общем – всё. Остальное – детали, вариации и следствия: красота, секс, чемпионство, научные открытия, след в истории...

3. Как он этого добивается?

В лице самых целеустремленных представителей – со страшной силой. Изнуряет себя диетами и тренировками, работает с утра до ночи, бьется за каждую копейку и режет глотки за миллион, получает инфаркты в интригах ради престижной премии и медали. И что? Есть мускулы – нет мозгов, есть деньги – нет здоровья, есть любовь – нет денег, есть слава – нет благополучия семьи. Все сразу не получается. Кому что больше надо?

А вот в лице большинства человек себя как-то осознанно гробит. Пьет, курит, недосыпает и нервничает, хотя знает, что это вредно для здоровья. Проигрывает деньги в карты и спускает в аферах, рискуя необходимым ради излишнего. Проклинает работу, зарабатывая деньги – и плачет о деньгах, не желая толком работать. Лишает себя дружбы и уважения по собственной зависти и злобе. То есть: он знает, как надо жить правильно, и знает, что живет неправильно, и почему-то продолжает жить неправильно. И всегда чем-то недоволен.

4. Чего же он хочет?

Он хочет счастья. Все перечисленные блага и ассоциируются у человека со счастьем. Он полагает, что если будет ими обладать – и будет счастлив.

5. Что же он имеет?

Логично предположить, что чем больше у человека этих благ – тем он счастливее. Кто здоров, богат, прославлен, уважаем, ездит по миру – тот счастлив. А кто беден, болен и безвестен – несчастлив.

Ан фиг. Кинозвезды лечатся от депрессии и глотают наркотики. Разорившиеся финансисты летят из окон, хотя деньги на жизнь еще остались. Здоровяки спиваются, красавицы страдают из-за несчастной любви и измен. Благополучные отцы семейств тихо чахнут по приключениям, а приключенцы – по благополучной жизни.

В благополучнейших цивилизованных странах, где и свободы, и деньги, и пластическая хирургия – высокий уровень самоубийств. А в нищих африканских странах – накорми, заведи музычку, они скалятся и пляшут, и никто не вешается. А шведы вешаются, хотя для счастья у них в среднем условия максимальные.

Как говорила моя бабушка – «Все есть – счастья нет».

6. Что такое счастье?

Старая шутка. Все знают – счастье у каждого свое. Кому поп, кому попадя, кому свиной хрящик. Не в том дело, что ты имеешь, а в том, что ты от этого чувствуешь.

То есть: *счастье – это категория состояния*. Вот такое состояние твоей высшей вкупе с невысшей нервной системы, когда тебе предельно замечательно, и очень ты этим доволен, и вообще своей жизнью при этом доволен.

И не очень-то стоит гнаться за всякими благами, чтобы обрести в этом счастье. А разумнее и логичнее попробовать идти напрямую к такому внутреннему состоянию, когда будешь счастлив. Буддизм. Или ЛСД. Или аутотренинг. То есть: предпочесть интенсивный метод экстенсивному, интравертный ход экстравертному. И тогда удовлетворишься минимумом, и снизойдет покой и благоволение в человецех, и будешь счастлив в шалаше и пустой бочке. Лучше ведь бедным и счастливым, чем процветающим и несчастным.

И со времен Будды и Диогена люди это отлично знали.

А если знали – то почему не делали? И лишь исключения подтверждали правило.

7. Главное противоречие

Почему люди, зная, как надо поступать правильно, себе во благо – поступают тем не менее неправильно, себе во вред, причем добровольно, свободно, делая самостоятельный выбор? И осознавая при этом, что они делают. О'кей – счастье у каждого свое, так почему же сплошь и рядом поступают вопреки собственному стремлению к представляемому счастью? «Вот в чем вопрос».

Еще Сократ заявил: «Я собираюсь посвятить оставшуюся жизнь выяснению только одного вопроса – почему люди, зная, как должно поступать верно, поступают все же неверно». Итогом выяснения явилась чаша цикуты, а вопрос завис на две с половиной тысячи лет.

Самый типичный индивидуальный случай: девушка любит подонка. И все ей говорят: ты с ума сошла, он загубит твою жизнь, будешь несчастна – а вот Вася хороший, и так тебя любит, и деньги зарабатывает, и собой ничего, пылинки с тебя сдувать будет, иди за него не раздумывая. И она сама знает, что подонки ей устроит бледную жизнь, а Вася хороший, но вот не лежит к нему сердце, и вопреки всем выскакивает за подонка, и рыдает, и пишет письма: «Папа, он бьет меня, пришли нам денег». Мужчины со стервами – зеркальный вариант. Любовь? Тогда зачем она и что в ней толку? А главное – почему к недостойному, а не к хорошему?

Если каждый человек представляет себе свое счастье и хочет его – тогда почему люди так редко счастливы и так часто несчастливы? Мозги-то есть – но почему их заедает?

В общем-то знают, что погоня за благами счастья не приносит – ан гонятся! А обрести счастье внутри себя, довольствуясь малым – не хотят. Надрываются, жалуются, всё знают – и не хотят.

Смотри на птичек, живи на природе, радуйся жизни, думай о хорошем – не хотят! Зарплаты, карьеры, начальники суки, подчиненные паразиты, соперники жулики, любовницы пьявки, друзья предатели, бац – в реанимации. Масса вариантов.

Человек сам кузнец своего несчастья.

Из всех вариантов – ни фига он не выбирает всегда наисчастливейший. Он всегда нароем приключений на свою голову.

А самый общий случай: угробливание экологии общей и единственной на всех нас планеты. Все отлично знают, что столько все новых товаров и благ человеку, строго говоря, ни за чем не надо. Если сократить – никто не умрет: старые костюмы и многоразовая посуда вполне годятся. Все спрэи и дезодоранты перестать выпускать – никто не сдохнет, а атмосферу они проедают. И принимаются меры, да, мягкие такие, иногда, частично. Каждый утешается своей мелкой выгодой – отлично зная, что правнуки ведь и вымереть все могут на такой планетке. Знают – а к общему самоубийству идут. Психи? Экспертизы говорят: нормальные. Э?

И вообще: почему шкурная выгода и мораль разнесены, и что бы ты ни предпочел – в другом обязательно поступишь себе во вред? А почему нельзя, чтоб они вместе? Более того:

почему даже у умных, вроде бы, людей иногда заклинивает мозги, и они поступают вопреки и морали, и шкурной выгоде? А потом сами удивляются – когда уже поздно.

Почему человек всегда стремится к счастью, а получается черт знает что?

Почему воплощение личной воли, властитель мира Наполеон уже на острове Святой Елены простонал: «Господи, да был ли я счастлив хоть два часа в жизни?..»

В чем логический изъян человеческих действий?

8. Воспоминания

«Жизнь – только миг между прошлым и будущим». За миг, значит, и держись.

Словно узкий щелевой луч ползет по пространству: позади темнеет, впереди туманится. Между воспоминаниями и мечтами. Мечты и планы – дело зыбкое, настоящее проходит мгновенно, и вся наша жизнь тут же оказывается в прошлом. Анализируя жизнь, мы всегда анализируем воспоминания, зафиксированные в той или иной форме.

Жизнь – это прошлое. Фиксируется оно в материальной, предметной форме – вещи, детали окружающего бытия, материальные носители информации. О! – информации.

Прошлое – это информация. Фиксируется она в книгах, дисках, кассетах, фотографиях, наскальных надписях. Все это – вспомогательные, прикладные, опосредованные формы памяти.

Информация – это память.

Просто говоря, вся наша жизнь – это воспоминания. Хоп! – и все в прошлом, воспоминание.

И чем главнее событие – тем сильнее, крупнее, ярче, значительнее воспоминание. Это если рассуждать логично. А если по правде – ничего не получается. Сплошь и рядом «судьбоносные» события нашей жизни со временем забываются, иногда – начисто. Этапы карьеры, подробности награждений – ах, склероз. К врачу идти – забыли, налоги платить забыли, адрес друга, таблицу умножения, цены на жратву, что когда-то каждый день покупали – забыли. Какого числа женился? Какие оценки в дипломе? Как получал первый паспорт? Куда засунул пенсию и где мои очки, без которых я ничего не вижу?

А вот первая родительская порка, первый сексуальный опыт, первый бой – не забываются. Или – после инсульта человек может забыть все слова, но если несколько помнит – это мат. Интеллигентнейший человек – мычит и матерится.

О. Мат – это экспрессия. Матом человек выражает самые сильные ощущения, нормативная лексика уступает мату в энергичности; потому и существует эвфемизм «энергические выражения». Шок, опасность, экстремальная ситуация, изумление – из человека прежде всех слов норовит выскочить мат.

Крепкость воспоминаний соответствует силе ощущений, которые памятью зафиксированы.

Лучше мы помним то, что сильнее, острее ощущали.

В молодости нервная система свежее, все нейроны в наличии, впечатления ярче и опытом не приглушены, переживается все острее – воспоминания молодости крепче. А в старости и необходимого можно не помнить. И ощущения не те. А молодость старик помнит – впечатана.

Причем иногда помнится сущая ерунда. Школьный турпоход. Обидчик в детском саду. Закат над речкой, когда пронзило вдруг чувство какого-то единения с природой. На кой черт это помнить? А ощущения были сильные.

Фрейд полагал, что дискомфортные воспоминания вытесняются. Лукавил старик и подтасовывал все в единую стройную теорию. Человек остро помнит некоторые конфузы, оскорбления и грехи. Как вспомнит – аж застонет про себя. Сильные были ощущения.

И получается, что главное в нашей жизни – не то, что обычно принято считать главным. Память – *безапелляционный сортировщик: что помнится главным, сильным, острым – то ведь субъективно для человека и главное. А что забылось – того и нет для тебя.*

Главность событий наше сознание оценивает не по тому, насколько они повлияли на внешнюю судьбу. А по тому, насколько сильные ощущения доставили.

Вся информация сортируется прежде всего по принципу силы ощущений.

9. Ощущения

1. Если лишить человека ощущений – то вследствие психического расстройства он умрет весьма быстро. Специальный скафандр, блокирующие осязание перчатки, помещение в резервуар, где тело оказывается во взвешенном состоянии в жидкости и перестает ощущать свою тяжесть, абсолютная темнота и тишина. Опыты ставились. Через несколько часов исчезает чувство времени, сбивается пульс, скачет и падает давление, расстраивается работа внутренних органов. Организм дезориентирован в пространстве, координирующие связи с внешним миром нарушены. Мыслить-то мозг может, но через считанные часы искажается высшая психическая деятельность, сознание отмечает, что, кажется, сходит с ума: странные видения, реальные воспоминания мешаются с неожиданными образами, нарушаются причинно-следственные связи, вторгаются «сны наяву».

Вне ощущений здоровый мозг не может управлять здоровым организмом. Он перестает понимать, спит он или бодрствует, и вообще – реальность это или что, и вообще – так есть он или нет.

2. А во сне? Дежурные участки мозга продолжают координировать функции организма в соответствии с ощущениями, сигнализирующими о связи с внешним миром: тяжесть (земное притяжение), положение тела, температура, звуковой фон и световой фон. Действует своего рода «дежурная программа»: все в порядке, можно спать.

3. Если хорошо загипнотизированному приложить к руке линейку, скажем, и внушить, что это – раскаленное железо, то он не просто с криком отдернет руку – но на ней появится ожог! Наведенное, внушенное мозгу ощущение – для мозга неотлично от реальности, есть та же реальность. И организм по его команде действует так, как если бы это была реальность.

Мозгу без разницы, соответствует ощущение реальным обстоятельствам, или нет. Он о реальности судит по ощущениям.

4. Приговоренному к смерти сообщали, что из гуманности вскроют вены. Завязывали глаза, привязывали к стулу, подставляли тазики, проводили поперек вен тупой стороной скальпеля и тихо сливали от «надрезов» теплую воду: имитация. Результат: мраморная бледность, синюшность губ, падение давления, замедление пульса, потеря сознания, смерть от кислородного голодания мозга – все симптомы кровопотери. Мозг руководствовался ощущениями.

5. Категорически приказывающий себе жить человек – может дотянуть до аэродрома подбитый самолет, или выздороветь от смертельной болезни, и т. п. – вопреки, казалось бы, физиологическим возможностям поврежденного организма. Мозг создает «комплекс живущего человека» и дотягивает до его уровня глубинные ресурсы организма – даже по отдельным участкам, по отдельным органам при нарушенных между ними связях.

6. В сильном стрессе человек может развивать усилия, вообще выходящие за пределы возможностей его вида: ворочать огромные тяжести, если завалена его семья землетрясением, переплывать в бурю заливы, прыгать через высоченные заборы и бежать быстрее чемпионов мира. Сильнейшие ощущения приказывают организму действовать и обеспечивают внутренними ресурсами энергетiku.

7. Главный в организме – мозг. Мозг руководствуется ощущениями. Для мозга жизнь – это сумма ощущений. То есть?

На базовом субъективном уровне жизнь человека – это сумма ощущений.

10. Ощущения доминируют?

1. Вживляем крысе электрод в мозговой центр наслаждения и научаем нажимать педальку, замыкая цепь. Крыса ловит кайф, пока недохнет от нервного истощения.

2. А вот алкоголик, а вот наркоман. Ловит кайф, пока недохнет. Человек стремится к положительным ощущениям пуще всего и прежде всего?

3. А вот мазохист – хочет, чтоб ему было больно. А вот в русской парилке хлещутся венником, да лучше можжевельным, и аж стонут – тоже мазохисты? А вот девушка говорит: милый, сделай мне больно, – тоже мазохистка?

4. А вот люди платят свои деньги и идут в кино (ну, или телесериал смотрят, время тратят) – чтобы мелодрама, чтобы плакать. Безопасно – но пострадать. Мазохизм?

5. А вот экстремалы подышают от жажды в пустыне или замерзают в горах: страдают. Зачем им страдать?

6. Получается так. *К чему бы человек ни стремился – он все равно стремится к ощущениям.* Оно понятно: в конце концов все воспринимается на уровне ощущений, приятно или неприятно, нравится или не нравится, желанно или нежеланно, комфортно или дискомфортно. И в идеале к ощущениям можно стремиться «напрямую»: через алкоголь, наркотики, гипноз, вживленные электроды и в какой-то степени искусство.

11. Положительные и отрицательные

Фокус в том, что человек – добровольно и направленно – стремится не только к положительным ощущениям, но и отрицательным.

Базовый инстинкт – инстинкт жизни – велит жить, то есть, субъективно, ощущать! – наощущать как можно больше всего в течение жизни. Реализовать все свои возможности к ощущениям, что и есть субъективно жить в отпущенную природой силу.

Кого возлюбят боги, тому они даруют много счастья и много страдания. То есть: чем больше человек наделен жизненной энергией – тем больше положительных и отрицательных ощущений за жизнь потребно ему.

12. Разум

Казалось бы, разум должен предостерегать человека от отрицательных ощущений – коли они человеку не нравятся. Если разум это делает – почему человек не слушается разума? Если разум этого не делает – почему не делает?

Но. От природы человек наделен не разумом, а лишь способностью к разуму. «Синдром Маугли» свидетельствует: если младенец попал к животным и вернулся к людям после пяти, а тем более десяти лет – он навсегда остается животным, пусть умной дрессированной человекообезьяной.

Зато скакать на четвереньках, спать на земле в холод и жрать коренья и сырое мясо он может сверх пределов организма обычного человека. Вот на это и пошел ресурс его адаптационной энергии, значительно бóльший, чем у любого другого животного.

Что такое «разум»? Есть две группы определений: как способность понимать, анализировать – и как способность организовывать действия; аналитическая и практическая функции. А – вообще, в принципе?

Ведь если сунуть младенца к волкам – вырастет не умнее волка. Где разум? И как же выделился человек «разумный» в животном мире?

13. Адаптационный ресурс

1. Человек отличается от любого животного тем, что диапазон его приспособительных возможностей шире. Биологически, физиологически шире. Перепады температуры, давления, влажности, разнообразные физические нагрузки, способность обходиться любой пищей и длительные периоды без пищи вообще – здесь человеку нет равных. Любое животное вписано в свой ареал, в нем оно выносливо и приспособлено, за его пределами – пардон, чужая ниша. Человек способен втекать и обосновываться в разных нишах. Экстремалы хорошо знают – человек вынесет то, чего не вынесет ни одна скотина.

2. Ни одно животное, как его ни воспитывай и ни дрессируй, не способно выйти за пределы своего вида. Кошка в доме останется кошкой, и т. д. Только человек – вот где будет младенец воспитан – станет, причем не только психологически, но отчасти даже физиологически (!) – (сырую рыбу переваривать, в снегу спать, на четвереньках скакать с невозможной скоростью) – тем животным, среди которых живет.

3. Ни одно животное не выходит за пределы действий, необходимых для простого выживания. Только человек совершает действия, избыточные с точки зрения простого выживания.

4. То есть: человек обладает избыточным энергетическим ресурсом, превышающим необходимый для гомеостаза, для вписывания в ареал, для сохранения особи и вида.

14. Избыток энергии

1. Если человек долгое время проводит в пещере или вообще в изоляции без возможности определять время суток, часов нет, солнца-луны нет, – его биологические сутки растягиваются. Всегда оказываются длиннее двадцати четырех часов – никогда короче. Организм заведен на земные сутки «с запасом», обладает энергией большей, чем для двадцатичетырехчасового цикла необходимо. В отличие от любого животного – они время выдерживают весьма точно, их «внутренние часы» согласованы с суточным циклом без запаса.

2. Крупный хищник может взять «за своего» человеческого детеныша. А травоядное не станет. Энергетический уровень хищника выше травоядного. Детеныша он в значительной мере воспринимает на уровне «запаха гормонов», биокаркаса, ауры. А вот аура человека очень мощна – почему хищники и предпочитают с ним не связываться вообще. Энергокаркас ребенка подобен энергокаркасу potentного хищника – хороший зверь для популяции вырастет, надо бы его вырастить – примерно так «рассуждает» инстинкт кормящей волчицы или кого там еще.

3. Избыток энергии человека имеет чисто физический аспект и аспект психический, повышенная активность центральной нервной системы. Вот в зависимости от условий формирования организма – этот избыток и принимает форму уподобления конкретному животному, что физически для человека жутко трудно, – или форму разума, направляясь на активизацию центров абстрактной деятельности центральной нервной системы.

Разум – это психическое оформление избытка (сверх жизненно необходимого) биологической энергии человека.

15. Игра

Сытое, отдохнувшее, в безопасности – животное любит поиграть. Имитирует ситуации жизни – охоты, погони, борьбы. Что это значит?

Оно «запрограммировано» на определенные действия и *хочет* совершать их, даже если сейчас, по реальности, они не являются физиологически необходимыми. Ублаготвори животное всем необходимым – и оно начнет совершать аналогичные действия «на автопилоте», при-

чем увлекается, его эмоциональный и физический аппараты включены – оно живет доступной ему жизнью на уровне ощущений и действий. Избыточных, никчемных (мы не про обучение щенков, мы про игры взрослых особей). Уровень энергетики, как субъективной, ощущений, так и объективной, действий, расхода физической энергии, – животному определен, задан в определенных параметрах.

В идеально льготных условиях существования животное тоже энергоизбыточно. Но – избыток его энергии не может вывести его за пределы деятельности его вида.

Играет и человек. Но этот может играть во что угодно. Избыток его энергии позволяет пещерному кроманьонцу с его физической организацией запускать космические корабли.

Из игры вытекает важнейшее положение. *Определяющим объемом деятельности сложного животного и тем паче человека является не простое удовлетворение жизненно необходимых потребностей – но психическая и физическая деятельность, соответствующая природному уровню энергетики организма.* Сделай ему безопасно, тепло, сухо, сытно – но потребность в ощущениях и действиях все равно останется. Этот субъективно запрограммированный механизм удовлетворения жизненных потребностей существует не вследствие потребностей – а как бы и с опережением, как бы и независимо отчасти.

Играю в охоту не потому, что хочу есть – а потому, что хочу ощущений и действий. Брюхо полно? – хочу ощущений и действий ради них самих, ради самого процесса.

Избыток энергии идет в избыточные действия – но доля энергии на действия необходимые и избыточные одна, и пусковой механизм потребности в ощущениях един.

16. Жизнь как действие

1. Объективно (как объекта, со стороны глядя глазами Космоса) жизнь человека – это сумма всех действий, совершенных им в течение жизни. То есть: всех, любых, малейших изменений, совершенных им в системе «я – окружающий мир».

2. Объективно человек – как и любое животное, но на более высоком уровне, еще шире – как любой материальный объект, но на еще более высоком уровне – *существователь*, то есть делатель (уже в силу существования), то есть *изменятель*.

3. Изменения, совершаемые мертвой природой, медленны, совершаемые жизнью – неизмеримо быстрее, совершаемые сложными животными – в космическом масштабе молниеносны, совершаемые человеком – ну просто потрясающе быстры. Рассыпание горы в песок, рост столетнего дерева и сборка автомобиля на конвейере.

17. Связь?

1. Можно создать человеку достоверную иллюзию богатой интересной жизни – и ему действия не понадобятся, ему они и так будут казаться. А можно просто дать кайф, и на фиг действовать. Но в среднем это не проходит.

2. Потому что человеку потребны в общем и среднем в с е, л ю б ы е ощущения, а большинство их связано с действиями.

3. Поскольку инстинкт жизни диктует реализовывать всю энергию организма, а психическая, ощущения в частности – это лишь один ее вид.

4. Человек действующий получает больше ощущений, чем человек не действующий.

5. Для наркотика и гипноза не нужны сила, ум и способности, они остаются нереализованы – что в среднем противоречит стремлению к самореализации как общей форме проявления базового инстинкта.

6. *Стремясь субъективно к максимальным ощущениям – человек стремится объективно к максимальным действиям.*

18. Роль разума

Вот механические колебания пластинки преобразуются в электромагнитные. Вот через усилитель и антенну они идут вокруг глобуса. Вот антенна на другом континенте их ловит, передает на усилитель, тот – через передающую антенну на другую принимающую, там опять усилитель, декодер, колебания превращаются в акустические, человек складывает звуки в фонемы и переводит их в условные образы – и вопит от счастья! прыгает! Что? Это в Австралии десять бугаев пнули кожаный пузырь между двух шестов. Что ему пузырь, что ему радио? А ощущений в жизни прибавилось.

Разум прибавляет ощущений. И прибавляет действий, которые, в свою очередь, прибавляют ощущений.

Разум переводит ощущения в огромные действия – вплоть до водородной бомбы. А действия – в огромные ощущения: вплоть до инфаркта и смерти при известии о банкротстве фирмы, где твои деньги.

Собаке, лошади и обезьяне такие чувства неизвестны – столь изоощренные, по разным поводам, дифференцированные по оттенкам и интенсивности. Разум делает сферу ощущений богатой необыкновенно – т. е. человек живет очень полной жизнью.

19. Кнут и пряник

1. Чего бы человек ни хотел добиться, свершить, получить – он хочет счастья. Это состояние психологически связано у него не с изменением своей внутренней сущности, а с изменением мира в своих интересах.

2. На уровне ощущений человек хочет кайфа, а разум ему подсказывает, как и что ловчее сделать, да побыстрее, да полегче, да помасштабнее, чтоб быть счастливым. Он и пашет.

3. А вот – непонятно, что хотеть для кайфа. Уровень понимания ситуации и уровень амбиций примерно совпадают. И тогда подлое подсознание, «тайная полиция разума», приказывает: делай так, чтобы страдать. Или страдай здесь и сейчас. Зачем?! Молчать и исполнять! А циничный «пресс-атташат разума» говорит: ах, как ты страдаешь, надо выбираться из этого положения, бедный! И человек опять пашет – чтобы избавиться от страдания. А разум ему подсказывает пути действия по этому избавлению. Врага убить или гениальное открытие сделать, тем миллион срубить и любимую покорить.

4. Счастье и страдание удовлетворяют потребность человека в максимальных ощущениях – и положительных, и отрицательных, что и есть полнота жизни.

5. А одновременно они заставляют его изо всех сил действовать: или достигать одного – или избавляться от другого. Совершать максимальные действия. Что и есть – объективно – полнота жизни, которая инстинкту жизни и требуется.

6. А разум крутится между чувством и действием, как трансмиссия, проводник, мультипликатор, декодер. Осуществляет связь между максимальными ощущениями и максимальными действиями, превращая одно в другое.

20. Глобальный эволюционизм

Вся субъективная и объективная деятельность человека совершенно соответствует и лежит в русле общей эволюции Космоса, которая сводится к усложнению материально-энергетических структур, повышению энергетического уровня материальных систем, и от начала Вселенной развивается с положительным балансом, в увеличивающейся прогрессии.

1. Человек стремится к максимальным ощущениям каким ни попадая, стремясь испытать все – но в среднем, в результате, как вид, стремится к таким ощущениям, которые связаны с производством максимальных действий.

2. Человек стремится к максимальным действиям каким ни попадая, вот какие сейчас лично ему, или стране, или цивилизации, больше подходят по всей совокупности обстоятельств – они и созидательные, и разрушительные, и бессмысленные, и вредные, и полезные, – но в общем и среднем для человечества оно стремится ко все большим действиям созидательного характера, наращивающим мощь и возможности человечества. Социальная история как частный вид эволюции в конце концов всегда отбирает из всех действий те, которые развиваются дальше во все более значительные преобразования мира.

3. Максимальное конструктивное и максимальное деструктивное действия равны по величине и противоположны по знаку. В идеально удаленной временной перспективе Максимальное Действие, которое возможно – это уничтожить Вселенную и создать Вселенную. Схлопывание Пульсара в новый сингуляр и новый Большой Взрыв.

4. Овладев огнем, человек задействовал внебиологическую энергию вещества. Овладев термоядом – уже ядерную, звездного типа, энергию вещества.

5. На шкале принципиальных возможностей путь от палки-копалки и каменного рубила до водородной бомбы, телевизора и космического корабля – длиннее пути от последних до Большого Взрыва.

6. Разум – это способность при минимальных расходах собственной энергии организовывать и запускать процесс с вовлечением в него и преобразованием *принципиально не ограниченного* количества энергии окружающего Космоса.

22. Человек

Человек – это двухуровневая система, существующая субъективно на уровне ощущений – и объективно на уровне действий.

Суть человека – как можно больше чувствовать и как можно больше делать, для чего приходится как можно больше думать.

примечание

Некоторые из вышеизложенных моментов подробнее освещены в части первой, главы вторая и третья, книги «Всё о жизни».

Космологическая составляющая

1. За неимением лучшей на сегодняшний день теории происхождения Вселенной принимаем генеральную – теорию Большого Взрыва, сингулярную. Расширение пространства из единой точки концентрации всей энергии.

2. Под энергией понимается способность (возможность) к совершению любых действий (изменений) на любом уровне (микро-, макро-, мега-) во Вселенной.

3. На сегодняшний день физика склоняется к тому положению, что физический вакуум не есть абсолютная, идеальная пустота, но обладает определенными креативными возможностями, т. е. также обладает энергией.

4. Между Бытием в материалистическом значении этого понятия и Энергией может быть поставлен знак тождества. Строго говоря, все, что есть – обладает энергией и само является той или иной формой энергии. Бытие – это Энергия. Все сущее – «агрегатные состояния», «реинкарнации» Энергии.

5. Расширение Вселенной сопровождается ростом энтропии, понижением энергии.

6. По мере этого процесса часть энергии «стремится» избежать энтропии и «консервируется» в материальные структуры, от субэлементарных частиц до простейших атомов, и далее до молекул и молекулярных образований. В принципе этот процесс носит обратимый характер: содержащаяся в материи энергия может быть высвобождена из молекулярных и атомных связей и превращена в теплоту, излучение.

7. Превращение энергии в звездное вещество и дальнейшее превращение звездного вещества в излучение – суть энергоэволюция.

8. Вся история Вселенной – это энергоэволюция. Излучение – материя – излучение.

9. В процессе этой эволюции энтропия нарастает, и остаются «косные останки» – материальные объекты, внутренняя энергия которых «законсервирована намертво» и выпадает из цепи дальнейших энергопреобразований. Бывшие звезды, превратившиеся в «черные дыры», и остывшие до температуры окружающего пространства планеты погасших звезд. Из них уже «ничего не сделаешь».

10. Если считать Вселенную закрытой системой, логично принять теорию тепловой смерти Вселенной.

11. Представляется понятным, что в этих рамках галактики и все внутригалактические образования есть открытые системы, системообразование которых происходит за счет отъема энергии из окружающего пространства.

(Пример. Километровый стеклянный куб с воздухом, на дне которого – глиняный кувшин с водой. Температуры воздуха, воды и глиняных стенок одинаковы. Равновесная закрытая система. Делаем стенки кувшина пористыми. Просочившаяся водяная пленка испаряется со стенок в воздух, отнимая энергию, необходимую для перехода в парообразное состояние, прежде всего у воды в кувшине. Вода в кувшине становится холоднее окружающего воздуха. Энтропия системы повышается вследствие равномерного смешения молекул воды и воздуха в одном объеме. Но одновременно и «локально» повышается энергия системы «воздух – вода-в-кувшине»: возникает разница температур и возможность совершить «работу» по переносу теплоты от воздуха к воде. За счет собственной энергии закрытая система превратилась из равновесной в неравновесную.)

12. А можно представить себе Вселенную и как открытую систему. Если допустить ноль как сумму двух равных чисел с противоположными знаками. То есть пустота условно способна делиться на плюс единицу и минус единицу. Тогда возникновение любой частицы в системе «уравновешивается» возникновением античастицы в зеркальной антисистеме. Одна система

получает энергию, одновременно и тем самым отдавая равную меру антиэнергии зеркальной антисистеме.

Модель такой Вселенной можно уподобить двум равным телам в одном футляре: под одним освещением видим только одно тело, под другим освещением – только другое. Два пространства-времени с противоположными знаками. В одном «объеме», но в разных измерениях.

Для простоты можно уподобить модель гантели или песочным часам. Энергия и антиэнергия перетекают из одного сосуда в другой навстречу друг другу. Когда это разделение достигает некоего максимума – потоки идут в обратных направлениях: стадия расширения сменяется стадией сжатия и схлопывания.

Модель симметричной Вселенной.

Модель зеркальной Вселенной.

Но прокачка таких вещей – дело физиков.

13. Факт в том, что энергоэволюция нашей Вселенной идет по линии структурирования все более сложных материальных систем. Коротко говоря – от фотонов до клетки, от водорода до человека.

14. Энергия «запасается» в материи, но в принципе может быть высвобождена. (Аннигилируем материю. Излучим. Кинем в звезду.)

15. Энергия косного вещества планеты «законсервирована» прочно и сама собой не выделяется. Песок может лежать без движения, без всякого действия миллионы лет.

16. Живое вещество планеты преобразует энергию (вещества планеты и излучения своей звезды) со скоростью на порядки большей, чем вещество косное. Растения растут и размножаются, если мерить космическим масштабом времени, мгновенно. Животные, перемещаясь, мгновенно превращают ту же энергию в механическую; поддерживая температуру своего тела – в тепловую; роя норы – переформируют окружающую материю.

17. Энергоэволюция земной биосферы дает огромные скорости энергопреобразования.

18. Энергоэволюция косного и живого вещества планеты идет с разным балансом: косное остывает и теряет энергию – живое совершенствуется, накапливая в биосфере все больше энергии и преобразуя ее все активнее, быстрее.

19. С точки зрения содержания в веществе энергии – человек живой и человек умерший (в коме, без сознания, спящий) совершенно равнозначны. Все его клетки и атомы при нем.

20. Но с точки зрения энергопреобразования они, понятно, не равны. Безмозглая человеческая биомасса, совокупность клеток и органов, преобразует энергию лишь на уровне поддержания жизненных процессов в собственном организме: воздух, вода, пища – температура тела, сокращение сердца и легких, кишечник, печень, – продукты выделения. Живой человек – действует.

21. До человека биосфера запасала в себе все больше энергии – из Земли и Солнца. Суммарная энергия косного и живого вещества Земли возрастала.

22. С появлением человека процесс принял обратный характер. Человек выделяет энергию топлива (живой и умершей биомассы) – но принял уже и за ядерную энергию. Процесс энергопреобразования Земли поднялся на новый, качественно новый уровень.

23. В истории Вселенной как энергоэволюции человек является, таким образом, естественным и закономерным «высшим звеном». Может в считанные века, годы, минуты вышибить из вещества планеты столько энергии, сколько без него, природным образом, вселенским, не выделилось бы и за тысячи лет.

24. Консервация энергии в материю принимает, с появлением и участием человека, обратимый характер (там, где без человека он представлялся бы единственно необратимым). Мозговая работа – и ерундовое количество одного из изотопов дает взрыв водородной бомбы. А научно-технический прогресс отнюдь не завершен, и всех его достижений мы сейчас не можем представить.

25. В принципе – в принципе – человек является во Вселенной той системой, которая может придать всему процессу консервации вселенской энергии в материю обратимый характер. Подобная возможность представляется неизмеримо далекой, фантастической, исчезающе маловероятной – но подумаем о радио, телевидении, телефоне, лунных экспедициях, клонировании, водородной бомбе, реактивном лайнере: все это так недавно казалось невозможным, что для истории тыщонка-другая лет. Вектор человеческой деятельности направлен именно в эту сторону. Человек – чемпион по энергопреобразованию.

26. И человек прекрасно вписывается в теорию пульсирующей Вселенной и в теорию Большого Взрыва. Эволюция Вселенной – энергопреобразование. Жизнь – высшая, ускоренная форма энергопреобразования. Человек, высшая форма жизни, часть и порождение Вселенной, преобразует энергию с небывалой скоростью и не знает принципиальных пределов своим придумкам и возможностям. В человеке вселенская переструктуризация Бытия достигла высшего (из пока известных) уровня. Вся история человечества – переструктурирование окружающего Бытия во все больших масштабах, энергопреобразование окружающего Бытия на все более высоком уровне.

27. Человек – на генеральной линии развития – единственное животное, никогда не находящееся в гомеостазе, неравновесное с окружающей природой. Ему потребно переделывать все, среди чего он живет. Это определено его энергоизбыточностью по сравнению с остальными животными. Вектор человеческой деятельности направлен в сторону максимальных действий, максимальных переделок, максимального энергопреобразования окружающего Бытия. (Любое действие есть энергопреобразование.)

28. Максимальное Действие – это Большой Взрыв. Выделение всей энергии Вселенной из всего вещества (материи) Вселенной, уничтожение Бытия и одновременно – рождение Нового Бытия.

29. Человек как антиэнтропийный механизм Вселенной. Антиэнтропийный противовес-предохранитель. Такой микроскопический «толкатель маятника», который без него может зависнуть в крайней точке. Такое устройство, чтобы вышибить обратно энергию даже из черных дыр. Чтобы взорвать и схлопнуть (вариант «объемного взрыва») даже всю совершенно уравновесившуюся и остывшую пыль по всему пространству материю Вселенной. В точности это предсказать невозможно – все научные теории базируются на условном математическом аппарате и трактовках косвенных наблюдений. Но что-нибудь в таком духе.

30. Сколько человечеств во Вселенной? кто знает это сегодня. Но суть одна – мы переструктурируем бытие и преобразуем энергию, и принципиально мы в этом чемпионы. Человек – как могильщик и повитуха Вселенной.

Бытие-внутри-нас и Бытие-вне-нас

1. Эти понятия близки кантовским «вещи, явленной нам» и «вещи самой по себе», но не адекватны им.

2. С объективной точки зрения: если все человечество вдруг испарится – то весь прочий материальный мир останется. Не только мертвая и живая природы, но и творения рук человеческих: постройки, машины и т. д. Познал это человек или не познал, он это создал или без его участия возникло, что он по этому поводу думал – не важно. Вся энергоматериальная совокупность Бытия вне человека – это и есть Бытие-вне-нас.

3. Познает человек Бытие через органы чувств и размышление, и все познанное размещено в его сознании (и подсознании, и над-сознании, но эти подробности структуры сознания нас сейчас не интересуют). Человек имеет дело не с «вещью самой по себе» (более традиционен перевод менее точный: «вещь в себе»), а с «вещью, явленной ему». Иначе: человек имеет дело не с миром, каков он на самом деле до своей «первоистины», а со своим представлением об этом мире. Немцы в этом давно и хорошо разобрались.

4. Наше рефлекслирующее сознание не может провести четкую грань между внешним, объективным миром, каков он на самом деле – и своим представлением об этом мире. Хотя сознание понимает, что разница все же существует. Мы понимаем, что наше сознание не исчерпывающе, не адекватно, не на всех уровнях имеет представление о предмете: что там за орбиты электронов, к примеру, что там за кристаллические решетки, что там за излучения за порогами нашего цветового восприятия – можно только теоретизировать и моделировать.

5. Вот представляемое в нашем сознании Бытие и есть Бытие-внутри-нас. Но не только.

6. Сознание – в некотором смысле отдельный и самостоятельный феномен, высшая психическая составляющая человека, собственно и позволяющая ему быть тем, что обычно называется личностью. И сознание, среди прочего, занимается некоторыми вещами, не имеющими никакого прямого и конкретного отношения к энергоматериальному Бытию-вне-нас. Например, сочинение стихов. Поэзия возникла раньше письменности, и материальные информационные носители для нее не обязательны. Испарилось человечество – испарилась вместе с мозгами и поэзия. А ведь для поэтов и любителей поэзии она была важной частью мира – их внутреннего Бытия: за нее бедность терпели, от счастья млели, инфаркты получали.

Кончилось человечество – нет больше морали. Вся живопись превратилась в наборы прямоугольных кусков ткани с нанесенными цветовыми пятнами, и да Винчи ничем не лучше мазни ослиным хвостом. Музыка стала бессмысленными грудями инструментов и звуконосителей. Науки – черные черточки на белых бумажках. И так далее. Не говоря о бухгалтерских отчетах и биржевых сводках. И все это было Бытием-внутри-нас.

Наш внутренний мир – не только отражение внешнего, он имеет и собственные области, нематериальные, имеющие смысл только для сознания, более того – существующие только неразрывно с сознанием и в сознании.

Сознание создает условные величины и структурирует их в системы. Люди оповещены об этих системах условностей, и они являются общими (общепринятыми) для группы, народа или всего человечества. И люди напрягают мозги и испытывают массы положительных и отрицательных эмоций, пытаясь понять социологическую статью или балдея от романа модного автора. И условный д'Артаньян оказывается для людей куда реальнее, чем живший в его время всамделишный, но давно забытый всеми человек.

А поскольку главное для человека – это получать максимальные ощущения, то ему в общем все равно, получать их от окраски забора нарядной краской или от чтения «Трех мушкетеров». Инженер строит супермост, а поэт пишет суперстих, и оба потеют от счастья созидания. И для обоих их труд равно важен и значим.

Бытие-внутри-нас – не только отражение реального внешнего Бытия-вне-нас, но и плюс совокупность всех идеальных, нематериальных, условных ценностей, представлений и величин. Вся нематериальная часть культуры в самом широком значении термина «культура».

И поскольку мы не можем четко разграничить Бытие-вне-нас от Бытия-внутри-нас, то они для нас равно реальны и значимы. Более того: идеальные ценности могут возобладать над материальными, и человек предпочитает какую-то область Бытия-внутри-нас реальным земным благам из области Бытия-вне-нас. Типа: бедный, зато честный. Инвалидом стал, зато гений искусства. И пр.

7. В Бытие-вне-нас мы не все познали и никогда всего не познаем. Зато в Бытие-внутри-нас мы имеем то, чего в Бытие-вне-нас может и вовсе не быть. Ну, нет, скажем, в природе Поэзии или морали.

8. Ощущения связывают нас с Бытием-вне-нас. Гора высокая, хлеб вкусный, дождь мерзкий, дом теплый – тут тебе и хорошо есть, и плохо. Ощущения связывают и с Бытием-внутри-нас: какая музыка, плакать хочется и радоваться хочется.

9. Разум также направлен на взаимодействие с обоими видами бытия. Придумать и сделать трактор для вспашки поля – придумать семитоновую музыку и масляные краски.

10. Мы подошли к главному.

Что делает человек с окружающим миром? Переделывает. Переструктурирует. Переструктурирует Бытие-вне-нас.

А что он делает с Бытием-внутри-нас? Он его также структурирует. Делает и переделывает.

Но будем точнее.

Имея дело непосредственно только с Бытием-внутри-нас, человек его и структурирует. Во всем его объеме. Делатель и изменитель – суть и функция человека. А вот уже Бытие-внутри-нас может совпадать с Бытием-вне-нас, а может и не совпадать. Для человека это не так важно. Все дело в профессии.

Конечно, сначала все-таки надо выжить и приподняться. Жилище устроить, пищей обеспечить, семью охранить. Решить потребности первого порядка. (Но это – в историческом плане. А в личностном плане – за научную идею можно и на костер.) А когда цивилизация приподнялась:

И артист (лицедей! ничего в мире не создает!) – оказывается богаче и прославленнее боевого маршала, не говоря о гениальном инженере или вообще трудяге-фермере. Каков конкретный след артиста в мире? Ноль. А в сознании людей? Ого! И это оказывается важнее.

Идеалисты говорят о божественной сущности искусства. Это Майкл Джексон – божественная сущность? Тогда говорят о шоу-бизнесе. Но чтоб был бизнес, люди должны придавать значение шоу. А для этого есть реклама и пиар-технологии. Но все это – технические подробности.

А мы рассматриваем все с точки зрения эволюции Вселенной. И для этой эволюции не только Майкл Джексон, но и сам Шекспир по большому счету не важны. Они никак не переделывают Бытие-вне-нас.

Если отрешиться от Бога – зачем Вселенной Шекспир?

Вселенной – ни за чем. Вселенной надо, чтобы люди перелопачивали материю – сначала Земли, потом – до чего доберутся. Но для этого человеку нужно сознание. А в сознании пребывает Бытие-внутри-нас, которое мы не можем отграничить от Бытия-вне-нас. И мы перелопачиваем Бытие-внутри-нас – все, сколько есть. Цезарь, Шекспир и Ньютон у нас проходят по одной весовой категории: великие люди. Один завоевывал мир и создавал империю, другой писал пьесы, ставшие частью нашего внутреннего мира, третий открывал законы нашего внешнего мира. Без Цезаря нет цивилизации, а без нее ничего не будет; без Ньютона нет науки, а без нее дальнейшего перелопачивания мира не будет; а без Шекспира невозможно обойтись

нашему сознанию, у него свои законы, оно структурирует в своем Бытие-внутри-нас все подряд, и ему потребны сплетни, и поэзия, и размышления о душе людской. С «точки зрения Вселенной» Шекспир – это издержки производства. А с точки зрения поэта движение к Большому Взрыву – это издержки производства, а интересуется поэта прежде всего душа и поэзия.

Ну, сравнение: для уничтожения вражеской армии надо столько-то техники, боеприпасов и солдат. А солдатам нужны палатки, кухни и жратва. Плюс подарки к рождеству и письма из дому, иначе они могут снизить боевой дух и проиграть сражение. И вот для победы над врагом почтальон вроде не нужен – но необходим он по всей логике армии как системы.

Шекспир необходим сознанию как системе. Человек не автомат, по приказу Вселенную не переделает. Искусство – необходимая часть его сознательной деятельности.

Что бы человек ни делал – он структурирует Бытие-внутри-нас.

.....

Выражаясь сегодняшним языком:

Функционирование человека в процессе жизнедеятельности включает в себя переструктуризацию информационного поля.

Прием информации, ее переработка и как следствие реакция на эту информацию – это необходимый аспект существования любой системы.

Можно сказать, Бытие имеет информационный уровень – над-энергоматериальный, своего рода идеальный. Математический аппарат физики здесь особенно наглядный из примеров. Символическая констатация законов природы.

Семиотика занимается именно взаимосвязью человека и бытия через знак.

Что бы ни делал человек – он занимается переструктурированием информационного поля. То есть информация об окружающем мире.

Но. При развитом мозге человека. При огромном объеме памяти. При способности мысленно оперировать образами предметов в реальное их отсутствие. Человек способен отделять оперирование информацией от оперирования предметами. То есть:

За информационным полем может не стоять поля материально-энергетического. Человек мысленно перебирает планы, мечтает и т.д.

С эволюцией культуры возрастает информационное пространство, не имеющее актуальной связи с материально-энергетическим. По мере эволюции информационное поле человечества повышает уровень своей автономии. И переструктурирующий вербально-образный ряд поэт совершает в информационном пространстве большую работу, чем шахтер.

Надличностные ценности

Может показаться удивительным, но похоже на то, что до сих в аксиологии, «подфило-софской» науке о ценностях, не было выделено и не существовало самого понятия ценностей личностных и надличностных. Впрочем, эта подробность может интересовать только профессиональных изучателей философии.

Ценность – это то, чего человеку хочется, чем он стремится обладать, чему придает значение, что ему нужно, от чего он получает любого рода удовлетворение, ради чего согласен добровольно трудиться, преодолевать препятствия и терпеть неудобства. Дорожит этим, неравнодушен, имеет в виду, не отмахивается.

Подразделов здесь куча: ценности моральные, социальные, материальные, физиологические, психологические, можно набрать еще. Деньги, слава, власть, здоровье, любовь, покой, уважение; добро, честность, благородство; приключения, познание, творчество. И т. д.

Личностные ценности – это чтобы личности было хорошо. Отношение к ним потребительское. Это человек хочет и делает во имя себя самого. Можно перечислить:

- материальные блага;
- физические и физиологические;
- чувственные (разнообразно);
- социальные (карьерные);
- престижные;
- профессиональные;
- эстетические;
- творческие;
- интеллектуальные,

– можно выделить больше, можно каждый пункт развернуть, но все и так понятно.

Эти ценности (вещи, занятия, качества, достижения) обогащают жизнь, разнообразят ее, украшают, делают полнее и лучше, интереснее. Но. Но. Жизнь дороже них. Ориентация на них – или эгоистична, направлена на себя и для себя, – или вторична, является средством для достижения большей (субъективно) ценности: сколотить миллион и совершить подвиг – чтобы добиться любви и славы.

Личностная ценность находится в подчиненном отношении к жизни индивидуума. Она для жизни, а не жизнь для нее. Во главу угла поставлены счастье и благополучие индивидуальной личности. Ради личностной ценности можно пожертвовать даже многим, но в результате тебе все равно должно стать лучше и благополучнее.

Но есть ценности, которые жизни конкретного индивидуума могут противоречить. Вопрос: что это за ценности, и второй вопрос, более существенный – на фига такие ценности человеку нужны?

(О морали мы сейчас говорить не будем – см. главу «Мораль» в книге «Всё о жизни».)

Есть надличностные ценности биологического порядка – видовые, групповые, семейные. Кабан-секач выходит навстречу хищнику, чтобы защитить семью со своим потомством, самцы-шимпанзе бросаются на тигра, если это поможет скрыться стаду с детенышами. Короче – вооруженный самец готов пожертвовать собой в борьбе с врагом, чтобы его семья (род, племя, вид, генофонд) продолжилась. Тут все просто и целесообразно. Жертва собственной личностью ради выживания вида. У человека то же самое. Понятнее всего – мать жертвует собой ради детей. Дети как надличностная ценность.

Но есть ценности куда менее внятные, целесообразность которых так просто не просматривается.

Любовь. Вот две семейные пары, идиллически ладящие. И вот злой рок (измена, охлаждение, катастрофа, война, преступление) их разлучает. Один муж (берем мужчину как более активную сторону) огорчается сильно, переживает, утешается, женится на другой и живет с ней не хуже. Другой сходит с ума, смириться не может, убивает ее, или вешается сам, или то и другое. Или горюет всю жизнь бобылем, предаваясь воспоминаниям. Поведение первого целесообразно, второго – отнюдь. А ведь именно его чувство оказалось сильнее, именно он любил. Пока все было благополучно – разнице в силе чувства не в чем было проявиться. Разница высветилась в экстремальной ситуации.

В первом случае – жизнь главнее любви, любовь в нее входит как хорошая, желаемая, комфортная, важная ценность – составляющая. Во втором – любовь получается главнее жизни, дороже, жизнь подчинена ей. В первом человек любит ради себя, себе во благо, во втором уже как бы и не известно, во имя чего: эта некая абстрактная «любовь» оказывается ценнее его жизни, стоит выше интересов собственно его личности.

И вот в этом втором случае человеку склонны многое прощать. И даже складывать о нем легенды, баллады и мифы. И в некоей табели о рангах ставят его безоговорочно выше первого. Ибо у него есть то, чего у первого нет. Высшая ценность, которая выше жизни. По сравнению с ним – первый недочеловек. Обделили его боги высокой душой.

Любящий готов на все на свете. Уподобляющийся любящему – не готов. Чувство не то, стимул не тот – ценность не та. Любящий крупнее, сильнее, значительнее, перевернет горы и пожертвует собой. Может быть слаб, неказист, неумен – но нутром крепок.

Нелюбящий ограничен объемом своей шкуры. Любящий не ограничен ничем, кроме предела всех своих возможностей, и этот предел может отодвигаться любовью удивительно далеко.

Нелюбящий есть не более, чем он сам. Любящий есть более, чем он сам. Он подстегнут и причастен к большему, чем он сам. Да он существо более высокого порядка. Он первосортен по сравнению с второсортным, который не способен так любить.

Его уважают и ему завидуют. Даже если жалеют и посмеиваются. В его жизни больше горя, но и счастья может быть больше. Он являет свое превосходство. Он обладает ценностью большей, чем он сам.

Предательство. Предателей используют, но не уважают – а почему, собственно? Мало того, что он, допустим, принес много пользы – он может быть храбр и силен; и более того – он мог предать своих по убеждению, а не из шкурных интересов. И все равно – клеймо.

Предатель «отстегивается» от своей системы, с которой был связан – присягой, честью, клятвой, кодексом: доверием. Система имела его за часть себя, и он таковой частью являлся.

Человек системы больше себя самого и имеет ценности дороже себя самого со своей единственной жизнью. предав, он являет: я не таков, я индивидуал, ваших системных ценностей у меня нет. И тут же и тем самым обнаруживается как человек второго сорта.

Предатель не обладает надличностной ценностью – вот у прочих в обеих армиях она есть, а у него нет. Поэтому врага можно ненавидеть, но и уважать – а его нет, и даже самый зачуханный солдатик может коситься на него с презрением.

Отсутствие надличностной ценности умаляет человека.

Надличностная ценность означает обладание бóльшим, чем собственно твоя жизнь.

Если личностная ценность – составляющая жизни, то жизнь – составляющая надличностной ценности.

Жизнь выступает в подчиненном отношении к надличностной ценности. «Нечто» оказывается выше, дороже, ценнее жизни – хотя вернее сказать, что с жизнью оно, конечно, неразрывно, но и жизнь-то воспринимается как данная для того, чтобы сделать, достичь, обладать этим «нечто».

Вариант: вот два юноши жаждут денег и славы и решают стать писателями. Выражаясь бытовым языком, «решают попробовать свои силы в литературе» – но это пошлое выраже-

ние применимо только к тому, кто готов бросить это занятие, если не получается. Не так уж больно и нужно. Можно стать телезвездой, или банкиром, или менеджером. Могут быть удачи, они приносят удовлетворение, они так обогащают жизнь, и вообще это интересное занятие, и «писателя-раз» не покидает чувство удовольствия от того, как он интересно и неплохо живет. Литература для человека, а не наоборот.

Второй упирается рогом. Неудачи ему нестерпимы. Он готов пахать как карла, что и делает. Прочие ценности отступают на второй план. Он гробит здоровье и проигрывает в деньгах. Он не согласен писать абы что ради успеха, он жаждет довести творчество до уровня некоего представляемого им себе идеала. Он говорит себе: «Сделаю или сдохну». Если он полагает, что написал то, что хотел, никакая критика его самооценки не поколеблет. И оказывается, что не литература для него, а он для литературы, и он не просто занимается делом, оказавшимся любимым, но и, выражаясь высоким штилем, служит этому делу.

Самое забавное, что у первого может получаться иногда даже лучше, чем у второго. Но ценности у них разного порядка: личностная и надличностная. Старое «любить искусство в себе, а не себя в искусстве».

Но искусство относится к тем вещам, которые забирают человека целиком, а дело любит профессионалов, и практически всегда, практически всегда добравшийся до вершин человек обнаруживает, что его дело стало для него надличностной ценностью. Он, может, и сам не собирался ему служить, но вот развил энергию и направил ее дальше и за пределы себя самого: стал больше себя самого, и вне своего дела как-то уже и сам себя не воспринимает.

Наличие надличностной ценности – знак качества на человеке. Марка высокого дома. Она означает: этот больше, чем просто он, он лишь видимая часть ого-го чего.

Если пытаться классифицировать, надличностные ценности могут быть:

семейные;

групповые;

национальные, государственные, этнические;

профессиональные;

религиозные;

общечеловеческие; – к ним очень близки

моральные;

творческие; – они же в широком смысле

созидательные.

То есть – о-па: надличностная ценность – это системообразующий фактор. Обладание ею подключает человека к системе и в систему – будь то группа, народ, религия, наука или искусство. Не сам по себе, но часть целого. А в системе человек развивает большую энергию и больше делает.

Обладание надличностной ценностью удовлетворяет потребности человека в максимальных ощущениях и максимальных действиях. Система – она тебе нервишки напряжет и крутиться заставит – на пределе твоих возможностей и за пределами тоже.

Идеал надличностной ценности – это Бог. Всемогущий, всеблагий и всеобъемлющий, которого верующий причащается.

Надличностная ценность – это дело, которому ты служишь, если выражаться самым простым образом.

Надличностная ценность – это то единое с тобой, что больше тебя. Можно и так сказать.

Поиск смысла жизни – это, строго говоря, стремление обрести надличностную ценность высшего порядка. Человеку присуще стремление осознавать свою жизнь как часть чего-то большого, общего, безусловно хорошего и нужного.

Самопожертвование – показатель наличия надличностной ценности.

Естественный вопрос: а если человек гробит себя, и осознает это, ради денег, барахла, личной карьеры? Переходит ли от этого личностная ценность в ранг надличностной? Бандюк идет под дулю конкурента ради дохода – это что, стремление к надличностной ценности? Нет – профессиональный риск. Рассчитывает все же и на жизнь с удачей, и на бабки. А вот благородный мститель, идущий под пулю бандюка без всякой корысти, а из чувства и идеи, надличностной ценностью обладает: справедливости жаждет.

Надличностная ценность может приносить житейскую выгоду, но не может быть предметом потребления. Ты для нее, а не она для тебя. Казалось бы, так.

Хоп: банкир пашет по пятнадцать часов в сутки, служа своему капиталу, и умирает от инфаркта, если банк лопнул, хотя деньги на жизнь у него остались. Личностная ценность достигает силы и уровня надличностной.

И что это доказывает? Что человеку потребны надличностные ценности, и за их отсутствием он поднимает до их значения личностные. Потому что в общем твои бабки никому, кроме тебя, хорошего не приносят.

Если тебе нечему служить – ты будешь служить тому, что должно было служить тебе. И смысл это будет иметь только для тебя, и ни для кого больше. Вот и прет бандюк под пулю.

Основные функции надличностной ценности примерно таковы:

обеспечение максимальных ощущений;

стимул к максимальным действиям;

стимул к полноте самореализации и самоутверждения;

импульс к системообразованию.

Объединение в народ и государство, оформление общности религии и этики – имеют психологическим основанием потребность человека иметь нечто большее, чем нужно для личного потребления, что позволит ощутить и осознать себя как часть единого общего: это дает человеку ощущение своей силы и значимости большее, чем он может иметь «сам по себе». Тогда он воспринимает собственную жизнь не как конечное индивидуальное, но как неотъемлемую часть мощного и бесконечного общего потока. То, что происходит с другими, и то, что будет происходить после него, начинает иметь к нему кровное и прямое отношение.

Следует упомянуть также о всевозможных табу – отрицательных, негативных надличностных ценностях, без которых невозможно структурирование никакого социума.

Размывание, ослабление, уменьшение надличностных ценностей говорит о снижении энергетики этноса и угасании. Подъем их – соответственно о подъеме этноса: патриотизм, фанатизм, самопожертвование, экспансия – объединяют народ и гарантируют завтрашние успехи.

Надличностная ценность представляется главным психологическим показателем социальных процессов.

Предварение второе

Агрессия и эволюция

1. Представим себе темпераментного человека. Можно – пародийного итальянца из кино. Он бурно жестикулирует, много кричит, легко возбуждается и горячий любовник. Часто ссорится!

Теперь возьмем эскимоса. Немногословен, скуп в движениях и эмоциях, не склонен к восторгам и вражде, размеренно-небыстр.

А сейчас Хозе зарежет Бизе, в смысле Кармен: в порыве страсти схватит наваху и вонзит в бок: люблю! потаскуха! так не доставайся ж ты никому! И пойдет сдаваться в полицию: вяжите меня, люд католический, я убил. Так этот Хозе скорее испанец или скорее эскимос? Разницу в темпераментах чувствуете?

Оскорбленный корсиканец убивал врага в спину из засады. Ну, чтоб вернее, а то в честном поединке, неровен час, он тебя же и уконтропупит. Оскорбленный вотяк, мстя врагу, вешался на его воротах. А вот пусть его совесть замучит и осуждение людское. Как вам темпераменты?

Романские народы имеют великую историю и создали великую культуру. Эскимосы и вотяки – этносы реликтовые, еле тянули борьбу с суровой природой на туземном уровне и были потом подключены к великой цивилизации, которой не создавали.

Темпераментный – активнее любит и ненавидит, возбудим, легче входит в состояние аффекта, и в этом состоянии аффекта легче и чаще может убить.

Связь между темпераментом и агрессией вполне наблюдаема. Латиносы, негры и арабы. Больше всего убивают в Йоханнесбурге. Не суйтесь в цветные кварталы. Американские тюрьмы заполнены неграми.

В Бразилии могут убить за футбол. Понятна ли вам темпераментность и агрессивность чеченов или грузин? Нет? А вы где живете, к вам приехать можно?..

2. Что есть темперамент? Повышенная возбудимость, нервная система сильная неустойчивая, холерик.

В единицу времени темпераментный человек может дать бурный выплеск энергии. Его психика, центральная нервная система, дает мощнейший очаг возбуждения. Адреналин брызжет, глюкоза расщепляется, антикоагулянты впрыскиваются, он сейчас повыдергивает столбы! глаза налиты кровью! не подходи – убьет! Отойдем, нет вопросов.

То есть. Темпераментный человек – это энергичный человек. Но, может быть, не всегда, а – *неровно энергичный*. Пики энергии чередуются с нормальным ровным уровнем. Или далее со спадами.

В состоянии сильного возбуждения темпераментный человек может сворачивать горы, ворочать камни, пробивать стены головой, а также отрывать головы врагам.

В состоянии гнева темпераментный человек способен перебить посуду, переломать мебель и гонять семью оглоблей вокруг дома, попутно повыдергав любимый сад. Его буйная энергия, приняв разрушительное направление, требует погрома и разгрома!

3. В веселые времена 8 – 9 веков от Р.Х. вся Европа боялась норманов – а норманы боялись берсерков. Одержимый воин, грызя щит и пуская пену, бросался в бой как... как хрен знает кто! только разбегайся! Ярость дикая, сила немереная, реакция нечеловеческая, – и абсолютное бесстрашие. Их держали как спецназ. Ими гордились. Они шли один за двадцать.

Интересно было бы подсчитать, мощность во сколько лошадиных сил выдавал берсерк в бою. Это была уже не агрессивность – это была слепая смерть всему окружающему!

4. То есть. Можно сказать:

Акты агрессии совершаются в состоянии повышенного энергетического режима.

Продолжая:

Акты агрессии чаще и вероятнее совершают люди более склонные по складу своей психики к мощным возбуждениям психики и выплескам энергии.

5. Степ бай степ. Ползи, улитка. Медленнее, последовательнее и проще уже невозможно:

Энергичные люди склонны к агрессии больше неэнергичных.

Для агрессии нужна энергия – чтоб драться. Для агрессии нужна уверенность в своей силе – не то подумаешь, что он-то скорей тебя пришибет. Для агрессии нужно возбуждение – чтоб особенно-то вообще не думать о последствиях, а бросаться в драку!

Вялому не до агрессии – ему б полежать тихо.

6. Что есть агрессия?

Агрессия есть неспровоцированное силовое воздействие на внешний объект.

Какова объективная цель агрессии?

Изменить положение вещей в свою пользу. Это – мотив.

Какова субъективная цель агрессии?

Разрядить нервное напряжение. Реализовать энергию. Самоутвердиться. Испытать положительные эмоции и сильные ощущения. Это – немотивированная агрессия.

7. Объективные цели достигаются через субъективные желания.

8. Если взять бойца, кормить исключительно вареной капустой и заставлять по двадцать часов в день таскать мешки. Он будет агрессивный? Или он будет бессильный? А если заставить еще кровь сдавать – пол-литра в неделю? А если он еще дизентерией заболеет?

Снижение энергетического уровня ведет к снижению агрессии.

Или:

Агрессия есть показатель высокого энергетического уровня.

Или:

Агрессия есть аспект энергетической деятельности человека.

9. Как спросил один воспитанный меньшевик про одного яростного большевика на 2-м Съезде РСДРП: «Вы его что, сырым мясом кормите?» Вы уже чувствуете связь поступления энергии с уровнем агрессивности.

Бойца надо кормить! И бойца надо злить. Это знали всегда все хорошие командиры. То есть: поддавать энергии физической и психической, поддавать калорий и нервного возбуждения.

Повышение уровня энергетики ведет к повышению агрессии.

Вот мы с самого начала подбирались к этому пункту. Про темпераменты, про вялость, про аффекты.

(Примечание. Я бы не разжевывал все так подробно и последовательно, что оно начинает напоминать пересказ учебника для умственно несовершенных. И! – умственно несовершенные действительно начинают принимать это за пересказ учебника! Автор преуспел в простоте изложения более, чем сам ожидал! – Если бы в хороших книгах умных биологов, хорошо знакомых с философией, не встречал несколько даже странного непонимания взаимопричинности излагаемых фактов. Видимо, их мозги были заняты другим, и их открытия делались в других направлениях.

Принимать простоту формы за простоту содержания – характерная черта амбициозной образованщины.)

10. Однако низкоэнергетичная змея агрессивна больше, а высокоэнергетичный слон агрессивен меньше. Иллюзия! Слона обходят стороной, а змея сильно защищается и кушает. Необходимо уточнение.

Вот мы повысили существу энергетику. А внешние условия изменили так, что ему для жизни-то энергии еще больше требуется. И оно, несчастное, еле дышать будет. Уровень энергетики малодостаточен для условий жизни.

А вот взяли команду людишек и сунули в лес на работу бригадой. Пашут, устают. А вот дали им еды больше, а работы меньше, и сон дольше. Они стали вырезать фигурки в свободное время, мастерить полочки и т.п. Это что? Это съем энергии на деятельность: легкое и добровольное преобразование окружающей среды в приятных и – в потребных! – человеку формах. Потребность у него такая – заняться чем-то.

А теперь сунули их всех в камеру. И строго лишили любых занятий. Не мастерить! Не читать! Не играть!

Уровень агрессивности зэков в камере – это что-то страшное. Убьют за слово лишнее! Изуродуют – для развлечения!

(Мы не будем сейчас и здесь говорить о самовоспроизводстве страшной русской тюремной культуры и ее влиянии на поведение. В другом месте – обязательно.)

Мы не будем сейчас и здесь говорить о структуризации групп в жутких колымских лагерях, где люди мерли с голоду и холоду, но агрессивность свирепствовала (правда, у неголодавших воров и охраны, а не доходяг). Это тоже в другом месте.)

Мы будем говорить на более общем уровне.

Повышение энергетики резко сверх необходимого для выживания уровня ведет к повышению агрессивности.

Вот ради этой одной мысли и затеян весь разговор. Имеющий смысл именно как подходы и подпорки к этой мысли, выглядящей внешне и очень даже простой. Это для вас простой. А для сегодняшних ученых вполне сложной.

11. Ну милые же вы мои! Что есть проявление агрессии? Одна из форм взаимодействия с окружающей средой. Или, что то же самое, *одна из форм энергопреобразования среды через деятельность организма.*

И вот вы, ну не вы, ну природа, поддает человеку в пять раз энергии на кило. И он становится резко энергетичнее прочих сходных животных. И он становится энергоизбыточен, резко неравновесен с окружающей средой. Энергия реализации требует, выхода, действий! И в с его действия активизируются. Все его инстинкты делаются более мощными. Жрать! Совокупляться! Передвигаться! Охотиться! Рыться в земле!

Инстинкт внутривидовой агрессии усиливается вместе со всеми! Ну вот представьте себе воздушный шарик. И на его поверхности нарисована карта инстинктов. И вы надуваете шарик в пять раз. И территории всех инстинктов увеличиваются. И инстинкта внутривидовой агрессии в том числе.

Это, конечно, сильно упрощенная механическая модель. Но примерно так.

12. Подпрыг энергетики означает подпрыг эволюции. Поддача энергии в некую энергопреобразующую систему – означает подпрыг энергопреобразования этой системой. Повышение скорости энергопреобразования посредством этой системы.

То есть:

Повышение уровня энергопотребления и энергопреобразования локальной системой означает активизацию и ускорение эволюции в данном пункте.

Эволюция человека помчалась с повышением его энергетического уровня.

13. Энергетический уровень эволюции – это общий, базовый, всеохватный, принципиальный, определяющий. А уже проявляется его движение – через изменения на уровнях генома, молекулы, нейронных связей, клетки.

Биологический механизм эволюции есть материальная реализация энергопреобразовательной сущности эволюции.

Это конкретика. Это детализация. Это трансмиссия. Это передаточное устройство, передающее энергию взрыва пороха – через полет пули – в разлет головы жертвы.

Биологический механизм не первичен в природе и не конечен.

Энергия и косная материя были прежде него, – и энергия и косная материя в измененных состояниях получаются в результате его существования. Не надо терять этого из виду.

14. А теперь немного веселого – о каннибалах! Не пугайтесь – это наши родные предки. С людоедом, небось, каждый поладить захочет.

С подпрыгом всех инстинктов и порывов – у человека подпрыгнул и инстинкт внутри-видовой агрессии. Что означает: прочие скоты собратьев по виду до смерти редко убивают. Они меряются силой и ставят другана на место в иерархии стаи или гонят вон. И хищники не питаются собратьями.

Во-первых, человек питается всем. Вроде обезьяны и особенно свиньи. Наш мозг весьма похож на свиной. Свинья умна. Жаль, что острие ума направлено на жратву. Холощенный кабан сожрет даже собственные семенники. До этого человек не дошел, но собратьев жрал исправно. На всех древних стоянках – кости таких трапез.

Во-вторых, – как вам нравится это во-первых? Нынешние дикари в оставшихся дебрях тоже человечинкой не брезгают, но об этом не принято писать из политкорректности.

В-третьих, раньше чем съесть, во-первых, надо еще встретить, победить и убить. Внутри своего рода и племени не ели. Все-таки люди! Ели чужих.

То есть. Шла перманентная межгрупповая война. На уничтожение. И выживал сильнейший. И оставлял потомство. И расширялся на территорию, опустошенную от чужаков.

Естественный отбор был запущен на новую скорость. У животных более приспособленные особи оставляют более жизнеспособное потомство, и постепенно гены удачников заменяли гены вымирающих потихоньку неудачников. У человека – неудачник съедался в один присест, вместе со всем родом и племенем, как только удавалось привести их в форму кулинарного полуфабриката.

15. *Межгрупповой отбор в самой жестокой форме* – создал человека в считанные сотни тысяч лет. Что есть исторический миг.

С такой скоростью селекционер выводит новую породу собак. Ну, то есть селекционер быстрее. Но метод аналогичный:

потомство дают только удачники, неудачники уничтожаются.

Так что с наследственной гуманностью у нас все очень в порядке.

16. И когда голливудское кино кормит вас сладкими сказками о добрых и справедливых дикарях, над которыми зверствует свалившаяся на них бессердечная цивилизация, – получите удовольствие от зрелища, но плюньте на фотографию сценариста. Все они – кровожадные убийцы. Ах, какой ужас!.. Нет, они люди. Но дикари со всеми обычаями дикарей. Хотите пойти в народ? Посыпьте себя солью и перцем заранее.

17. Главное для нас что? Главное то, что выживало и размножалось не то племя, где самые здоровые бойцы, и только. Нет, бойцы нужны. Но первое и определяющее: *общая победительность* рода и племени в целом.

Физически – выжили самые сильные, храбрые, ловкие, осторожные, жестокие, беспощадные, выносливые и умелые. И – умные. Чтoб знать, с кем, когда связываться, а от кого когда драпать. И как лучше из засады пустить камень в темечко.

Но еще и прежде:

Выжили самые социально организованные. Кто побеждал группа на группу. Кто сохранил и выкормил больше бойцов. Кто сумел заставить врага врасплох и перебить растерявшихся, вырезать спящих, завести в ловушку гонящихся за тобой. Кто придумал заманивания и засады. Кто мог придумать лучший план нападения или спасения. Кто слаженнее подчинялся единой воле и единой цели в бою.

А еще для этого нужно было *справедливо* организовать жизнь рода. Чтобы с максимальной пользой для всех жили и работали все.

Солидарность. Сочувствие. Один за всех и все за одного!

Что можно выразить так:

Кто структурировался в более совершенную систему, способную на большие общие действия.

Отбор шел по линии физического совершенства.

Но при одном важнейшем условии: это физическое совершенство в совокупности с другими должно было образовывать совершенство системное. Физическое совершенство индивида, характером нарушающего социальную слаженность рода, вредило – и отбрасывалось с носителем.

18. Злобные и жестокие к своим. Не по справедливости хватающие кусок. Спасают при опасности не племя, а себя. Неуживчивые, ненадежные, самовольные, могущие навлечь опасность на всех своими действиями. Вызывающие неприязнь соплеменников. – Все они ослабляли системную силу племени-рода. И выбраковывался из жизни весь род...

Жесткая иерархия, четкое знание и соблюдение каждым своих прав и обязанностей, – условие прочности системы и выживания рода.

Групповой отбор дал совершенный образец человека социального.

19. В этих целях и в этом направлении внутривидовая агрессия жестоко направлялась в русло межгрупповой. Внутригрупповая агрессия неизбежно ограничивалась формами, необходимыми для структурирования оптимальной иерархии.

20. Приходите все к нам, у нас интересно. У нас сейчас будут читать стихи: «То сердце не научится любить, / которое устало ненавидеть».

Получается следующее. Смертельное и жизнеутверждающее соревнование между группами породило породу групп-победительниц, предельно жестоких к врагам и предельно спаянных внутри, – «без чего невозможно»: внешнесистемная победа обеспечивается внутрисистемным единством. Это – условия выживания.

Внутрисистемное единство может обеспечиваться на уровне понимания и на уровне чувства.

Понимание дает координацию общих действий.

Чувство «оживляет» эту координацию и делает ее возможной: охота удрать и спастись самому, нажраться в кустах и выжить самому, но мне сильно хочется, чтобы выжил вот этот и вот эта, и я хочу позаботиться, чтоб они жили.

Любая скотина в стае заботится как-то о других; особенно если эти другие – ее большая семья. Любое животное сообщество связано хоть какой-то взаимной симпатией. Это инстинкт! Потому что – и все биологи знают: «одно животное – это вообще не животное». В том смысле, что погибнет от любой случайности – а где его род, передача генов? Животное – это когда есть группа, населяющая ареал. И, заботясь о членах группы, – животное заботится о собственном генофонде, можно сказать.

Нет, физическое совершенное приспособление и выживание сильнейшего никто не отменяет. Но! Подстраховка, дублирование, запас генов в других особях, удобство группового наблюдения за врагами, и т.д. Решительное преимущество в выживании получает группа, где есть некоторая взаимная забота.

С усложнением центральной нервной системы усложняется эмоциональная сфера. С усложнением эмоциональной сферы усложняется и усиливается, дифференцируется, инстинкт влечения к другим особям своей группы. У глупых рыбок это проще, у умных собак это сложнее.

А то кто не знает, что кошки и собаки тоже умеют любить. И не за жратву и угол, а так, по жизни, из душевного добра и тяги.

По мере эволюции инстинкт группового взаимного влечения превращается в комплекс чувств. Ну, кстати, и половой инстинкт тоже, знаете, усложняется в проявлениях.

21. Чем чувство отличается от инстинкта? Не дискутируя долго об оттенках значений этих терминов? Допустим, так:

Чувство – это опосредованное, прямое или косвенное, проявление инстинкта, приобретающее самостоятельную ценность и значение, даже вне изначальной цепи практической целесообразности.

Чувство – это этап на пути инстинкт – цель. Этап можно рассматривать сам по себе. Детей нет, но секс прекрасен.

С одной стороны, Природе не нужны чувства, если не ведут субъекта к цели, диктуемой инстинктом. С другой стороны, чем сложнее субъект, тем сложнее его жизненная программа, тем сложнее чувства, должны обеспечивать реализацию инстинкта, тем больше в этих чувствах появляется непродуктивных для инстинкта следствий. Типа гомосексуализма или самоубийства.

22. Так вот.

С энергетическим подпрыгом у человека повысилась мощность всех инстинктов. То бишь всех проявлений жизни.

Инстинкт внутригруппового влечения у человека тоже резко повысился. И с развитием мозга и эмоциональной сферы дал мощный куст чувств на базе этого инстинкта внутригруппового влечения.

И вот тогда возникли и пошли в рост наши главные: любовь, дружба, сочувствие, солидарность, взаимопомощь и самопожертвование. Нет, первобытные люди не умели оформить их в словах и поступках так изощренно, как мы. Это, однако, были уже и не животные чувства (в хорошем, то есть естественном, чувстве слова).

О Господи. Что ни скажи, о чем ни подумай, – все начинает разворачиваться в бесконечный трактат в любом направлении. Нет, в жизни все-таки все сильно взаимосвязано.

23. Так о чем мы? Да! А чем, собственно, отличаются чувства человека от чувств животного?

Первое. Силой. Ни одно животное так не любит и не ненавидит, и не идет храбро умирать неизвестно за что.

Второе. Продленностью. И постоянством, в смысле непрерывностью. Ни одно животное не проявляет своих чувств настолько непрерывно, чтоб они проявлялись в любом поступке. Типа: «Как ты ко мне относишься?» А относится все время.

Третье. Изощренностью. Ни одно животное не в состоянии выразить и реализовать свои чувства такой кучей немыслимых способов.

Четвертое. Самоосознанием и самооценностью. Животное с его менее умной головой и, видимо, отсутствием рефлексивного мышления не в силах свое чувство нянчить, с ним носиться, о нем думать и т.д.

Чувства человека приобретают для него с а м о ц е н н о с т ь. Я верен! Я храбр! Я люблю! Он мне друг! Я помню! А что тебе с этого толку, если не повезло с успехом? А все равно!

24. Становясь самооценными, чувства человека достигают **иррациональной силы**. Это крайне важно. Плевать мне на результат! Но делать буду именно это, потому что хочется мне этого сильнее всего, сильнее жизни!

25. И вот чувства. Этой иррациональной силы. Приобретшие уже некоторую изощренность и дифференцированность. И обеспечивали спаянность группе. Единство, выживаемость, победительность, рост.

26. То есть:

Агрессивность к чужим и любовь к своим возросли и действовали одновременно и симметрично.

Любовь к своим и ненависть к чужим сделали человека человеком.

Любовь к своим и ненависть к чужим составили основу стремительной эволюции и естественного отбора человека. Отбора группового, социального, человеческого.

Любовь к своим и ненависть к чужим составляют основу с о ц и а л ь н о г о и н с т и н к т а ч е л о в е к а.

(Великий и мудрый Лоренц выводил возникновение любви из агрессии. Ну... любой великий открыватель – монофанат своей идеи... Дело обстоит чуть иначе:)

Любовь и ненависть – это один инстинкт с двух сторон. Две грани одного инстинкта. Выживания. Жизни. Победы. И чем мощнее инстинкт жизни, чем выше энергетика организма, – тем сильнее любит и ненавидит человек.

Небывалая в животном мире. Задавшая, через бешеную скорость группового отбора, стремительную и «социально совершенную» человеческую эволюцию. Дикая внутривидовая агрессия человека структурировалась в агрессию межгрупповую. И имела своим зеркальным отражением стремительный рост и небывалую силу внутригрупповой – симпатии, солидарности, братства, единства, любви. Нет-нет, дикари звери, но вживитесь в их жизнь – и полюбите хороших людей! у них просто жизнь пока примитивнее нашей.

...Снизить агрессию можно только через снижение всей мощности эмоциональной, то бишь психической сферы. Сделать овощ из солдата.

Метафорически: любовь и ненависть – два крыла, поднявшие животное до уровня человека.

.....

<Вычеркнутое замечание.> Раненое животное наиболее опасно. Ярость и агрессивность его увеличивается. Если оно обречено, если сопротивление бессмысленно, а смерть неизбежна – оно сражается героически, проявляя чудеса бесстрашия и злобы. До последнего дыхания, из последних сил оно старается уничтожить врага, причинить ему максимальный вред. От крысы – до льва и слона: они таковы.

Разумеется, есть уровень адреналиновой реакции. Поэтому оно не поддыхает покорно. Но уровень общий, базовый, – это инстинкт межвидовой борьбы. Если особь все равно гибнет – она должна приложить максимум усилий, чтобы уничтожить хоть одну особь видового врага, и тем обеспечить жизнь хоть одной особи своего вида, спасенной на будущее таким образом. Обреченный – сражается уже не за себя лично, но только за свой вид. И чем больше пострадал в битве победитель – тем глубже он задумается в следующий раз, нападать ли на этих злых и опасных тварей.

«Животные – герои». Была такая книга у доброго и умного Сетон-Томпсона.

...Мы не берем овец. Не берем коров на бойне. Там инстинкта агрессии к сильнейшему или нет, или он подавлен ситуацией. Жвачные и одомашненные – низкоэнергетичны: селекция отбирала и выводила покорных.

...Невозможно не понять: уничтожение человеческим обществом злостных убийц, садистов, маньяков, – это инстинкт самосохранения вида и группы. Это выбраковка видовой дегенерации. Это проявление социального иммунитета. (Забавно и печально, что в наше время (2010 г. Р.Х.) колебательный контур эволюции качнулся в ту сторону, чтоб сохранять жизнь любому социальному дерьму и яду...)

Прогресс

Само понятие «прогресс» всюду пустил и «заиграл» XIX век с его эйфорией от собственных материальных успехов. В обычном обывательском понимании это означало примерно следующее: мы узнаём о природе всё больше и больше, человек становится всё могущественнее и могущественнее, живет всё богаче и богаче и, таким образом, жизнь делается всё лучше и лучше; то есть прогресс состоит в том, что люди живут всё счастливее – свободнее и богаче: получают образование, имеют хорошее жилье и разные хорошие вещи, ездят по всему миру, развивают науки и искусства, на смену тираниям приходят справедливые демократии, и мы с каждым шагом близимся буквально к Золотому Веку изобилия и счастья.

В умах «полумыслящих» масс укоренился такой идеал прогресса. Сводилось это представление к тому, что прогресс, во-первых, безусловно существует, и, во-вторых, прогресс – это безусловно хорошо. Так сказать, поступательное развитие человечества. И этот идеал вбирался со школы, в юности.

Пора романтической юности сменялась зрелостью с ее реалистическим опытом, и человек сурово задумывался: наука и техника, конечно, развиваются, а жизнь по-прежнему сволочная, полная страданий и несправедливости. Правят по-прежнему в основном лжецы, жулики и бандиты, в жизни преуспевают жадюги и прохиндеи, насчет дружбы, верности и любви извечная напряженность не пропадает, мораль выше и крепче не становится... В чем же, черт побери, ваш пресловутый прогресс?.. В том, что барахла больше, что ли? Делов-то!..

Лозунг «Светлое будущее человечества!» стал оборачиваться черным юмором анекдотов: демонстрация рабов в Древнем Риме, гремя цепями и пестрея лохмотьями, несет транспаранты: «Да здравствует феодализм – светлое будущее всего человечества!» А знаменитый французский карикатурист изобразил прогресс в виде процессии улиток, еле заметно ползущих цепочкой одна за другой, так вдобавок они вообще ползут по замкнутому кругу.

И появились пессимисты, которые заявили, что нет вообще никакого прогресса, потому что жизнь ни фига лучше не становится, – а оптимисты-прогрессисты, в противовес им, утверждали, что все-таки становится, и перечисляли аспекты: улучшение нравов, разнообразные свободы – совести, слова, передвижения, ослабление или даже вообще снятие социальных перегородок, успехи медицины и рост продолжительности жизни, опять же науки с искусствами и владычество над природой.

Улучшение нравов. От этой мысли придется отдохнуть. Войны XX века откровенно и исчерпывающе показали все зверства, на которые способны «культурные люди»: уничтожение народов, истребление мирного населения вместе с детьми и т. д. Пол Пот окончил университет Сорбонны, после чего успешно истребил треть своего народа, в основном нехитрым первобытным способом: укладывали в шеренги и разбивали мотыгами черепа. А уж что касается таких пороков, как лживость и лицемерие, подлость и себялюбие, – увы, можно лишь констатировать, что человеческая природа остается вполне неизменной: гадости процветают. И вот уже три, скажем, тысячи лет библейские Десять заповедей пребывают тем нравственным законом, который надобно соблюдать и который постоянно нарушается.

Законодательная гуманизация нравов. Это прежде всего относится к наказаниям и формам казни. Действительно, эпоха феодализма бывала тут отменно жестока. Примерно с X по XVIII век в Европе практиковались такие прелести, как четвертование, колесование, сожжение живьем и т. д. Просвещенный XIX век свел это в основном к простым и «гуманным» способам лишения жизни преступников: повешение, расстрел, электрический стул.

Но античный мир не знал законодательных зверств нашего тысячелетия. Могли отсечь голову, распять на кресте, побить камнями, угостить ядом, но специальных изобретательных изверств не было.

Так что если сгладить исторические колебания, то закон стал в отношении смертной казни гуманнее, чем когда бы то ни было раньше, лишь в последней трети XX века, с резким сокращением или в некоторых местах вообще с отменой смертной казни. Заметим при этом, что большинство населения «гуманных» стран стоит против отмены смертной казни вообще, полагая ее правильным наказанием за умышленное убийство из каких-либо несправедливых побуждений.

Тут законодательная гуманизация – да, имеется. Правда, она же заставляет большинство людей всю жизнь нести проглоченные обиды и оскорбления, потому что ударив мерзавца можно огрести несколько лет каторги, а убив насильника – загреметь на пожизненное; но это уж так, ладно, издержки.

Искусство. Вот уж вам фиг вместо прогресса. В сущности, нам нечего добавить к скульптуре античности, живописи Возрождения и литературе Шекспира и золотого XIX века. Можно говорить о видоизменениях и пр., но достижение новых вершин по сравнению с указанными – помилуйте.

Образование. В общем да: сегодня средний человек имеет большую сумму общих знаний, чем сто или две тысячи лет назад. Он не умеет возделывать землю, фехтовать, строить жилище: специализация. Но в своей узкой специальности знает много разного, да и даже тупой работяга на конвейере, где знать вообще ничего не надо, имеет благодаря школе и телевизору представление о самых разных разностях.

Политические и социальные свободы. Есть, есть. По сравнению с прошлыми веками наше общество дает человеку куда больше равных возможностей со всеми; реализовать себя легче и сделать это можно полнее.

Наука и техника. Однозначно: рост, все большее могущество.

Возможности передвижения. Однозначно: купи билет, причем всего за цену минимального месячного заработка – и лети на другой край света.

Суммируем в общем минусы и плюсы:

Люди не стали чувствовать себя счастливее. Одни формы несправедливости сменились другими. Произвол самодержцев сменился наглой изворотливостью богачей и наемных юристов. Душевных страданий меньше не стало. Лозунг «Король, честь, родина» изрядно заменился на «мои деньги и мое благо». Повсеместно произошло страшное обмещанивание, исчезла идеология, организующая идея, смысл жизни народа.

Стали гораздо больше производить и потреблять. Резко увеличилась свобода выбора своей судьбы, вариант приложения своих сил, свобода выбора места и образа жизни.

Вот это и есть суть и содержание Прогресса: сумма человеческих возможностей и деяний все увеличивается. Человечество все больше может, и все больше делает, и все больше преобразует окружающую среду, и все больше энергии преобразует и выделяет.

А то, что оно от этого должно стать счастливее, – это оно само себе придумало. Счастье и несчастье, справедливость и несправедливость – они внутри человека, они в устройстве его психики, его центральной нервной системы, как мы в этой книге уже много раз повторяли.

Повышение энергопреобразования окружающей среды посредством человека – вот что такое ваш пресловутый Прогресс.

...И ради этого, возопит гуманист, светлые умы и горячие души клали свои головы на алтарь Истории?!

Да, отвечу я спокойно и цинично, именно ради этого, если смотреть с объективной точки зрения. Они-то лично руководствовались соображениями или идеалами познания, или истины, или добра, или справедливости, или счастья – их личная энергия швыряла их к максимальным действиям, их величие и благородство были им сами по себе наградой, – они что, шли на плаху ради того, чтоб сытые рантье пили аперитивы на показах мод? Чтоб безработные бездельники-социальщики ничего не желали делать и требовали жратвы, одежды, бесплатных

шприцев для наркоманов и бесплатных презервативов для гомосексуалистов? Ради рекламы кока-колы они жизнью жертвовали, или полетов в космос?..

Подвиг и его отдаленный результат, деяние и его отдаленное следствие для потомков – всегда находятся как бы немного в разных измерениях, на разных ступенях исторической лестницы. Взять нищего римского раба и провести его сквозь двадцать лет страшной каторги на место шведского социальщика – о, как он будет счастлив, как будет наслаждаться своим положением! Его же – пересадить на это место разом, за шкуру, – да поначалу с ума будет сходить от счастья, а потом ему начнет приедаться, он ведь за это двадцатью годами сознательной каторги не платил, и ценить это будет меньше, постоянное сравнение в нем ежесекундно не сидит. Вот в истории всегда так и происходит – новое поколение принимает имеющуюся при нем жизнь как данность, и в свою очередь несчастно нормальным человеческим несчастьем, а что жизнь сытнее – так это для него не главное. Через поколение все деяния становятся историей, и мелкое тухлое благополучие делается ежедневностью.

Но мир мы продолжаем переворачивать!

Пицца

«Человек есть то, что он ест», – шутка старая. Еда – не просто носитель энергии: энергия продукта в результате сказывается на том, что делает человечество, чего достигает, какой след оставляет в истории.

Цивилизация Двуречья и Ближнего Востока встала на пшенице и ячменном пиве.

Эллада – это пшеничный хлеб, виноградное вино и оливковое масло.

Дальний Восток – это рисовая цивилизация.

Рим – это греческое меню плюс свинина. А когда легионеры получали жареное мясо, но были перебой с хлебом, они бунтовали.

А вот сидевшие на кукурузе, картошке и помидорах обитатели Америки оказались тупиковой ветвью человечества и сошли со сцены. Колеса не знали, лука не имели, с письменностью тоже была большая напряженка, – весьма примитивные ребята, хотя были многочисленны, имели огромные государства и жили в хорошем климате.

Из этого напрашивается известный вывод, что состав питания сказывается на умственной и вообще нервной энергии. Боец жрет мясо и дерется здорово – таковы большинство кочевников свободных племен, но организовать в стройное войско не может – либо ума мало, либо спеси много. Мясоед в конечном счете проигрывает рисовой или пшеничной цивилизации; когда она сгнила – он может сокрушить останки, но сам ничего не создаст – пока через века сам не станет хлебоедом.

Отдельный человек может пополнять энергию, питаясь хоть лягушками и дождевыми червями – и оставаться сам собой. Но посади на такую диету весь народ – и вскоре соседи обгонят его в развитии.

То есть состав белков, жиров, углеводов и витаминов – это еще не все. На больших свершениях всего народа, то есть на количестве общего конечного выхода энергии, обязательно сказывается, что именно народ сует в рот.

Рисовая цивилизация Дальнего Востока более тонка, изощренна, духовна и интровертна, чем европейская.

Пшеничная – интеллектуальна, агрессивна, экспансивна, в конечном итоге более созидательна, более преобразующая мир.

Могут возразить, что мудрец питается сухой корочкой, да и великий государь иногда ест скудно и просто. Да, но они – дети мощной цивилизации, энергия сидит в их генах, они от рождения энергичны умственно, а корми их семь поколений капустой – и бери бедолаг голыми руками.

...Сегодняшняя проблема евроатлантической цивилизации – переедание. Медицина рекомендует: мучное, сладкое, соленое, жирное, тяжелое мясо – вон. Есть фрукты, овощи, простоквашу, рыбу.

Оно бы конечно. Живешь дольше, болеешь меньше, выглядишь лучше.

Но. Соль, хлеб, сахар – повышают энергопотенциал клеток. Мозг на них работает активнее. Для личного здоровья вредно, а для свершений человечества – полезно. XIX век, век великого научно-технического рывка Европы – век сахара. Да, кариес и ожирение, а компьютер изобрели и в космос летаем.

Соль всегда ценилась. Животные приходят за сотнями километров, солончаки лизут. И вообще человек стал человеком на печеных корнях и жареном мясе.

Картошка, кукуруза, помидоры – «тупые» калории. Их поедатели пороха не изобрели. А на соленом сыре, лепешках и вине совершались великие походы и поднималась культура.

Так что на фиг все консерванты и любую синтетику, а также модные диеты и новшества типа «раздельного питания» (хлеб сегодня, сыр завтра, мясо вчера). Комбинации питательных

веществ человечество отбирало тысячелетиями, и результат вполне впечатляющ, если глянуть вглубь истории, а потом – по сторонам.

Когда-то германцы ели исключительно бычье мясо и хлеб, и перед ними содрогалась Европа. А потом, забравшись на самый Север, стали сеять веками неприхотливую рожь и ловить морскую рыбу. Смотрите теперь на вялых исландцев и датчан – прямых потомков. А калорий и витаминов – выше крыши.

А французы ударились в изощрение своей кухни, развели сотни соусов, налегали на устриц с улитками, и теперь найти среди этого славного некогда и куртуазного народа красивого энергичного человека – задача для серьезной разведывательной сети. Есть несколько, так они кинозвезды. Кто не верит – пошляйтесь по Парижу или освидетельствуйте экскурсионную группу из Франции: парад уродов.

В чем тут дело – наука пока не в курсе. Но связь между питанием народа и значительностью его истории – несомненна. Собственно, всегда были рецепты: что кушать для силы, что – для любовных подвигов, что – для лучшего соображения. Но это частности. А базовые продукты – см. выше.

Аура у них такая. Или клетки так устроены. Или процесс переваривания и всасывания проходит чуть-чуть иначе, а это уже влияет чуток на функционирование всех органов, на возбуждение центральной нервной системы, на нужное наличие или наоборот, отсутствие микромутаций – вот что-то в таком духе. Организм устроен сложно, сам человек внутри себя этих микроразностей обычно не замечает.

А и гурманы, и аскеты – вырожденцы. Историю делали люди, любившие есть вкусно и нормально. Пшеничный хлеб грубого помола, сыр (лучше козий или овечий), мясо, оливковое масло, натуральное виноградное вино (лучше с водой). Соль, сахар.

И еще – насчет не есть на ночь. Вы видели животное, которое скачет после еды? Или такое, которое проснется – и ну жрать?

С утра аппетита нет ни у кого, кроме отдельных крупных жвачных – им утробу постоянно набивать надо. Разминается, пьет воду, расхаживается. А наевшись – всегда отдыхает. Переваривает и усваивает.

Совет насчет плотного завтрака, а ужин отдать врагу – когда утром этот завтрак не лезет в глотку, а вечером сосет в животе – это не лучший совет. Это совет насиловать организм для его же, значит, блага.

Человек, который заботливо и педантично поступает вопреки физиологическим желаниям собственного организма, тщательно сберегая здоровье (под вопросом) и зацкливаясь на этом – тем самым уже отвлекается от сосредоточенности на главных делах жизни. Балерины не считаются, у них профессия такая.

Черчилль неукоснительно спал после обеда, был толст и дожил до девяноста.

.....

Пищу можно рассматривать с точки зрения нужды для: здоровья и долголетия; физической мощи; удовольствия; любовного пыла; мудрости; максимальных свершений индивидуума; *максимальных свершений народа.*

Мы рассматриваем все с точки зрения **доминанты существования человечества.** Давно известно: для одного надо одно, для другого – другое (.) (лекарства, устрицы, белки и протеины, голодание для просветления духа и пр.) Генеральная линия, генеральная нужда – чем питались великие народы.

Еда, как говорил Мечников, это самое интимное общение с окружающей средой, а уж он-то понимал.

Жизнь крепко меня ударила, но сейчас я ударю по жратве еще крепче.

Письменность и информатика

Во-первых, письменность – это накопление суммы знаний.

Во-вторых, это распространение знаний и повышение их маневренности.

В-третьих, это повышение организации человеческого сообщества. Передача информации позволяет координировать индивидуальные действия в сторону их согласованности и концентрации, и тем самым коллективно совершать большие действия, чем если бы каждый делал кто во что горазд.

Любые средства связи можно уподобить как бы руководящему приказу, обращенному к хаотичной толпе молекул в броуновском движении: «Р-равнение на середину! Равняйся! Шагом – марш!» И вместо того, чтобы колобродить беспорядочно, молекулы целеустремленно и прямолинейно движутся согласованно в одном направлении. И движение их суммарно являет гораздо большую работу.

Средства связи – это нервы, которые координируют самосильные и «эгоистичные» дерганья частей в мощное движение единого целого.

Долговые записи, отметки о сборе налогов, военные приказы и сообщения о ходе войн, заметки о постройке зданий и сезонных изменениях природы с целью собрать урожай побольше, – все это позволяло лучше организовать дело и больше совершить в общем результате, т. е. повышало энергетические возможности человеческого сообщества.

Писец, машинистка, почтальон, радиооператор, компьютерщик – это адъютант командований, скачущий на коне с приказом. (Здесь мы не говорим пока о науке и вообще культуре, роль письменности для которых понятна.)

Письменность и информатика – один из аспектов и средств повышения энергопреобразовательных возможностей и действий человечества.

Приближение первое

Глава 1

Системообразующий инстинкт¹

1. Есть в океане некоторые некрупные стайные рыбы, которые при нападении хищников реагируют, по мнению ученых, неадекватно. Им бы разбежаться, чтоб ловить трудней было! А они, наоборот, сбиваются в подобие довольно плотной сферы. Жри себе, акула или тунец, с удобством в куче пищи. Странно... Глупее тараканов, что ли?..

Биологи, те, которые ихтиологи, полагают, что рыбы поступают все же правильно: у хищника разбегаются глаза, и он дезориентирован мельканием массы трудноуловимой добычи под носом – т.е. ему труднее охотиться в куче добычи, чем гоняться за каждой поодиночке. Мол, суньте руку в аквариум и попробуйте сами. Seriously!

Ученые придерживаются нехитрой точки зрения, что все реакции живого существа прямо, или линейно, детерминированы. То есть вызваны конкретными причинами. То есть: собака хочет жрать – и бежит искать пищу. А вот если кормить собаку регулярно и досыта, а она все равно бегаёт, имитируя поиск пищи – это их озадачивает и наводит на размышления. Ученым труднее понять, как это ни странно, что реакции бывают *косвенные, опосредованные, ступенчатые, разнотажные*. Есть инстинкт насыщения при голоде. Для его удовлетворения нужны мышцы и легкие, чтоб бегать за добычей. Мышцы и легкие должны работать, чтоб не атрофироваться. Инстинкт – «бегать и искать добычу» – встраивается в собаку полуавтономно: хочет жрать – бегаёт и получает жратву прямо в пасть без труда – но все равно бегаёт. Выполняет свою норму по беганью и исканию пищи, выполняет физиологическую программу организма. Служебный инстинкт «бегать-искать» не связан жестко с базовым «жрать», он обеспечивающий, и природа позаботилась, чтобы собаке был потребен сам процесс поиска пищи!

То есть: инстинкт – это не что-то простое, однородное и однозначное типа «бьют – беги». Инстинкты – они слоеные, плетеные, поэтажной конструкции.

От собачек ныряем обратно к рыбкам. В любом действии рыбок ихтиолог хочет видеть прямую целесообразность. А уж в реакции на угрозу жизни – и подавно должна быть целесообразность, иначе не выжили бы рыбки, если б неадекватно реагировали на угрозу! А тут: жрать их после их действий только легче – а они все равно сбиваются в кучу! Вот и надо объяснить, что не легче хищнику стало, а тяжелей! Задача для ведомства Геббельса...

Ответ здесь на двух уровнях. Первый – уровень прямой целесообразности. Умный прячет лист в лесу, а рыбу – в стае. Каждая спасает исключительно себя, прикрываясь другими в их огромном числе. С математической точки зрения – это оптимальное действие для снижения вероятности погибнуть до минимальной, приемлемой. И хоть рыбы особи очень слабо дифференцированы внутри вида, но кто быстрее и ловчее держится в середине кучи, оставляя между собой и хищником как можно больше других рыбок – тот выживает и дает потомство вероятнее. Естественный отбор в действии, а потомство каждой очень многочисленно.

Это – *дифференцированный уровень видового инстинкта*. Но есть еще недифференцированный уровень. Общий. А на этом общем уровне каждая рыбка сама по себе – ничто, а природу интересует только стая целиком. В стае можно найти полового партнера и дать потомство,

¹ «Системообразующий инстинкт» – один из базовых социологических терминов философии энергоэволюционизма.

в стае можно при потере партнера найти другого, в стае можно мигрировать по маршрутам обычного кормления и размножения, стая хранит и передает генофонд независимо от гибели любой особи, беззащитной и маленькой, в стае происходит обмен информацией. Стая – это системная организация вот такой безмозглой рыбе́й мелочи.

И на опасность эта стая, система, куча, – реагирует всегда одинаково: она сжимается! Угроза жизни? – уплотниться, сжать ряды, повысить концентрацию энергии системы! Вроде: мы сжались плотнее – мы вместе – вместе нам легче выживать, чем более мы вместе, тем вернее противостоим угрозе и опасности – чем плотней мы собрались, тем более един наш общий организм, который и позволяет выживать нам вместе и каждой – только сплотившись вместе, мы можем преодолеть все и жить дальше.

А хищник удобно жрет. И может сожрать и всю стаю, благо она не разбегается. Но в конечном итоге, на круг и в общем, реакция себя оправдывает!

Это называется *недифференцированный инстинкт самосохранения*. Мы его так назовем.

Такой рыбий рой при появлении тунца или акулы действует глупо! Но эта глупость – продолжение того «ума», который в общем позволяет виду выживать – в бурях, в течениях, во мгле, в зарослях и рифах, среди туч и полчищ прочих обитателей глубин – не теряясь в бескрайних просторах поодиночке и сохраняя сообщество.

2. Итак, в этом зоопарке мы живем. И говорили о судьбе народа, который жрут акулы мирового бизнеса и щуки собственных рек. Заметьте, стая сокращается и частично уже разбежалась.

Все народы собираются в стаи. Но с разным успехом.

Было время – все успехи и провалы народов объясняли национальными и расовыми качествами. И все народы считались неравны, хотя большинство приличных считали каждый себя лучше других.

Потом наступило другое время. Определили, что все люди одинаковы и равно способны к любым занятиям и любому цивилизованному образу жизни. А разница народов – только из-за исторических условий.

И, ознакомившись с этими политкорректными выкладками, можете сходить на огород и освидетельствовать растение хрен.

Вот вам маленькая Европа, и все в ней сходное, и фазы цивилизации сходные, и вот четыре народа: немцы, итальянцы, поляки и румыны. И у них категорически разный уровень порядка, бардака, коррупции, управляемости государства и так далее.

И не в том даже дело, что национальные характеры разные. Они как-то по-разному организуют свое общежитие.

3. Людей тянет до кучи. Есть потребность в общении. Даже если не надо решать никакой общей задачи – поселок в тайге ставить, на мамонта хором охотиться, собираться для взаимного облегчения труда – а все равно: поговорить, рассказать-послушать, перед кем-то выпендриваться. Один любит посмешить, другой – покомандовать, третий – поучить. Скучно без людей, одиноко, что за жизнь и чего в ней добиваться тогда.

Психологическая потребность в группе. Имеет в основе бескорыстный, рефлекторный характер. Ничего человеку не надо – а хочет «роскоши человеческого общения».

Но. Человек – существо в принципе групповое. Без группы он бы в природе не выжил, и уж подавно не поднялся. Без группы нет и языка – нет потребности в нем.

Инстинкт выживания, присущий любому существу, имеет в человеке и такой аспект (струю, этаж), как групповой инстинкт. Чья группа крепче, где упорней защищают каждого, где храбрее защищают свою территорию и неотразимей захватывают чужую, где больше заботятся о благе команды в целом – те выживают вероятнее.

Группа – это система. Система – это собрание элементов, имеющее более сложную структуру, более высокий уровень энергетики вследствие этого структурирования, обладаю-

щее новыми качествами, чего не было у составляющих ее элементов и их простой совокупности.

Простейший пример человеческой системы – армия. Строй. Фаланга. Она категорически не равна толпе воинов той же численности и с тем же вооружением – она их сметет и перебьет! Структура сомкнутого строя, единообразия щитов первой шеренги, подобранных с шагом длины копий, торчащих вперед стеной, и слитного движения в ногу – многократно увеличивает силу фаланги, где сила есть способность совершать действие и преодолевать сопротивление.

Характерно, что развитие военного дела и общегосударственного устройства всегда шли параллельно.

Люди сбиваются до кучи, думая, что это они просто так. Или думая, что это они по своему разумению стараются лучше устроить совместно свою жизнь. Но в самой основе и глубине – групповой инстинкт выживания и заставляет их сбиваться в систему.

4. Интеллектуальная и трудовая энергичность отдельных людей еще не гарантирует им создание прочного и процветающего государства. Вот к чему мы ведем. Этих качеств недостаточно.

Римляне не были гениями мысли и труда. Но создать условия мыслить и заставить трудиться они смогли. Весь достигаемый мир организовали в свое государство. Суперсистема.

Греки создали культуру и цивилизацию Средиземноморья на небывалом, эталонном уровне. А их полисы вечно ругались и воевали между собой – цивилизация самоистощилась и легла под порожденный ею же Рим.

Люди многих провинциальных народов, попадая в Рим начала эры, возвышались и преуспевали очень часто. Но – в Римском государстве, влившись. Их народы создать свои подобные государства не сумели. О да, по разным причинам. Но факт.

Мы часто говорим о национальных характерах. Отмечаем экспансивность, порывистость, темперамент и некий анархизм латиноамериканских народов. Трудно представить латиноамериканца нешумным, терпеливым, законопослушным, трудолюбиво-бережливым и дисциплинированно-скромным.

А теперь полюбуйтесь на латиноамериканские государства. Все они когда-то списали свои конституции с американской. А результат? Диктатуры, коррупции, бунты, долги, перевороты, банановые республики.

Они глупее других? Да с чего бы. У них нет возможностей для просвещения? Сколько влезет. Суровая природа? Нам бы такую. Войны? Ну, порезать друг друга они любили, крови там были пролиты моря. За что? Нам с другого материка сразу и не разобраться. Люди всегда найдут повод для резни.

Эти потомки испанцев, индейцев и африканцев дали смесь, где очень легко с коррупцией, но очень плохо с приличным государством. Как они танцуют! Как они играют на гитарах! Как они эротичны и жизнерадостны!

А для создания мощной государственной системы требуется известная сдержанность, самоограничение, умение ценить общее выше личного, способность суммировать усилия свои и массы других людей и вверять управление лидерам.

Требуется комплекс не отчаянного единоборца, но воина фаланговой шеренги, удовлетворенного непобедимостью своего строя.

5. То есть – нужно умение играть в команде? Жить общиной?

О, нет. Больше. Гораздо больше. Нужна высокая энергетика. И отвечающий за себя индивидуализм. И самоутверждение через подчинение старшему над собой. И осознание и убежденность в справедливости устройства твоего государства и его действий. И жажда коллективного лидерства – и уверенность в его возможности. И патриотизм. И многое еще. И в известных (а

на самом деле неизвестных, в меняющихся применительно к конкретным историческим ситуациям) пропорциях.

Мировоззрение командного лидерства, где один за всех и все за одного.

Жить вообще, жить государством, жить справедливо, жить полно и счастливо, быть первым среди равных и равным среди первых, поступать во благо себе и во благо всему сообществу, отвечать за все и защищать всех и быть защищаемым всеми – и все это одно, это воедино. Вот что я называю **системообразующим инстинктом**.

Следовать ему должно быть для «человека государственного» так же естественно, как стайной рыбе держаться своего роя, уплотняя его при опасности.

Все перечисленные – аспекты одного и того же подсознательного, инстинктивного стремления выжить группой.

6. Есть народы музыкальные. Народы воинственные. Народы трудолюбивые. Народы философствующие. Им всем свойственны все черты, но какие-то развиты в общем более, чем у других.

Есть народы более склонные к крепкой государственности, и менее склонные. Люди «менее государственных» народов как индивидуальности ни в чем не уступают «более государственным». Вот только равной по эффективности и удобствам государственности у них не получается. А поодиночке в чужую вписываются вполне.

Это генетика. Это тысячелетняя селекция и естественный отбор. Это пришельцы и завоеватели. Победы и поражения. Ландшафт и климат. Влияние подчинения и повелевания. Численность и территория. Экономика и военная мощь. Питание и политический строй. Религия и культурные традиции.

Огромное множество условий и комбинаций формирует и сохраняет то, что и является **с и с т е м о о б р а з у ю щ и м и н с т и н к т о м** народа во всех его нюансах.

7. Подобно тому, как человек самоутверждается через индивидуальные поступки и работает над собой, крепя волю и тело и развивая ум для больших достижений, – так народ, руководимый коллективным системообразующим инстинктом, создает крепкую государственность и развивает ее, потому что только через крепкое государство народ может достигнуть вершин и занять достойное место среди прочих.

Чем прочнее и могущественнее государство – тем больше в этом мире, как член этого государства и в его составе, может совершить отдельный человек.

Системообразующий инстинкт – форма стремления человека к максимальным действиям.

Возникновение цивилизаций

Ну – и почему одни стали создателями великих цивилизаций, а другие остались в каменном веке? Сначала считали: какими Бог всех и вся создал – такие и есть. Потом Дарвин с эволюцией и обезьяной, – и тогда решили, что одни расы способны создать цивилизацию, а другие нет. Потом политкорректные ученые сказали, что все дело в условиях: вот где природная среда благоприятствовала, там и стали развиваться, а где трудно – там нет: а люди везде одинаковые. А между ними, в первой половине XX века, самые разумные во главе с Тойнби размыслили, что один фактор не решает всего, а дело в конкретной совокупности всех факторов, запускающих развитие цивилизации. Но прежде всего – Вызов-и-Ответ: природа чем-то затрудняет жизнь народа (море, река, степь, засуха) – а народ в ответ на затруднение чего-нибудь предпринимает, и тем самым цивилизуется: корабли, земледелие, мелиорация, объединение. А кто не сумел оптимально вызово-ответить – или вымер, или стал упертыми полудикарями, как эскимосы или бедуины, вписавшиеся в трудные условия более-менее равновесно.

К этому всему есть что добавить, и есть что уточнить, пока нам впаривают, что бушмен от Ньютона отличается чисто внешне, а внутри точно такой же.

1. Расовый фактор. Условия условиями, но важно же и то, кто именно поставлен в эти условия. Герой и трус, слабый и сильный, умный и глупый в одинаковых условиях могут вести себя очень по-разному. Расы, если этим расплывчатым словом обозначать сходные внешне и по культуре группы народов Средиземноморья, Африки, Океании, Юго-Восточной Азии, Северной Европы, Среднего Востока и Америки – разделились десятки и сотни тысяч лет назад.

Особенности ландшафта, климата, питания, враждебного окружения или его отсутствия, – да недостатка или избытка микроэлементов в воде и пище, наконец! – формировали расовые отличия и особенности. Не говоря об исходных отличиях первобытных предков – которые у разных ветвей человеческих на разных этапах развития были иногда разные.

Главное что? – Энергетика расы. То есть средняя энергетика группы и народа, энергетика по высшему индивиду и энергетика по низшему. А для выживания в разных условиях – оптимальна определенная энергетика: где побольше дергаться надо, а где наоборот – поменьше. Энергетика определяет эволюционный потенциал.

Далее – играет роль степень культурного оформления этой энергетики, т.е. культурное оформление психической активности – и биологической активности на уровне обмена веществ. Чем выше энергетика в упомянутых аспектах – тем быстрее и мощнее она пойдет в создание-придумывание-переделывание всего. Интеллектуальный и креативный аспект энергетика народа играет, ясен день, огромную роль.

(До жути яркий и неполиткорректный пример – судьба Либерии. Создана в середине XIX века «репатриантами» из США – цивилизованными афроамериканцами, христианами и демократами. Флаг, конституция, государственные институты – все скопировано с американских. Намерения – благороднейшие: создать современное цивилизованное государство в Африке, а там авось и следующие пойдут. Была материальная и культурная помощь из США на первых этапах. Итог сегодня: нищета, безделье, коррупция, преступность, очередной президент недавно оказался вообще людоедом (!), государственный бизнес – торговля дешевым флагом.)

2. Природный фактор. Ну какую цивилизацию ты в тундре создашь? Или в голой пустыне? В непролазных джунглях тоже трудно... хотя исконные южноамериканцы возвели там огромные государства. Надо – чтобы река, и море рядом неплохо, и злаки чтоб вызревали, и скот мог пастись. Температура-влажность чтоб подходящие, и места хватало на сравнительно большой народ. И еще очень полезно – природное ограждение от возможных соседей-врагов: морем, или горами, или пустыней от них отгородиться. Но чтоб через эту полосу отчуждения все-таки можно было передвигаться, чтоб в изоляцию от всего остального мира не попасть.

Однако на Волге, на Темзе или на Миссисипи условия были прекрасные, – а цивилизации там возникли гораздо позже, чем в Египте или Греции (если, кстати, североамериканских индейцев считать за цивилизацию, что есть натяжка по отношению к каменному веку и племенному строю). На Таити дивный климат, и еще на некоторых островах океана, и жизнь там нетрудная, и народ иногда разумный, а цивилизации не получалось.

3. Толчок. Все цифры будут усредненными, все теории – не стопроцентно достоверными. Ну, кроме бесспорных для науки фактов: что было оледенение, и был его конец.

Сейчас мы возьмем теорию катастрофизма Кювье, теорию эволюции Дарвина, теорию Вызова-и-Ответа Тойнби, и еще немножко теорию пассионарных толчков Гумилева. И замечаем это на синергетике Хакена. И капнем представления об *эволюционном ресурсе* – а он тем больше, чем менее жестко вписан вид-группа в биоценоз – или тем больше, чем больше независимость вида-группы от всех-всех условий окружающей среды (см. «Адапционный ресурс»).

И получается вот что. Мутации происходят постоянно. Катастрофы дают преимущества одним мутациям и перекрывают жизнь другим, – они есть повороты эволюции. Оказавшиеся

полезными мутации дают ступень эволюции. Эволюция идет только по линии подъема энергопреобразования.

А теперь – два слова о системах над-биологического, социального уровня. Что есть природная катастрофа для социальной системы? Спасаться надо, выживать как-то надо, или переезжать, или менять что-то в образе жизни.

Какие варианты? Или сдохнуть. Или уйти в те места, где можно жить привычным образом. Или со всех сил приспособиться к тому, что есть – под руками под ногами, или же на новом месте, куда прикочевали, а дальше видно только еще хуже. Или на самом приличном из мест – напрячь силы и мозги для выживания группы-народа. И вот если последний вариант удался – мы говорим о рождении цивилизации.

Природная катастрофа запускает социальную мутацию.

Под катастрофой надо понимать не «конец всему», а такую перемену в окружающей среде, которая не позволяет группе выживать прежним способом. Тепло и рост бананов в Гренландии будет катастрофой для эскимосов с их укладом: уклад придется сменить: ни тебе меховой одежды, ни охоты на моржей и китов, ни езды на собаках. Хрен его знает – так и вымереть можно ненароком. Или жевать бананы бездумно и терять охотничьи навыки.

...Итак, около 8000 г. до н.э. ледники активно растаяли. Уровень Мирового океана поднялся на 50 (или 150 – наука не договорилась) метров. Влажность резко увеличилась, а площадь удобных мест обитания сократилась. Количественные изменения копились – и кое-где произошел Великий Потоп. Сказания о Великом Потопе есть чуть не у всех народов. При раскопках вполне высоко расположенного города Ур слой бывшей тины-глины нашли в несколько метров толщиной.

Древнейшие цивилизации возникли после Великого Потопа. Допотопные цивилизации и Атлантида – дело до сих пор темное.

Отчасти – сдохли животные, на которых охотились. Отчасти – сгнили корешки и плоды, которые собирали. Отчасти – тесно стало на оставшихся угодах от соседей конкурентов, поскольку все сгущилось на уменьшившемся кормящем пространстве.

Одни ушли в кочевники степей. Другие – в охотники тундры. Третьи – в собиратели тропических лесов. Четвертые стали одомашнивать растения и животных, ковыряться в земле и усовершенствовать свои жилища. Напряг этих четвертых направился не в то, чтобы приспособить себя к среде – а также и на то, чтобы приспособить среду к себе.

Рождение цивилизаций есть отчетливый узелок на линии энергоэволюции. Закономерный узелок. Энергопреобразование пошло вверх через цивилизацию.

Здесь вот такая важная закономерность:

Если энергоэволюция Вселенной есть повышение уровней структуризации и энергопреобразования, – – то *любое возбуждение частной вселенской подсистемы в конечном итоге есть импульс к повышению ее структуризации.*

Толчок, испытанный биосистемой Земли, – по Закону Всемирной Структуризации стал импульсом к усложнению системы, к повышению энергопреобразования системой.

Отдельные «куски» человечества жестко специализировались, вписали себя в ландшафт – и стали тупиковыми, реликтовыми. – Но те, кто был энергичнее и умнее, и кому достался ландшафт поразнообразнее, который позволял и провоцировал действовать сложнее, чтобы выжить, – вот те и зародили цивилизации.

...Есть теория, что Великая Влажность после таяния ледников потом стала сменяться Великой Сушью, которая опять погнала народы кого куда: приспособливаться. Тут научились орошению и т.д. Ну – это лишь означает, что «двойной толчок» всегда эффективнее одинарного.

Вынужденные более осмысленно и изобретательно трудиться, концентрируясь на больших пространствах, начиная копить минимальные излишки продуктов, используя силу живот-

ных, а затем и рабов, вынужденно объединяясь в большие отряды воинов, – они шли к государству и создавали цивилизации.

4. Пассионарность и заимствования. Цивилизация – энергетична. Она стремится, в числе всего прочего, захватить доступную энергию из окружающих социумов. Социальная энергия «перетекает» по коммуникациям от одного народа к соседнему. Это – более совершенные законы, технологии, орудия, приемы. И не только информация – но и представление о том, что можно жить лучше и значить в мире больше. Цивилизация заразительна, цивилизационный порыв задевает соседей. Сообщающиеся сосуды, понимаешь. – Вот этим, скорее, и объясняется близость по времени в возникновении цивилизаций-государств.

Усиление одной цивилизации подстегивает близкую к ней – страхом, соперничеством, жадностью. Конкуренция, которая неизбежна, стимулирует заимствования.

...Про заимствования из прежних времен мы о древнейших цивилизациях знаем вовсе мало. Понятно лишь, что с культурными предшественниками дело идет быстрее и плодотворнее. Хотя это вряд ли решающий фактор. Заимствовать может только тот, кто к этому готов и способен.

А о гумилевской «пассионарности» лучше сказать так:

Пассионарность – это положительная обратная связь между социумами; и между членами социума. Один больше – другой еще больше – и так далее. Гонка вооружений. Борьба самолюбий. Координация действий на максимально высоком уровне энергетики.

5. Не было бы счастья – да несчастье помогло. Цивилизации созданы теми, кого катастрофы не убили, а закалили. У кого хватило сил и ума не приспособиться пассивно – но направить энергию в активное приспособление внешней среды к себе. Кому достался подходящий ландшафт – не дающий расслабиться в благоденствии, но и не выжимающий все силы исключительно на приспособление к этим ужасным условиям. Кто стал делать из лимона лимонад.

Катастрофа вынуждает взбодриться и напрячься. Ландшафт вынуждает напрячь ум и силы – но дает возможность земледелия-скотоводства-строительства. Креативная сила, культурно оформляющаяся энергия, – направляется в преобразование окружающей среды на более высоком уровне энергопреобразования. Возможные крохи прежних культур, как кусочки закваски, могут ускорять и оптимизировать этот процесс зарождения цивилизации.

Зарождение цивилизации есть синергетический акт.

Совокупные природные факторы и обстоятельства – оплодотворяются структурирующим воздействием «высокой энергии» – интеллектуально оформленным и психически возбужденным энергопотенциалом человеческой группы.

Зарождение цивилизации означает: мы пускаем свою энергию не на то, чтобы совершать действия к выживанию еще активнее, чем раньше, приспособляясь к среде еще плотнее, чем раньше, – но пускаем свою энергию на то, чтобы переорганизовать, переструктурировать окружающую среду, повысив ее сложность, повысив ее энергообмен, и с этого повысившегося обмена снимать энергию для своего существования.

Можно сказать:

Зарождение цивилизации – это переход с экстенсивного способа прокормления на интенсивный. Это принципиальный отказ от равновесия с природой. Это взлом биоценоза и выход энергопреобразования на надбиологический уровень.

.....

(Замечания на полях:)

Адаптационный ресурс и креативный ресурс – это вещи несколько разные. Это как разница между глиной и порохом: можно влезть и расположиться в любой щели – а можно разворотить тесное место и обеспечить себе пространство.

Адаптационный ресурс человека в любом расовом воплощении огромен. Представитель любого народа, будучи в младенчестве имплантирован в другой народ, становится полноценным членом этого народа, – усваивая всю его культуру, т.е. диффузируя в его цивилизацию.

Но. Приспособиться и создать – разные вещи.

Способность адаптироваться к цивилизации – еще не есть способность создать цивилизацию.

Особенности нервной системы, обмена веществ, проявлений социального инстинкта, все давление биологической и социальной эволюции предшествующих десятков и сотен тысяч лет, – не могут быть «несущественным фактором» цивилизационной способности конкретного народа.

Передача информации сама по себе не может изменить биосоциальную матрицу народа, этноса, расы.

Игнорирование или принципиальное отрицание этого факта породило многочисленные политические, экономические и этнические трагедии конца XX – начала XXI века. Коррупция, тирания, геноцид, религиозные войны, алкоголизм, голод и анархия, – вот что явилось следствием «цивилизационного равенства» в Африке, Латинской Америке, Среднем Востоке и Океании (в разных пропорциях и ассортименте, разумеется).

Наивно надеяться, что цивилизация может самовоспроизводиться при этнической замене носителя. Исторические иллюстрации здесь яркие и однозначны. Цивилизация, пройдя фазы развития, сходит со сцены вслед за народом, ее создавшим.

Собственность

Собственность – это продолжение человеческой руки. Не только руки и длинное продолжение.

В головокружении от своих научных успехов XIX век попытался свести собственность к социально-политическо-экономическим отношениям и научным абстракциям. То, что собственность – это вещи, было так очевидно, что незачем было и упоминать. Наука забыла о печке, от которой танцевала. Имущественная функция представлялась просто неинтересной. То ли дело формулы, вроде $T - D - T'$: это уже не просто прибыль от торговли, но – наука. (Товар – деньги – товар прим! уже больше товара!) Однако печка – место теплое, от нее и начнем.

Что есть собственность в изначальном смысле? *Собственность предшествует экономике.* Экономике еще нет – но собственность уже есть. *Собственность – это объекты окружающей среды, необходимые биологической особи для жизнедеятельности.* Любая биосистема – открытая система, ей необходимо находиться в контакте с окружающей средой. Строго говоря, особь и ряд объектов окружающей среды – это единая экосистема. По порядку. Великое это дело – порядок.

Вот есть... животное. Ему необходимо дышать, воздух необходим. Вода необходима. Пища. Воздухом земля окружена, без воздуха никто не окажется, он один на всех. Вода – уже дело тоньше. Водопой – место общественное, хотя за право на водопой могут быть сражения: кому пить первым, а кому может и не достаться из лужи. Пища – это уже кому как: травоядные щиплют траву общественную и кочуют по пастбищам. Воздух, вода и трава – это нечто ничейное, обобществленное.

Но дальше этот животный коммунизм кончается, и борьба за собственность обнажает зверям их звериный оскал собственников.

Уже мышь и белка делают запасы, и запасы необходимы именно им – питаться, жить, размножаться. Уже собака будет драться за свою кость и кусок мяса – этот кусок пищи, добычи, материи необходим лично ей, она имеет на него социально-биологическое право: унесет в угол, закроет собой, остаток спрячет про запас.

Пища – первейшая собственность. Не бескрайняя, как сочный луг до горизонта, – а та, запас которой ограничен, которой может не хватить для жизни и размножения тебе самому.

На уровне первобытно-животном:

Собственность – это объекты окружающей среды, ограниченные объемом до необходимого в личном потреблении.

Тут мы говорим об «естественном праве»: нам по природе необходимо то, без чего мы биологически не можем существовать. То есть: объекты, удовлетворяющие наши потребности первого порядка, базовые потребности. Дышать-есть-пить-размножаться-согреваться-укрываться.

Логово, нора, укрытие, – ряду животных необходима. Нору роют, или ищут, или отбирают у другого. Ее защищают до последней возможности.

Охотничий участок хищнику необходим. Без охотничьего участка хищник сдохнет. А конкурентов рождается больше, чем все участки могут прокормить. И участок защищают силой! И силой отстаивают его размеры. (Это относится не только к хищникам, но к ряду грызунов, а также рыб, и т.д.)

То есть. Даже на животном уровне собственность рождает конкуренцию. Где, понятно, побеждает сильнейший.

И вот у человеческой стаи есть участок для охоты-собираательства и пещера для укрытия. Это первичная коллективная собственность. По мере изготовления орудий в группе возникает частная собственность. Раньше это был только твой кусок мяса при дележе, твое место у костра. (С местом у костра интересно: право собственности и право пользования еще не разошлись – ты потребляешь место в том смысле, что пользуешься им, но сожрать не можешь; объект не уменьшается и не изменяется от того, что он твоя собственность.) А затем твоя дубина, твой каменный топор и каменная ступка, твоя шкура на плечах и костяная игла – становятся твоей частной собственностью.

Оружие – первая частная собственность.

Дубина, копье, топор, – это истинное продолжение твоей руки. Возможность выжить на более высоком уровне, чем позволяли голые руки. Это твой усилитель силы (именно так). Человек умелый, человек деятельный, человек вооруженный, – это неразъемная система из человека плюс его орудия. Отбери орудия – сдохнет: не защитится и не прокормится.

А можно ли сложить все орудия в кучу и пользоваться совместно-ничейно? Можно. Но эффективность использования упадет. Дубина должна быть подогнана по руке и всегда в порядке, и желательнее всегда при тебе. Иначе проще кинуть в кучу испорченную и взять из кучи другую, целую. Конкретный человек должен конкретно следить за конкретными предметами. Предметы личного пользования в частной собственности – эффективнее, чем в коллективной. А эффективность – это закон природы: с меньшими усилиями добиваться большего результата.

Оружие. Одежда. Утварь. Инструменты. Жилище. Вот начальная и всегдашняя частная собственность. Причем. Варианты возможны. Род может жить в одном жилище, и даже племя может жить в одном огромном бараке. Питаться от одного котла. Так удобнее. Суть в том, что:

Частная и коллективная собственность дополняют друг друга. Участок, пещера, одежда и оружие – это совокупность объектов в пространстве, позволяющая выжить и эволюционировать человеческой группе.

Собственность – это то, посредством чего человек живет.

Собственность – это неотчуждаемая совокупность окружающих объектов, необходимо используемых в жизнедеятельности.

Можно сказать так:

В единой экосистеме «человек – окружающая среда» собственность – это вся часть системы, которая человеку необходима для жизни и которой он распоряжается по своему усмотрению в полном объеме.

Мы к чему гнем. Нам что важно. Что собственность – это не то, что человеку вот принадлежит просто, и все: это неполно, мелко. Собственность – это единство человека с окружающей средой, в каковом единстве человек доминирует. Собственность – это сфера окружающего человека пространства, и состоит она из предметов, которые в своем действии, в своем функционировании составляют с человеком *одно целое*.

Собственность – это форма контроля окружающего мира.

Собственность – это форма преобразования окружающего мира.

Я есть то, чем я владею.

Мое могущество измеряется количеством подвластных мне вещей.

Собственность – это включение окружающих объектов в мое социальное и энергетическое «Я».

Собственность – это мое культурно-энергетическое «Я», центром и координатором которого является мое биологическое «Я».

Грубо-то и просто говоря:

Вся человеческая культура есть собственность. Частная или коллективная, материальная или интеллектуальная. Прорастая в создаваемое человеком социальное пространство, первичная собственность создает арматуру культуры, каркас все сложнее структурирующегося общества.

...С совершенствованием орудий, с усложнением социума человек стал как создавать, так и захватывать из пространства все больше собственности. И. К созданию собственности стали подключаться животные, рабы, государственные структуры и научные открытия. Создание собственности и создание материальной культуры – смежные и во многом взаимонакладывающиеся понятия.

Но. Материальный объект может перейти из одной собственности в другую. Тут и начнется политэкономия. Имущественные объекты как социальные отношения. Это уже за пределами нашего сейчас рассмотрения. Собственность другого – а вещь та же самая. Для нас другое интереснее:

Забываясь о себе, человек заботится о своей собственности. Заботясь о собственности, он все больше перелопачивает окружающий мир. Увеличивая свою собственность, он заставляет как может других работать на создание собственности себе. Собственность ложится в основу эксплуатации, то бишь плоды труда распределяются неравномерно и более того – несправедливо. Но. Заставляемые эксплуататором работать сверх сил – эксплуатируемые повышают энергопреобразование окружающей среды, что есть объективная функция природы вообще и человечества в частности.

Пирамиды и Великая Стена, Колизей и Парфенон, – построены потому, что правители-собственники имели возможность приказать и заставить – за деньги, так или иначе, в той или иной форме (в том Египте и денег как таковых еще не было), через налоги с собственников или использование рабов, употребить отчужденные у людей излишки их собственности в великое перелопачивание мира.

Расширение собственности, создание, и накопление культуры, и энергопреобразование окружающей среды – это аспекты одного процесса.

Нетрудно перечислить функции собственности: вещную, накопительную, инструментальную, социальную, экономическую, политическую, культурную. Но глубоко под ними – и высоко над ними – функция базовая и результирующая: энергопреобразовательная.

(О равноправии и неравенстве народов)

Доказывать можно даже неоспоримые истины, вздохнул мэтр Оскар Уайльд. Вскоре вслед за чем был заключен в Рэдингскую тюрьму писать свою балладу, обеспеченный четырьмя годами для пополнения жизненного опыта.

1. Люди всегда знали, что умный не равен по жизни глупому, сильный слабому, красавица уродине, а продвинутый – отсталому. Но в конце XX века, в бушевании небывалых свобод и прав личности, произошел забавный казус. Стремление к равноправию, естественным порядком достигнув своего логического завершения, превратилось в абсурд. Абсурд стал называться приятным словом «политкорректность».

Политкорректность – это запрет на любые слова или действия, которые могут прямо или косвенно указывать на неравенство людей в области любых ценностей, принятых цивилизованным сообществом.

Слово «цивилизованным» следует выделить отдельно и запомнить хорошо.

Политкорректность – это зеркальное отражение крайнего расизма с обратным знаком. Если крайний расизм рассматривал дикаря из каменного века как человекоподобное животное, которое логично иметь за товар, домашнюю тварь, раба, – то политкорректность утверждает, что дикарь из каменного века равен цивилизованному гражданину абсолютно во всем, и даже лучше его в душе, и умнее, и способнее, просто ему надо кое-чему подучиться.

2. Цивилизованное сообщество в начале XXI века утверждает такие общечеловеческие ценности, как гуманизм во всех проявлениях, свободу личности в максимально возможных пределах, чтоб она только не ущемляла конкретно свободу такую же другого человека; право каждого на любое занятие, любое место проживания, любой образ мыслей, следование любой религии, удовлетворение своего сексуального влечения в любых формах; и т.д.

Безусловно не одобряются: убийства, людоедство, нанесение увечий, пропаганда расовой и национальной ненависти. А также необразованность, многоженство, воровство, наглость, и еще ряд качеств, делающих невозможным нормальное общежитие в социуме.

Из этого происходят чудесные по своей противоположности вещи:

3. Согласно выводам антропологов, все народы прошли стадию каннибализма. Жрали врагов. Врагами были люди всех других родов-племен-стай, кроме собственного. Людей можно понять.

Во-первых, добывать пищу было трудно, а белков всегда не хватало. Хотели кушать – и съели Кука. Во-вторых, если все равно убил врага – чего ж добру пропадать. В-третьих, присутствовали представления мистические, ритуальные, социальные: стать храбрым, как съеденный, или умиловить его смертью своих богов и съесть его по заветам предков, и т.п.

По мере развития цивилизации на людоедство, а затем на ритуальные убийства накладывался запрет. А где неразвитие – там не накладывался.

Папуасы не съели Миклухо-Маклая из страха и уважения: этот крупный белый колдун до фи́га разного может. Но писать о том, что гуманный русский путешественник-просветитель жил среди людоедов – как-то не принято. Неловко. Они же не виноваты.

Черные вожди африканских племен, продавая пленных рабов заезжим белым работорговцам, удивлялись: на кой черт белым рабы, если они их не едят?..

И сегодня в диких джунглях островов Океании, Центральной Африки или Южноамериканских лесов милые и голодные темнокожие ребята, с чертами лица средними между европейцем и шимпанзе, при случае закусывают себе подобными.

Но говорить об этом чудовищно неpolitкорректно!!! Потому что в глазах цивилизованного человека быть людоедом нехорошо! А если кто и людоед, то не надо кричать! Им же обидно, если мы их будем считать ниже себя! Нет, им надо объяснять, что это нехорошо. Дать еды, научить работать. Но вот так прямо писать, что они людоеды – это... расизм! Они не хуже нас. Просто... другая культура. Они уже исправляются. Стыдно об этом писать! Бестактно!

То есть. Сожрать человека – не есть неpolitкорректно. Людоед стоит вне зоны политкорректности. Но цивилизованному человеку назвать людоеда людоедом – неpolitкорректно. Это обидно для дикаря – по мнению белого.

4. Белый проецирует на дикаря свою мораль – и относится к нему как к белому, который «оступился по незнанию и хочет исправиться». Белый приписывает дикарю свои ценности и стремления – и начинается социальная шизофрения: раздвоение личности дикаря в глазах белого.

Половина личности дикаря – доисторический людоед. А вторая половина – милый человек, который достоин всего лучшего, а живет тяжело. И вот надо иметь дело с этой хорошей половиной – и не оскорблять ее упоминаниями об ее плохой половине!

Такова психология и структура цивилизационно-расовой политкорректности.

Умственная недостаточность и психологическая ошибочность – одно из оснований политкорректности.

Политкорректность умственно и психологически некорректна, – сказал бы я, испросив извинения за нечаянный и дурной каламбур.

Политкорректность – это в доме повешенного, а равно и в доме палача, не упоминать о веревке.

Это записать хромого на конкурс бальных танцев, иначе можно оскорбить его намеком на увечье и неполноценность; более того – выделить в этом конкурсе квоту для хромых, а также квоту медалей хромым, кривым и страдающим болезнью Паркинсона – чтобы они смогли реализовать свое право танцевать и получать награды. И запретить судьям не ставить им высокие оценки, а публике – выражать свое неодобрение. Кстати: пока танцует – у него и нога новая вырастет: он хромал-то просто от недостатка тренировок!

5. На страшных Соломоновых островах отстричь у других племен побольше голов и засушить под крышей своей хижины – было дело чести, дело подвига и геройства. Сто лет назад об этом писали без стеснения. Не – писали о хороших чертах местного населения, гостеприимстве, сметливости, н-но... головы стригут и за то друг друга уважают. А мясо пекут в печи и едят с жареными бананами.

Опять же многоженство в Африке. Кто есть вождь? Вождь есть самый здоровый. Кстати, гавайцы куда здоровее африканцев, недаром они столько лет были чемпионами Японии и мира по сумо. Да: так жен он может покрыть без счета, что и делает, пока в силе. Но писать, что у лидера молодого африканского государства семь жен, и он участвует при костюме и галстук на встречах с европейскими лидерами, причем они же платят за эту музыку, – это нехорошо.

У ряда африканских народов практикуют клиторэктомию: у созревающей девочки ампутируют клитор и малые половые губы – чтоб взрослой женщиной она не поддавалась своим страстям. Феминистки в атасе, как вы понимаете. Но не смейте обвинять народ в отсталости, уроды.

...Дети мои, вы всерьез решили, что на стадии дикарей мы были лучше, чем сейчас?..

6. *Политкорректность – это ограничения, которые накладывает на себя цивилизация по отношению к социально неполноценным особям, приписывая им свои ценности и мораль.*

(Типа: убийцу нельзя убить за то, что он наубивал кучу людей, потому что не то важнее, что он изверг, а то, что он такой же человек, как мы.)

7. Полтора года лет назад колонизаторы были цивилизаторы, они гробили здоровье в жутких диках странах, таща к свету жестоких дикарей, ну и заодно иногда богатели, если не гибли.

Сегодня колонизаторы – зверские шовинисты-эксплуататоры, а туземцы – милейшие люди, добряки и умницы. Маятник-с качается...

И в фильмах везде: белые зверствуют – а туземцы благородны и чисты душами.

Это циничная ложь.

Как убивали пленных американские индейцы – белые до того не додумывались. Лишь китайская изоциренная жестокость могла бы тут соперничать. От описаний делается худо.

Вырезание органов, раздирание самых чувствительных мест, отбивание мяса с перемазыванием костей у живого дубинами, а потом замачивание живьем на сутки в холодном ручье, чтоб мясо было белее и нежнее, и так – целая библиотека. Это уже островитяне.

По количеству убийств на душу населения австралийские аборигены могут соотноситься только с потерями советского народа в Великой Отечественной войне. Убить чужака – норма. Не убить – ну, белого из страха возмездия, а так – надо убить.

Технический уровень вооружений вырос в тысячи раз – а *количество убийств на душу населения осталось тем же самым*: вот такой феномен!!! О нем – отдельная речь. А сейчас: дубинами и каменными ножами дикари режут-бьют столько же, сколько мы напалмом и пулеметами.

Но. Мы воюем сравнительно редко. Дикарь убивает постоянно: перманентная война – его естественное состояние. Редко-редко он не убит до старости.

Черт возьми! —

Фаза естественного отбора путем межгрупповой агрессии – не везде закончилась! Где не произошло подъема до цивилизации – ну так там эта борьба продолжается!

А нам объясняют, что дикарь миролюбив. Это говорят живые. Убитые молчат.

8. Строение лица и черепа позволяет австралийским аборигенам играть питекантропов в документальных фильмах, и без грима. Если эти особенности не играют никакой роли – то чего антропологам по форме черепов пытаться построить лестницу человеческой эволюции?

Черные бегают лучше и быстрее белых. Черные держат ритм лучше белых. У каждого этноса есть свои физиологические особенности. У каждого была своя собственная история в течение десятков и сотен тысяч лет. Социальная эволюция каждого этноса имела свои особенности. Но:

Говорить не только об интеллектуальных отличиях, но и психологических особенностях конкретных этносов запрещено. О разнице в темпераменте, в возбудимости нервной системы, в генетически заложенном социальном стереотипе – запрещено.

Запрещено говорить, что у чукчей и чеченцев разный темперамент, и поэтому некоторые черты социума, которые создадут из себя и для себя чукчи и чеченцы, неизбежно будут разными.

9. Нам говорят, что ребенок самого заброшенного племени, попав в раннем детстве в цивилизованное общество, иногда становится полноценным членом этого общества. Факт! Становится! А иногда – не становится!

Адаптационный ресурс человека огромен. Младенец может вырасти кем угодно. Он – уподобится. Он – достигнет нормального уровня. Достичь вершин среди народа людей, или волков, или бандерлогов – это другое дело.

Любой человек может стать средним боксером. Разрядником. По мастерам – уже не любой.

Дикарь может с младенчества адаптироваться на среднем и даже вышесреднем уровне в цивилизованное общество. Но. *Могут ли представители его народа создать из себя цивилизованное общество – вот в чем вопрос*. На сегодняшний день – ответ отрицательный. Пытаются. Им помогают. Но – выходит ужасно...

10. Отрицать врожденные качества человека – есть идиотизм, к которому никто из врачей и педагогов не прибегает. В спорте, в науке, в искусстве, там, где индивидуальность проявляется ярче – воспитание воспитанием, но врожденное тоже нужно.

Врожденные качества народов сегодня яростно отрицаются большинством «ученых». Хотя – казалось бы – как просто:

В зависимости от условий местности, климата, рельефа, животного мира, продуктов питания, – за десятки и сотни тысяч лет формируются отличия, помогающие выживать и эволюционировать именно в этих условиях. Цвет кожи, форма глаз, размеры тела, особенности телосложения, – не подвергаются сомнениям. Но как только доходит до особенностей центральной нервной системы, особенности реакций в сфере высшей нервной деятельности, – так поднимается политкорректный шум. Боже – но ведь именно деятельность центральной нервной системы – основа всего!

11. Эту фигню, когда люди по мере времени бросаются из одной крайности в другую, назвали *колебательным контуром*. По аналогии с физикой. И сначала – применительно к биологии вообще. Итак:

Стадии социальной эволюции и цивилизации объявлены не имеющими отношения к каким-либо функциональным особенностям центральной нервной системы.

Или:

Групповой отбор и эволюционирование хомо сапиенс в человека социального – не существовали. Без всякого группового отбора человек в том виде, каком он был 50 тысяч лет назад, на уровне всех своих инстинктов, реакций, социального развития, – индивидуально адекватен сегодняшнему.

Или:

Вся совокупность условий жизни боковых ветвей хомо сапиенс, которая выразилась в некоторых анатомических и физиологических отличиях, а также не позволила создать им близкую к современной цивилизацию, – совокупность условий жизни, затормозившая их и превратившая в реликтовые этносы, все силы которых шли на выживание в очень трудных условиях, – вот сотни тысяч лет этой жизни, и естественный отбор под давлением этих условий, – абсолютно никак не сказался на главном: способности этих людей создавать социум и цивилизацию по образцу и на уровне современной.

Это мракобесие они называют наукой?..

М-да. Сто лет назад та же ученая толпа дружно говорила противоположное.

12. Каждый человек должен иметь равные возможности для образования, работы, выбора образа жизни, доступа ко всем благам общества в рамках одних для всех правил.

Ни один человек не должен иметь никаких преимуществ перед другим по причине каких-либо качеств, кроме личных качеств и заслуг. Различия расовые, социальные, религиозные, имущественные – не должны никому давать преимущество перед другим: перед совестью или законом, перед Богом и людьми, в правах и в обязанностях.

Люди боролись за это тысячи лет – и добились во второй половине XX века нашей эры. Значимость этого достижения невозможно переоценить. За это отдавали жизни поколения лучших людей! – и грезил о светлом будущем.

Чем же ты недоволен, Кислая Рожа? Светлое будущее наступило.

И мгновенно стало темнеть.

Потому что качается маятник. Потому что эволюция идет не по прямой и не по кривой, а по колебательному контуру. В своем историческом движении мы быстро пересекаем золотую середину, стремясь от одной крайности к противоположной.

13. Важно:

Нахождение в золотой середине невозможно принципиально. Это означает конец развития. Это означает, что все уже хорошо и правильно, и более того: существующее положение

есть совершенство. Что менять ничего не надо, будет только хуже. Что эволюция в данном направлении достигла конечной цели и перестала быть.

То есть:

Нахождение в золотой середине отменяет изменения. Отменяет движение в этой области бытия. Это все равно, что отменить время. И тем самым пространство, кстати. И тем самым само Бытие.

Довольно глупо думать, что движение на атомном уровне обязательно, пардон, имманентно Бытию; движение на космическом уровне тоже обязательно; движение на биологическом уровне тоже неизбежно, сравни себя со старыми фотографиями; а вот движение на социальном уровне можно и остановить. И данный социум будет вечен.

Социологические воззрения Гегеля поражают своей антидиалектичностью. Чтобы не сказать хуже.

Изменение, повторяем мы бесконечно, есть один из важнейших законов и базовых аспектов Бытия. *И если что-то очень хорошо – спеши насладиться: скоро оно начнет портиться.*

14. Возвращаемся к нашим баранам.

Инстинкт сыграл с хорошими людьми забавную шутку. Это вот как:

Все устройство группы – и соответствующий этому устройству социальный инстинкт – были сформированы так, что доступ к правам и благам соотносился с социальной ценностью и личными качествами индивида. Сильный и слабый, храбрый и трусливый, – были не совсем равны. Равенство прав и возможностей – предполагало равенство качества индивидов.

И вот во второй половине XX века цивилизованные страны провозгласили равенство прав и возможностей всех людей Земли. Ну – и?

И очень быстро заговорили о *равенстве качества* всех людей Земли. Равенстве культур, интеллектов, религий, ментальностей.

Произошла «зеркальная реакция» – психологическое обоснование равноправия. А для нашего подсознания, для нашего социального инстинкта – равноправие есть следствие равнокачественности.

Равноправие объявили естественным следствием равнокачественности. Равнозначности. Из равноправия вывели равноценность.

Если дикарь из каменного века имеет право учиться в школе и университете, работать кем угодно и зарабатывать сколько угодно денег, быть полноправным членом цивилизованного сообщества – значит, он ничем не хуже никого. Что значит «ничем не хуже»? Значит, его личность не хуже. А личность – это как? Идентифицируем – и это в планах как индивидуальном, так и социальном. То есть: он не хуже нас и сам по себе, и как член своего социума: ибо эти два аспекта неотрывны в личности человеческой.

Возник феномен культурного релятивизма. Каменные скребки и ступки были объявлены искусством не хуже дамасских клинков и китайского фарфора. Тем самым отрицалось культурное развитие: мы ничего ценного не сделали и не приобрели по сравнению с нашими предками из каменного века.

Забавно наблюдать, как стремление к справедливости загибает науку рог и превращает ее в анти-науку.

Превращение науки в анти-науку из соображений идеологии – есть аспект деградации цивилизации. Аспект самоубийства цивилизации.

.....

Краткое завершение больной темы:

15. Что есть прогресс? «Улучшение» – понятие относительное. Улучшение в морали – как минимум под вопросом. Совершенствование в искусстве – последние сто лет скорее

наоборот: мы говорим о регрессе. Увеличение количества счастья на душу населения? – это смотря какой период с каким сравнивать, а вообще счастье – категория состояния, быть счастливым – это скорее психология, нежели приобретательство или делание.

Энергоэволюционизм отвечает на этот вопрос ясно и просто:

Прогресс – это повышение уровня энергопреобразования в процессе эволюции человечества. Культурной эволюции, она же социальной эволюции, в частности, – и в процессе эволюции Вселенной вообще. Это – линия отсчета базовая, генеральная, основополагающая.

С точки зрения прогресса мы ушли гораздо дальше от животного околобиологического образа жизни, чем дикарские племена планетной периферии. Мы не равны.

16. Что есть культура? В самом общем. Культура есть совокупность всего материального, интеллектуального и социального продукта, созданного человечеством. То есть: все предметы, все знания и все социальные отношения и институты.

Можно иначе:

Культура – это суммарный объем структуризованного человечеством Бытия, реального и идеального, оно же материально-энергетического и информационного.

По-простому:

Культура – это все, что мы узнали, изобрели, сделали, организовали.

Можно обобщеннее:

Культура – это степень упорядоченности материально-энергетического и информационного пространства, используемого человечеством, и объем этого используемого пространства.

На уровне разговора:

Культура – это все, что человечество перелопатило рукотворно и мозготворно, степень сложности этого перелопачивания и объем энергопреобразования этого перелопачивания.

Если кому сильно охота на языке синергетики, то ради бога:

Культура – это степень неравновесности цивилизационной системы. И что – с такой терминологией лучше?

А-а-а, – но вообще так даже легче сравнивать:

Культура характеризуется степенью снижения энтропии, степенью удаления от хаоса. Или, что то же самое, но уже в тех терминах, что я обычно применяю, они проще и универсальнее:

Культура характеризуется уровнем энергосодержания и энергопреобразования.

16-А. Следует заметить, что еще в 1949 г. отец культурологии Лесли Уайт написал чрезвычайно полезную тридцатистраничную статью «Энергия и эволюция культуры». Где ясно формулировал, что развитие культуры прямо связано и определено повышением уровня потребления энергии обществом-цивилизацией-человечеством.

С точки зрения моего энергоэволюционизма к этому необходимо прибавить, что *повышение уровня энергопреобразования и есть сущность культуры*. Повышение уровня энергодобывания, энергопотребления, энергопреобразования и энерговкладывания в переструктуризации материальных объектов, – это и есть базовый уровень культуры.

Я бы сформулировал так:

– – *Культура – это саморазвивающийся механизм повышения уровня Вселенского энергопреобразования посредством человечества*.

17. А теперь давайте сравнивать нас с австралийскими аборигенами по равенству народов и культур. И пододьем научную базу под самоочевидные вещи. Гуманитарные науки вообще обожают этим заниматься.

Какое бы определение культуры вы не взяли, белое и черное не меняются названиями. Никаких расистских подтекстов!

Отсталые культуры – крайне низки энергетически, бедны по разнообразию продукта, примитивны социально, гораздо ближе нас к животному состоянию, то бишь и к хаосу они ближе, и уровень энтропии в них выше, а уровень энергопреобразования ниже. А уж про науку с техникой мы вообще не говорим.

Так что выражение «отсталая культура» надо употреблять безо всяких политкорректных кавычек, напоминающих четыре маленьких кукиша, вынутых из кармана.

18. Это о культурах. Ну так о людях то же самое.

Устройство государства есть отражение характера народа, сказал некогда Ле Бон.

Нельзя перепрыгнуть через сотни тысяч лет эволюции.

Характер – это судьба. Тип нервной системы и заложенные в подсознание инстинкты – это характер. Попытка снять с человека ответственность за его недостатки и полностью переложить их на общество – очередная дурь. Не верьте, что дурак и сволочь потенциально адекватен умному и хорошему. Одного испортили условия, да, надо разобраться и помочь, если можно, – а второго лучше было удавить в колыбели, целее были бы окружающие. (Стык нейрологии и социопсихологии – вообще интересная область.)

Метисы

Сегодняшняя наука не знает, почему одни гены являются рецессивными, а другие – доминантными. Она это только констатирует.

Так же наука не знает, почему гибриды от скрещивания разных пород одного вида оказываются более жизнеспособными. Селекционеры лишь стараются, и часто очень успешно, путем скрещивания пород одни признаки передать по наследству и усилить, а другие отбросить или нейтрализовать. На уровне анализа это может сводиться к изменению хромосомного набора – что на шаг вглубь проясняет механизм появления новой породы, но ничего не объясняет по сути.

Точно так же известно, что имбридинг ведет к дебилизации и вырождению – что у животных, что у людей. С вырождением свиного стада справиться легче – или плюнуть и съесть, или купить хряка со стороны. С вырождением царствующих фамилий сложнее. Лошадиные челюсти и идиотские глазки Габсбургов, скажем, неплохое тому подтверждение. Разветвилась фамилия по всем дворам Европы, а взять в родню прачку или охранника обычай, понимаешь, не позволяет и политика не рекомендует.

Свежая кровь! Влить свежую кровь! Подать сюда бродячего рыцаря, заморского принца, буйного варвара – проходной мотив в стогах аристократий, вырождавшихся в длинной череде династических браков с себе подобными.

Люди из опыта всегда знали, что от представителей двух разных народов рождаются хорошие дети – которые в среднем превосходят детей одного народа. Всегда были разговоры о красоте, или силе, или здоровье, или таланте «полукровок». Вот как-то получается, что от двух родителей такой ребенок наследует в общем скорее лучшие черты каждого, чем худшие. И более того: от двух хилых, но разных кровей, разных национальностей, родителей – рождаются дети, явно превосходящие обоих, – и откуда что берется, понимаешь. Это правило селекционеры тоже давно знают.

Шо мы имеем в таком браке смуглого темпераментного азиата с альбиносистой флегматичной скандинавкой? Здоровенную разницу мы имеем. А что такое здоровенная разница? Это разность потенциалов, это энергия – энергия содержится в самом совмещении различных частей, в потенциальной возможности произвести работу по стиранию этой разницы между двумя частями, по приведению диполярной системы в состояние однородности. Здоровенный энергетический заряд мы имеем, когда падают в койку две очень разные особи. (Сейчас мы

имеем в виду разницу национально-расовую, а не половую, хотя и половая разница стреляет по тому же принципу, но об этом в другом месте.)

«Противоположности сходятся», – давно сказал народ, не вдаваясь в анализ этого явления. Так стремятся друг к другу разнозаряженные полюса! Каждый стремится обрести в другом то, чего нет у него самого, и реализацией этого природного стремления двоих к единству является ребенок.

И в этом ребенке больше энергии, чем было в каждом из родителей. Ибо энергия разнородной пары выше, чем однородной. Только и всего. Энергия эта и являет себя через ум, талант, красоту и пр.

Потому всегда и знали, что хороши бастарды, дети любви, – ломались перегородки, сильнее стремились друг к другу разные, не из одной корзинки, люди.

Такова суть – на самом общем уровне.

И поэтому, кстати, почти все великие цивилизации появились из встречи и смешения двух или более разных народов. Разница – дополнительная энергия – «улучшение породы» – развитие нового, мощного народа. Германцы с кельтами, славяне с германцами, ахейцы с дорийцами и т. д. На то есть отдельные исторические и этнографические исследования – которые констатировали, но не делали выводов. Энергетической основы природы они еще как-то не понимали.

Цивилизация и рождаемость

1. «На детях гениев природа отдыхает», – давно сделали вывод биографы великих людей. Причем иногда вовсе отдыхает, манкирует.

Александр и Цезарь были бездетны. Единственный сын Наполеона, хвороба, умер в детстве. Единственный сын Петра I был казнен по приказу отца. Бывали и многодетные власти, но факт налицо: **любая** правящая династия в конце концов оказывалась без потомков. Представитель самой древней царствующей фамилии сегодня – королева Дании: ветвь не прерывается уже тысячу лет, чем датчане страшно гордятся. Отметим, что последнюю сотню лет, правда, короли Дании являются таковыми лишь по праву рождения и номинально, эдакие реликты, символ традиции, но ничего не решают, и к великим людям, переделывающим мир, их отнести нельзя. А ведь поскольку все мы – чьи-то прямые потомки, то прямая родословная любого человека тянется на тысячи лет вглубь истории, до ребят в мамонтовых шкурах и с палицами.

О Хаммурапи и Тутмосе II судить труднее, но генеалогия европейских государей и потрясателей со времен раннего Средневековья вполне достоверно и досконально прослежена в документах, летописях, церковных книгах: тут смотрели в оба, речь о наследовании государства шла. Карл Великий, Генрих Бурбон, Иван Грозный, Густав-Адольф, Фридрих II, – а также Ленин, Гитлер, Тимур-ленг, Чингиз-хан и Махмуд Великолепный... ау!..

Примем во внимание, что государь и вообще крупный политик – это профессия повышенного риска. На них устраивают покушения, травят, давят, отстреливают, свергают с последующей ликвидацией, им всячески роют яму конкуренты. Можно сделать вывод, что сопротивление окружающей среды, растущее пропорционально величии и значимости их дел, в среднем превышает запас их биологической энергии: раньше или позже их генетический код исчезает вследствие неблагоприятных и явных внешних условий: ну не дают им ближние жить вечно в своих потомках, работа у них вредная и опасная.

Это можно сказать о героях, шире – вообще о профессиях повышенного риска, если рассуждать таким образом: о солдатах, охотниках, мореплавателях, шахтерах. Здесь, правда, родословная известна в лучшем случае на несколько столетий, так что допущение остается

чисто теоретическим, хотя вполне логичным: больше риска – меньше шансов из поколения в поколение давать потомство.

А если взять великих людей из областей вполне безопасных: наука, искусство? И у Дарвина, и у Толстого с детьми было все в порядке, и у Пушкина, и у Эйнштейна, и у самого Шекспира. А наоборот? Данте, Бальзак, Микельанджело, Леонардо, Рембрандт, Бетховен, Кант, Шопенгауэр, Ницше... Ну, степень величия в науке и искусстве определять довольно трудно, это дело неточное и во многом субъективное. Но оба списка будут соизмеримы между собой по длине. Примерно поровну, бездетных даже чуть-чуть больше.

Теории вероятности это никак не соответствует. У подавляющего большинства людей дети есть.

Могут возразить, что в прежние века, при высокой рождаемости и слабой медицине, потомство давал меньший процент людей, чем сейчас: как бы еще продолжался естественный отбор по линии физического здоровья, а то б мы давно на материках теснились плечо к плечу. А в науке и искусстве было много людей с отклонениями от нормы: увечных, прибабахнутых, закомплексованных, странных, они в науку и искусство и двигали со своими странностями: ну, чудачки, слегка не от мира сего, а брачный институт был строг, куда им жениться и детей делать.

Оно тоже так. Но фактов это никак не меняет. Увечных много, а гениев мало. Мы сейчас не о том, что у калек меньше детей, чем у здоровых, и не о том, что среди гениев процент «увечных» выше, чем среди людей в среднем.

Мы о том, что люди, которые своими сознательными, созидательными, «цивилизаторскими» действиями делают для человечества больше среднего человека, размножаются меньше среднего человека.

XX век, успехи медицины и свобода нравов, и прожиточный уровень выше прежнего, можно прокормить уж куском-то хлеба любого в цивилизованном государстве, – прошу: Дали, Эйнштейн, Фолкнер, Акутагава, Курчатова, Грета Гарбо, и т. д., и т. п., и др., и пр.

Под каждого такого бездетного можно подбить базу психологии, социологии, физиологии. Это все частности. Как говорил толстый Карлсон, «это все пустячки, дело житейское». Важнее тут бесспорная закономерность на самом общем уровне: чем больше совершаешь – тем меньше размножаешься.

2. Древняя народная примета: «Когда рождается больше мальчиков – это к войне, а когда больше девочек – к миру». «Какое суеверие», – пожал плечами просвещенный науками XX век, но к концу своему взглянул на статистику и призадумался.

В среднем всегда и везде рождается на 100 детей 49 девочек 51 мальчик, а в подростковом возрасте соотношение уравнивается, а в зрелой молодости мужчин всегда меньше, чем женщин, – это давно выяснили. Много сказано о том, что это целесообразно с точки зрения природы, что один мужчина может оплодотворить многих женщин, что и в животном мире среди самцов конкуренция, чтобы самый лучший давал лучшее потомство. А также что мужчина рискует, воюет, гибнет чаще, вот и создается природой «с количественным запасом».

Менее понятно другое.

Почему мужчина, при прочих равных условиях с женщиной, живет меньше. А главное – у него более высокая детская смертность!

И почему перед войнами мальчиков рождается действительно больше, что с неохотным непониманием свидетельствует статистика.

Ну, меньшую продолжительность жизни списывают на алкоголь, курение, гиподинамию и стрессовые нагрузки на работе, – мужчина ведет более нездоровый образ жизни, чем женщина. Положим. А почему, черт возьми, он его ведет?! Отвечают: традиция так сложилась, наследие патриархата, более сильный мужчина лезет в свары и развлечения, а подчиненная им женщина воспитывает детей и хлопочет по хозяйству, вот оно для здоровья и полезнее. Да какой же, черт возьми, в наше время в цивилизованных странах патриархат?! Отвечают:

ну, патриархата, может, и нет, а гнусное наследие осталось... Функция материнства, опять же, привязывает женщину к скучной, но для здоровья и долгожительства полезной деятельности домашней хозяйки.

А почему мужчины в среднем менее стойки к заболеваниям? А образом жизни подточены. Ну-ну...

А почему и в юности, когда юноши и девушки равно свободны и беззаботны, юноши больше курят, пьют и прочее? Отвечают: а вот потому что старая несправедливая мораль к ним снисходительнее, им больше прощает и позволяет.

А почему, чтоб вы сгорели с вашей моралью, девочки раньше начинают ходить и разговаривать, раньше развиваются и взрослеют, а у мальчиков большая детская смертность?! Тут наука начинает мычать и блеять, что материнская функция многое определяет, что функции полушарий мозга мужчины и женщины во многом различны: у одних за речь отвечает правое, а у других левое, и так далее: левое-правое абстрактное мышление, левые-правые мелкие точные движения. А почему, зачем, что это значит?! Ну, вот так...

А умирают-то почему мальчишки чаще (мы сейчас не имеем в виду, разумеется, несчастные случаи любого рода)?!

Слушайте. Мужчина – защитник, воин, добытчик, устроитель жизни, – больше сталкивается с «передним краем» жизни, чем женщина. Он – более «преобразующее» начало, а женщина – сохраняющее, это тоже давно известно. Таковы функции двух полов.

Мужчина мощнее физически – и без спорта ясно.

Мужчина агрессивнее, что тоже понятно.

Мужчина сильнее и интеллектуально, – как это ни обидно для женщин, особенно в нашу эпоху борьбы за отмену любых различий между двумя полами. Разницу в успехах в теоретических науках в наше время уже невозможно списать на угнетение женщины мужчиной и заботы материнства: и образование равное, и бездетных женщин полно, и сплошь и рядом женщина-ученый рьяно и целиком погружается в свое дело. А все равно почти все вершины берут мужики.

Ничем шахматистки, кроме своих шахмат, не занимаются, – как и все спортсменки-профессионалки. Но турниры между мужчинами и женщинами давно прекратили – чтоб не оскорблять прекрасную половину гадостной демонстрацией мужского интеллектуального превосходства.

Из этого следует только одно: мужчина э н е р г и ч н е е женщины, то есть способен в окружающем мире произвести бóльшую работу. Мышцы – ладно бы еще, – центральная нервная система энергичнее.

А самое главное – на уровне соприкосновения с границей окружающего мира он проявляет бóльшую энергичность в каждом касании, и испытывает поэтому большее сопротивление окружающей среды. Это происходит на уровне биополей, на уровне электропотенциалов, на уровне активности биохимических реакций и нервных импульсов.

! Мужчина реагирует на любые внешние раздражители менее адекватно, чем женщина, с точки зрения самосохранения индивидуума.!!

Он менее находится в гомеостазе с окружающей средой, менее в мирном равновесии, чем женщина, он более неуравновешен, имеет бóльший импульс к несогласию, конфликту со средой, изменением и переделкой этой среды. Он реагирует и з л и ш н е э н е р г и ч н о! Его центральная нервная система излишне дергается, больше, чем женская!

Мужская нервная система по сравнению с женской более приспособлена, более направлена, нацелена, предназначена, на взлом внешнего, передел мира, изменение окружающей среды, совершение максимальных действий – и менее направлена на сохранение себя, сохранение индивидуума.

У мужчины слабее развит инстинкт самосохранения и сильнее развит инстинкт преобразования мира.

То есть мужской инстинкт жизни раскладывается на самосохраняющий и природопреобразующий аспекты чуть-чуть в иной пропорции, чем женский.

Вот этой разницей в устройстве центральной нервной системы и объясняется большая смертность у мальчиков. Мальчик больше «нарывается на неприятности», он «пренебрежительнее» реагирует на угрозу опасности вначале, позднее оценивает ее серьезность, менее «дозированно» и излишне активно на нее реагирует. Вот поэтому у мальчиков смертность выше. Да и у мужчин в любом возрасте, при прочих равных с женщинами условиях.²

И еще один причинный аспект, уже более простой. Мужчина энергетически мощнее женщины, и развитие его происходит медленнее, что вполне соответствует общим законам биологии. Таким образом, незрелость его дольше женской, период формирования иммунитета организма к инфекциям и вообще сбоям больше женского. Мальчик дольше девочки незрел и неустойчив к внешним воздействиям – вот они и имеют возможность дольше на него отрицательно воздействовать – условно говоря, не шесть лет, а семь, или не тринадцать, а пятнадцать. Дольше взрослеют ягнята – больше волки успеют утащить. В каждый момент своей жизни девочка преодолевает период равной вероятности угрозы болезни быстрее, чем мальчик, быстрее проскакивает опасную зону.

Так вот, вернемся теперь к подскоку рождаемости мальчиков перед войнами, и девочек – перед прочным миром. Это только кажется примитивным суждением – мол, мальчикам воевать, потери будут, Или: многих мужчин не досчитаемся, вот мальчики восполнят потери. Вот их и больше. Оно так и есть на самом деле, просто механизм чуть иной.

Война – это гигантский энергетический выплеск. Это не только люди бьются друг с другом – это годовые кольца на деревьях шире, природные катаклизмы активнее, выбросы протуберанцев и солнечные пятна активнее. Совокупно со всей природой получает больший энергетический заряд и человечество. Зародыши и эмбрионы тоже получают этот дополнительный энергетический заряд – которым пронизано все пространство, вся материя. И складываются и развиваются по более энергичному, мужскому, типу, и содержат в себе больше энергии.

И близкое прохождение кометы, и небывалые морозы, засухи и землетрясения, и как бы неожиданная резня народов, и повышение рождаемости мальчиков – явления одного уровня.

Больше мужчин – больше максимальных действий. А вой на, в пересчете на единицу времени, действие самое максимальное.

3. У кого детей больше – у богачей или у бедняков? Опаньки!.. Казалось бы: богат – значит, приспособлен, умен, силен, дает потомство в первую очередь, раз у него больше возможностей и в выборе партнера для супружеской жизни, и в прокормлении детей.

Что же наблюдается на деле? Плодовитость бедняков – притча во языцех. Крыша худая, хозяйство нищее, а по дому бегают мал мала меньше. Прокормить детей не может – а новых стругает. Куда, зачем, почему? – жизнь, понимаешь, природа...

Если вернуться даже в недалекое прошлое, на сотню лет, скажем, и посмотреть на деревню, – а большинство народу крестьянствовало в деревнях, – то жили в ней все достаточно ровно, без излишеств. Богат – дом большой и крепкий, скотины больше, питание сытное. Беден – домишко плохонький, скотинка худа и малочисленна, питание скудное, иногда впроголодь. А образ жизни одинаковый, работа одинаковая, социальный слой один. И если мы возьмем такую патриархальную деревню, где царит некая исходная справедливость и исходное равенство – участок земли для прокорма достаточен, богатых наследников-бездельников и дармоедов нету, все в поле пашут, все горб ломают – то кто, вероятно, богаче? Тот, кто работает

² Не исключена мысль, что от ряда одних и тех же болезней девочек и мальчиков нужно лечить чуть-чуть по-разному, исходя из различий в центральной нервной системе, ничтожных, сейчас еще не <...>

лучше, кто умелее, старательнее, сильнее, сметливее. И что ж, многодетнее они в среднем? Да нет. Как же так?.. Мужик росл и мощен, баба грудаста-задаста и расторопна, дом полная чаша – а в плодовитости преимущества нет. Соседи – мужичонка хил, баба тоща, оба неумехи, а детишек полно.

Что-то здесь здорово не согласуется с логикой и теорией естественного отбора. Может, у умных больше детей? Ни фига подобного.

А если голод, эпидемии, политические катаклизмы? Богатый может сбежать, откупиться, прокормиться, дорогого лекаря позвать. Для него больше вероятность детей сохранить и вырастить, чем для бедняка. Верно. В больших передрыгах процент выживших богатых детей выше, чем бедных, у них условия лучше.

Как бы получается, что гены зажиточности передаются с большей вероятностью, чем гены бедности, – если уже есть носители этих генов, родившиеся дети. Как бы богатый рождает меньше, зато сохраняет лучше.

А бедняк берет количеством. Родил вас на свет, дети мои, что мог – сделал, а уж дальше крутитесь сами, авось кто и выкрутится.

Это уже попахивает некими общими биологическими законами. Высшие животные рожают мало детенышей, носят долго, растят долго, опекают, и процент превратившихся во взрослых особей высок. А низшие – мечут икру, или кладут кучи яиц, или приносят полдюжины мышат каждый месяц – кто засох, кого съели, кого мор подмел, – процент выживших ничтожен, еле-еле численность вида поддержать или слегка увеличить хватает. А как мышке детей защитить и охранить?.. Единственный способ не вымереть – это рожать новых. Народить новых несложно, это она может, а вот с кошкой воевать – увольте. Она не слон, не лев, не обезьяна, это они такие здоровые и умные, что могут себе позволить рожать по одному или несколько изредка, и поди их тронь, поди достань.

В общем так: чем биологически сложнее существо, тем меньше оно рождает потомства, и тем выше коэффициент выживаемости потомства. Простое существо сохраняет свой род как бы самым фактом биологического цикла, самым своим существованием, в которое необходимым моментом входит размножение. Беззащитную букашку все едят, давят, травят, и спрятаться ей трудно, и противопоставить буйному и опасному миру ей нечего, защититься нечем (хоть тоже старается посылно маскироваться или вонять) – а она размножается, как пулемет, и тем выживает. А лев сам любого сожрет или отгонит, а слона поди тронь, а шимпанзе своими руками чемпиона мира по борьбе задавит леопарда и найдет, чем прокормиться на дереве, когда леопард сдохнет от бескормицы. Такой индивид способен на мощные действия, и через мощь свою и энергичность, через немалую власть над природой, сохраняет род. Тучи детей ему ни к чему. Да им и не прокормиться будет.

Опять же: в сытные годы рождаемость сама собой подпрыгивает, а в неурожайные рождается у самки детенышей меньше. Этот механизм саморегуляции у природы отработан четко. В этих глубинах эмбриологии наука еще толком не разбирается, но железная закономерность и связь явны: меньшая насыщенность среды энергией – меньше травы – меньше насекомых и травоядных – меньше хищников: причем не просто одно вследствие другого, но и **единовременно**: тигрица ведь свою рождаемость регулировать не может, у нее контрацептивов нет, она еще не знает, что тигрят кормить нечем будет, потому что трава не уродилась, – а природа за нее уже это «решает» и делает, планирует семью. Просто понижение рождаемости при наступившем голоде – это бы еще просто было (что часто также случается).

Теперь построим лесенку из ступенек снизу доверху. Что делает в мире водоросль, что совершает, как его изменяет, как энергопреобразует? Только одним образом: она размножается, она увеличивает свою биомассу, заполняет собой пространство; из энергии света солнца и вещества воды образуются многотонные массы весьма сложно структурированной материи. Она может заполнить собой водоем, целое огромное озеро – и хана озеру, нет его больше,

изменился ландшафт: болото получилось, рыба вымерла, змеи с лягушками расплодились и так далее.

Размножились антилопы, сожрали и выбили траву, образовалась пустыня, пересохла реки, зато верблюда никто не трогает, ходят стада и сухие колючки жуют.

А львы жрут всех подряд, а слон и льва в гробу видал, хакает зелень тоннами и оставляет кучи помета в три фута вышиной, почву удобряет для растений.

Чем сложнее индивид, тем большие изменения в мире производит каждая отдельная особь, тем выше, так сказать, индивидуальный коэффициент энергопреобразования.

Теперь вернемся к нашим баранам, в смысле – к человеку.

Напрашивается примитивный вывод, кошмарный с точки зрения морали: что бедняки – это низшие существа, более простые, а богачи – высшие, более сложные.

От оценок мы пока воздержимся, особенно от моральных. Бедняк может быть благороден, умен, может стать славным вождем или знаменитым ученым, про это сложено много сказок, это один из ведущих мотивов мировой литературы. А богач может быть подл, глуп и как личность ничтожен.

Но. Но. В энергетическом аспекте. В среднем. В общем и целом. Вокруг богача происходит большее движение материи. Большее преобразование энергии. Если по-деревенски – больше стройки, пашни, пшеницы и скота, ткется больше тканей и выделяется больше кож для обуви, производится и потребляется больше краски для крыши, добывается и обжигается больше глины для кирпичей на строительство дома и так далее. Из двух равных крестьян богатый преобразует мир больше, чем бедный. Он больше потребляет и – прямо или косвенно, лично или способствуя спросу – больше производит. А детей у него меньше... Занят сильно? Интересы другие? А зачем, почему?..

Мы говорим сейчас только о производстве и потреблении. Оставляя в стороне воителей и героев, самосожженцев-художников и ученых, – о них говорилось в первом разделе. Они – малое меньшинство, и так или иначе их действия рождают или сопровождают для широких масс только материально-технический прогресс, то есть повышение уровня потребления и производства. Открытия! революции! философские учения! потрясающие изобретения! – а люди страдают, радуются, напрягаются и пытаются осмыслить свою жизнь, как и века и тысячелетия назад, – вот только производить и потреблять стали несравненно больше. Энергопреобразование окружающей среды человеком стало гораздо выше.

Водопровод! Горячий! Джакузи! Радио, телевизор, цветной! Моно, стерео, quadro, долби! Вертолет, ракета, лазер, инфрайзлучатель! Автомобиль, с компьютером, сам едет! А пользуются такие же дураки и гады, как жили вечно... а с другой стороны такие же несчастные, умные и добрые. Просто барахла до хрена, и деятельность кругом развели страшную.

И вот мы плавно въехали в современную цивилизацию потребления. Которая есть естественный и закономерный этап эволюции вообще, и истории в частности, как процесса энергопреобразования вещества планеты и света своей звезды, процесса с принципиально положительным, нарастающим балансом. Суть процесса – в положительном балансе энергопреобразования. Суть процесса антиэнтропийна.

Что мы наблюдаем в нашей мощнейшей цивилизации? Резкое падение рождаемости. Один ребенок в семье – уже типично для всех развитых стран. Коренное население сокращается – без войн и эпидемий в закормленной и благополучнейшей Европе и США.

Ребята, это ведь хана.

«Тук-тук-тук!..

– Кто там?

– Конец.

– Чего надо?

– Пришел...»

И все это знают. И понимают. И обсуждают. Но увеличивать свою лично семью обычно не хотят.

Причины проговорены до банальности: желание повеселиться, неуверенность в завтрашнем дне, намерение сначала сделать карьеру, самоутвердиться через деньги, славу, сегодняшний полураспад института брака и семьи, общий пессимизм мировоззрения, а также развитие и распространение противозачаточных средств и возможность аборт, то есть из ловушки природы «любишь кататься – будешь саночки возить» человечество выскочило. Куда выскочило? В канаву с ярко раскрашенным дерьмом, ведущую к могильной яме?

Все причины конкретного нежелания иметь детей – это, конечно, отговорки. Жилье есть, средства на еду и одежду есть, физически можно родить и выкормить, вырастить десяток детей – ведь всяко живут богаче, чем крестьяне двести лет назад, которые по десятку рожали.

Что, в Африке или Азии с их огромной рождаемостью живется сытнее или надежнее?! А, ах, да: они же темные, тупые, неграмотные, у них презервативов нет, они же хорошей жизни не видели, ни к чему не стремятся: ни миллион сначала заработать, ни рекорд поставить, спариваются себе бездумно, как животные. И постепенно занимают ваше место в мире, вырожденцы!!!

Я, разумеется, ни к чему не призываю. Идиотское это дело – призывы. И так уши ломит.

Я о другом. Я лишь вскрываю и констатирую:

С развитием цивилизации энергия человечества принимает все менее биологический характер и все более характер внешних действий через разум.

Как бы цивилизованному человечеству уже нет необходимости размножаться для значительного преобразования окружающей среды – изменить ландшафт, освоить в своих целях огромные пустующие территории, покорить соседний многочисленный народ, выдать на-гора груды угля и сжечь – т. е. предельно энергопреобразовать все, до чего в принципе можно дотянуться.

Раньше брали числом – работников и воинов. Пахать, воевать, строить – надо больше людей. Многочисленный народ мог больше малочисленного, мог в сумме больше сделать, создать, изменить, мог платить больше налогов и создать более сильное и богатое государство. Он покорял и присоединял соседей, вбирал и переваривал их, рос, крепчал.

Сейчас не то. Огромные грузовики и экскаваторы, автоматизированные станочные линии и электростанции. Кнопки атомных войн. Энергия сгорания земных недр и расщепления атомных ядер. Плюс рывок компьютерной информатики. Плюс торговые и финансовые механизмы, позволяющие белому меньшинству эксплуатировать нищее большинство малоразвитых стран (где работают за гроши, продолжая плодиться).

Белому человеку уже не необходимо активно размножаться, чтобы во все больших объемах и все более качественно переворачивать и изменять мир.

Разум изменяет мир активнее гениталий – такова сегодняшняя реальность. Размножение принципиально уменьшило свое значение для изменения мира.

Раньше родители надеялись в старости на детей: помогут, прокормят. Сейчас государственные и социальные институты пенсий и вспоможествований позволяют обойтись без этого.

Раньше рождение и воспитание детей было естественно встроено в жизненный цикл, необходимо предусматривалось им и ничему не мешало: без детей как же? а все равно, что еще делать? – так жило подавляющее большинство. Сейчас и без детей масса занятий и времяпрепровождений.

Природе больше не нужна многочисленность цивилизованного человечества. И малочисленное отлично справится с энергопреобразованием. Много детей – только отвлекает от дела, отсасывает ресурсы времени и сил, которые можно пустить на работу.

У мужчин цивилизованных стран в среднем уменьшился и объем эякулита, и концентрация сперматозоидов на единицу объема. Биологическое уменьшение плодородия!

Так что Мальтус напрасно беспокоился.

Земле не грозит перенаселение. И сознательные усилия человечества по ограничению своей рождаемости оказались ненужными. Природа сама позаботилась о своих нуждах и интересах.

Процесс это стихийный, природный, и никакими человеческими решениями, законами и призывами здесь ничего изменить нельзя. Все происходит как бы «само собой»: по достижении определенного уровня материальной цивилизации в любой стране резко падает рождаемость. За Европой и США упала рождаемость в Японии и Южной Корее. На очереди такой гигант, как Китай: его миллиард с четвертью теперь будет только уменьшаться.

Конкретная женщина с конкретным мужчиной могут сколько угодно полагать, что это они сами решили не иметь детей сверх одного, нужного для простого, пусть регрессивного, продолжения рода и удовлетворения родительского инстинкта, приложения родительской любви. Это частный случай закона соотношения свободы и необходимости: они вольны думать что угодно, а поступают все равно так, как определено энергетикой природы. А определено ею сегодня больше потреблять и производить (а шире – заниматься чем угодно, добиваться чего угодно, получать ощущения через что угодно), но рожать меньше – только для того, чтобы больше энергии пускать через разум в действия по преобразованию мира. И все тут.

Мы мало рождаем, потому что очень много делаем. (Не по напряженности личного рабочего дня, а по суммарным результатам деятельности.)

И – мы дошли до геной инженерии.

4. Последствия геной революции неисчислимы, труднообразимы. Сегодня это пахнет вступлением в новый этап Истории. Разум непосредственно вмешался в устройство и развитие себя самого.

Человек начал делаться самосовершенствующимся устройством.

Клонирование дает возможность настругать любое количество экземпляров одного индивидуума. Если разразится глобальная катастрофа, в которой выживет лишь несколько человек, – в считанные десятки лет их «скопированное» потомство может снова заселить всю планету. Равно же несколько космонавтов, скажем, могут в течение одного поколения густо заселить далекую и неизвестную пока планету.

Это гигантский, качественный скачок в повышении собственной биологической энергетики человечества. Причем она становится саморегулируемой. Хотим – заселим пустой материк миллиардом людей, созданных специально под это дело, не хотим – подождем сколько угодно, в любой момент можем.

Это о количественном аспекте. А о качественном – можно корректировать геной код будущего человека так, чтоб какие-то качества родителя передавались, а какие-то наоборот, убирались. Короче, движение по своему разумению и желанию в сторону более «совершенных» людей – скажем, на уровне самых умных и здоровых. Или – специализация: всяческое культивирование талантов в той или иной области. Гений, может, бесплоден, – так мы его клонируем, пусть продолжают жить и творить гении на Земле.

Родители глупые и хилые, а о ребенке мечтают умным и сильным. Так позаимствуем кое-что из хромосомного механизма другого человека – и организуем слабакам их собственного ребенка, сходство явное в каких-то чертах, но здорово превосходит их по желаемым параметрам.

В ясной перспективе это выглядит сегодня именно так.

То есть. Биологическая эволюция человека прекратилась было. Антибиотики, инкубаторы, социальное обеспечение и пр. – стало появляться все больше уродцев, которые в естественных условиях не выжили бы. И они дают потомство, и человечество физически хиреет. Геной инженерия в принципе позволяет не только больше не хиреть, но напротив – крепчать:

создавать и наследовать качества, необходимые и полезные для здоровья и выживания. Эволюция продолжается, причем на более высоком уровне – разумном, направленном, экономичном.

Да, делать человек стал больше, а рожать меньше. Энергопреобразование мира увеличилось, а биологическая энергия собственно человека уменьшилась. Но через разум, через рациональные открытия и действия – потенциальная биологическая энергия человечества также увеличилась, резко, качественно, скачком. (Вот для чего и надо было меньше рожать, а вместо этого больше думать и работать.)

Не пятнадцать детей от женщины, а тысячу! По примитивной арифметике – человек стал в сто раз плодовитее (это вариант самого ограниченного подсчета по отделяющимся созревшим яйцеклеткам).

Пробирки, термостаты, инкубаторы, лаборатории, – технические подробности здесь непринципиальны и будут постоянно совершенствоваться.

.....

Что бы ни делал человек – а в результате человечество приходит ко все бóльшим свершениям.

—

Замечание на полях :

Проблема падения рождаемости отнюдь не нова в истории цивилизаций. Она принимала отрицательный, угрожающий характер еще в Древнем Риме периода расцвета – расцвета, а не упадка! об упадке вообще говорить не приходится. И придумывались в Риме специальные законы, направленные на увеличение рождаемости, принимались меры социального поощрения, деньги из бюджета выделялись дополнительно – за рождение детей и на их воспитание. Не хотели римлянки рожать, хотели жить в благополучии и для собственного удовольствия. А в провинциях с рождаемостью было все в порядке, плодились исправно. Ничего нового, а?

Что произошло в итоге с процветающим Римом? Натюрлих.

Да еще в библейской истории об исходе евреев из Египта упоминается, что фараон был обеспокоен здоровой плодовитостью евреев при неважной рождаемости у египтян, и решил выправить опасный крен репрессивными мерами: если повысить рождаемость египтян было не в его силах, то урезать еврейское потомство он средства имел. Великий Египет подходил к закату своего могущества...

Автоматический природный регулятор всегда втыкался в колеса преуспевающей цивилизации. Как бы образовывался дисбаланс в распределении энергии сообщества: больше в производство-потребление и преобразование мира через осмысленные действия – меньше в простую биологическую экспансию.

На высоких этапах развития цивилизаций биология всегда являла свое подчиненное положение по отношению к природопреобразующему разуму. Мол, и так слишком много всего можете-делаете, размножаться вам уже необязательно.

С этого и возникали представления о «старых» и «молодых» народах, угасании жизненной энергии, деградации генофонда и т. д.

Глава 2

Государство и ландшафт

Задолго до Шпенглера и Тойнби с их теоретическими анализами люди знали – всегда знали, собственно, тут и знать нечего, – что для приличного, перспективного поселения нужно такое место, где есть вода, и лес неподалеку не повредит для охоты, строительства и топлива, и морской берег для сообщений удобен, и кусок равнины нужен для пашни, и горы не повредят от соседей перекрыться на всякий случай. Вот цивилизации и возникали на совмещении двух или более ландшафтов: все государства Средиземноморья – это море, пашня, лес или тростник, обычно – гора для крепости; славяне – река, лес, пашня; и т. д. Среди бескрайней степи или сплошного леса много не наковыряешь.

А что означает разнородный ландшафт? Это означает его повышенную (по сравнению с однородным) энергетичность – то есть возможность его перемен уже самой природой, возможность произведения природных работ: степь зарастет лесом – или наоборот, лес отступит перед степью; море смочит и захватит берег – или наоборот, море обмелеет и берег наступит вперед; река пересохнет – или размоет огромное русло, ветвленную пойму. Разнородность и энергетичность – это ведь отчасти синонимы: одно может сравняться с другим, при этом происходит определенная работа, и система видоизменяется внутри себя в сторону уравнивания, однородности, энтропия ее увеличивается, а энергия, частью своей произведя изменение, уменьшается. Разнородный ландшафт в этом смысле подобен заряженной батарее с ее разностью потенциалов на полюсах, а однородный – разряженной батарее: потенциалы полюсов равны, и, считай, ничего она не может.

Если прибавить климатическую разность времен года и разницу дня-ночи в температуре и влажности, то энергетичность ландшафта становится еще понятнее и очевиднее.

По-простому получается так: разнородный ландшафт дает человеку больше возможностей. Начиная с того, что у него есть великая возможность произвольного маневрирования своей энергией в любом направлении, называемая свободой: хошь землю паши, хошь лес валяй, хошь корабли строй, скот паси, по морю плавай. А разность занятий – это разность потенциалов цивилизации: растет ее энергетика!

Энергетика человека подключается к энергетике ландшафта – и тогда получается прущая энергетика цивилизации; вот к чему мы гнем.

Народы однородного ландшафта – степи, гор, тундры, джунглей – ничего круто цивилизованного создать не смогли. Глупы, вялы? – отнюдь: и сметливы, и горячи бывают. Условия не позволяют? – Верно, можно так сказать. Но к чему эти условия сводятся в целом? – К низкой энергетичности ландшафта. Хоть тепло хоть холод, хоть степь хоть джунгли – нет разности потенциалов. Ни в тундре, ни в горах – не дернешься, выбор не сделаешь, туда-сюда не побегаешь из одного в другое, и к возможности изменения ландшафта не подключишься – нечего в нем изменять. Только вписываться, приспособливаться. Пасет чукча оленя, а горец – барана, вот и вся любовь.

Конечно, есть «торговля – двигатель прогресса». Торговая связь – это как проводок от одного аккумулятора к другому: ток течет, разность потенциалов образуется, народ однородного ландшафта становится частью энергетической системы, самим своим наличием повышая ее энергетичность.

Конечно, есть «Вызов-и-Ответ»: ландшафт должен иметь некоторую суровость, оказывать человеку некоторое сопротивление, чтоб тому надо было покумекать и потрудиться, чтоб

выжить; а то в райских условиях и трудиться незачем, и думать. Европейцы на Таити часто «объедались лотоса»: на фига работать, если и так приятно.

Конечно, есть и обратный предел: на вулкане не очень проживешь, хотя энергии в нем полно.

Но главным остается: именно разнородный ландшафт уже сам по себе «изготовлен» и «заряжен» для самопреобразования – и человек использует эту заряженность, подобно тому как использует для плавания судна энергию стекающей в реке воды.

Человек, можно сказать, способствует выделению энергии, уже содержащейся в разнородном ландшафте. Эта энергия ложится одним из оснований начала и развития цивилизации.

А далее по мере развития цивилизации ландшафт «вырабатывается»: сводятся леса, истощается почва, мелеют водоемы – это обычно называется «хищническим уничтожением природы» – и отжившие цивилизации оставляют по себе пейзаж, где энергией не подзарядишься; но это уже история известная и понятная. Что и сопровождается, заметим, падением рождаемости и ослаблением государства.

Государство и эволюция

Мы имеем сколько-то связные представления о человеке в Истории только до тех глубин времен, когда была уже письменность и изрядная архитектура, но не раньше. А ими сопровождалось существование государства.

Человеком догосударственным занимаются этнография и этнология, и здесь экстраполируемые результаты – к чему пришли бы народы, которые мы застали на родо-племенном уровне – проблематичны и не бесспорны. Отсталые народы так или иначе всунуты сторонней им цивилизацией в фарватер ее развития, с концом их изоляции кончилось и их самостоятельное и естественное развитие.

Мы имеем дело с ч е л о в е к о м г о с у д а р с т в е н н ы м.

Есть ряд теорий возникновения государства, но различные объяснения и приведение разнообразных причин не имеют принципиального значения. Суть одна. Люди стремятся так организовать свое сообщество, чтобы в сумме быть сильнее и иметь возможность делать совместно больше, чем по отдельности.

До определенного этапа государство создается по линии целесообразности для явного и понятного блага граждан:

Безопасность? Конечно. Внешняя – отмахаться от соседей. Внутренняя – лучше суровый закон, чем никакого, когда каждый может резать каждого, а так договоримся о правилах и будем жить все по ним, жмет под мышками, конечно, зато жив и сыт, а буйный головорез выищется – укоротим вместе его на голову. Семью заведем, род продолжим, будет нас много, и никто нас не тронет.

Сытность, производительность труда? Конечно. Хором мамонта забьем и прокормимся, хором оросительный канал прокопаем и хлеб посеем. Удачливый и сильный поделится в голодный час едой, а мы ему за это дом побольше смайстричим, в свой час лучший кусок дадим.

Воин защищает, пахарь пашет, строитель строит, а в результате всем защищеннее и сытнее. Излишком хлеба прокормим ученого, он нам водяную мельницу изобретет, наш труд высвобождает от ручной помолки, мы еще больше всего наделаем.

Пока все элементарно, Ватсон, это проходят в школе. А нешкольным языком – государство повышает энергопреобразовательную мощь человека.

Дальше начинаются сложности. Все государства плохие. Они ограничивают и угнетают человека. Заботятся, конечно, как-то, – но при этом диктуют, заставляют, угрожают карами. Налоги дерут, в армию загоняют, правила поведения навязывают, и главное – справедливости в них не хватает.

Со времен Платона, а на самом деле раньше, люди строили теоретические модели справедливого государства. Нет числа утопиям, как «логично-научным», так и художественно-фантастическим. Но о том, что «справедливость» в жизни недостижима в общих масштабах, мы говорили во многих местах.

Пока тоже просто. Годится едва ли не любой пример. Вот вы завели собаку сторожить дом. А она ест, гадит, пахнет псиной, скулит когда не надо, спариваться ей нужно, – увы, побочные для вас следствия. А для нее, может, сторожить ваш дом – побочное следствие ее жизни, где главное – кормежка и конура. Любая медаль имеет две стороны.

Народ создает законы и государственные должности для себя. А исполняют их конкретные люди. Они самоутверждаются. Чем энергичнее и способнее – тем могут быть честолюбивее и корыстнее. Уж как Петр охаживал Меншикова и кулаком и дубиной за безмерное воровство – а держал: способный.

И тогда народ создает дополнительные законы, дополнения, поправки, – чтоб ограничить возможность государственных лиц самодурствовать и употреблять власть во вред народу. Портит власть человека, это давно известно. Афиняне вообще додумались до ostracism: раз в год изгоняли на десять лет того, кто выше всех высунулся. Того, кто, по их мнению, угрожает свободе и демократии, слишком одеяло на себя тянет. И плевать, что он много пользы принес. За прошлое – спасибо, а в будущем – как бы тираном не стал.

Римляне решили: трибунам отправляться с войском вдвоем и командовать по очереди, через день, и хорошо, если они друг друга не любят – не сговорятся тогда с этим войском взять власть в Риме и подмять государство под себя. В результате такой демократии Рим с грохотом проиграл битву при Каннах и едва не погиб. Двуначалие отменили.

То есть. Государство постоянно совершенствуется, как может. Детали подтачиваются, шлифуются, вводятся дополнительные предохранители и «улучшатели». Машина делается все более громоздкой.

В любом государстве происходит, с самыми благовидными целями, бюрократический рост. И до поры до времени это действительно улучшает и совершенствует деятельность государства. А потом оно начинает делаться все более громоздким, задыхаться и спотыкаться.

Это одно. А второе:

Закономерности существования и развития государства те же, что и прочие в истории и природе: государство стремится быть как можно более мощным и значительным, повышать свою энергопреобразующую деятельность. Оно экспансивно по сути! Оно «хочет» быть большим, сильным, богатым – и начинает завоевывать соседей. Оттого часто и гибнет. Кир нарвался, Александр нарвался, Наполеон нарвался. Про слабых и завоеванных и говорить нечего.

Но вот гибель Рима очень всегда историков интересовала. Такой большой, сильный, богатый – чего загнил, чего развалился, ведь четыреста лет назад такую толпу вшивых варваров Цезарь или Сулла растерли бы в грязь несколькими легионами? Тут и теория морального упадка, и теория физического вырождения, и теория угасания энергии этноса.

Вообще-то Рим кончился в 212 году с эдиктом Каракаллы, который дал права римского гражданства всем свободным жителям всей территории империи. Обитатели завоеванных провинций стали полноправными римлянами. Что это значит? Энтропию это означает, вот что. То самое равенство, когда между людьми и группами резко падает разница потенциалов. Да хрен ли иберам и бриттам величие Рима, гори он ясным пламенем. А ведь идея была хорошая. И с точки зрения морали людям приятно было стать гражданами, и радеть, вроде, за государство больше должны, армейские вопросы решать легче. Ан нет...

Что есть суть государства? Что делает его таковым – нужным и мощным? Организация его, структура законов и государственных механизмов. Что с ними всегда происходит со временем? Усложняются, увеличиваются. К чему это ведет? К противоположному эффекту. Те

самые механизмы роста и самоорганизации, которые способствовали образованию, росту и укреплению государства, по мере времени начинают мешать ему, загромождать «кровеносные сосуды», виснуть тяжелым грузом, мешать на каждом шагу. Все больше дистанцируется и абстрагируется государство от тех отдельных людей, на которых и для которых оно существует. Люди привыкают видеть в чиновнике не друга и защитника, а врага и вымогателя, который занимается черт-те чем, а тебя главнее.

Закон и государство по мере усложнения из все более эффективного и отвечающего назначению превращается во все менее эффективное и не отвечающее своему назначению. И тогда его прожирают и загаживают изнутри, и оно рушится от любого толчка извне, а может, и без особых толчков, как СССР в 1991 году.

Механизмы саморегуляции и коррекции могут продлить жизнь государства, но, разумеется, не могут сделать его вечным.

Стремясь всегда быть как можно более значительным, оно в конечном итоге само себе могильщик.

«Парадоксов» полно. Скажем, подавляющее большинство граждан цивилизованных стран безусловно стоит за смертную казнь тяжких преступников – террористов и всех тех, кто совершил обдуманное убийство невинной жертвы и т.п. Народ за – а государство против! Провести плебисцит – законы не позволяют, а избранные должностные лица – из гуманных либо карьеристических соображений – делают обратное тому, чего хочет избравший их для своего блага народ. О!

Или, скажем, белые страны сейчас стонут от легальных и нелегальных иммигрантов, которые прожирают деньги налогоплательщиков, хулиганят, занимают рабочие места и при этом буйно размножаются, быстро замещая собою коренное население. А принять более жесткие законы об иммиграции – не получается! А плебисцит провести невозможно! А наживаются на этом предприниматели, использующие дешевую рабсилу, чиновники, сохраняющие свои места в соответствующих ведомствах, и политики, делающие своим «гуманизмом» политический капитал на голосах избирателей.

Это называется «улучшенное» государство, которое безусловно находится в стадии гибели. Культ работящести, высоконравственности, суровости принципов (и нарушали, и куролесли, но генеральная линия была) сменяется аморфностью, бессилием перед жестокой наглостью чужаков, разгильдяйством – но все сыты, и грязной работой сами заниматься не хотят. Совершенствуя государство в своих интересах век от века, они усовершенствовали его до того, что это государство само себя губит как своими законами, так и реальным их проведением в жизнь.

Такова элементарная диалектика развития. А свинцовый водопровод, который якобы отравил воду и тем погубил римлян, тут ни при чем.

Государство как система

1. Два муравья

Возьмем небольшой плексигласовый ящик с песком. Посадим туда муравья. Муравей побегает и начнет копать. Выроет ямку и насыплет рядом холмик.

Посадим к нему второго муравья. Они начнут копать вдвоем. И насыплют, очевидно, холмик вдвое больше.

Ну так нет – не вдвое. Втрое! Производительность труда резко подпрыгивает. Этот факт энтомологи-«муравьеведы» объяснить не могут – они его лишь констатируют.

Почему муравьи сообща делают больше, чем порознь? Допустим, что они копают одну ямку вместе, а не две по отдельности, потому что в них инстинкт коллективизма. А упираются-то больше почему? Социалистического соревнования у них нет, аккордный наряд на земляные работы не подписан.

Два муравья – это уже система. Даже два муравья – уже не сами по себе, но образуют простейшую систему.

А система – это уже не количественно, а качественно новое образование. Она не равна простой сумме составляющих ее частей. Ее возможности, мощность, эффективность выше, чем суммарные возможности ее монад по отдельности.

Под монадой здесь понимается неделимый системообразующий элемент, способный к самостоятельному существованию и сохраняющий свои свойства и вне системы: обладающий индивидуальной автономией.

Энергия системы выше, чем сумма энергий ее монад. Откуда? Арифметика здесь работает уже иначе. Один плюс один равно трем. Вступая во взаимодействие, монады «вскрывают резервы энергии», которые не проявляются вне взаимодействия.

2. Цвай камараден

Человек роет канаву. Суем к нему в канаву другого человека. Очевидно, вдвоем они выроют вдвое больше.

Тоже нет. Вдвоем они могут вытаскивать камни, которые одному вообще не под силу. Или – один долбит ломом, второй выгребают совковой лопатой, потом меняются: при смене операций устают меньше, вырабатывают больше.

Санитар тащит на горбу раненого: пыхтит и качается. Вдвоем на носилках они с теми же затратами времени и труда вынесут не двоих, а троих, четверых.

Даже два человека – это уже система, которая может больше, чем эти два человека порознь.

Мы пока не говорим о разделении труда и специализации. Мы говорим лишь о простом соединении усилий.

3. Бригада

Берем двадцать человек, снабжаем всем необходимым и суем в тайгу. Продукты скоро кончатся. Инструменты есть. Выживать надо.

Начинают выживать. Воду находят: ручей, речку, озерцо. Рыболовные снасти ладят, на охоту ходят. Деревья валят, жильё ставят. Если нормальные мужики – через год встанет в тайге нормальный мини-поселок.

И будет в этом поселке нормальное разделение ролей. У одного глаз зорче и рука тверже – его больше отправляют охотиться. Другой с топором ловчее управляется – «главный плотник». Третий – самый здоровый: лес валить, тяжести ворочать – здесь он первый. И так далее.

И понятно: сунь их в тайгу поодиночке – не факт, что вообще все выживут. И хижина у одиночки будет жалкая, и заболевшему ему помочь некому, и т. д.

Итак, система обеспечивает своим членам лучшую жизнь, чем они могут себе создать по отдельности. И сделать могут они вместе больше, чем по отдельности. И вот для хорошей жизни и взаимопомощи они объединяются.

Просто и мило. Слишком просто и мило, чтобы быть всей правдой.

4. Тургруппа

Туристы идут в поход для отдыха и развлечения. И быстро начинается: кто-то натер ногу и не может быстро идти, кто-то не может толком кашеварить, кто-то простудился, кому-то лень воду тащить в ведре.

Начинается распределение обязанностей, составляется график очередности: носить воду, собирать дрова, варить пищу, ставить палатку. Невелика работа, но любого быстро раздражает, если он что-то делает за другого, больше другого, по его мнению. Вначале-то, если туристы неопытные, все пылали приязнью и уверяли друг друга, что не фиг там очереди устанавливать, мол – кто свободен, устал меньше, тот и сделает. Практика быстро отрезвляет: давайте-ка организовываться.

Аморфное скопище превращается в систему. В этой системе всем лучше и спокойнее. Поводы к раздражению минимизируются. Появляется что-то вроде зачаточного Закона, обязательного для всех.

И по этому Закону, кстати, скорость группы определяется по самому медленному и хилому. И ему, если переходы тяжелые, приходится помогать: тяжелые вещи из его рюкзака другим тащить, через реку его переправлять, если он плавать не умеет, кашеварить за него, если он от усталости не дышит.

На черта его тащить с собой, не лучше ли бросить? А может, он самый умный и хорошие советы подает. А может, дурак, но вот внук его родится гением: есть смысл поберечь. А может, уж очень человек душевный, коллективная совесть. А если сволочь? Но главное: сегодня его бросили, а завтра меня, вдруг я заболел. Нет, уж группой – так группой.

Опять же – получаем оптимизацию действий, преимущества коллективного выживания.

Вот какие мы умные, гуманные и, соединяясь в систему, лучше выживаем. Так, что ли? Банально, что ли?

5. Ролевое распределение

И всегда выделяется лидер. Он не всегда самый сильный. Не всегда обладает самым твердым характером. Не всегда самый умелый по жизни. И не всегда самый умный. Но вот по сумме этого многоборья у него больше всех очков.

А самое главное – в критических ситуациях он всегда берет на себя ответственность, принимает решение и добивается от остальных его выполнения. Он может организовать, убедить, настоять, заставить. И ему это нравится и этого хочется.

А если не очень хочется? Тогда сообща выбирают себе старшего. Потому что в некоторых ситуациях кто-то должен руководить, командовать: хотя бы бревно на сруб поднимать или с привала сниматься.

И всегда выделяется аутсайдер. Или самый хилый, или жирный, или робкий, или неумелый. К нему снисходят, посмеиваются, при случае помыкают.

И есть группа повыше, «перворанговая». И есть – пониже, «второранговая». По силе, характеру, умениям.

И энергичные всегда будут наверху. А вялые – внизу.

И все это выглядит разумно и логично. И представляется к пользе дела: люди от природы не равны, каждый делает что может и получает благ и уважения в соответствии со своим вкладом и натурой.

Социум, понимаешь. Человек – животное социальное, заметил еще Аристотель.

6. Крысы в вольере

Ужасная вещь: для того, чтобы живым существам образовать из себя и собою систему, много ума не надо. Без гениального человеческого разума многие обходятся. Э?

Моржи в стаде, волки в стае, львы в прайде и т. д. – все имеют свою иерархию. Могут сказать: естественный отбор – дают потомство самые живучие и приспособленные. Гм.

А вот крысы. Весьма многоступенчатая иерархия в крысином сообществе. Вожаки, перворанговые самцы, перворанговые самки, второранговые, парии.

Вот они живут в вольере. Корма и места всем достаточно. Но иерархия соблюдается! Хотя прямого смысла нет – все выживают. Но они не сами по себе – они в системе. Сегодня легко жить, завтра трудно – а система сохраняет себя.

И вот открывают дверцу в соседний вольер – пустой. И крысы туда не торопятся. Они умны и осмотрительны, осторожность не вредит: что там, в новом свете?

Первыми идут обследовать новую территорию «разведчики» – особи обычно второранговые, которм дома не мед. А вдруг будет неплохо, лучше?

Затем они возвращаются домой – и уже с группой переселяются на новое место – «пионеры».

А потом уже около половины стаи перетекает на новое пространство, обследованное «пионерами» и явно пригодное для житья. И первое, что делают «вожаки» из тех, кто перетек с этой половиной – убивают «разведчиков».

Вам это ничего не напоминает?

Система стремится сохранить себя. Не важно, что корма и места достаточно. Психологический и через него социальный механизм продолжают выполнять свою программу.

Система – не простое сообщество монад, но новая структура. У этой структуры свои возможности и свои задачи. Самосохранение и саморазвитие – весьма важная задача системы. По ситуации выделяются новые роли – а потом роленосители уничтожаются: порядок.

Система существует для того, чтобы в тяжелых и опасных условиях реальной жизни обеспечить выживание и размножение самых сильных и приспособленных. А для этого надо контролировать как можно большую территорию и поголовье на ней.

В Австралии «разведчики» удрали бы подальше и размножились безмерно. А в вольере удрать им некуда...

Как там насчет революций, пожирающих своих детей? Насчет первооткрывателей, которм обирали и вытаскивали государственные чиновники и торгаши? Но не будем забегать вперед.

7. Зеки в камере

А теперь суем двадцатерых не в тайгу и не в поход, а в тюремную камеру. Или – отряд на зоне.

Российский следственный изолятор, где не повернешься и не продохнешь, брать не будем: это уже пытка бытовыми условиями. Возьмем нормальную благоустроенную зону. Для человека, впервые попавшего туда на экскурсию, условия жизни выглядят удивительно гуманными: непонятно даже, в чем уж такое наказание. Жилое помещение напоминает благоустроенную армейскую казарму: нормальные койки в два яруса, тюфяки, одеяла, раз в десять дней сменяют свежее белье и водят в баню. Трехразовое питание – ну ничем не хуже обычного солдатского в обычном линейном мотострелковом полку: воруют меньше прапорщики и интенданты. Восемь часов сна – отдай. Восьмичасовой рабочий день в производственной зоне – нормальная работа: рукавицы там или тапочки шить, или ящики сколачивать, или по металлу чего точить. Не переломишься. И даже с жалких грошей, что выплачивают зеку из заработанного,

можно в ларьке купить сигарет, или чаю, или пряников. И даже посылки с воли иногда приходят с едой или теплыми вещами. Ребята – ну ей же Богу ничем не страшнее армии, только муштры и окриков куда меньше.

Адом делают свою жизнь сами зеки.

Жесточайшая иерархия. Наверху – пахан, главвор: в углу у окна подальше от двери, на нижней койке, на лучшем месте. Рядом – воры и блатные. Они не работают, им западло: уголовный закон не велит. Носят тюремную одежду и обувь поновее. Отбирают лучшие куски из посылок и передач остальных. Пол не моют, сортир тем более. Помыкают остальными.

«Мужики» работают за себя и за воров и лучшее отдают им.

«Чушки» делают грязную работу, над ними издеваются для развлечения и чтоб знали свое место.

«Опущенных», «петухов» можно драть и за людей они вообще не считаются, их можно заставить хоть на дереве жить.

Казалось бы: зеки – товарищи по несчастью, вертухаи – их враги. Так логично бы помогать друг другу, облегчать друг другу жизнь – и сообща противостоять угнетателям. Фиг!

Тюремные психологи возымели было мнение, что это происходит из-за гадских уголовных традиций: испорченные рецидивисты портят жизнь остальным. Ставили опыты: осужденные по первой ходке, с нетяжелыми бытовыми статьями, не пихаются вперемежку на общий режим – а отделяются и селятся вместе, без блатных. Нормальные, то есть, люди в приемлемых условиях.

И через короткое время эти мирные люди образуют точно ту же структуру: по своим правам и обязанностям выделяется «вор», «блатные», «мужики», «чушки», «опущенные». И жизнь делается в такой камере или отряде еще ужаснее: рецидивисты как-то соблюдают традиции «закона», а здесь сплошной беспредел, отношение к тем, кто ниже тебя по этой социальной лестнице, еще более жестокое и неограниченное в издевательствах. опыты прекратили – озадачились...

Итак, мы имеем самоорганизацию системы. Помогает ли такая система что-то делать, работать, производить? Нет. Помогает ли выживать своим членам? Нет, наоборот. Так на кой черт она нужна и почему образуется?

Пытались мешать организации такой системы, объясняя зекам нерациональность их поведения, не говоря уж о негуманности. Меры принимали, запрещали, наказывали. Не получалось. В карцер шли «воры» и «блатные», но на своем стояли. А самое-то ужасное – убивали блатных, так из «мужиков» выделялись другие на их место.

Но. Но. Что дает своим монадам такая система? А сильные ощущения дает – и положительные, и отрицательные. Пахан наслаждается своей властью и чувствует свою значительность – но постоянно готов за свою власть драться, рисковать, лезть на нож или наматывать себе новый срок. Блатной прогибается перед паханом, презирает мужика и сладко глумится над опущенным. Опущенный страдает – но счастлив, если не избивали, не опустили почки, разрешили пожрать. Мужик оберегает свой статус, глотает унижения и побои от блатных, радуется, если все сравнительно благополучно в его этой жизни, и чувствует себя человеком по сравнению с презираемой кастой, мастью.

Мы имеем социум. Структурированное общество. Вне себя эта система может ничего не производить. Но внутри себя обеспечивает своим монадам «эмоционально богатую, наполненную жизнь».

Этот чувственный аспект первичен при самообразовании людей в систему. Даже если у системы отсутствует конкретная возможность и цель деятельности, она все равно образуется.

В принципе (в принципе!) отношения в камере не отличаются от отношений в детсадовской группе или школьном классе: есть лидер, хулиганы, середняки, слабаки, стукачи, изгои, «ломом опоясанные» одиночки.

Разум, рациональный подход к устройству своей и общественной жизни, к решению стоящих перед сообществом людей задач – здесь не главное, не доминанта.

Психологическое устройство человека, его повышенная энергетичность, которая проявляется прежде всего на уровне потребности в сильных положительных и отрицательных ощущениях, обеспечивает самоорганизацию людей в систему.

Человеку нужно включать себя в людскую систему прежде всего не для решения конкретных реальных задач – а для получения максимальных положительных и отрицательных ощущений. Понятно, что это его стремление не умственно, а подсознательно – и реализуется более через подсознательные влечения, чем через осознаваемые жизненные потребности.

Для человека как системообразующей монады первично не стремление решить реальную, бытийную задачу, которую проще решить сообща – а стремление получать посредством системообразования больше положительных и отрицательных ощущений: т. е. жить активнее на уровне чувств.

Корень – в этом.

Образовываться в систему, чтобы больше и мучиться, и радоваться. А больше делать – с точки зрения человека как субъекта прежде всего чувствующего – это уже следствие, это вторично.

Вот таков исходный механизм системообразования для человека.

8. Семья

Семья – система более биологическая, нежели социальная. В одиночку человек не размножается. Биологические роли мужчины и женщины взаимодополняющи. Сущность и назначение семьи как двуполой системы понятны на биологическом уровне. Вряд ли здесь требуются разъяснения.

А вот однополая семья для понимания чуть сложнее. Мы имеем подобие биологической системы – без ее реальной природной функции. (Хотя многие гомосексуалисты и лесбиянки мечтают о времени, когда наука позволит им иметь ребенка с любимым человеком без участия противоположного пола. И, что характерно, не исключено, что в будущем они получают свой шанс. Что лишний раз подтвердит нашу теорию: чувство стремится через разум к совершению действия.)

Человек размножается не потому, что говорит себе: мне пора размножиться, такова функция моего организма (мой долг перед народом, перед государством, надо оставить потомство, надо передать кому-то наследство). Он хочет совокупляться с противоположным полом. Вообще – или с конкретным или даже единственным представителем. Хочет наслаждения, ласки, заботы, понимания, любви, уюта, общения, защиты и т. д. Детей хочет, а иногда не хочет и применяет контрацептивы, а иногда не думает об этом, а просто хочет обладать партнером. Но даже при осознанном желании иметь ребенка это чувство невозможно резко отделить от сферы прочих сопутствующих чувств и желаний, которые выше перечислены.

Гомосексуалист тоже всего этого хочет. И образует с другим гомосексуалистом семьеподобную систему. Всё как в семье. Ну, только вместо комплекта половых органов два полукомплекта. Оба отлично знают, что дети у них не родятся. А друг друга хотят и даже иногда любят.

Ну, сбой в хромосомах. Или наведенная привычка, перешедшая в рефлекс. Или отсутствие лиц противоположного пола – при осязаемой половой потребности.

Для нас сейчас важно не это. А то, что даже такая биологически обусловленная (можно сказать, абсолютно жестко детерминированная) система, как семья, образуется монадами не для того, чтобы выполнять конкретную задачу размножения, а для того, чтобы удовлетворять желания, т. е. давать ощущения.

Один не хотел жениться, тяготится семьей, гуляет – а живет. Второй хочет создать семью – да что-то ни с одним конкретным партнером у него жить не получается, хотя для выполнения природной задачи почти все годятся. Чувства первичны, чувства!

В основе создания и существования системы лежит стремление человека к ощущениям. Сенсорное, а не рациональное.

Гомосексуальная семья – как отряд на зоне: система существует и удовлетворяет потребность в ощущениях, вот только реальных следствий в окружающем мире нет. Субъективная обусловленность системы есть – а объективная отсутствует.

Непродуктивная система. Можно сказать так.

Гетеросексуальную семью можно в этом плане уподобить бригаде в тайге: не только вступают в ролевые отношения, но и производят вследствие этого бóльшие реальные действия в окружающей среде, как-то изменяют ее.

Продуктивная система. В данном случае – репродуктивная.

9. Система структурирует: Бытие-внутри-себя и Бытие-вне-себя

Что делает продуктивная система? Производит «внешний» продукт. Что-то такое делает, что объективно появляется и существует вне ее. Можно сказать: структурирует окружающее бытие, складывает какие-то его детали в такие конструкции, которых раньше, до действий системы, не было. Поселок строит, к примеру.

Что делает непродуктивная система? Никакого внешнего продукта она не производит. Окружающий мир, объективно глядя, не изменяет. Существует сама для себя. А составляющие ее монады, люди, вполне заняты: вовлечены в межличностные связи, напрягаются в поддержании внутрисистемных отношений, заботятся о своем статусе, прикладывают силы для поддержания своего положения, радуются и горюют. Отряд зеков.

Различие между ними понятно: это наличие или отсутствие в окружающем Бытие следствий существования этих систем.

А сходство? В аналогичности внутренних структур и внутреннего функционирования. Мир зека сужен до размеров камеры или зоны. В этом мире зек реализует свои желания и возможности: устраивается лучше или хуже, отлынивает от мытья пола, охотится за лучшим куском, достает лучшую одежду, тащит ярмо опущенного или сражается за привилегии блатного. И борется за это ничуть не меньше, чем работяга за повышение зарплаты или сокращение рабочего дня. И самоутверждается в этом ничуть не меньше, чем начальник бухгалтерии над младшим бухгалтером или директор завода над своим шофером.

Первый на деревне – более человек, чем последний в Риме, справедливо рассудил Цезарь.

Любая система всегда и прежде всего структурирует Бытие-внутри-нас. Свой внутренний, субъективный мир. А вот этот внутренний мир – может распространяться на внешний, а может и нет. Система прежде всего имеет дело с миром как со своим представлением о мире. Это представление о мире прежде всего включает ее саму, а уже потом – все остальное.

Системе без разницы, как проецируется ее Бытие-внутри-нас на внешнее Бытие-вне-нас. Главное – чтоб в Бытие-внутри-нас было все в порядке. Для сравнения: двигатель должен работать, а уж едет машина или нет – это дело коробки передач, кардана и колес. А сам двигатель старается как может, и в его представлении чем лучше он работает – тем больше от него толку машине, а что там с ней на самом деле делается – он знать не может, он судит о езде по собственной работе.

С точки зрения внешнего наблюдателя, объективной, система или структурирует Бытие-вне-нас – или это какая-то бессмыслица, низачем не нужная. С точки зрения внутреннего наблюдателя, субъективной, система всегда структурирует Бытие (-внутри-нас), в этом ее смысл, целесообразность, необходимость – а «провести грань» между Бытием-вне-нас и

Бытием-внутри-нас она «не может» – не может выскочить за рамки себя как субъекта, своего представления о мире, своих задач.

10. Фирма

В «Законах Паркинсона» есть дивный пример. Британское Адмиралтейство. Во время I Мировой войны тоннаж и количество выпелов Его Величества флота значительно вырос. В отстающей пропорции рос и аппарат Адмиралтейства.

После войны флот стал сокращаться. А аппарат продолжал расти. В результате флот стал меньше довоенного – а аппарат значительно многочисленнее. Хотя дел у него, казалось бы, стало меньше. Но на внутрисистемном уровне – дел стало больше! Управления, отделы, подотделы и горы бумаг.

Каждый хочет зарплату и должность выше. Функционеры находят все новые способы улучшения общей работы, уточнения всех деталей и подробностей, совершенствования обеспечения боеготовности – и так без конца. И заняты все – выше горла!

На уровне монады, человека, – каждый стремится быть полезнее, значительнее, делать свое дело еще лучше – и лучше при этом жить. На уровне системы – она заботится прежде всего о себе самой: еще бы, ведь она – мозг и нервы флота, она – главная, без нее он превратится в мертвое железо, это она все обеспечивает, и, следовательно, чем ближе ко всеобъемлющей ее работа – тем лучше, это первоочередная задача. И она громоздится над собой, как скала на дрожжах, если скалы могут расти на дрожжах. И бюрократизация аппарата душит все вокруг.

Флот полагает, что Адмиралтейство для него. И работники Адмиралтейства тоже так полагают! Но у системы своя логика, своя целесообразность и свои законы развития. Система неизбежно отождествляет свое благо с благом флота. Все нужды воспринимает в первую очередь через призму нужд собственных: ведь она – не чужая флоту, не инородное образование, она – его мозг, руководящий орган, главная.

И сотрудники засиживаются после работы и получают благодарности, выговоры, премии, награды, чины и инфаркты.

Вышеизложенное в общем относится к любой фирме, коллективу, учреждению. Стремительный рост фирм в России девяностых годов показывает, как созданное несколькими приятелями предприятие мгновенно бюрократизируется и многоступенчато усложняется по мере существования. И вот уже простое дело требует внутренних виз и согласований, и всем нужны дополнительные сотрудники, и не хватает мест в просторных недавно помещениях.

Субъективный фактор понятен: каждый хочет быть значительнее, главнее, богаче. Но есть и объективный. Руководители с удивлением убеждаются, что многого внутри собственной фирмы они просто не в силах изменить: люди сволочи, хорошо работать не хотят, заменить за ту же зарплату их некем, выгнать нельзя – масса мелких дел провиснет, многочисленные партнерские обязательства вяжут по рукам и ногам, рынок диктует свои законы, отдохнуть толком некогда – свобода превратилась в сплошную необходимость, не то фирма просто рухнет. Система начинает диктовать человеку.

Он делает фирму для себя – и становится ее рабом. А кто его заставлял создавать систему? А собственная энергия, желание делать дела и бабки. Ну – получи. Зато ощущений – море. И пахоты выше крыши. Самореализация.

Система делает себя из людей и начинает выжимать из них соки. Стремится заработать максимум денег. Растет и превращается в монстра. Делается неразворотлива, хуже ловит мышей, медленнее реагирует на новое. Раньше или позже рушится: вечных систем нет.

И всегда преследует собственные интересы, которые могут совпадать с интересами монад, а могут и нет.

11. Ветвь и дерево

Сюда можно насовать массу цитат, начиная от Платона. Сравнения с ульем и муравейником, метафоры о воле богов и железной руке провидения. Джон Донн, Бен Гилель и еще шеренга. Ограничимся Паскалем: «Ветвь не сознает, что она – часть дерева».

12. Армия

Системы могут быть продуктивными и непродуктивными. Но продукт тоже бывает разный. Вообще под «продуктом» здесь понимается действие, изменение, любое переструктурирование Бытия-вне-нас. Может быть кон-структурирование и де-структурирование, упрощение и разрушение уже имеющихся структур.

Классический образец деструктурирующей системы – армия. Конструктивный аспект армии как системы – с одной стороны, она входит необходимой подсистемой в систему государства, с другой стороны – под нее создаются материальные и социальные структуры, из которых она и состоит. Деструктивный, а вернее – деструктурирующий аспект: армия существует для уничтожения и разрушения.

Армия прекрасно иллюстрирует превосходство системы над бессистемным скоплением, равным ей по численности, массе, по арифметической сумме энергий составляющих бессистемное скопление монад. Для простоты: превосходство фаланги над вооруженной толпой. Регулярного войска над сбродным ополчением.

«Лучше стадо баранов, предводительствуемое львом, чем стадо львов, предводительствуемое бараном», – повторил Наполеон формулировку Эпаминонда. Четко координируемое сложение усилий.

Средний германский воин в единоборстве не уступал среднему римскому, а скорее превосходил его: рослый, сильный, яростный, бесстрашный. Чего германцам не хватало? Организованности и дисциплины.

Берем самых сильных, агрессивных, сущих зверей, обученных бою. Составится ли из них наилучшее войско? Не факт. Если они начнут спорить с командиром, показывать в повседневности каждый собственный характер, действовать в бою по своему влечению, пониманию и стремлению к подвигам – система начнет давать сбои. Поэтому буйных в армии репрессируют, даже если это лучшие бойцы. Лучший боец – это хорошо, но гораздо важнее, чтоб ты безупречно функционировал как винтик системы. Фаланге не нужны индивидуальные подвиги, фаланге нужно безупречное выполнение приказа каждым.

Так что не надо удивляться, когда люди с наилучшими бойцовскими качествами и желаниями в армии не преуспевают, а вообще не вылезают из взысканий. Не вписываются в систему. Ломаются, обтесываются или отторгаются.

Какие качества ценятся в воюющей армии, кроме безоговорочной исполнительности? Умелость, выносливость, известная предприимчивость в выполнении приказа любыми средствами и любой ценой.

Хлоп! – победили, выводятся из боев, война кончена, армия начинает жить в мирных условиях. Что произошло?

А произошло принципиальное изменение системы. Из продуктивной она превратилась в непродуктивную. Она больше ничего вне себя не производит. А внутренняя структура осталась та же самая.

Эге. Армия уподобляется тюрьме. Рота – отряду на зоне. Жизнь ее – Бытие-внутри-нас. Объективно она ничего не делает.

Критерии исправного солдата меняются. Бойцовость и предприимчивость больше не нужны. Нужен внешний вид и образцовое содержание гарнизона. Строевая подготовка и зна-

ние уставов. Хороший солдат: мгновенно прыгает из койки в строй и из строя в койку, рубит вызубренные ответы на занятиях, начищен, в самоход не ходит, пьяным не замечен. Хорошая часть – где нет ЧП, не ломается техника, не дезертируют воины, покрашены заборы, трезвы офицеры, ничего не взрывается и не крадется. Тогда начальство довольно и чины идут.

А что солдаты не умеют стрелять и укрываться от огня, механики-водители еле справляются с техникой, техника стоит в парке на консервации без профилактики десять лет по принципу «не тронь – не сломается» и в случае войны хрен заведется, офицеры жиреют и забывают даже то, чему учились в училищах – это, в общем, не важно.

Зато боевая часть привела бы инспекцию в ужас и негодование: одеты кто как, строевая ни в дугу, козырять ленятся, техника ободрана, уставов не знают – сброд, сброд! всех драть, командира гнать.

Энергия монад в боевой армии суммируется и пускается в боевые действия. Та же энергия в мирной армии пускается во «внутренний распорядок». А поскольку «внутренний распорядок» столько же энергии потребить не в состоянии, то, во-первых, отцы-командиры придумывают солдату как можно больше работы – любой, лишь бы был занят и «не разлагался», а во-вторых, солдаты вкладывают свою энергию в построение и поддержание межличностных отношений, которые в боевой армии никому не приснятся: кому где курить можно, а кому нельзя, кому какая вольность в одежде положена, а кто думать о таком не смей. Внутренняя структура усложняется по принципу, сходному с камерным. Только вместо блатных – старики, а вместо чушковых – молодые, новобранцы то есть. Эмоций у тех и других – море. Жизнь – адская. В России сегодня это называется «дедовщина».

Самореализация и самоутверждение мирных солдат происходят через структурирование внутрисистемных отношений. Для солдата эти отношения имеют огромное значение. Есть ли у нас возможность структурировать Бытие-вне-нас, нет ли, но Бытие-внутри-нас мы структурируем всегда.

(Так и напрашивается вопрос: ну так как же прекратить дедовщину в мирной армии? Если конкретно, то – приблизить формальные отношения к неформальным: сержантами делать только старослужащих, через каждые полгода давать солдату определенные значки отличия и льготы; бессмысленную муштру заменить осмысленной боевой учебой. Если абстрактно – то отсосать из системы часть энергии: больше отпускать солдата из гарнизона, да пусть он хоть ночами на заводе подрабатывает, деньги на дембель копит: меньше будет придавать значения изматывающим завышкам гарнизонной жизни. Но это все на уровне благих пожеланий...)

13. Государство – всегда

Система живет внутри человека. Кому охота, можно сказать, что стремление и способность человека общаться с себе подобными в систему имманентно.

Роман Голдинга «Повелитель мух» недаром стал одним из хитов XX века. Всего у пацанов для жизни на необитаемом острове хватало, но государство со всеми его прелестями и ужасами они себе сварганили мгновенно и «автоматически».

В суровых условиях сообща легче выживать – о'кей. Но если для выживания вовсе никаких условий прилагать не надо, люди все равно государство или пред-государство образуют. На благословенных островах Океании, где в курортном климате пища только что сама в рот не падает и хищников нет – иерархия, ранги, ролевые различия, закон, подчинение, табу и т. д.

В системе человек получает больше положительных и отрицательных ощущений. В системе живет более полной жизнью. В системе полнее реализует все свои возможности и самоутверждается, измеряя степень своей реализации относительно других себе подобных. В системе совершает большие действия, сообща с себе подобными активнее структурируя окружающий мир – Бытие-внутри-нас и Бытие-вне-нас.

Людей-одиночек история не знает. Сколько мы можем говорить о человеке – столько он существовал в той или иной государственной или пред-государственной системе.

14. Цель государства

Один из самых идиотских лозунгов – это: «Цель государства – благо народа». Эту лапшу вешают на уши своим доверчивым гражданам государства, которые дважды в XX веке устраивали мировые войны и уничтожали десятки миллионов человек, ввергая свои народы в бедствия страшные. И всегда находились красивые лозунги на злобу дня: «Свобода», «Независимость», «Счастье», «Справедливость», «Жизненное пространство» и «Оборона священных рубежей».

Все хотят блага – а получается, мягко говоря, всякое разное. Хотим собрать кровать – а получается пулемет. Масса причин, разнообразие следствий, и для блага народов атомные ракетноносцы прошпиговали мировой океан. Народ, жалуются, не созрел до Царства Добра. Такое горе: нету для нас у Господа другого народа.

Чтоб лежать папуасу под пальмой и кушать банан, государство ему не нужно. В государстве он изладит копье и побежит убивать другого папуаса. Вот и все благо. По команде вождя.

Может ли государство сделать людей счастливыми? О, дайте рай с милрой в шалаше, банан с пальмы – и подите все к черту!

Мы счастливее и добродетельнее древних греков? Сейчас! Мы умнее? Ага. Он – Аристотель, а ты – дурак. Мы стали отчаянно гуманнее? Оу, йес! Ковровое бомбометание как орудие гуманизма. Мы можем больше сожрать и выпить? Увы, емкость желудка не позволяет.

А в чем же мы добились явных результатов? Мы больше знаем о всякой всячине и больше производим всякой всячины.

Научно-технический прогресс налицо. Материальный прогресс налицо. Прочие аспекты? Античная скульптура, архитектура, драма – подавитесь своими бетонными коробками и мыльными операми.

Представим себе благо народа в Древнем Египте. Пшеницу сеют, скот пасут, пиво делают: хорошо живут, чего еще. Нет: упираются и строят гигантские пирамиды – пот, труд, пыль, камни, стук, жара. Чего в тени-то не лежалось?

А что осталось бы от Древнего Египта, если бы не было пирамид, храмов и золота фараонов? А ни хрена бы не осталось.

Человек делает самое большое, на что он способен в жизни.

И государство – система – делает самое большое, на что способна она, система. В этом ее цель и задача.

Древние египетские царства существовали не для того, чтобы египтяне ели больше пшеницы и пили в тени больше пива. А для того, чтобы ставить пирамиды.

Знания, ремесла, науки, профессии, религии, жрецы, письменности, богатства – это все прекрасно. Но если мы посмотрим со стороны, из дальнего далека, объективным глазом, на все, что там эти людишки на Земле делали – увидим мы только то, что они таки сделали. Вот в Египте – пирамиды поставили. Часть знаний грекам и семитам передали. И сгнули.

Суть системы не в том, чтобы монада была жирная и благополучная. Суть системы в том, чтобы монады больше чувствовали и делали в ней, чем по отдельности. Монада полнее самореализуется и активнее структурирует Бытие.

15. Локк, Гоббс и Спенсер

Эти великие английские философы в общем рассматривали государство как организм в целесообразном взаимодействии его органов. Управляющая голова, работающие руки, превращающий пищу в питание для всех органов пищеварительный тракт, доставляющая до потре-

бителей кислород и питание торговля-кровь и т. д. Подобный анатомический подход часто употреблялся как традиционный и даже канонический. Здесь все понятно и логично.

Системный подход – он более общий, и потому более плодотворный и верный. Организм – это тоже система, частный ее случай.

16. Предварительные обобщения

Человек стремится к максимальным оптимальным ощущениям и максимальным оптимальным действиям.

Сообразование в систему позволяет человеку полнее удовлетворять исконно ему присущее (имманентное) стремление к большим ощущениям и действиям.

Сообразование в систему исконно присуще человеческой натуре.

(Мы здесь рассматриваем человеческие – общественные, социальные – системы.)

Системы бывают продуктивные и непродуктивные.

Непродуктивная система структурирует исключительно Бытие-внутри-нас. Этим смысл ее существования субъективен.

Продуктивная система структурирует Бытие-внутри-нас, проецируемое на объективный материальный окружающий мир, т. е. структурирует тем самым и Бытие-вне-нас.

Продуктивная система может быть структурирующей и деструктурирующей. (Для простоты слова можно сказать – конструктивной и деструктивной.) Главное – в любом случае продуктивная система переструктурирует Бытие-вне-нас.

Заметим, что ни кон-структурирующая, ни де-структурирующая система в чистом виде не существует. Чтобы структурировать дом, мы деструктурируем дерево – убиваем, рубим, ошкуриваем ствол и т. д. Чтобы деструктурировать дерево – из железной руды и деревянного обломка кон-структурируем топор.

Классифицируется система по преобладанию конструктивного или деструктивного начала.

Если мы рассматриваем Бытие как эволюцию систем от простых к сложным – физических, геологических, биологических, социальных – то как результирующий вектор однозначно прослеживается конструктивная сущность системы. В общем и среднем конструктивное начало преобладает над деструктивным.

Государство есть наиболее сложная, общая система, сегодняшний венец эволюции как системообразования.

С другой стороны, государство входит в общую системы Бытия, как входит в нее вообще все.

Суть и основная бытийная функция государства – дальнейшее и все более сложное структурирование Бытия, точнее – Бытия-вне-нас.

17. Предопределенность

На уровне вообще Бытия появление и наличие государства обусловлено энергоэволюцией Вселенной, разворачивающейся по линии усложнения системообразования и нарастания энергопреобразования. Посредством государства люди совершают все большие действия.

На уровне психологическом, субъективном, индивидуальном уровне монад, появление и наличие государства обусловлено внутренне присущей человеку потребностью переживать больше разнообразных ощущений и совершать больше максимально возможных действий, полнее реализовывать инстинкт жизни.

Экономический, социальный, политический и прочие уровни существования государства обусловлены вышеназванными двумя и проистекают из них. Они не являются базовыми,

фундаментными, всеопределяющими, первичными. Они – следствия из первых двух, базовых. Они как бы находятся между ними.

Государство в целом, государство как система, каковой оно и является, может быть понято лишь при учете двух своих базовых уровней. Так шкала линейки имеет левую и правую ограничивающие риски, крайние метки отсчета. Так пластины аккумулятора расположены между крайними, укрепляющими и конечными, обкладками.

18. Происхождение государства и семья

В принципе может быть семья без государства – отшельники-хуторяне с натуральным хозяйством, и государство без семьи – Запорожская Сечь.

Нельзя рисовать восходящую линию социальной эволюции как: семья – род – племя – союз – государство. Временные семьи есть у всех животных, а у многих – постоянные, на всю жизнь. В Спарте роль семьи была сведена к простому упорядоченному деторождению, а государство было сильное и долговечное.

Сказать, что появление семьи предшествует появлению государства – все равно что сказать, что появление человека предшествует появлению государства. Семья – не прообраз и не праоснова государства, семья лишь форма существования индивидуального человека. Человека разумного под другим углом зрения можно назвать «человеком семейным». Неразумного тоже можно.

Были семьи моногамные, полигамные, групповые простые и с разнообразными видами внутренней перекрестности – не суть важно.

И вряд ли правильно объявлять моногамную семью более совершенной, чем прочие. Ислам с его четырехженством достиг немалых вершин цивилизации, а вороны с их моногамией цивилизации так и не создали.

Семья – биологическая система, обусловленная дупольностью вида. В государстве люди друг друга имеют только в переносном смысле.

Семья для государства – все равно что личное хозяйство колхозника для колхоза как системы: хорошо бы эти личные хозяйства отобрать и заставить всех пахать исключительно на колхозном поле. Да не получается. Платон создал дивную модель идеального государства без семьи, но внедрить не сумел, хотя бегал с этой идеей по всей Греции, пока впечатлившийся Дионисий не законопатил его на рудники.

То есть: не человек через семью приходит к государству – а «человек семейный» приходит к государству. Есть разница.

И семья, и государство – системы. И в той, и в другой человек вступает в ролевые отношения. И в той, и в другой больше пашет, разделяя функции. Только семья попроще, а государство посложнее, и государство состоит из семей. Эта аналогичность многих думателей сбивала с толку, и они выводили сложное из простого.

Чем семья всегда раздражала государство? Тем, что отсасывала часть энергии, которую государство хотело бы употреблять целиком на собственные нужды. Поэтому государство то и дело норовило объявлять государственное выше семейного, т. е. личного. В идеале государство стремилось к казарме. Что никогда толком не получалось, но определенные успехи были.

Почему в результате в мире возобладали моногамная семья? Потому что она самая простая. Меньше невозможно. Отсасывает минимум энергии. Все «конструктивные излишества» ссыпались с нее.

Ставим чистый опыт. Берем одного мужчину и одну женщину и суем их в ландшафт средней суровости и плодородности. И они мгновенно образуют систему. Как биологическую, так и в более широком смысле слова вообще продуктивную. Он убивает мамонта, строит хижину и охраняет семью – она жарит мясо, шьет из шкур одежду и воспитывает детей. Через два поко-

ления семья превращается в род, еще через три – род превращается в племя. Возникает соперничество, споры – все самореализуются и самоутверждаются как могут. Возникает иерархия и ролевое распределение функций. Возникает простейший закон. Появляется вождь, а при нем – советник, он же шаман, он же консьерже, он же премьер-министр. Возникает группа перво-ранговых охотников-воинов. И домочадцы любого мужчины подчиняются уже не только главе семьи, но также – и во всех главных вопросах в первую очередь – закону и вождю. Роль отношений в семье начинает уменьшаться – роль внесемейных, внешних отношений в разросшейся, усложнившейся системе начинает увеличиваться. Когда и на кого охотиться, с кем воевать или от кого убежать решает уже не семья во главе с мужем, а прагосударство – совет мужчин во главе с вождем и в соответствии с законом, обычаем, прецедентами, опытом. Прагосударство снимает с первобытной семьи часть функций. Семья приобретает сугубо частный характер. Для совместных, системных, действий она уже не обязательна. Для обороны перед лицом врагов или охоты на носорога большая семья уже не обязательна, преимуществ не имеет. И возникает принципиальная тенденция к упрощению семьи как системы – тенденция перехода к моногамии. Возобладать эта тенденция может отнюдь не быстро – но она имеется и постепенно проявляется. И проделывает путь наша семья от большого, о трех поколениях, скопища народа до семьи не только моногамной, но и малодетной, но и вовсе бездетной, но и матерей-одиночек, и это в глазах всех становится обычным и нормальным. В системе государства ты обретаешь и секс, и защиту, и благосостояние, и самореализацию. Кому увы, кому ах.

Можно сказать, прибегая к традиционным сравнениям, что семья рождает государство и умирает (в тенденции, в принципе, в результирующем векторе, конечно, а не так уж сразу – брык и коньки отбросила). Правда, когда она умирает – недолго и государству жить остается, но об этом – в другом месте... И волосатый патриарх вздыхает: «Эх, когда-то семья была – так это ж была семья!» – а его наглый малолетний отпрыск, побитый за кражу варенья из буфета, подает жалобу судье, и отцу впиливают два месяца принудработ за нарушение прав ребенка и физические истязания. И патриарх от унижения спивается и вешается, а государство дает его способным детям стипендию и общагу в университете, и на хрен им такой папаша не нужен, их кормит социальный фонд и защищает полиция.

Но, повторяем, выводить происхождение государства из семьи – это то же самое, что выводить происхождение государства из сперматозоида или ДНК. Тогда уж прямо из Большого Взрыва. Постепенчатое усложнение систем – бесспорно и очевидно. Конкретно нас интересует, как оно образуется из уже готовых людей, каков механизм и смысл этого образования. То есть: после того – не означает вследствие того.

Государство есть следствие семьи лишь на историческо-биологическом уровне: люди размножились. Системообразующие монады в достатке появились.

Чистый опыт, вариант два. Взяли кучу женщин и поселили в том же ландшафте. И дали им банк спермы. Причем такой, чтобы рождались только девочки. И что? И будет государство.

Вариант три: куча мужчин и инкубатор. Результат? Опять же государство, только не женщин, а мужчин.

Принципиальное происхождение государства – не в расширении семьи. А в той программе вступления в социальные отношения, которая, если можно так выразиться, заложена в человеке.

Эта программа проявляется и в создании семьи как социальной именно системы, и в создании государства, – но не одно вследствие другого.

19. Из чего состоит

Упомянем известное для пущей ясности.

Идеальной (идейной) основой государства является право. Обезличенный Закон. Он обязателен для каждого и не зависит ни от кого конкретно. Рыдайте, но следуйте.

Реальной (материальной, бытовой) основой государства как системы являются три структурных механизма: армия, полиция и дворцовый аппарат. Такой тренажник. Они назывались в разные эпохи и в разных местах по-разному, это не важно.

Обеспечивающей функцией является сбор налогов, производимый прямым или косвенным участием этих трех механизмов на основе Закона.

По отношению к государству все населяющие его люди разделяются на два класса: государственные служащие и производящие работники. Здесь возможны разнообразные вариации: временность выборных госдолжностей, владельцы рабов или сдаваемых в аренду предприятий как «косвенные производители», общий совет свободных граждан как высший исполнительный орган государства, сенаторы как одновременно и владельцы производящих продукт рабов. Т. е. можно выполнять функции представителей двух классов попеременно или даже одновременно. Это деление уже не является столь ясным и традиционным, как предыдущие, и может вызвать возражения. Но если взглянуть «с точки зрения государства» – такое деление понятно и правомерно: те, кто являются частью собственно государственных структур – и те, кто создают материальную основу государства. Они могут совмещаться в одном лице, что реже, и не совмещаться, что чаще. Функционеры собственно системы – и функционеры производства продукта, структурируемого системой. Чем сложнее государство – тем меньше совмещения, тем больше разделения на эти два класса. По отношению к государству – это подчинители и подчиняемые. Стальная арматура, каркас, – и заполняющий объем конструкции бетон, прибегая к сравнению.

20. Начало

Викинги пришли на Русь, обложили данью, недовольных подчиняли, врагов-конкурентов вырубали, закон утвердили – в свою пользу, но чтоб и народишко не мер, кто кормить-то будет. Образовалось Древнерусское государство. Дружина была и армией, и полицией, и дворцовым аппаратом. Заразы. Пришлось пахать и на себя, и на них. Правда, родной бандит – защита от чужого.

Они же, англ и саксы, в то же почти время, ну чуток пораньше, пришли в Англию и стали обкладывать данью встречных и поперечных, рубясь шайка на шайку. Собственных подопечных защищали – с них кормились. В конце концов объединились в семь главных домов. Дома заключили конвенцию о территориальных правах и установили регулирующие законы. Стали выбирать единого короля. Образовалось английское государство.

Латинские бандюки построили себе малину на Палатинском холме над Тибром и стали обирать окрестности. Народ выл и отмахивался как мог. А ребятам хотелось баб, и не только в набегах, а каждую ночь. Нагрянули на соседнее племя сабинян и увезли девок. Сабиняне стали собирать большую бригаду и звать соседей – пора укоротить молодцов, такого уже дальше терпеть нельзя. Бандюки прикинули силы, плюнули и законно женились, тем более что девку каждый умыкал себе по вкусу. И предложили соседям мир и сотрудничество вместо резни – а бойцы они были уже известные. Соседи прикинули возможные потери и выгоды, плюнули и признали зятьков. Породнение перешло естественным образом в объединение, и в этой компании слово бандюков весило, конечно, больше. Так образовалось Древнеримское государство.

Ахейцы свалились на доахейцев и вломили им так, что про доахейцев мы вообще мало чего знаем. Подчинили, поработили и стали жить-поживать, в силу воинственного и склочного характера и неумной энергии регулярно воюя друг с другом. Так возникли древнегреческие города-полисы.

Евреи пришли в Палестину, потому что Моисей сказал, что туда их направляет лично Господь, покروшили филистимлян, размножились в благословенном тогда в тех краях климате и еще тысячу лет дрались со всеми, кто с тем или меньшим успехом на этот клочок посягал. Так образовался Древний Израиль.

За пылью многих тысячелетий мы не знаем, как именно образовался Древний Египет, но в его самые древние времена, о которых нам известно хоть что-то, он уже властвовал над кучей соседних племен и народов и имел мощную армию.

Аналогично с царствами Древнего Двуречья: как только они стали делать что-то для нас уже достоверное – так там уже были покоренные народы и вооруженные армии.

Начальная форма государства – рэкет, переходящий в крышевание. Пардон за жаргон... Вот такой вывод следует.

Можно выразиться академичнее. Начальный этап показателен – видно, что с чем соединяется. Шайка – о нет, группа, сравнительно, простая структура! – бойцов-наильников садится на шею – нет: накладывается, соединяется – с мирным в общем населением, с системой продуктивной, структурирующей. Еще иначе:

Система скачкообразно усложняется на порядок путем сложения деструктурирующей и структурирующей систем. В этой новой системе деструктурирующая составляющая доминирует, а структурирующая подчиняется. В результате образуется более мощная, эффективная, более продуктивная структурирующая система. Т. е.: деструктурирующее накладываем на структурирующее и получается еще более структурирующее.

Насильники-нахлебники заставляют кормить себя – и производителям приходится производить и на свои нужды, и на нужды насильников. Упираются больше. Но получают защиту от набегов-вырезаний-поджогов – и, опять же, имеют возможность производить больше. Нет худа без добра и добра без худа. Это ясно.

А еще видно с большой ясностью, что на начальном этапе такого государствообразования государство как система противостоит «народной массе», является по отношению к ней внешней, принудительной, насильственной и даже инородной.

А еще понятно, что государство заботится о «массе» не для блага массы, а для блага собственного: богатства с массы снимать и вообще ее в своих целях использовать. В парадигме (любят сегодня это слово; кто не любит – может сказать «в понятиях и выражениях») исторического материализма допустимо сказать: образовавшееся государство начинает эксплуатировать свой народ. В российском случае, для примера, славяне – это народ, а варяжские дружины – собственно государство, управляющая и организующая структура.

Мы никогда не узнаем достоверно, действительно ли новгородцы призвали варягов «прийти и володеть», а то «земля обильная, порядка только нет» – или Рюрик из Старой Ладogi сам пожаловал. Если и сам, без призыва – представление позднейшего летописца о необходимости порядка очень характерно.

Государство по сравнению с догосударством – более упорядоченная система. В смысле – более сложно и стройно структурированная, более координированная в действиях, отстоящая дальше от хаоса, тем самым более энергосодержащая и менее, выразимся не вовсе корректно, энтропийная. А стремление к энтропии – тенденция любой системы.

Вот она стремится-стремится, пока – хлоп! – кто-нибудь не приходит. С лозунгом «нового порядка». В твердой руке. Перекрестное опыление.

А если все-таки чужие не придут? Тогда придет сосед, или Вован с другой улицы, или тамбовские, или большевики в запломбированном вагоне, или испанец с мушкетом, или англичанин со стеклом.

Ставим чистый опыт: никто не приходит. И черт с ними. Вспомним зеков в камере и крыс в вольере. Найдутся свои. Все равно народишко раньше или позже организуется в государственную систему. Самые энергичные и агрессивные приведут остальных к общему знаме-

нателю. Только тогда будет менее очевидно, что государственная система противостоит народной массе.

Опять же – пиар и имиджмейкерство. Рэкетир прямо говорит: бабки гони – или убью. А когда он выбивается в политики, начинает произносить речи о всеобщем благе, подавать в суд иски о защите своей чести и достоинства и раздавать бесплатный суп, пуская на то малую часть награбленных бабок. И народ растопыривает карманы, рты и завешанные лапшой уши.

А эскимосы, пигмеи, австралийские аборигены – как не дошли до государства? Климат плохой, выживать трудно, не размножишься, взять друг с друга нечего – вписались в окружающую среду равновесно, в гомеостазе. Чуть задень их еле устойчивую системку – начинает разрушаться, людишки вымирают, потенциала нет. В результате оказались в других государствах, вобравших в себя их территории, на положении экспонатов Красной книги. Племен много, кому развиваться, кому сгинуть, тут природа сурова, и естественный отбор не во всех смыслах прекратился.

Мы это все о чем? Качественный переход системы на более высокий уровень совершается скачком. Пришельцы-завоеватели – самая простая и наглядная форма скачка. А если к нам никто не идет – выборный вождь узурпирует слишком большую власть, или король рубит головы баронам, или авторитетный стратег становится тираном и, короче, пахан с блатными и шестерками начинает править мужиками и опущенными.

21. Развитие

Свободы в зоопарке нет, но средняя продолжительность жизни обитателей выше, чем на воле. Кормежка и безопасность гарантированы.

Итак, люди размножаются, а государство усложняется. Это прямая зависимость? Нет, лишь в некоторых пределах. То есть понятно, что государство с миллиардным населением волей-неволей должно быть сложнее, чем со стотысячным. Но тоже не факт. Просто до поры до времени усложнение государства и рост населения происходят более или менее параллельно. Совершенствование и ветвление функций, усложнение иерархии: от князя и дружины – до президента, премьера, министров и замминистров с их аппаратами, генштаба и советов директоров.

Но не забудем Британского Адмиралтейства из «Законов Паркинсона». Система развивается по собственным законам и преследует собственные цели: растет и крепнет.

Интересы человека: жить дольше, безопаснее, благ иметь больше. Интересы государства: быть мощнее, богаче, больше.

На первом этапе эти интересы противоположны: насильники обируют народ.

На втором этапе (утрачено, обвыклись, приспособились) эти интересы совпадают: определенность, защита, растет население и растет производство.

На третьем этапе интересы вновь расходятся – и для многих просто кардинально: начинается экспансия.

22. Экспансия

В последние годы неоднократно цитировалось высказывание академика Сахарова: «Смысл жизни – в экспансии».

Энергия Вселенной заполняет собою одновременно создаваемое и заполняемое расширяющееся пространство.

Звезды излучают свою энергию в окружающее пространство.

Элементарные частицы, атомы, молекулы стремятся связать друг друга во все более сложные системы.

Водоросль стремится заполнить своими размножившимися организмами весь водоем.

Животное стремится заполнить весь ареал.

Государство как система стремится заполнить собою всю окружающую территорию.

Да: это на уровне монад проявляется через психологию человека – стремление к самореализации и самоутверждению. Награбить добра, захватить себе земли (и рабов бы к ней), занять более высокий пост среди себе подобных, совершить подвиги и прославиться, да и вообще неплохо бы кого-нибудь покрепче по башке треснуть. Стимулы материальные, социальные, психологические.

Да: на уровне общеэнергетическом это является выплеском энергии, актом повышенного энергопреобразования: в годы великих войн годовые кольца деревьев (видно на срезах) шире, эти годы часто бывают или необычно морозны, или засушливы, или урожайны, или комета не к добру в небе встает, или просто цикл солнечной активности в пике.

Да: часто находятся поводы или даже внятные причины: они угрожают нашему судоходству или гробят нашу торговлю, не уважают наших богов или надругались над нашими путешественниками.

Да: если враг напал и приходится защищаться, то логично при победах врага стереть и землю его захватить, чтоб на будущее себя обезопасить.

Однако главное – выявить закономерность: государство как система в числе прочих системных свойств имеет тенденцию к экспансии.

На уровне более конкретном это ясно проявляется в «поступенчатой самозащите».

Геродот, историк просвещенный и образованный, отмечал мудрость и незлобивость Кира. И тем не менее именно Кир еще в начале создания Великого Персидского царства, когда послы Спарты угрозой пытались остановить его расширение, отпустил характерную фразу: «Если боги дадут мне дожить, спартамцам будет не до чужих бед – своих хватит». Кир мечтал о мире в великой стране. О процветании и созидании. А для этого было необходимо обезопасить границы от нападений агрессивных соседей. Поскольку ракетных сил стратегического сдерживания тогда не было, приходилось решать вопрос по старинке: мечами. Соседей покорить, замирить, поставить под свою руку и тем самым гарантировать себя от опасности набегов и разорений рубежей. Чем дальше отодвигались рубежи – тем больше оказывалось по соседству потенциально опасных стран. В конце концов Кир решил разобраться со скифами, беспокоящими северные границы империи. Чтоб мирные граждане наслаждались в покое созидательной пахотой. Скифский поход носил превентивный характер. Но политологически малообразованные скифы восприняли его как агрессию и, защищая свою территорию, победоносного дотоле Кира убили, а голову сунули в кожаный мешок с кровью: «Напейся, наконец, досыта, раз хотел».

Латины покорили неслабых и воинственных этрусков и объединили под собой Апеннинский полуостров. Тогда на них свалился отъявленный боец Пирр. Разбили Пирра и вынесли кордоны за Альпы. Заодно прибрали часть Сицилии: «Воевать малой кровью и на чужой территории». Не успели зажечь спокойно – пополз на континент Карфаген. Долго воевали с Карфагеном, захватили, стерли, встали до Пиринеев и Атласских гор. Нумидийцы на юге зашевелились, иберы на западе забеспокоили, фракийцы на востоке зашалили. Ну, и пришлось захватывать все Средиземноморье от Гибралтара до Кавказа и от Британии до Египта. И со свойственной им четкостью отчеканили в анналах: «Хочешь мира – готовься к войне».

Наполеон, укрепив и возвысив положение Франции, вообще-то хотел мира. И прекрасно понимал, что европейские монархи оставят Францию в покое лишь при одном условии – если сами сидеть будут шатко и угрожаемо, зависеть будут от него и бояться. Потому что, во-первых, по границам лежат спорные от веку территории, а во-вторых, французские законы и порядки угрожают самому их существованию – а ну как все народы захотят себе французских свобод и порядков. На континенте разобрался, а до Англии подлой, этого непотопляемого авианосца, достать не мог. Англия сыпала золото и мутила воду. Подрывала экономику и склоняла к союзу

Россию. Склонила. Угроза с востока! Вот и московский поход. В конце концов угрожаемый всей Европой Наполеон так всю Европу задоставал, что она сообща его и укоротила в отчаянных усилиях.

После Первой Мировой войны Антанта на переговорах Германию обманула, обкорнала, унизила и кучу исконных германских земель оттяпала вопреки предварительным обещаниям. И немцы мечтали о справедливости и реванше, и Гитлера поэтому активно поддержали. Если мы почитаем речи Гитлера, то это был борец за мир, каких не много. Он хотел лишь своего, кровного, родного – и стал это получать обратно. Австрия присоединилась с восторгом – это были те же немцы. С захватом Чехословакии забрали назад то, что потеряли раньше, свое, опять же, воссоединили: Судеты, Саксония, там полторы-две тысячи лет жили германцы. Насчет Данцигского коридора, который союзнички передали Польше, предложили провести плебисцит: под кем хотят жить тамошние немцы – под Польшей, или как всегда – в Германии? В плебисците им мировое сообщество отказало. Ну, пришлось брать силой. Тогда Франция с Англией объявили войну. Ах, так? Пришлось вломить Франции и вернуть себе Эльзас и Лотарингию. Еще бы Англию замирить... не замиряется, тварь заморская. Воткнем-ка ей на Балканах и в Северной Африке, перережем колониальные связи, посадим на голодный паек – авось станет сговорчивей. И тут этот русско-кавказский головорез, дядя Джо, двигает к границам несметную армаду – топор в спину точит, грохнет с размаху – костей не соберешь. Ну, пришлось нападать первыми, чтоб хуже не было.

А ведь в начале всех достославных дел лежала благородная и даже святая как бы идея свободы, независимости, безопасности своего государства в неких «естественных», «исторических» границах на своей исконной, кровной территории. Просто как-то остановиться не получалось...

Самый понятный и простой вид экспансии – «естественное расширение». Народ в государстве размножается и ему потребны для выживания новые территории. И он на них распространяется и осваивает. Древнегреческие колонии.

Можно колонизировать незаселенные территории. Ничьи. Тогда к тебе никаких претензий нет.

Можно колонизировать территории, жидко заселенные «варварами». Тогда к тебе претензий не очень много. Мол, на черта дикарям столько пустующих земель, да пусть себе живут, нас только не трогают – и мы им дышать дадим. И даже приобщим к своим достижениям. Но это – в теории. На практике всегда находятся хваткие ребята, которые оттяпывают у туземцев лучшие земли, а их самих приспособливают к работе на себя. Ничего, мол, пусть трудятся и просвещаются.

А можно распространяться на территории, где расположены государства твоего, казалось бы, не хуже. По крайней мере они уверены, что тебя не хуже. Тогда мы говорим о захватнических войнах.

А можно захватить государство гораздо более цивилизованное, чем твое собственное. Народ поработить, недвижимость присвоить, движимость разграбить. Об этом варианте речь будет ниже.

А можно воодушевиться идеей великого и благого переустройства мира. Тогда получается Александр Македонский, строящий мировую державу – с гражданскими свободами и просвещением, справедливыми законами и некоррупцированным управлением. Короче, принесем на концах македонских мечей счастье человечеству. Или товарищ Сталин с реальными походами и действиями по одариванию всего мира светом социализма. Принесем на пролетарских штыках счастье человечеству.

И везде всегда работал, ясное дело, пропагандистский аппарат: «Наше дело правое, мы победим! Они убийцы, они варвары, они нам угрожают, они ничего не стоят, они сами не понимают своего блага, и вера у них неправильная и поганая». Священники проводят служе-

ния, женщины бросают цветы, мужчины расправляют плечи, интенданты воруют деньги. Все при деле.

К чему мы все это гнем? К тому, что солдат, отправляясь в опасный поход, гарантии жизни не получает. Мать его останется безутешной, отец – без подмоги, жена – без мужа, дети – без кормильца. Его бы оставили в покое – он бы, может, и не пошел никуда. Но в военное время за уклонение от службы его просто прикончат. И покроют позором. И выбор у него не велик: на войну – или в бега. А пропаганда надрывается, и толпы вопят с энтузиазмом.

И человек поступает против собственных интересов. И даже против собственного желания. Он бы лучше дома кое-как прожил. А система не дает. У нее свои интересы.

Рисковое это дело – жить в эпоху экспансии.

Но. Но. На уровне системы. Система стремится расширяться. Система стремится стать мощнее. Система стремится совершить самое большое, на что она способна. Кусок побольше – сцапать, проглотить, переварить, включить в себя и стать еще здоровее.

Под каким лозунгом проходит экспансия – значения не имеет. Лозунг мы всегда придумаем. А факт заключается в том, что не было в истории такого государства, которое не прошло бы стадию экспансии. И не было такой экспансии, в процессе которой многие люди против личных интересов не лишались бы добра, здоровья, родных, жизни. Но систему это не трогало. У нее – свои интересы.

23. Деструктивные государства

Дружина во главе с предводителем – это еще не государство, понятно. Вот когда она сядет на оседлое племя и, при разделении функций, образует с ним единую систему – это государство. Общность территории и экономики.

Был ли Великий Монгольский Каганат государством? Скорее да, чем нет. Правитель, нукеры, армия, законы, своего рода налоговая система, когда в распоряжение начальствующей структуры предоставлялись кони, провиант, оружие и сами люди.

Что создал сей каганат? В свой главный и славный период – ничего. Зато разрушил очень много чего. Целые города сметались под метелку. Великое монгольское нашествие – от Китая до Адриатики и Египта.

А что могли монголы, скотоводы-кочевники с их уровнем науки и техники, создать такого эдакого в своей Великой степи? Да в общем ничего. Теоретически: могли перенять технологии у Китая и Хорезма, распахать степь, наладить ремесла, построить города – но это дело долгое. А вот подчинить и ограбить других могли сразу. И тем самым – изменить лицо мира, совершить максимальное действие, предельно переструктурировать окружающее бытие. Предельно самореализоваться и самоутвердиться. Что было вполне в закономерности системы.

Там, где ты ничего не можешь создать, ты должен разрушить.

Разнообразные древние германцы в конце концов снесли Рим – и это самое большое, что они смогли совершить. Созидать они стали гораздо позднее.

И вообще когда варвары грабят и завоевывают цивилизованных соседей – это в истории как нельзя более обычно. Правда, когда грабят нецивилизованных – это тоже обычно. Повторяем, это может быть весьма и во всех смыслах (кроме военного, бойцового) неразвитое государство – но система наличествует.

Александр Македонский, имея в виду всемирное насаждение эллинских свобод и благ, сокрушил кучу восточных деспотий и южных торговых республик, и не только. Насадить он им, кроме болячек, ничего не сумел. Некоторые считают – не успел. Скорее греки перенимали обычаи и культуру завоеванных – по мере краткого или продленного времени. Разрушил он навсегда – а созданными остались, на известное время, разве что библиотека и маяк в Алек-

сандрии. Но дел он наворотил и в историю въехал на Буцефале. Кумир юных героев двадцати с лишним веков.

Что кормит захватчика? Вооруженная экспансия. И это дело системе нравится. Созидать она станет не сразу и не всегда, а грабить будет, пока есть кого грабить. Добывается оружие, рабы, одежды и украшения, продовольствие и кони. А зачем остальное-то уничтожать? Чтобы не было потенциальных врагов. Профилактика. Чтобы чужая культура не влияла на собственную. Инстинкт самосохранения системы, доказавшей свое преимущество над чужой. Чтоб свои возможности показать – себе, своим, врагам. Самоутверждение и самореализация личности и через то – системы.

Хищник живет плотью поедаемых животных. Оно щиплет травку пятнадцать часов в день и переваривает круглосуточно – а он наедается за четверть часа на трое суток. Это более эффективный способ потребления энергии: быстро, много, уже преобразованной из растений. Вроде «сникерса»: съел – и порядок. Хищник как усовершенствованная биосистема, опосредованно, через «фильтр-обогадитель», работающая на энергии веществ земной коры и на солнечной энергии. Сам он травой питаться не может, сдохнет, а жить надо.

Аналогично государственная система стремится получать энергию самым эффективным из доступных ей способов. Если отобрать у другого быстрее и проще, чем делать самому – отбираем.

И это вовсе не всегда имеет форму грабежа. Идеологически и нравственно это может облекаться в самые разные одежды.

В эпоху крестовых походов христианская цивилизация отнюдь не стояла на более высокой ступени развития, чем исламская. Дамасская сталь была лучшей в мире. За азиатские шелка отваливала баснословные деньги европейская знать. Восточная литература была изощренной и изящной. Врачи, математики, астрономы Востока могли дать много очков вперед европейским. Что же сделали гордые рыцари? Двинулись на Иерусалим под лозунгом освобождения гроба Господня и разнесли все восточное, что смогли. Откуда у них брались деньги на кампанию? С крестьян драли, у купцов занимали, короли свою казну задействовали; церковь обосновательную базу подбивала. Государственная система в действии. И государства, «созидательный момент» в которых «застоялся», на время стали деструктивными: захватывали «без толку», убивали-грабили, уровень цивилизации захваченных территорий не повышали, но старались понизить до своего.

Заметьте: кончились, и весьма бесславно, крестовые походы – и начался Ренессанс: энергия системы направилась в другое русло.

Не созидание как таковое – цель государства. Цель его как системы – производить максимальные действия, переструктурировать бытие насколько возможно.

Чем превыше всего бредили мальчики тысячелетий? Подвигами. Какими? Наотбивать в шахте больше всех угля? Хренушки, пусть рабы уголек колют. Военными подвигами. На своей территории? Нет, это бедствия, от них боги нас избавь. Малой кровью! на чужой территории! Карфаген? – разрушить! Персов? – сжечь! Иерусалим? – захватить! Царь-град? – щит на ворота прибить, чтоб знали! И дойти до последнего моря, и спеть там песню о золотом Керулуне и голубом Ононе.

Влияние идеологии отбрасывать не надо, но в основе лежит естественная тяга к максимальным ощущениям и максимальным действиям.

Государственная система использует это в своих интересах. Только система дает возможность сообщать эти действия совершать. А если ты не очень хочешь подвигов? Не умеешь – научим, не хочешь – заставим! – рывкает сержант.

24. Молодость

На этом этапе все прекрасно. Отбиваем врагов, осваиваем территорию, строим не по дням, а по часам, занимаем должности по способностям, не прокисая на ступенях иерархической лестницы, которая только формируется. Будь кем хочешь и кем можешь. Традиции складываются на глазах, будущие канонизированные патриархи – свои ребята, вчера вместе пили. Все просто и все по уму, а спор решим своим кулаком, или за столом, или под винчестером шерифа. Ложишься помирать: вокруг толпа внуков бегаёт, за одним окном сад, за другим поле. Вообще-то жизнь была трудная и грубая, но прошла с толком. Это, конечно, метафора, жизнь в любые эпохи то и дело дерьмовата, но вот в государственном масштабе – примерно все вот так.

25. Укрепление

И вот тут начинается какая-то лажа. Приходит к тебе один чиновник, приходит другой, и все чего-то предписывают. Или новые налоги, или производи не меньше, чем столько-то, или наоборот – не больше, чем столько-то, или не смей переселяться, или наоборот – выселяйся к черту, владеец земли весь край продал, или собирайся в солдаты, или сдай в солдаты сына, или наоборот – сдай оружие и не смей иметь, или строй дом не больше ста квадратных метров, или не шире двух окон по фасаду, или не смей курить на улицах, или брей бороду, или наоборот – бороду отпусти, а побрей голову, или не смей обнажать бюст, или не пей пиво в общественных местах, или тебя посадят на кол за гомосексуализм, или наоборот – посадят в тюрьму за неприязнь к гомосексуалисту, или не моги пойти на работу без диплома университета, или копи сто лет деньги на обучение в университете, или не смей участвовать в дуэли, или наоборот – выходи на поединок под угрозой казни.

Система стремится работать эффективнее. Четче функционировать. Изыскивает внутренние резервы. Придывает к монаде все больше ниточек и рычагов. Дерг сверху – и дело пошло указанным образом. Система старается повысить кпд монады как части себя, системы. В своих нуждах и интересах.

Происходит усложнение структуры. Можно сказать иначе: повышается степень структурированности. А чем выше структура – тем больше в ней энергосодержания, как бы законсервированной энергии, тем дальше она от энтропии – ну, тем ниже уровень энтропии.

Естественным образом система продолжает структурироваться, тем самым повышая свой энергетический уровень. Все по закону.

И сначала все идет отлично. Дело отлаживается в сторону часового механизма. И вот этот механизм давит людей. А что делать.

На ранних стадиях государства люди растут вместе со страной и воедино со страной. Благодаря выдающимся личным качествам – добиваются постов, которые сами же создают. Набивая казну – прежде набивают собственные сундуки. И каждый – от владеющего парой рабов гражданина или распоряжающегося парой подмастерий ремесленника – и до поставленного наверху короля – стремятся организовать дело так, чтоб «институт» каждого работал под ним четче. В идеале: я сплю, а дело делается. Совершенствование отношений и связей.

Красс, Фуке и Потемкин не просто воруют, но одновременно поднимают и крепят державу. И, наводя порядок «под собой», тем самым роют могилу себе и своим потомкам.

Уже не человек красит место, а место начинает красить человека. Ничтожный чиновник казнит героя-конкистадора: системе не нужны больше сильно здоровые, ей нужно единообразие, управляемость, сложение сил.

Незаурядности нужны, пока идет переделка, организация, наращивание, устаканивание. А когда все организовано – система отвергает незаурядностей, они дестабилизируют. Нужны заурядности.

(Дело здесь не в «снижении пассионарности» – как строил линейно детерминированную механистическую модель Лев Гумилев, объясняя все самым простым способом: вот, сначала происходит толчок космической энергии, запускающий социогэтический процесс, а потом эта энергия постепенно растрачивается, снижается. Это чересчур упрощенная трактовка, не учитывающая механизмов преобразований. Внутрисистемные отношения меняются в зависимости от того, как меняется со временем продолжающая жить и развиваться система, закономерным образом стремящаяся к своему максимуму.)

Достигая определенной сложности и мощности система для своего дальнейшего развития и усиления стремится избавиться от самых активных подсистем, влияние которых становится дестабилизирующим.

Ну – бандит-хулиган-здоровый набьет морду любому, а десяток таких терроризирует всю округу. Но если набрать их тысячу для войны – они будут грызть друг друга, норовить поступать своевольно, не подчиняться приказам, которые им не нравятся. И самые буйные казнятся, несмотря на свои высшие бойцовые качества – чтоб усилить общее бойцовое качество войска. И прежде всего войсковое руководство заботится о дисциплине, абсолютной управляемости, безоговорочном выполнении приказов – пусть будут бойцы хуже, зато войско лучше. Принцип командной игры, а не звездной.

И вот крепкая система сажает на все узлы людей, которые будут лучше исполнять то, что им задано. Плевать, что дурак, лишь бы шел в ногу. Исполнительность предпочитается таланту.

И тогда адмирала Нельсона увольняют с флота, потому что он мешает воровать губернатору – но тот ворует «по чину» и вписывается в отношения системы «Империи», а Нельсон дестабилизирует обстановку. Война? – призовут, убьют, прославят: но в мирное время он лишний.

26. На пике

На пике мощи государственная система совершает свои максимальные действия. Строит пирамиды и Акрополь, подгребают полмира как Римская или Британская империя.

Что тут происходит на системном уровне?

Во-первых, структура предельно усложнилась. Масса разных институтов, обеспечивающих делание всего, что только можно придумать.

Во-вторых, это усложнение происходило не только на уровне материальном, но и на уровне «чисто энергетическом» – т. е. не только объектном, но и функциональном. Возникает масса условностей, ритуалов, предписаний, запретов – на все случаи жизни: как себя вести.

Вот все это вместе не только количественно, но и качественно повышает энергетику системы. Структурирование усложнено. Боец-барон жрал мясо руками – его потомок овладевает бесполезным искусством владения десятью вилочками. Бесполезное-то оно бесполезное, но:

На пике могущества системы энергопреобразовательная деятельность монады (в среднем) также достигает максимума. Оно понятно: система действует людскими руками и головами. Но:

Человек делает не то, что необходимо системе, а что ни попадя. Все делает. Из собственных интересов и соображений. Они могут совпадать с интересами системы, а могут и не совпадать.

А огромная ветвистая структура системы достигла максимума. **Устоялась. Система в фазе максимальной устойчивости.** И сейчас практически никакие дерганья ее монад ей не опасны. Тише комариных укусов.

Так. А преобразовательная деятельность окончилась: устаканилась система.

Вот на этом этапе пускаются в рост науки, искусства, моды и всевозможные прикормы. Системе ничто не грозит, все силы монаде напрягать не надо, и теперь ее действия в большей степени, чем раньше, направляются на собственные интересы.

Противоречие между интересами системы и монады начинает стремительно расти.

27. Цветение и гниение

«Наконец-то гуманизм! Пора подумать и о человеке!» – говорят гуманисты. – «Мы хотим и имеем право больше и лучше пить, кушать, одеваться и вообще наслаждаться физически и духовно».

Радости монад нет предела. Они начинают делать друг другу массаж и кормить друг друга гамбургерами.

Но искусство и культура как-то быстро упираются в потолок. Так было в Египте, Вавилонии, Греции и Риме... и у нас сейчас.

Но. Индивидуально-энергетический уровень монады постоянен, задан Космосом через биологию. А общий, системный уровень ее энергии стал огромен. А – делать чего? Усилия направлять куда?

И выдвигается лозунг типа: «Сильные регионы – сильный центр!» «Цель всего – благо человека!».

Наверх выплывает либеральная идеология: «Права человека выше прав системы». (Это то же самое, что сказать: «Права головы выше прав человека в целом».)

И набирают ход следующие процессы:

Первый. Система стремится превратиться в цветущий сад и оркестром, автокормушкой и автопоилкой, и всем монадам от этого хорошо, и они говорят: давай еще, давай дальше.

Второй. А все узлы-институты-подсистемы государства, которые сами себе тоже системы, продолжают развиваться по собственным законам, продолжая преследовать собственные цели. Уже не хватает комнат, хрустят перекрытия, барахлят перегруженные линии связи. В государстве начинается внутрисистемная дегенерация.

(Внимание. Никакая система не может упрощаться эволюционным путем. Она может только усложняться. А потом рушиться и скачком переструктурироваться.)

Третий. Тебе надо строить эту гигантскую пирамиду? Нет? Мне тоже. Тебе нужен этот супернебоскреб? Нет? Мне тоже. На фига эти труды и расходы, лучше заработаем свои бабки и пустим их на пиво и девочек. Система теряет способность к максимальным действиям – монадам они не нужны, а мощная структура системы уже дегенерирует.

Четвертый процесс. Дегенерация структуры отношений внутри системы. Снимаются табу. Больше свобод – это вроде хорошо. Но меньше запретов – это означает: нарастание энтропии, снижение энергетики. Ближе к хаосу. Сдерживаемая и регулируемая запретами энергия больше не направляется «в мирное русло» – а идет во всевозможное битие баклуш и рассеивается через сексуальные излишества, наркоманию, субкультурные хэппенинги и т. п.

28. Конец

Система начинает болеть склерозом, артритом, ревматизмом, атрофией мышц и старческим слабоумием. Уж здесь просто сил нет удержаться от аналогий с организмом.

Вариантов концовки существует два.

Первый. Тоталитарная система надорвалась. Стопоров внутри себя она не знала, и в фазе экспансии развила слишком большие усилия, превышающие возможности структуры. Так рухнула империя Македонского, Наполеона, Гитлера, СССР, Чингиз-хана, Тимура. Откусили больше, чем могли переварить. Развили такое действие, что «отдача от выстрела» развалила скелет стрелявшего. Совершаемые действия, выделявшаяся вовне энергия системы не компен-

сировалась ее внутренними возможностями. Столько хапнули, что *центробежные силы огромной массы превысили центростремительные силы собравшей ее системы*.

Второй вариант. Бюрократизация – ничего нельзя сделать быстро и эффективно, кучи согласований и противоречий, институты и инструкции диалектически переходят в противоположную сущность – паразитическую, мешающую, деструктивную. Разветвленный Закон вяжет по рукам и ногам. Жернова этого монстра норовят растереть монаду-человека, проводят либерализацию, она должна облегчить отношения монады с системой, упростить их в сторону здравого смысла, духа Закона, противоречащего его букве. Но в результате либерализации управляемость системы снижается, КПД падает еще ниже, уже никто не хочет «ходить строем». Снимаются запреты внутри системы, отношения упрощаются, энергетика системы падает вследствие упрощения структурных связей. И вот тогда – вот тогда!!! —

Снижается иммунитет системы к любым внешним воздействиям, резко падает ее способность противостоять любым внешним воздействиям.

Система уходит от устойчивого состояния ко все более неустойчивому. И вот уже любая флуктуация, которая раньше и замечена не была бы, может менять ход ее дальнейшей эволюции.

И вот уже мужик Распутин влияет на судьбы России. Да при Екатерине ему бы рвали ноздри и слали в соляные копи, где и сгинул, всех и делов. И вот уже террористы захватывают лайнер и пытаются влиять на государство, чтоб освободило их товарищей. Да полста лет назад их «товарищи» были бы пристрелены сразу, и никто не знал бы никаких проблем. И вот уже нелегальные иммигранты, совершившие преступление самим фактом незаконного пребывания в стране, и живущие милостыней и преступлением, выходят на демонстрации в защиту своих «прав». Еще недавно их высылка либо помещение на каторгу следовали бы автоматически, и не было проблем.

Но – система все более теряет способность к каким-либо системным действиям. Иногда это называют «недостатком политической воли». Есть солдаты и оружие, чтобы с корнем выжечь терроризм во всем мире – но вся система отношений и миропониманий не позволяет это сделать. А это есть **системная слабость**.

Понятно ли?

Вот есть люди. Живут на полянке. Жрут консервы. Оружие в шалаше. Людей, консервов, оружия – много. И есть пяток ухарей. Которые каждый день берут одного и режут. Кто сильнее? Пятеро сильнее. Чем? Умением добиться результата, навязать свою волю, потому что они организованы для своего дела. И вот является зверь-сержант, бьет едоков ногами, заставляет разобрать оружие и, не страшась того, что несколько из них могут быть убиты, пятерку ухарей поймать и расстрелять без всяких разговоров. Кто теперь сильнее? Люди.

Гибель системы выражается в том, что она не может распорядиться своим добром для своего укрепления и уничтожения своих врагов. От тысячи танков нет толку, если не работает связь, нет разумного приказа и пьян командир – рота диверсантов ночью вырежет личный состав корпуса. Потом товарищ Сталин будет сильно недоумевать, почему немцы слабее, а нас бьют.

И вот система в результате накапливает кучи добра, свидетельств мощи и просвещения. А переделывать мир дальше уже не может – не придумать, чего там еще, все возможное пока сделано. И в своих системных, надчеловеческих, объективных усилиях все же переделывать дальше – ее подсистемы, узлы, институты, разрослись сверх меры, и уже связи между ними нарушены, и целям своим изначальным они при всем желании отвечать не могут. Супербронтозавр. А люди-монады начинают тащить все каждый в свою сторону.

Не в том дело, что люди теряют мужество, добродетель и ясность взгляда. А потому они это теряют, что состоят уже в гибельных, упаднических отношениях. Система отношений, а она

постоянно меняется, как меняется в развитии все, исчерпала свои возможности – и, миновав пик, пошла вниз.

29. Заключение

1. Государство есть система, не адекватная простой сумме составляющих ее людей, но обладающая новыми качествами как новая и более сложная структура.

2. Сущность государства как системы – в том, что ее энергетический уровень выше простой суммы энергетических уровней составляющих ее людей.

3. Государство есть следующая и более высокая структурная ступень энергоэволюции Космоса, чем человек.

4. Самообразование государства определяется единым для Космоса синергетическим процессом – из простых и низкоэнергетических систем самообразуются более сложные и высокоэнергетические системы.

5. Субъективная причина образования государства – имманентное стремление человека к положению, в котором он может испытывать максимальные ощущения и совершать максимальные действия. Государство повышает эти его возможности.

6. Объективная причина образования государства – эволюционная склонность биомассы к образованию систем с более высоким энергетическим уровнем.

7. Основная цель государства – совершение максимальных действий.

8. Сопутствующая, обеспечивающая функция государства – создание человеческому сообществу условий для совершения максимальных действий.

9. Государство зарождается, развивается и гибнет в соответствии с закономерностями саморазвивающихся систем.

10. Неучитывание системных факторов и антропоцентрический подход не могут дать понимания эволюции и сущности государства.

Государство и воровство

Что такое государство? Надличностная структура, создающая себя из человекoв для выполнения своих системных задач – максимальных действий разных родов.

Что такое личность, из множества каковых составляет себя государство? Это биосистема, в которую как руководящая программа встроена психическая структура, и эта психическая структура обеспечивает функционирование биосистемы в контактах с окружающей средой.

Что такое воровство? Не с точки зрения уголовного права или ньютоновской механики, а с точки зрения социопсихологии личности? Воровство – это максимально эффективная форма самообеспечения биосистемы. А на языке философии энергоэволюционизма можно сформулировать так: воровство – это максимально эффективная форма самообеспечения социобиосистемы необходимыми и дополнительными энергетическими ресурсами. (Поскольку и деньги, и хлеб, и дом имеют энергетический эквивалент и суть агрегатные состояния энергии.)

Вообще-то воровство – это закон жизни. Получить желаемого как можно больше, затратив для этого собственной энергии как можно меньше. Стремление к максимальному КПД.

Но если все будут воровать – то воровать будет нечего: никто не работает. Включаются механизмы социальной саморегуляции: одни работают – другие воруют.

У вора есть в жизни два пути. Первый – быть пойманным, посаженным и убитым. Второй: заставить честных людей продолжать работать и ему, вору, отдавать часть наработанного. Так вор становится рассудительным рэкетиром, и злой барон заботится о завтрашнем дне своих крестьян как дойных коров, и появляется государство.

Это теория. Нас же заботит практика. Практика такова, что все люди склонны к воровству. Дай им только возможность, создай условия, убеди в полезности и правомерности этого занятия и обеспечь безнаказанность – и воровать начинают даже священники, договариваясь со своим Патроном об отпущении грехов.

Труд – это затратить усилия, чтобы получить нужные и желаемые товары, услуги, удовольствия.

Воровство – это присвоить чужие усилия для получения того же.

По сравнению со «средним честным» человеком «средний вор» сметлив, энергичен и храбр. У него больше энергии, чтобы стремиться к большому результату с меньшими личными затратами энергии. У него больше ума, чтобы придумать, как можно обойти закон и противодействие общества и присвоить себе чужой продукт. У него больше храбрости, чтобы рисковать и быть готовым столкнуться с гневом и противодействием общества.

То есть. Чем энергичнее человек – тем он в общем более честолюбив, самолюбив, эгоистичен и жаден. Та же энергия, которая распирает его и толкает в путь наверх, к карьере и свершениям – она же заставляет его при случае пренебречь законом и моралью и украсть. Ибо он стремится к максимальным действиям – а украсть миллиард это максимальное действие. Мелочь по карманам пусть тырят дворовые хулиганы – а вот украсть нефтяные прииски может только крупный человек.

Увы. Крупные люди почти всегда аморальны. Мораль, как и закон, подобна паутине – в ней запутывается слабый, но сильный ее рвет. Крупный и сильный человек, способный на государственные дела и годный на государственные посты – сильнее слабых людей испытывает искушение присвоить миллионы, дворцы, заводы и красавиц. Иметь! Владеть! Повелевать! Реализовывать свои возможности, стремиться к максимуму своей значительности.

Все мудрые правители отлично знали и учитывали в приближенных и подчиненных эту порочность натуры. А как же. Жизнь принадлежит победителям. Брать по чину. Сумей отобрать свое и сумей защитить свое. Сила – она тоже есть право. Умение завладеть и умение удерживать владеемое – в некоем смысле уже есть право на владение этим.

– Мы носим наше право на остриях мечей! – гордо заявил Бренн.

Храбрые и хвалимые древние воины собирались в поход, чтобы завладеть добром соседей. Причем табун скота можно было украсть и без боевого столкновения – все равно хорошо.

Полководцы античности обогащались в походах трофейным добром – и это было похвально и завидно. Марий, Сулла, Лукулл – стали баснословными богачами, ограбив завоеванные провинции; и никто не думал их порицать.

А вся пирамида рыцарей, баронов и вассалов под сеньорами Средневековья – была иерархией грабителей, легитимизацией воровства. Воин-бандит брал что хотел и «по понятиям» договаривался с другими воинами-бандитами и паханами.

Ближе к родной почве, говорите?

Что делали дружинники князей-рюриковичей? Грабили «по чину» местное население. Положенную долю отдай начальству, что-то – оставь смердам на прожитье и хозяйство, а в этом «валютном коридоре» – хватай добро и суй в мешки.

«Как терпел Петр вору Аляксашку?» Вот уж дурацкий вопрос. Аляксашка дело царю делал – и с того дела сам кормился. Урывал много? Так ведь и исполнитель хороший и преданный.

О, как гомерически воровали екатерининские вельможи! Вот уж это были настоящие олигархи... Но – они с роста державы кормились, с расширения пределов, с хода реформ, с укрепления власти.

То есть. Мы к чему все гнем. Есть род особо крупного воровства, когда для него надобно работать на рост и крепость государства. Э?

Польза вора и польза государства ложатся в один ветер – понятно ли? Чтобы накрасть и обогатиться – надо совершать действия, одновременно полезные и государству: стране и людишкам.

Погнал войско в Таврию, завоевал, захватил в свой обоз золота и драгоценностей несметно, рабов продал тайно и подло на свой карман, земель от императрицы получил в жалованье немерено – озолотился магнат! Но и царева казна государственные вопросы решает, и крестьяне запашку на целине делают, и враги людишек по шляхам не воруют, и зодчие-итальянцы приезжают за это золото державу твою украшать. Вор! Но в итоге пользу приносит! (А лиши его возможности воровать – хрен честно служить станет, все равно чего-то сопрет. А казни и поставь честного – с того пользы много меньше будет.)

Нищий генерал Бонапарт вернулся из Италии мультибогачом – так он же весь французский бюджет золотом наполнил!

А вот Генрих Шлиман, военный поставщик действующей Крымской армии, гнал сотова-рищам артиллериста Толстого гнилые сапоги, тухлую жратву и расплзающееся обмундирование. Россия проиграла войну – зато Шлиман, прежний нищий немецкий мальчик из много-детной семьи, озолотился и на эти деньги раскопал Трою. Что мало утешило Россию.

О, каков был бы фундаментальный и захватывающий труд – «Государство и воровство». Ибо с точки зрения честности наш вид может быть назван «человек ворующий».

Но эволюция взаимоотношений вора с государством складывается примерно так. Сначала у группы веселых ребят ничего нет – и надо обокрасть чужих. И договориться о понятиях промеж собой, чтоб не крысятничать промеж своих. Вот государство и началось.

Потом мы многих приспособливаем работать на себя, на команду и систему – и обкра-дываем потихоньку, но им, нижним, воровать не разрешаем.

А вот когда мы создали могучее, огромное, богатое государство – мы начинаем раскра-дывать его. Ибо это самое логичное, простое и легкое. Ну само же просится!

Пока государство молодое, слабое, начинающееся, на подъеме – складывается позитив-ная и патриотичная государственная мораль. (А иные государства не поднялись, не окрепли, не выжили.) Пахать! Защищать! Жертвовать! Не воровать! То есть: воровать будут, но грех понимают и идеал имеют, и образ бескорыстного героя лелеют в душах.

Когда все завоевано, построено, создано и организовано, то встает вопрос: «А чего ради не воровать?» И энергичная верхушка всю свою деятельность реально, системно, направляет на расхищение государства. Спарта. Вавилония. Рим. Византия. Россия?

Глава 3

Война

1. Я вижу эту книгу – черный пупырчатый коленкор с серебряным готическим тиснением: «Война». Здесь начинается с пещерных племенных схваток и кончается финансированием современного терроризма. Здесь излагаются варианты мотивов и зачинов; здесь рассчитываются риски и соотносятся неизбежные потери с вероятностными выигрышами. Здесь учитывается география, климатология, этнография и масштаб. Классифицируется оружие и перечисляются цели. И – примеры, примеры, примеры: от Граника до Суэца и от Кесады до Чаки. Интенданты и пленные, фронтиреры и дипломаты, проценты, километры, месяцы и кривая рождаемости.

Нет такой книги. Не то материала много, не то мозгов мало.

О главном приходится самим.

2. Существующая теория войны сколь разветвленна, столь и несложна. И носит, в основном, характер назывной и перечислительный.

Во-первых, значит, война – это острый конфликт между социальными группами, странами и т. п., в разрешении которого широко участвуют вооруженные силы. Это – ноль-информация.

Во-вторых. Аспекты войны выделяются: философские, политические, экономические, религиозно-идеологические, юридические, социологические и психологические. Логично и понятно. Рассматривай на разных уровнях: вот причины, вот цели, вот следствия.

В-третьих. В вышеперечисленных аспектах войны могут быть справедливые и несправедливые, прогрессивные и реакционные (?!), священные и агрессивные. А также гражданские, национально-освободительные, интервенции. А также война может быть локальной, ограниченной, тотальной, региональной. А также воздушной, партизанской, холодной, ядерной, психологической, химической. Вау.

В-четвертых. В общем плане, в философическом. Продолжают сосуществовать две основные точки зрения. Весьма традиционные. Гоббс утверждал, что человек вообще агрессивен, оттого и войны неизбежны. Монтескье, напротив, полагал человеческую природу миролюбивой, а вот социум, общество, устроены скверно и толкают людей к войне, с чем прогресс и должен бороться.

Заметим, что оба были отчасти правы. Гоббс говорил об индивидуальной, прямой агрессивности. Монтескье – если немного вдуматься и переформулировать его тезис – противопоставлял индивидуальное миролюбие доминирующей косвенной агрессивности, агрессивности системной.

3. Но к этому, пожалуй, следует добавить вот что. *Война может быть рациональной и нерациональной.*

Если есть ясные цели и задачи, и выигрыш войны решает эти задачи – все просто. Освободиться от ига чужаков. Или напротив – захватить добро чужаков. То есть: улучшить, по своему разумению, свою жизнь. Без жертв, конечно, не бывает, но – мы победили, мы молодцы и герои. Здесь возникает впечатление, что на все – разум и воля людей, вот и надо думать, аргументировать, поступать во благо, учиться урокам истории и двигаться в сравнительно светлое будущее.

Но столь близкий и масштабный XX век дал нам ужасающе наглядные примеры внерациональности войн. И прежде всего – Первой Мировой.

Поистине удивительная война. Моря крови, десятки миллионов жертв, четыре года окопных страданий в грязи и огне. И чего ради? И кто выиграл? И кому стало лучше? И кто чего добился? Мира на Балканах как не было сто лет назад, так и нет, и не предвидится. Австро-Венгрия развалилась навсегда. Россия вверглась в столетие великих бедствий. Германия обескровела, обнищала, съежилась. А Великобритания навсегда перестала быть величайшей империей и с двадцатилетней затяжкой утратила статус мировой сверхдержавы. Измельчала и Франция, слава которой осталась в прошлом.

В равной борьбе противоборствующие стороны уничтожали друг друга год за годом. А что удивительно: никто не ставил целью уничтожить страну-врага, лишить политического статуса, вырезать народ, отменить веру. Нет! Все хотели примерно статус-кво, ну, может быть, себе чуть получше, а врагу чуть похуже, а вообще оставить все как было.

Историки называют экономические, политические и идеологические причины Первой Мировой, но назвать о с н о в н у ю причину затрудняются. Не могут. Ну не идиоты же сидели на тронах Европы в 1914 году. Ну понимали же все. Ну не из-за чего было молотить так.

Так в чем же суть-то?

4. Первый фактор – природно-энергетический. Всплеск солнечной активности. Обильный урожай. Мальчиков рождается больше, чем девочек. Морозная зима, жаркое лето, катаклизмы. Приближение кометы. На срезах пней годовые кольца тех моментов шире обычного.

Подпрыгнувшая энергетика народа, этноса, региона вызывает к действию. Суеются. Руки чешутся. Агрессивность лезет вверх (ибо что есть агрессивность? резко выделить энергию, явив свою значимость в силовом контакте с окружающей средой). Возбудимость выше, адреналина больше, меж людьми и группами проскакивают искры. И вот революциям и войнам у людей часто соответствуют эпидемии «у микробов» и землетрясения «у геопластов».

Война как энергетический выплеск. Как высокоэнергетичное действие. Как биосоциальный аспект общеприродного «энергоподпрыга».

Огромные действия производятся, огромные изменения в мире происходят. Сотни тысяч и миллионы людей перемещают массу своих тел плюс орудия, припасы, животные, техника, на огромные расстояния. Города сжигаются и сносятся – перестают быть. Люди толпами перестают быть. В тылу работают на износ. И т. д. Короче, затраты энергии и количество-качество изменений в окружающей среде на один человеко-день резко подпрыгивают.

5. Большую часть жизни Эйнштейн посвятил созданию математического аппарата для единой теории поля, но не получилось. Хотя отсутствие (на данном этапе) системы математических уравнений отнюдь еще не означает, что не существует единого поля.

И поле, и материя могут рассматриваться как, условно выражаясь, агрегатные состояния энергии. Единой для Вселенной энергии.

С этой точки зрения все пространство может рассматриваться, если угодно, как единое поле, а все происходящее – как локальные возмущения полевых участков. Все ведь во Вселенной связано, э?

Война – это локальное возмущение поля, захватывающее социальную структуру.

И ежели уж это возмущение оную структуру захватило – так не логикой это улавливается, а железы внутренней секреции начинают активнее работать, эндокринная система подстегивается, среди склонных к инфартам-инсультам вдруг мор наблюдается, а у прочих иммунитет повышается, повышается электропотенциал клеток не только центральной, но и периферической нервной системы. И что? И ум у такого человека работает уже не так, как до того. Повышенная возбудимость и энергетика диктует и определяет иную уже структуру взаимоотношений с окружающей средой – эти взаимоотношения ф у н к ц и о н а л ь н о м е н я ю т с я .

Меняются реакции – в том числе на социальном уровне. И – корректируются представления о нужном и ненужном, правильном и неправильном. Потому что имеется уже несколько иное существо, нежели до начала локального полевого возмущения.

Человек – он тоже «сгусток» единого поля. Так куда ж ему деться – орет и машет дубиной (саблей, бомбой) и крушит постройки и головы. Маленький такой биосоциально оформленный протуберанец. Удачная композиция силовых линий и элементарных частиц.

6. Возмущенный в качестве сгустка поля человек агрессивен.

А что такое, строго говоря, агрессия? Ну да, все знают: дать по морде первому встречному, сломать забор, зарубить старушку, напасть на Польшу. Смесь пит-буля с Бармалеем. А – яснее?

Акт неправомерного применения насилия. Это не объяснение. Это развертывание слова в синонимический оборот. Так можно вообще сказать: агрессия – это проявление агрессивности. А она что?

Избыточная энергия. Деструктивного характера. Направлена вовне. Ломать, разрушать, подчинять себе, убивать. И что? И тогда агрессору лучше. Добился своего, чего хотел. Успокоился. Ликвидировал внешний раздражитель. Сбросил излишек своей энергии. Так. Теперь пробуем сформулировать:

Агрессивность – это избыток энергии субъекта, реализующийся в деструктивной форме и направленный на понижение энергии и повышение энтропии (тем самым упрощение структуры) окружающей среды. Тем самым уровень энергии системы «субъект – объект» понижается в обеих частях.

А тем самым *агрессивность есть саморегулирующий фактор системы, снижающий ее энергию до приемлемого (устойчивого, оптимального) уровня.*

Так что делает война? Снижает энергетику воюющих социумов до стабильного уровня.

Агрессивность как регулятор.

7. Можно ли агрессивность направить в мирное русло? Можно.

Способ первый. Спецвойска. Но это не мирное русло. Это просто управляемая агрессивность вместо неуправляемой. Пусть рвет чужих. Маленькая войнушка.

Способ второй. Пусть пашет по двадцать часов. Но это не русло. Это колымский концлагерь. Высосать всю энергию вообще.

Всю активную часть населения во главе с правительством в спецвойска не направишь. Они тогда возьмут власть и начнут войну.

Но нельзя ли как-то устроить, чтобы все с той же интенсивностью и расходом энергии строили, делали, мастерили, уставая до седьмого пота, изнемогая, рискуя в высоковольтных проводах и вершинах небоскребов и т. д.? Ну – занять всех чем-то приличным, созидательным?

Нельзя.

8. Срабатывает психологический фактор. Стремление к максимальным ощущениям.

Максимальное ощущение – вообще, в среднем, в соотношении с вызывающим ощущение поступком – это зверски убивать при равном риске быть самому так же зверски убитым.

Для «адренилинового наркомана» нет кайфа круче, чем смертельный риск. «Адренман» – это крайность, но крайность, по которой улавливается общее направление. Ходить по лезвию мало кто хочет, но нервы себе щекочат кто чем может. Общий подпрыг возбудимости – повышение средне-общей потребности в сильных ощущениях – повышение тяги к ситуациям и действиям, дающим такие ощущения.

Война – это реализация повышенной потребности масс в сильных ощущениях.

Человек ведь и так балансирует всегда близ грани. Гвоздь в ботинке, оскорбительное слово, несправедливость – и эмоции его жаждут разрядки, психика требует ощущений сильных и острых, и встречающих прохожих он начинает прикидывать со стороны хука в глаз.

Откинувшись с российской зоны, зек еще долго смотрит сквозь толпу на эскалаторе с воображаемым пулеметом в руках. А злоба накопилась.

А мясом покормить? А пропагандой возбудить? А добычей поманить? А вместо всего этого – прямиком на организм подействовать возбуждающе общекосмическими силами? И – ощущений хочет!!!

9. Ну – так пусть созидает что-либо с чудовищным напряжением, буквально умирая от усталости, а надсмотрщик его бичом хлещет, а вечером худшего работника конвой расстреливает, – вот тебе и сильные ощущения, и польза какая-то хоть, без разрухи.

Ноу. Вы построите небоскреб хоть молниеносно – тысячей человек за месяц, но это кропотливая и равномерная пахота. А взорву его я один за три секунды. Если посчитать – развивается мощность процесса в м и л л и а р д раз бóльшая. Хо?

Стремясь к максимальным ощущениям – человек совершает максимальные действия.

Создать человека, с его телом, физиологией, сознанием – потрясаяще трудоемкая работа Вселенной, Земли, биосферы, материнского организма, социума. А разmozжить ему башку и превратить в кусок мяса, который сгниет через неделю – это один миг. Какое же действие может сравниться по колоссальности проведенной работы, да в миг времени, с убийством? Нечем его заменить, просто нечем.

Война – совершение максимальных действий из всех, доступных людям.

Построить город и уничтожить город – энергетически равные действия с обратным знаком. Строить долго – ломать быстро. Уничтожитель производит большее действие, чем созидатель. Мощно, быстро, эффективно.

Война удовлетворяет повышенной потребности масс в максимальных действиях.

И ума не надо, и образования, и труда многолетнего: рванул – и кайф.

10. Так что, человек – разрушитель по природе своей? Нет. Изменятель. Передельватель. Реорганизатор.

Представим себе семью среди хаоса: болото, обломки скал, пустоши. Охота ломать? Да нечего ломать. А представишь себе тут: ручей, домик, поле всковыряно, мебель кустарная излажена, дымок из трубы – господи, благодать какая. Как чудесно созидать там, где и ломать нечего!

Тебе изначально навязывают окружающую среду как какую-то данность – а ты ее переделываешь. (Примерно это и называл Тойнби, несколько поверхностно и не вдаваясь в философию, «Вызов-и-ответ».)

То есть. Есть пустыня – озеленю и застрою. Есть лес – сведу и распашу. Есть пустошь – поставлю постройки и заселю. Есть город – взорву и вырублю всех.

Ясно?

Человек подсознательно полагает свое личное предназначение в том, чтобы оставить этот мир не в таком виде, в каком он его принял. Оставить след. Изменить. Да по сильнее!

И вот мы помним имена великих воителей, но не помним великих строителей.

Не в том дело, что война – разрушение. А в том, что она – максимальное изменение мира в минимальное время.

11. Почему ученые делают свои открытия и изобретения, как правило, с самыми благими, благородными и гуманными намерениями, – а используются они обычно прежде всего в войнах? Вот еще один из вечных вопросов.

Просто до чрезвычайности. Раньше или позже любое открытие и изобретение начинает прямо или косвенно иметь прикладное значение. Расширяет возможности человека. Увеличивает диапазон его действий. Повышает его роль в этом мире. – Поднимает планку возможных действий человека. Повышает совокупную энергетику его действий. Максимальные действия человека могут быть значительно, крупнее.

А где же совершаются самые крупные действия, как не на войне? Где же выделяется и преобразуется большее количество энергии? Какое же еще действие может быть в сумме более максимальным, чем война? Такова сама ее суть.

Суть любого открытия и изобретения – оно увеличивает энергопреобразовательные возможности человека и поднимает для него планку максимальных действий (преобразований окружающей среды).

Суть войны – максимальные действия и максимальные преобразования среды в кратчайшие сроки.

Война дает максимальные ощущения, максимальные концентрации сил и средств. Вопрос жизни и смерти.

Ну так где же еще открытия и изобретения могут быть использованы эффективнее, реализовать все свои возможности полнее, чем в войне? Где они поспособствуют большему преобразованию энергии? Где их КПД по части переделки мира может быть выше и задействован быстрее?

Суть открытий-изобретений и суть войны едина – стремление к максимальным действиям.

У войны они всегда деструктивны, у открытий могут работать и на конструкцию, и на деструкцию. Но на деструкцию – всегда в большей степени. Поскольку деструкция плюсуется к естественной энтропии – и при прочих равных деструктивное действие эффективнее конструктивного, равного ему по затратам энергии. Деструкция – естественную энтропию к ней плюсуем, конструкция – естественную энтропию из нее вычитаем: для достижения равного результата им нужны разные расходы энергии.

Любая работа на деструкцию при прочих равных всегда эффективнее работы на конструкцию.

А все в природе устроено так, что стремится действовать с максимальной эффективностью. Добиваться максимального результата при минимальной собственной работе. Преобразовывать собою и выделять посредством себя так много энергии, как только возможно.

Таким образом, по законам общеприродным, стихийным, объективным, по всему энергоструктурному устройству Вселенной, все новые и эффективные открытия-изобретения имеют общую тенденцию использоваться прежде всего в войне.

Н-да-с! Война как двигатель прогресса. Научно-технического, то есть.

12. А также на войне человек самореализуется и самоутверждается. Он испытывает максимальные ощущения, переносит максимальные нагрузки, совершает максимальные действия, и в этом плане – в общем и среднем – делает максимум того, на что вообще способен.

Бывает случайная смерть. Но это вне закона больших чисел.

Простым солдатом может погибнуть гений. Вне закона больших чисел.

Но даже самый слабак – когда он в строю среди вооруженных товарищей, когда с пулеметом в окопе, когда за водкой после боя, если уцелел, – чувствует себя настолько человеком, как никогда ни до, ни после войны. Все фронтовики хорошо это знают.

В мирной жизни ты вечно можешь тужиться, а тут застрелил кого-то, уцелел в бою – и ты равный среди сильных и храбрых, и мужчины тебя уважают, а девушки дышат неровно.

Как ни верти, война – самое мужское из всех дел.

13. Необходимо отметить системный фактор в возникновении и сути войны.

Вот есть система. И по логике ее системного развития ей необходимо что-то делать: растет она, структура усложняется, энергия повышается. И – ну? Моря нет, плыть некуда, открывать нечего. Наука и техника, производительные силы не развиты – созидательный труд не шибко прет, здесь никакие изменения сейчас невозможны. Религия примитивна, созданием теократической иерархии тоже не пахнет.

И вот вожди племен, не вдаваясь в философию, начинают резать друг друга и добиваться верховной власти. Ибо быть мощным и страшным – это хорошо, и все тут. И создается могучее централизованное объединение. И что оно может? Н и ч е г о! А силы куда девать, рост системе на что направить? Алла! И конница гуннов прет через весь мир до Рима.

На несравненно более высоком уровне аналогичный толчок произошел в 1914 году. Мощнейшие системные структуры достигли предельного уровня развития – а что было делать дальше? А нечего. Парламенты, демократии, телефоны и автомобили, минеральные удобрения и пирамидон, самолеты и небоскребы... А силушки системные прут, как тесто из квашни. Система ведь не рассуждает, ее стремление – сродни половому: подай действие, и все тут! Все у нас внутри хорошо и мощно – даешь же экспансию!!! Ученые-гуманисты пытаются объяснить: Марь Иванна, ну нету места для экспансии, переделена вся Европа, тесно уже, хрен кого сдвинешь, все в землю врылись на всякий случай, война невозможна и бессмысленна. На что система отвечает: «Не рассуждать! Или я сейчас суюсь в войну – или, я не знаю, солнце всходит на западе и отменяется закон всемирного тяготения».

Война – одна из естественных фаз существования государства как системы.

Не надо, нельзя, неправильно искать в этом прямую целесообразность. Нету ее. Как нет целесообразности во многих конкретных проявлениях существования различных систем – целесообразность эта глубже, не на первом уровне, а заглублена на второй, третий, на базовый.

Вопрос надо ставить не «зачем?», а «почему?».

Зачем скорпионы в банке жальют друг друга? Толку им с этого никакого. А почему? Потому что инстинкт работает: каждому нужна охотничья территория на одного, соперника прогони или убей, а рассуждать скорпион не умеет.

Человеку трудно представить, что государство может быть столь же безмозгло, как скорпион. Сравнение банальное, но человек воспринимает его как метафору, не обязывающую к пониманию сути. Ведь государство – это он и его народ, все такие умные!

Но если на данной фазе системе требуется экспансия – она будет воевать, невзирая на. Вот будет – и хоть тресни.

14. И под конец упомянем важнейший фактор – *регулятивный*.

Война – это великий регулятор народов и цивилизаций.

Проносится ветер над садом: незрелые яблоки держатся крепко, – а переспелые опадают градом. Незрелые могут выглядеть хило, а переспелые – быть огромны и держаться на толстых черенках: не важно, это все видимость, главное – степень готовности к падению.

Хочите еще красивого? Война – это буря, валяющая старые деревья. Деревья те думали, что они – самые толстые и здоровые, с самой разветвленной корневой системой, и прочность их незыблемая проверена веками – а именно те века запас прочности дерева исчерпали, и качество древесины на излом стало уже не то.

Это к вопросу о поражении и крушении мощного государства. А когда мощное крушит маленькое и слабое – это и так понятно.

Война как демографический регулятор. Если бы люди никогда не воевали – давно было бы не протолкнуться на материках и островах. (Правда, тогда эпидемии и катаклизмы натужились бы дополнительно, подстригая человеческий газон.)

Война как эволюционный фактор. На рожон лезут самые сильные и агрессивные – и погибают в первую очередь. А выживают менее сильные и агрессивные и чуть более хитроумные. Те, у кого соотношение «победить – выжить» в желаниях и уме больше смещено в сторону «выжить». Выживает хитроумный Одиссей, а не непобедимый и непреклонный Ахилл! Одиссей тоже здоровый, но среди героев не перворанговый боец – есть круче. Зато берет головой.

А кому достается все самое лучшее? Самому здоровому – из тех, кто жив, конечно. Война – селекционер: снимая век за веком слой самых здоровых агрессоров, способствует размножению и власти тех, кто тоже здоров, но поменьше – зато умнее и сдержаннее.

Война как социальный санитар. Рушит обветшавшее, пожирает сгнившее, отсекает дегенерировавшее. Государственная система с мощной, созданной за века материальной базой может гнить и смердеть очень долго. Мешая, так сказать, ходу истории и заслоняя путь иному

и новому. Война стремительно ускоряет падение такой системы – вроде как старик-ветеран в орденах вступил в рукопашную по старой памяти да и помер от кондратия.

Под сурдинку войны власть, приобретающая характер военной диктатуры, может отсечь любые институты и головы и хирургическим способом модернизировать систему, что в мирных условиях куда труднее.

Война рубит гордые узлы, выросшие в связях системы.

Война как аварийный клапан выброса энергии. Ибо совокупная энергия-материя человеческой популяции (системы, цивилизации, этноса) может превысить природную меру.

Чем и как определяется эта мера? – сегодня наука еще не в курсе дела. Но когда людей много, и рожают они много, и работают много, и материальных ценностей наделали много – в окружающей среде растет сопротивление. *Среда естественным ответным образом оказывает сопротивление слишком уж активному ее переделыванию и переименованию.* Тогда тонут «Титаники», извергаются вулканы, происходят землетрясения, и небывало смертоносный грипп-«испанка» вкупе с эпидемией тифа выкашивает десятки миллионов жизней в Европе (больше, чем оружие!). Тогда возникает Первая Мировая война.

А там? Людишек побили, добро порушили, деньги растратили – откатились назад. Дух перевести, силы собрать, численность восстановить – и можно восстанавливать довоенный уровень и двигаться дальше.

15. А уже пограбить, завоевать, или свободу себе добыть, и подвигов совершить, и главенство своей религии утвердить – это само собой. Это и так ясно, это на поверхности лежит, об этом всегда говорили историки и официальные пропагандисты.

16. Итак:

Война может быть рациональной и нерациональной.

Основные факторы войны:

природно-энергетический всплеск;

психология: стремление к максимальным ощущениям повышается;

физическая активность: стремление к максимальным действиям повышается;

объективно максимальная реализация открытий и изобретений, движение научтехпрогресса;

системный фактор – структурная потребность в экспансии.

Факторы и функции войны:

демографический регулятор;

фактор человеческой эволюции;

социальный санитар;

аварийный сброс социобиологической энергии;

понижение энергии системы до устойчивого уровня;

понижение социобиологической энергии системы до уровня большего соответствия и устойчивости с окружающей средой.

17. Последний пункт только по принуждению времени и для активных моралистов, утверждающих очевидное за единственное: ну и, конечно, горе, горе, горе.

Империя

1. Граница. Откуда взялись все государственные границы на свете? А очень просто: пришли здоровые ребята с оружием и сказали: здесь стоять будем, вот досюда наши владения – а если кто такой здоровый и храбрый, что несогласен, – выходи, поговорим!

Все сегодняшние государственные границы установлены силой оружия. Разнообразные мирные договоры могли быть до и после, но на той или иной стадии вопрос решался силой –

если не ее применением, то во всяком случае угрозой. Угроза силой обычно называется «считаться с весом государства на международной арене».

После хельсинских соглашений 1976 г., зафиксировавших «незыблемость существующих границ», обывателю может показаться, что эти границы как бы незыблемы, легитимны, священны и вечны. При этом забывается, что границы эти утвердились так: в 45-м году Сталин, Черчилль и Рузвельт сели в Крыму над картой Европы и после споров, дипломатических по форме и угрожающих по существу, утвердили передел Европы, блюдя и отстаивая при этом каждый свои интересы. Румын, болгар, поляков и прочих при этом никто не спрашивал: победители во II Мировой войне решали вопросы сами.

Однако если сравнить политические карты Европы через каждые сто лет, то неизменных в течение нескольких веков границ там не найдешь. Все течет, понимаешь, все изменяется.

В 90-е годы, с падением социалистического лагеря, тезис о незыблемости границ сыграл скверную шутку с Югославией и бывшим Советским Закавказьем. «Проведено по карте – сидите здесь!» – велели «большие страны» сербам, хорватам и боснийцам, желавшим передела, что привело к кровавой войне, которую фактически продлял контроль войск ООН. Армения, у которой и так в 1920 г. Турция оттяпала долину Арарата, исконную в тысячелетиях армянскую землю, пожелала вернуть себе свой собственный Карабах, населенный армянами, – и воевала за него с турками-азерами, населяющими Азербайджан, долгие годы. При этом большие дяди грозили Армении пальцем и кулаком и требовали перестать, ибо «существует граница». Что граница эта была проведена произвольно и в советском государстве практически ничего не значила как условно-административная, их как бы не волновало. Боялись создать прецедент! Разрешить изменить границу одним – и тут же зашебуршат многие другие и полезут в драку!

В результате – ничего нового: свое кровное отвоевали оружием.

Можно со стопроцентной истинностью констатировать банальное: в мире вообще нет ничего вечного и незыблемого, и вечных и незыблемых границ в частности. Менялись, меняются и будут меняться, разумеется. Народы увеличиваются и уменьшаются, крепчают и слабеют, идут на спад и на подъем, меняются соотношения экономических потенциалов, значения в мире, народонаселения. Любые договоры о границе – всегда временны, даже если долговременны.

Из чего следует очевидное даже пьяному ежу: необходимо создать механизм урегулирования пограничных проблем. Мирно и предельно справедливо и объективно: эксперты международных комиссий, историки, этнографы, политологи и экономисты, всенародные плебисциты, учет всех плюсов и минусов, взвешивание всех за и против.

А иначе в XXI веке, судя по всему, плодovitая Азия, ее трудолюбивый Дальний Восток и исламский агрессивный Средний, вам такого покажут, что мало не будет! Выпрет их из границ, как тесто из квашни, тогда отведаете горячих пирожков. Они в напоре, а из вас уже течет тонкой струйкой на песок.

Тезис «незыблемости границ» означает, во-первых, что такое положение устраивает когдатошние державы-победительницы, и во-вторых, что они хотят сохранить мир на таких условиях как можно дольше.

Только и всего.

И вообще: почему, если люди хотят жить вместе, им не разрешать? Почему, если люди хотят жить по отдельности, им не разрешать?

Любая пограничная проблема имеет всего несколько вариантов. 1). Народ хочет отделиться, выделиться в самостоятельное государство. 2). Народ хочет объединиться, чтоб место его проживания оказалось на территории одного государства, а не двух (или нескольких). 3). Народ хочет расширить свою территорию, т. е. оттяпать кусок у соседей.

Расшириться, как правило, никто не против. Особенно если можно повернуть это безболезненно и безнаказанно. Исключения составляют дипломатические шахматные игры: когда

полезнее иметь буферный кордон; или когда полезнее через экономику обирать бедных соседей, заставляя их работать на себя, чем кормить потом или уделять большую долю прибыли; или когда можно натравливать соседей на другие страны, пусть они ослабляют друг друга, а ты будешь жить спокойно; то есть если есть явная выгода не расширяться.

А вот сужаться никто не хочет. И правильно делает. И ведь обычно не понимают, почему это правильно, но инстинктивно чувствуют и действуют верно, маша смешными и примитивными лозунгами вроде «Величие Франции!», или «Величие Англии!», или «Величие Германии!», или «Величие Америки!», или «Величие России!».

2. Суть объединения. Когда-то, давно-давно, на одной планете, людей было сравнительно мало, а места сравнительно много. И вот люди объединялись в государство, а места пустого вокруг было до фига, и никому они жить не мешали, и им никто не мешал. Было хорошо. Казалось бы.

Ан ни фига подобного. Как-то у них без рабов государства не получалось. Либо одно племя обращало в рабство соседнее, либо шли за рабами подальше – а без войны и походов ну никак. Жить хорошо хотелось, иметь всего побольше, позначительнее быть. Спартанцы обратили в рабов мессенцев, римляне силком взяли жен у сабинян, и те вынуждены были объединиться под их началом, не резать же собственных детей, понимаешь, а торговые афиняне покупали рабов, доставленных другими. Расширялись, и хоть ты тресни, ущемляя другие страны так или иначе.

А если хунну, или монголы, или ирокезы создавали нехитрое племенное государство без рабов, так их все равно несла нелегкая завоевывать соседей, хотя земли хватало. А когда не завоевывали они – завоевывали их, или им подобных, никак в мире прожить не удавалось. Но без рабов эти бесхитростные люди толковую цивилизацию создать не могли. Некому было прибавочный продукт создавать, чтоб кормить сильно умных и искусных, которые бы все изобретали и так далее.

Какую страну ни возьми – или ее покоряли, или она покоряла, и так всю дорогу. И если была сила покорять других – возникало государство могучее и развитое. А нет силы – сам войдешь в чужое государство, и если это надолго – переваришься, станешь его частью и частью общего его народа. И на этом объединении растет производство и восходит цивилизация.

И та самая энергия, которая подвигала народ на завоевание и объединение соседей, вбирала и суммировала эту соседскую энергию, и часть «объединенной энергии» шла на созидание, прогресс, цивилизацию. Свободы и независимости нет, а прогресс есть... э?

В чем была суть безумной затеи Александра Македонского создать Мировую Державу? Ведь не нахапать жратвы в три горла, не мир потрясти так просто. Он был человек весьма просвещенный и имел головокругительные идеалы! Он полагал, что много государств – это много владык, много правительств и чиновников, много армий и разорительных налогов, а вдобавок Восток – это отсталые и жестокие тирании, где не ведают эллинских свобод, эллинской культуры. Если все эти государства объединить под одной рукой – единая организация будет гораздо целесообразнее, разумнее, гуманнее, экономичнее, все перестанут друг с другом воевать, перестанут содержать огромные прожорливые армии, перестанут разорять друг друга в войнах и терять в них людей: обратят, так сказать, всю свою энергию в мирное созидательное русло, а направлять все это будет железная рука высококультурной Эллады. Великий был замысел. Лопнул он лишь потому, что царь, как это случается с великими царями, попытался проглотить больше, чем мог переварить. Энергии не хватило на столь огромное изменение мира: разбить в сражениях врагов еще можно, а ассимилировать их страны в единой уже никак.

Но мысль его, повторим, была верная и простая. Это направление развития любого государства, просто доведенное до гипертрофии, почти до абсурда.

Если мы посмотрим, из кого-чего состоит «прекрасная Франция», «великая Франция», то от «собственно исконной» Франции кроме островка Ситэ в центре Парижа мало что оста-

нется. Бретань, Гасконь, Нормандия, Прованс, Аквитания, – и везде элементы своей истории, своей культуры, своих национальных отличий, своих диалектов и т. д. Про спорные вечно Эльзас и Лотарингию говорить не приходится. Хороша и Германия с ее Пруссией, Швабией, Баварией и пр. Но гасконец может чувствовать себя и гасконцем и французом одновременно, равно как баварец – и баварец, и немец: часть входит в целое. Но попробуйте сказать шотландцу, что он англичанин – еще чего не хватало! Англия – это Англия, а Шотландия – это Шотландия, хотя в мире это не все и знают.

Период раздробленности Руси (или Германии) на отдельные независимые княжества был плох именно тем, что не нравилось Македонскому: масса нахлебников и потерь, маловато можно сделать в мире.

Итого: племена, народности и народы редко объединяются в единое государство мирно и добровольно. В критические моменты перед лицом общей внешней опасности – могут заключить союз. Минует опасность – хотят обратно: владыки – владычить, народы – быть независимыми. А что говорит им Иван IV Грозный? – Я вашему колоколу язык вырву, вече разгоню и под мою руку вас поставлю: будете делать то, что я сказал! И Новгородская Русь вошла в Московию...

Под царем плохо, но без царя ты оказываешься беззащитным перед набегом любых разбойничков.

Почему крестьяне кормили барона? Хлеб свозили, замок строили? Да он их оборонял, мирно жить позволял! Не жег, отбирал не все, на чужбину в рабство не прогонял, при набеге внутри замковых стен впускал, а сам с дружиной шел на стены воевать.

Современным языком можно сказать, что государство – это честный централизованный рэкет во всеобщем масштабе. Плати! Слушайся! Но и самому жить и работать можно будет по-человечески.

Человек в государстве находится в динамическом равновесии двух противоположных стремлений: стремления к абсолютной личной свободе – и стремления к защищенности, уверенности, стабильности. И суть этого динамического равновесия такова, что в государстве он может жить полнее и делать больше, чем без государства. Свободного одиночку вне государства схавают, как бы он ни был силен. Что означает «объявить вне закона» – хоть в Древнем Риме, хоть в средневековой Скандинавии, хоть в революционной России? Что государство тебя больше не защищает, ставит вне себя – теперь любой желающий, если сумеет и хочет, может убить тебя на месте, а твое имущество забрать себе. А хочешь жить нормально – изволь подчиняться и ограничивать себя.

Государство тянет в свою сторону – человек в свою. Мало свобод, пережим и зажим, – недовольны люди, теряют интерес, хуже работают, не чувствуют своей значительности каждый, – и слабеет государство, беднеет. Слишком много свобод – налоги платить перестанут, законы исполнять перестанут, – расхлябается государство и развалится. Пока никто не перетянет одеяло – можно жить.

3. Динамическое равновесие. Под империей мы понимаем большое и разнородное государство, где титульный народ силой присоединил к себе другие народы с населенными ими территориями и силой же продолжает их удерживать, причем завоеванные неравноправны в действительности с завоевателем, начиная с отсутствия права на свое самоопределение и кончая экономической и культурной подчиненностью. От обычного государства империю принципиально отличает «непереваренность» включенных народов и территорий, сохранение ими национального самосознания и самолюбия, осознание своей особенности и национальной отдельности, непрерывная историческая память и обычаи. От федерации империю отличает недобровольность, неравноправность и разностороннее подчинение провинций метрополии. Примерно так.

К чему всегда стремится империя? К расширению.

Почему? Потому что экстенсивный рост позволяет ей сделаться более энергичной, значительной, могучей, чем рост интенсивный.

Вот во второй половине XX века производительность труда и уровень технологий стали так высоки, эффективность высокотехнологичного оружия массового поражения стала так велика, что быть огромным уже не обязательно – качество государства может играть гораздо большую роль, чем его количественные размеры, простая масса. И Британская Империя как бы добровольно перестала существовать: выгоднее направлять энергию метрополии на собственное развитие, чем на удержание колоний и политически-принудительное получение дополнительной созидательной энергии с них. КПД интенсивного государства в этом случае оказался выше. Переводя в экономический аспект – выгоднее партнерствовать с бывшими колониями, чем иметь с них продукт и рабсилу, держа внутри империи. Навару больше получается, накладных расходов меньше: войска, подавление национально-освободительных движений, огромный чиновничий аппарат, коррупция большая, а жители колоний работать не хотят на дядю, из-под палки не то качество и количество продукта получается, и в армию в случае чего их нельзя мобилизовать – разбегутся, предадут, в случае войны с другим государством жди от таких колоний не поддержки, а ножа в спину.

Освободились колонии – и что, зажили лучше? Фиг. Свои тирании, гражданские войны, своя коррупция, разгильдяйство и прочие прелести. Чем кормиться? А вот выполнять экономические заказы большого дяди.

Получается, что сегодня огромные империи уже невыгодны, неэффективны. Вот они все, вроде, и полопались.

Раньше было не то. Пулеметов нет, авиации нет, автоматических станочных линий нет. Битву можно выиграть при численном перевесе противника максимум в два-три раза – за счет воинского искусства: качество вооружения примерно одно, и как правило «Бог был на стороне больших батальонов». Большое многочисленное государство и могучее государство были синонимами.

Вот империя и росла – крепчала. Но на каком-то этапе мудрые правители понимали, что – ша, хватит, надо останавливаться. А как? Укрепить границы, чтоб никто не полез – и переваривать скушанное. А как их укрепить?! Минных полей и колючей проволоки не было. Значит, надо вломить соседям и создать «пояс безопасности», чтоб отодвинуть потенциальную угрозу подальше от своих границ. И границы расширились да расширились под этим лозунгом!

Зачем Кир Великий, владыка полумира, поперся за своей смертью в скифские степи? Никаких там богатств, ничего хорошего. А чтоб эти воинственные кочевники не грабили вечно его пограничные области. Пока держава его была мала – и скифы были далеко, и дела до них никому не было. Придвинулись сами к скифам – они стали досаждать. И вперлись «миролюбивые» персы на скифскую территорию – и огребли справедливо по первое число.

Чего хотели в XIII веке монголы от русских? Только одного: гарантий мира и признания своего права на занятую степную территорию, а славянские леса им на фиг были не нужны, они люди простора, кочевые, табунные.

Чего топали римские легионы аж в Армению, аж до Каспия? Ничего они с той Арменией не имели, кроме головной боли. То она Ганнибала укрывает, который вообще чуть Рим не снес, то с Понтом объединяется и двухсоттысячной армией собирается отобрать римские восточные провинции, – дать по мозгам, чтоб сидела тихо!

Чего надо было Наполеону в России? Да чтоб не совалась в Европу своими армиями, не мешала переваривать Австрию, не помогала англичанам... вот корпуса под снежок и легли.

Империя лопают ровно столько, сколько может.

И что же происходит внутри нее? Народы, понимаешь, свободы жаждут. Знают, что они завоеваны и унижены, самостоятельная значительность их подорвана. Империя постоянно испытывает разрывающее усилие центрбежных сил. Провинции хотят отделения.

А держится империя стягивающим действием центростремительных сил: включать в себя, поглощать, расти, крепнуть.

Империя существует в постоянном динамическом равновесии центростремительных и центробежных сил. Вот к этой простой вещи мы так долго вели.

Выглядит это просто, но понимается почему-то редко. Политиками и гуманистами наворачивается на эту простую вещь масса пустых и прекраснотушных фраз.

Означает эта простая вещь, что как только империя что-то отдает – она начинает разваливаться. Не потому разваливаться, что малость какую-то приграничную отдала, а потому разваливается, что центробежные силы начали преобладать над центростремительными, и отдача малости – следствие того, тому свидетельство и признак.

Поэтому решение о выводе советских войск из Афганистана было первым этапом стремительного крушения СССР. Если бы советские руководители были чуть умнее и образованнее – знали бы, поняли, учитывая исторический и этнографический факторы, что Афган может быть покорен только ассирийской тотальной жестокостью, а если такой возможности нет, мир завопит, себе дороже встанет, – то покачается камень на вершине и покатится обратно. И не совались бы. И продержались бы еще сколько-то, расходуя энергию только на сохранение уже имеющегося.

Поэтому же самые первые шаги в разоружении СССР были началом конца. США могут хоть вообще разоружиться, и ничего в них в принципе не изменится – они уже давно «стянуты» социально-экономически. А СССР держался на штыке – ни политической свободы провинциям, ни экономической свободы гражданам. И покуда центростремительная сила роста вооружений преобладала – держался. Не в том дело, что оружия сверх меры, а в том, что энергетический вектор государственного механизма был направлен центростремительно: продолжать держать оружием! эта сила преобладает! Начало же разоружения означало, что теперь вообладала противоположная тенденция, центробежная. А коли так, то распад – только вопрос времени.

Тезис о праве народов на самоопределение – палка о двух концах. С другого конца – это право на развал государств.

Курды, поделенные между Турцией и Ираком, страстно хотят жить своим государством и имеют на это право. И никак, кроме как оружием, им это право не осуществить. Их угнетают, притесняют, режут! Что же «мировое сообщество»? Стоит за статус-кво. А если курдов отделить мирным путем? Прецедент, и не в том дело, что прецедент, а в том, что хана Турции настать может. Армяне могут потребовать свой Арарат с его плодородной огромной долиной, греки – свой Константинополь с проливами, и неизвестно, чем это кончится.

Почему Испания отчаянно не желает отпускать басков, и баскских борцов за свободу и независимость своего народа мир называет идиотским словом «сепаратисты»? Потому что как только государство кого отпустит – пиши пропало: это означает возобладание центробежных сил. Каталония, Кастилия, Андалузия, Арагон... тоже ведь все когда-то мечом сколачивалось.

Привет от северных ирландцев, «тигров тамил илама» и много еще от кого...

А что такое Гражданская война 1861 – 65 гг. в США? Южная конфедерация имела полное конституционное право на отделение от Севера. Север показал им это право! Сидеть вместе со всеми и не рыпаться! И правильно сделали. Развал – дело такое, только начни.

4. Свобода приходит нагая. А также злая, голодная и растерянная, добавим мы. Как выразился удачно Джаба Йосселиани в ответ журналистам, потрясенным расстреливающими президентский дворец пушками: «А ви что думали: демократия – это вам лобии кушать?»

Как жили народы до покорения их империей? Реже – более мирно, чаще – менее мирно. Все гадости в их жизни наличествовали, от мелкого жульничества до войн, просто масштаб был мелкий, кухонный; но кровь на той кухне лилась настоящая. И тут пришел Большой Белый

Брат, грохнул кулаком по столу и известил: «Теперь здесь один Закон – мой! И жить по нему. А кто посмеет его нарушать и резать друг друга – укорочу под корень! Резать могу я один!»

И, черт возьми, междуусобицы железной рукой были прекращены. Хоть и эксплуатация наставляла, но – мир и труд меж собой. Пусть и хреновые братья, а все ж какая-никакая братская семья.

Лишенные собственной политической и военной организации провинции могли пытаться восставать против метрополии, но друг друга ненавидели уже в мирной форме, норовя ябедничать Большому Брату: он-то всем может укорот навести.

А метрополия всегда умела «разделять и властвовать», выступая как бы третьей стороной в спорах провинций.

Обычный тут и эффективнейший прием – переделить внутренние территории так, чтоб каждый имел претензии к соседу – и, не в силах разрешить обиды сам, апеллировал во всех соседских спорах к дяде-начальнику.

А теперь – шар-рах! – отпускаем всех как есть на свободу и смотрим на эту собачью свалку.

Именно это произошло в 90-е годы на постсоветском Кавказе. Да там веками все народы и народцы друг друга резали: места мало, горская кровь горяча, родовая честь блюдетя и разбойничья лихость прославляется.

Влияние владычицы-России можно было уподобить воздействию огромного магнита на кучу кустарных компасов: стрелки стояли в едином направлении главной стрелы. Хоп – убрали большой магнит: и закрутились все стрелочки в разные стороны. Чечены, ингуши, осетины, грузины, абхазы, армяне, азербайджанцы – точи ножи, ребята, набивай автоматные магазины. И везде свои правительства, свои казнокрады и аферисты, свои разбойники и авантюры с оружием. И у всех претензии к соседям!

Были унижены, ребята? Да. Теперь хорошо? Нет. Холодно, голодно, и незащитно перед сильными.

Теперь поняли, что не нравилось Македонскому в раздробленном устройстве мира? Двадцать с гаком веков спустя к той же идее мирового объединения – о, уже мирным, гуманно-разумным путем, – пришли многие умные, от французских утопистов до Римского клуба.

Искусство ваше было несвободным, ребята? Теперь его вовсе нет. Детей заставляли русский язык учить? Теперь учат английской рекламе кока-колы.

Люди так идеализируют свободу, когда ее нет, что потом сильно удивляются, закуривая у разбитого корыта: стирать-то нечего. Завоеванные и покоренные – еще не значит, что они обязательно не бандиты, не идиоты и не сволочи. Всякого можно пожалеть, пока он в тюрьме, но из этого еще не следует, что дать ему свободу будет для всех лучше.

Вот Либерия – первое независимое африканское государство черных. Боже, что за нищета, что за скопище бездельников!.. А вот Гаити – первое, опять же, на американском континенте независимое государство черных: да по сравнению с гаитянами дядя Том был плэйбой и сын миллионера. Диктатура тупых и кровожадных головорезов. И вот вам вообще вся независимая черная Африка с ее бесконечной резней и голодом. И на деньги белых налогоплательщиков туда подбрасывают хлеба и пенициллина.

Распад империи отнюдь не означает, что сейчас будет лучше. Ассирия, Персия, Рим, Великобритания – тьма примеров.

Насильственное сотрудничество лучше свободной вражды. То есть в том смысле, что подавляющему большинству нормальных людей при нем живется лучше.

Падение империи – всегда шаг цивилизации назад. Но никогда не до нуля, не до исходной точки. Она свой этап исторической эстафеты пробежала, проковыляла, преодолела. Кто-то, где-то, когда-то, насколько-то – ее плодами воспользуется, да и здесь и сейчас частично пользуется; где и когда будет ход дальше – прогнозировать трудно. Но будет, куда денется.

Раздробленная на мелкие противоречивые части гигантская энергия империи – те же семена будущих побегов, крупницы будущих вершин.

Сик транзит, ясное дело, но не вовсе всё транзит.

—

Замечание на полях :

Если в период подъема суммы человеческих энергий продолжают расти, направляясь все более едино и согласованно в единых направлениях на единые цели, благодаря эффективному устройству государства и более позитивному характеру связей между ним и индивидом, то в период упадка характер противоречий между государством и индивидуумом таков, что все большая часть энергии индивида направлена на свои интересы вопреки государственным; исполнение законов, сами эти законы и устройство государственных механизмов таково, что в реальном исполнении оно все более противоречит реальным действиям, возможностям и чаяниям индивида.

Слишком жестокое государство неколебимо изнутри, оно давит и подчиняет, суммирует энергии насильно; но при столкновении с внешним врагом люди переходят к нему за лучшей долей, а в мирной жизни не имеют вдохновения и энтузиазма делать все лучшее на пользу государства.

Слишком либеральное государство позволяет своим гражданам делать чего угодно, личные интересы начинают преобладать над общими, и государство разрушается, беззащитное перед даже мелкими врагами типа террористов.

Развитие бюрократии неизбежно – как из логики самосохранения аппарата, так и из лучших побуждений совершенствования государства. Переходя в росте через пик могущества, это же ведет к упадку и гибели: вместо суммирования энергий происходит их разноразной в разных личных целях.

Глава 4

Народ и власть

Мы вынуждены и обязаны вдумываться в значение затертых от банальности терминов, вспоминать и восстанавливать их. Иначе разговор вырождается в пустопорожнюю болтовню псевдоинтеллигентов и политиканов в телешоу. Они играют краплеными картами, и шахматы у них крапленые, и азбука у них подтасована, и нам, если мы хотим в чем-то разобраться, приходится проверять с самого начала каждую букву. Иначе так и жить с лапшой жуликов на ушах.

Что такое «народ»? Это все люди, живущие в данной стране (местности, княжестве, племенной территории). Нас сейчас не интересует этнический и философский аспекты. А интересуют политический и социальный. То есть. Один язык. Общность исторической судьбы. Гражданские права. Вложенный в эту землю труд предков. Противопоставление иностранцам и иммигрантам. Коренное или вполне натурализовавшееся население.

А что такое «власть»? Это отдельные люди, которые следят и обеспечивают, чтобы у народа все было в порядке. А как в порядке? А как договорились. Договоренность мы называем законами. А кто договаривается? Стоп: возможны варианты.

Один полюс – абсолютное народовластие. Все себе живут, работают, а как надо чего решить сообща – собирается весь народ под большим дубом и решает вопрос методом голосования, выслушав прецеденты от старцев и аргументы от умников. И решает такая стопроцентно народная власть: землю всем поровну, сто лучших воинов кормить за общественный счет, шаману паек трех воинов, убийцу повесить. Меньшинство может быть несогласно с чем-то. И хрен с ним, нас больше.

Второй полюс – абсолютный авторитаризм. Страшный воин со своей командой зверски завоевал народ и стал деспотить и самодержавить. Любого невинного прикажет четвертовать, любого бездельника осыпает золотом. Народ в нуле.

(Внимание. Для употребления в других местах. Что есть сущность и причина происхождения власти? Какова природа власти? На вечный вопрос даю конкретный и верный ответ. Происхождение и причина власти – в энергоэволюционной сущности Вселенной: в системообразующем инстинкте человека, заставляющем его структурироваться в людские системы для коллективного совершения максимальных действий, осознанно или стихийно делегируя при этом и для этого управленческие функции координирующим и руководящим структурам системы. То есть. Власть есть продукт стремления человека к максимальным действиям. А максимальные действия возможны только коллективом, системой, племенным союзом, государством. Сущность власти не в том, что она заботится о человеке или государстве. Сущность власти в том, что она заставляет человека и государство совершать максимальные действия – объективно даже если это против интересов отдельной личности и отдельного государства! Но подробнее о **философии энергоэволюционизма** – в другом месте.)

Реальность всегда помещается между двумя крайностями, да?

Абсолютный авторитаризм невозможен. Тиран делегирует функции министрам, надсмотрщикам, писарям, палачам – они образуют аппарат государства. Устраивают свои делишки. Помогают родне. Осторожно берут мзду. КПД государства приводит тирана в отчаянье: он приказывает – а исполнение аж трещит, но буксует. Государство превращается в дракона, на котором тиран скачет с переменным успехом, а народом тот дракон вообще питается. Сволочь эта власть.

Но и абсолютное народовластие не получается! Ибо люди неодинаковы от природы – и вперед проталкиваются энергичные и честолюбивые, прониравают хитрые и жадные, пристраиваются подлые и расчетливые: и народ с некоторым непониманием убеждается, что какие-то вещи он делает против своего удовольствия и даже желания. Люди, являющиеся частицами его же, народа, убеждают и понуждают народ делать всякое не больно приятное. Как-то власть начинает воспарять над народом, отделяться от него – прямо вот тут, на глазах, твой кореш делается твоей властью!..

Через каких людей осуществляется власть? По возможности самых сильных, умных, честных, храбрых, решительных, «авторитетных». Они – какие? Они – прежде всего люди повышенной жизненной силы, повышенной энергетики. Из этого следует – что? Что они на уровне инстинкта жизни стремятся сильнее прочих к максимальным действиям и максимальным ощущениям. Из этого следует – что? Что наряду с обладанием разными доблестями они одновременно и к порокам более склонны, чем средний человек. Натура их такая витальная и жизнелюбивая! А власть – она что? Она и для удовлетворения пороков дает больше возможностей, чем заурядное положение обычного человека.

ТА ЖЕ ЭНЕРГИЯ, КОТОРАЯ НАДЕЛЯЕТ ЧЕЛОВЕКА НЕОБХОДИМЫМИ ДЛЯ ОБЛАДАНИЯ ВЛАСТЬЮ ДОБЛЕСТЯМИ, НАДЕЛЯЕТ ЕГО УДОВЛЕТВОРЯЕМЫМИ БЛАГОДАРЯ ВЛАСТИ ПОРОКАМИ.

Пороки наделенных властью лиц начинают мгновенно соответствовать масштабу доблестей и полномочий: увеличиваются, как нарисованное на надувном шарике изображение. И очень быстро народ начинает испытывать неприязнь ко власти: суки, чужие, много себе позволяют, эх, они уже не такие, как мы.

ВЛАСТЬ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ДИСТАНЦИРОВАНА ОТ НАРОДА

Власть никогда не может быть «наша». Она всегда над нами. Она всегда хоть капельку, да противоречит тому, чего мы хотели бы для себя. Мы вечно забываем в ежедневности элементарную вещь:

ВЛАСТЬ – ЭТО НЕ ЧЕЛОВЕК ВЛАСТЬ – ЭТО ФУНКЦИЯ

Это такой регулятор-подстрегиватель по притиранию людей друг к другу, чтобы они жили в сообществе и более-менее тянули одеяло в общую сторону.

Закон

С тех пор, как греки завязали Фемиде глаза, она играет с преступниками в пятнашки. Не пойман – не вор. Пойман – тоже еще не вор. На весы ей можно подсыпать гирек, слепой курице. Юристы и заняты тем, что перетягивают самосильно чаши ее весов. А кто им платит? Преступники. А где они взяли деньги? А украли у честных людей. То есть честные люди оплачивают адвокатов, которые отмазывают от Закона преступников, которые обокрали этих честных людей. А теперь скажите, что это не гениально. Если бы я был преступник, я бы поставил золотой памятник Закону.

Аж попискивает честный мелкий люд под прессом Закона. Писк этот складывается в поговорки и пословицы, выражающие народный оптимизм: «Закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло», «С сильным не судись...», «Для друга – что угодно, для врага – только по Закону», и т. д.

В конце XX века в России сложилось совершенно-таки официальное сословие бандитов. «Что делаешь? – Да бандитствую потихоньку». «По этому вопросу к бандитам обращаться надо». Их все знают. Они берут деньги у кого хотят. Они сотрудничают с министрами и ворочают миллиардами. Офисы, виллы, лимузины. Посадить невозможно: откупятся, свидетели откажутся или исчезнут, документы выкрадут, следователей переведут на другую работу.

Дельцов наркомафии и гангстеров в мире знают так же, как в квартале знают своего знаменитого хулигана, с которым предпочитают не связываться: все равно в суде не докажешь, а отпустят его – он тебя вообще зарежет.

И это – Закон?! И на это у меня вытягивают налоги?!

Что получается. Что народу не нравится его собственный Закон. Как же это так?..

Каков же удивительный механизм вечного конфликта между честным человеком и Законом?

Сначала разберемся, что такое вообще этот самый пресловутый Закон.

Закон – это представления народа о справедливости, оформленные в правила на случай всякого серьезного конфликта. Это в демократическом государстве. А если король, диктатор, власть олигархии – тогда государство построено «под них», и Закон выражает государственную целесообразность: народу она может казаться несправедливой, а дворянству – справедливой – мол, без нас пропадете, смерды, ну так платите налоги и слушайтесь. Мы сильные, знатные, мы имеем право на большее. Неравноправие, значит. Но мы-то все твердим именно о равноправии!

И вот картинки из жизни, а также литературы и кино, которые ее отражают. Мирные селяне не сдают конокрада околоточному надзирателю – они его забивают кольями. Таково их представление о справедливости: без лошаденки хозяйство разорится, а этот хлюст хотел пропить-прогулять, а суд что – даст пару лет, и он опять воровать будет.

Или: кучка мужиков с винчестерами запирает шерифа (которого сами выбрали!) в кладовку и деловито вздергивает вольного стрелка. По их мнению – воздают по заслугам. А то он в городе наймет адвоката и отвертится.

Что такое «самосуд»? Это суд в первой инстанции, самой низовой, так сказать. Чем он руководствуется? Да справедливостью!

Конфликт между самосудом и Законом – это конфликт между правом людей на справедливость и правом государства единолично вершить эту справедливость. Вот такая закавыка. Пока представления о справедливости добираются до верхов, они, понимаешь, каким-то образом меняются.

Каков был и как вершился Закон при, скажем, родовом строе, когда жили люди маленьким сообществом, тот же поселок? Собирались все вместе, разбирали дело и выносили решение. Выслушивали обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, учитывали «за» и «против». Все просто и логично. Убил – казнить. Украл – конфисковать и избить. В таком духе.

Кровная месть – жестоко? Но общество признавало – да, но справедливо. Руку рубить за воровство – жестоко? Да, но воровать нельзя, а то что же будет. И преступлений, надо сказать, в таких обществах было мало.

Персы воровства не знали при таком законе. Абсолютная честность была нормой. И они презирали греков – что это за народ, который торгуется на базарах о цене, вместо того чтобы сразу назвать честную цену, пытаются обманывать друг друга да еще радуются, если выторговали в свою пользу. Тьфу...

Чеченец или корсиканец тысячу раз подумает и сдержится, прежде чем оскорбить другого. Потому что за оскорбление будет убит. И род его втянется в кровную месть роду убийцы. А убить – значит автоматически навесить на себя смертный приговор. Ну так они очень и очень предупредительны в общении, хамство меж собой там в принципе невозможно.

Такой закон понятен и прост.

Кто же сделался героем нового времени? А тот же мститель, вечный Робин Гуд. Полицейский знает, что по Закону убийца выкрутится, доказать невозможно, смертной казни нет, а он перебил кучу народа. И полицейский убивает его сам, и по Закону может огрести за это пожизненное заключение! У кроткого чиновника подонки убили жену – он выслеживает и

убивает их сам, не веря в Закон и не в силах удовлетвориться его «гуманностью». И зритель всегда на их стороне: смерть подонкам!

Закон отчужден от общества, вынуждены мы констатировать.

Народ не сам устанавливает законы, вот в чем штука. Народ только выбирает своих представителей в государственные органы. А что такое любые выборы в большой стране? Спектакль, поставленный профессионалами. За каждым кандидатом стоит партия, команда, аппарат, имиджмейкеры, фонды, корпорации и толстосумы. На выборах народ покупает кога в мешке, расписанном заманчивыми лозунгами. А дальше политик-законодатель руководствуется собственными интересами, логикой фракционной борьбы, он подкупается, он наживает политический капитал, он хочет выглядеть красивым и т. д. Политическая борьба жестока, выживает в ней сильнейший. Поэтому политик соотносится с волей и интересами народа не больше, чем нужно и полезно ему, политику, для своей карьеры и своего положения.

Чем сложнее механизм воплощения идеи в жизнь, тем дальше реальный результат от первоначального замысла. Хотели гуманной справедливости, а получили попустительство хищникам.

Это первое. А второе: Закон судит не преступника, а преступление. Это старый подход еще древнеримского, юстинианова права, призванный обеспечить объективность и беспристрастность мнения, невзирая на лица. С одной стороны, это кажется справедливым. С другой стороны, плохой врач лечит болезнь, а хороший – больного.

Два бандита и убийцы поспорили из-за награбленного и решили спор обоюдной стрельбой. Один убил другого. Приговор суда: десять лет. Другой бандит придрался на улице к прохожему, который показался ему недостаточно почтительным, и убил его. Тоже десять лет. Это – справедливость?!

Бывает веселее: прохожий увидел, как мерзавец насилует женщину, ударил его кирпичом по голове и убил. Тоже десять лет. За превышение пределов необходимой самообороны. Ведь мерзавец не угрожал его жизни. Это – Закон?!

Что делает простой и праведный самосуд? Первого бандита закатает на добрый срок каторги, чтоб зря небо не коптил и на труде честных людей не паразитировал; а на убитого им бандита плевать, одного поля ягоды, меньше дряни будет. Второго – безусловно повесит, и поделом, и только так. Третьего безусловно оправдает, да еще похвалит, и за храбрость наградит, и другим в пример поставит: и да поступит так каждый честный человек.

Случилось страшное и случилось глупое.

Глупое: это мы впилились в буквальное насаждение христианской морали вселюбви и всепрощения, а она соотносится не со справедливостью в нашей горестной юдоли греха и скорби, а с той праведностью, которая ведет к вечному блаженству за гробом. Невинный убитый младенец, значит, блажен за гробом. А убийцу мы пощадим, потому что тогда тоже будем блаженны за гробом?.. И будем добиваться от него, чтоб он искренне раскаялся, и тогда он тоже спасется, и за прозрение в любви к людям тоже будет блажен за гробом. Да провались он пропадом, гореть ему в аду вечно!

Страшное: не так важно, по каким причинам общество чего-то не делает – важно, что если оно реально чего-то не делает, это означает, что у него нет сил это делать. Потому что кажущаяся сила – это не сила, это ее видимость, призрак, сила – это то, что себя являет; по жизни так оно получается. А если у общества нет сил карать врагов и выродков, и оно делается беззащитным перед убийцами и террористами – это означает недостаток его энергии, означает энтропию общества. Иначе говоря – ослабление, упадок, развитие гибели.

Если преступники могут богатеть и безнаказанно глумиться над честными людьми, и общество с его Законом не в силах их карать – это означает стирание грани между честными людьми и преступниками. Стирание грани – это движение к усреднению, одинаковости, неупо-

рядочности, хаосу, это падение разности потенциалов между полюсами общества, – то есть общество выдыхается и издыхает потихоньку.

Мы, белая цивилизация, живем в гибнущем мире.

XX век был последним веком нашего расцвета и нашего господства. Черт с ним, с господством, хотя сознавать свою грядущую не то чтобы второсортность, но второзначимость, – труднопереносимо. Но растекаться песком в грядущем времени – вовсе невесело.

Азия, могучая Азия заступает на наше место. Плодовитая, трудолюбивая, жестокая. Она будет рубить руки и головы и долго-долго не позволит наступать себе на хвост.

Все чаще Закон предпочитает права личности – правам общества. Налицо разрушительная тенденция <...>

Справедливость

Справедливость – это реальная, конкретная и огромная социальная сила. Неучитывание справедливости как, мол, «лирики» политиками и экономистами есть глупость, ошибочность, и часто имеет роковые последствия.

В давние времена проблема справедливости была одной из главных и ключевых, которыми занималась философия. Философия была наукой о мироустройстве и человеке для понимания их людьми. В новейшие времена философия распалась на ряды и пучки вспомогательных философских наук для углубленного внутреннего пользования, и за последние сто-полтораста лет ничего не прибавила людям для постижения жизни. Пока не появился энергоэволюционизм.

Человек устроен как? Вот только без ругательств! Человек устроен так, что у него мощные, развитые лобные доли. У него сильно развиты сдерживающие центры. Он не только умный и умелый – он еще и терпеливый. Терпение входит в понятия умения и ума.

Терпение заставляет ждать, пока вырастет посаженная картошка, а не выкапывать ее назавтра, чтоб скорей сожрать и утолить голод. Терпение заставляет ждать в засаде добычу и терпеть голод, жажду, зуд затекшего в неудобной позе тела – вместо того, чтоб поспать в удобной позе. Терпение заставляет не бросаться на женщину с целью немедленно овладеть ею – но ухаживать, делать подарки и всячески выставлять себя в прельстительном свете. То есть человек давно сообразил: для желанного и весомого результата не надо переть тупо, как носорог – а надо сдерживать себя, пока потерпеть, потрудиться как следует – и будет тебе и жареная свинья, и теплая пещера, и сексуальная жизнь без последующего смертоубийства. Без труда не вытащишь рыбку из пруда. Стрекоза и муравей.

То есть. Большинство усилий и действий человека разнесены на две половины: затратную – и результатную. Пашу, потею, голодаю, не сплю, лишаюсь, страдаю, терплю, бегу, рою, строю, воюю – и – кушаю, выпиваю, обладаю любимой, наслаждаюсь комфортом, горжусь своим достатком, развлекаюсь. Вот такая гантель.

Ручка, соединяющая две головки этой социопсихологической гантели, и называется справедливостью. Справедливость – это причинно-следственная связь между поступком и воздаянием. Между действием и результатом (в морально-оценочном аспекте).

Преступление и наказание. Подвиг и награда. Затраты и обретения. Работа и оценка.

(ВАЖНО. Здесь и сейчас мы говорим о справедливости только в социальном аспекте. О справедливости в природе и вообще во вселенной в общем философском плане – в книге «Все о жизни» одноименная глава.)

Причем. Справедливость полагает вполне устойчивое единообразие модели «поступок – результат». Скажем, за спасение утопающего дают медаль. Девяти дали – десятому нет. Несправедливо! А если никому не дали – и ладно. Или – всем ничего, а десятому – мешок зерна. Остальные девять: «А где наш мешок зерна? Несправедливо как-то...»

То есть. Первое. Справедливость означает (полагает) соотношение «посылка» и «следствия» по качеству и количеству. За сбитый самолет – медаль. Не орден – это жирно будет. Но и не выговор – за что?! За удар вдруг по морде – ответный мордобой, но не зарезать же за это и не сто рублей дать в благодарность.

Второе. Справедливость полагает «горизонтальное равенство» субъектов, участвующих в модели «посыл – следствие». Награждать – так за равный подвиг всех равными наградами. Иначе – или всем давать, или никому, а то несправедливо.

И получается у нас из свода всех понятий справедливости в конкретном обществе – как бы координатная сетка, покрывающая все социокультурное пространство.

Но ни в коем случае не надо путать справедливость со всеобщей уравниловкой, якобы немощная часть общества требует себе иждивенчества как справедливости.

Самый сильный, храбрый и умелый в бою и охоте – всегда берет себе лучший кусок. И все признают, что это справедливо. А самые слабые и неумелые получают худшие куски в последнюю очередь, и все также признают это справедливым. Твой вклад в дело соотносен с твоим результатом.

Если вожак после общей охоты сам нажрался, а народу не позволил – это несправедливо. Все охотились. А жить как? Вожака надо убить. А если дал жрать, но впроголодь, а часть мяса сгноил из вредности? Несправедливо. Убить. Но так вожак не поступает, ибо он – часть племени, и забота о выживании племени и передаче генов у него в инстинкте.

Но если кто решит отобрать у вожака лучший кусок – может лишиться головы, и это будет также справедливо. Закон есть всегда! У обезьян, у волков, у крыс! Внимание: этология, наука об этике и социальных взаимоотношениях животных, всем привет от Конрада Лоренца. Закон стаи всегда направлен на передачу лучшего генофонда и его экспансию. Он жесток, неукоснителен и справедлив в своей неукоснительности, иерархии и равенстве равных. **Закон стаи – это инстинкт жизни, направленный не на индивидуум, а на группу** – ибо одно животное не выживет никогда, лишь группа гарантирует продление рода.

Мы обычно предлагаем понимать дарвинизм столь вульгарно и примитивно, что выживает сильнейший, и горе побежденному, ибо суровы законы выживания и естественного отбора. Но именно для этого – стая заботится о пище для всех своих членов, взрослая особь рискует жизнью для спасения чужого детеныша, а вожак и перворанговые самцы вместо возможного спасения жертвуют собой, спасая стаю от хищников и врагов.

Третье. Справедливость предусматривает соотношение жертв и привилегий. Барон брал с крестьянина оброк, и ходил за его счет в бархате, но в случае битвы – шел драться и умирать с честью, крестьянин же спасался как мог.

Четвертое. Справедливость полагает меру и пределы неравенства следствий при неравенстве посылов. Хоть ты и рисковал жизнью на стенах, и рубился мечом, пока я тряса в подвале и прислуживал налетчику – но ты имеешь право жить знатным богачом по сравнению со мной, однако чтоб и я не спал в луже и не жрал лебеду, это уже несправедливо. Вот у соседского барона – крестьяне живут в прочных хижинах, половину времени работают на себя и хлеб едят досыта. Он справедливый человек – живи сам и давай жить другим.

И пятое. Человеческая справедливость отличается от вполне, в общем, справедливого Закона Стаи тем, что психически более сложно организованный человек более сложно и рефлексивно ко всему этому относится и задается вопросами, несвойственными, возможно, животным. Скажем: разве справедливо, что уже от природы люди неравны и имеют разные исходные данные для счастья – одни сильные и красивые, а другие слабые и глупые?.. И тогда человек мысленно приглашает в третейские судьи Господа, взывая: «Скажи, ну разве это справедливо? Ну разве так жестоко – это справедливо? Что жизнь вот этого и эту, хороших людей, так покарала – разве же это справедливо?..» Имея в виду, что в природе тоже должна быть человекоподобная мораль, что случай в природе тоже должен подчиняться законам нравствен-

ности – иначе за что человеку плохо, если по всем нашим моральным, социальным, психологическим представлениям ему должно быть хорошо? Пошто мучится, бедный?

(Возможен и обратный вариант: «Господи, за что этому подлецу так хорошо живется?..») Но здесь ты уже видишь, чем подлец нарушает, в твоём представлении, законы справедливости. И в принципе можешь счастливого несправедливого подлеца покарать своей рукой и сделать несчастным. Сделать человека несчастным – это у нас запросто. А вот сделать счастливым, исправив допущенную Всевышним – о кошунство! но вроде бы несправедливость! – вот это уже смертному слабо, вроде. Ну, обычно слабо, по крайней мере.)

То есть. Обращаясь за справедливостью к Богу, человек вносит в понятие справедливости элемент **неравновесного милосердия**. Я, значит, понимаю, что с точки зрения дарвинизма и государственной пользы нечего об этом малополезном человеке радеть. Но, Господи, он же не виноват, что таким родился, а душа у него такая же, как у всех, и он страдает, что от природы обделен. Конечно, что его бабы не любят, и работы не найти, и здоровья нет – это все природа, и по природе лучше ему, никчемному, умереть. Такова суровая справедливость. Но есть ведь и еще справедливость: раз по душевным качествам он не хуже других – так и жить должен не хуже, смилостивись Ты над ним.

Человек более вооружен, чем прочие животные. Более жесток. Более склонен уничтожать себе подобных. Более неравновесен в окружающей среде, более способен и склонен к максимальным действиям.

Смещение представлений о справедливости из сугубо рационального поля несколько в сторону иррационального, Божественного – говорит о потребности (социопсихологической) уравновесить иррациональную жестокость и агрессивность иррациональным же милосердием и гуманизмом. Это не слюнявые глупости. Это чтобы не переступить меру в вечном убивании и раздавливании друг другом.

Мы жестоки, потому что жестокость – это боль переделываемого мира, а наша доля в этом мире – переделывать его. Мы милосердны, потому что милосердие – это аспект и форма системного инстинкта самосохранения людского сообщества. **Равновесие между неизбежной жестокостью и необходимым милосердием мы называем справедливостью.**

Несправедливо, чтобы хороший работник и плохой жили в равном достатке. Несправедливо, чтобы умный специалист и глупый делали одинаковую карьеру. Несправедливо, чтобы тот, кто искал и нашел в тайге золото и тот, кто приехал в поселок на готовое, имели равную долю в прииске. Несправедливо, чтобы герой и трус наделялись равным количеством благ.

Но чтобы хозяин жил во дворце, а работник голодал – это тоже несправедливо. Чтобы один захватил то, что является воплощением труда всех, – это тоже несправедливо. А справедливость, сказали мы выше – это координатная сетка, охватывающая социопсихологическое пространство общества.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ – ЭТО ИНСТИНКТ СИСТЕМНОГО ВЫЖИВАНИЯ, СПРОЕЦИРОВАННЫЙ НА МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Справедливость – это Закон Стаи, изоциренный человеческой психологией и осложненный структуризацией человеческой культуры.

Поэтому, ребята, вы справедливостью не пренебрегайте. Все, что несправедливо, сметается с кровью.

СТРЕМЛЕНИЕ НАРОДА К СПРАВЕДЛИВОСТИ – ЭТО СТРЕМЛЕНИЕ СОЦИОСИСТЕМЫ К УСТОЙЧИВОСТИ

Инстинкт жизни повелевает человеку выживать вместе с себе подобными, группой. Принципиальные отношения внутри группы весьма жестко детерминированы. Работящность, милосердие, воздаяние, избавление от паразитов, честность...

Закон 2

С незапамятных времен – а с римского времени уже и с памятных – проблема изначального происхождения Закона весьма возбуждала умы к поиску и размышлению. С одной стороны, это люди сами измысливают, вырабатывают и устанавливают законы. Как захотят, значит, так и сделают. Человеческий фактор.

С другой стороны, человеку изначально, от природы, свойственны некоторые потребности – питаться, размножаться, поступать к своей пользе – и удовлетворение их есть закон природы. Так что законы о частной собственности, семье и свободе распоряжаться собой необходимо вытекают из природной сущности человека. Возникает «естественное право».

И происходит чудесный процесс законотворчества. Люди выбирают по возможности самых умных и порядочных промеж себя – и доверяют им составлять законы. Законотворцы оправдывают доверие. Руководствуются справедливостью, равенством и всеобщим благом. И чтоб Закон был един и обязателен для всех, невзирая на. Поэтому дадим Фемиде аптечные весы, а глаза завяжем – чтобы взвешивала деяния на весах Закона, не подглядывая и не различая кто там именно совершил то, за что судят.

Дух Закона ясен, буква прописана – за работу, товарищи.

И тут начинаются противоречия, неискоренимые в принципе. Противоречия буквы и духа. Не всегда. Не в большинстве случаев – поначалу, по крайней мере. Но часто. Регулярно.

Вот Франческа да Римини устроила смерть отца – изверга, насильника, кровосмесителя – чтобы спасти род от несмываемого позора, отца же от позорной казни, или, как вариант, себя и прочих возможных невинных жертв от незаслуженных мук и смерти. И – дело тамошней уголовкой было раскрыто. Народ рыдал от жалости, палач сморкался, но голову несчастной отрубили. Хоронили – весь город в цветах. А что делать? Закон должен быть соблюден. Отцеубийца.

Закон – это такое прокрустово ложе, где со стороны головы пристроена гильотина.

Должен д'Артаньян по законам чести вызвать оскорбителя на дуэль? А як же. А должны ему по законам Франции отрубить за это голову? Увы. Он-то, конечно, с помощью Дюма выкручивается, но головы реальных дуэлянтов при Ришелье летели горохом. И все были против бы – но Закон, понимаешь...

То есть. Фемида заведомо не видит конкретного человека. Закон служит справедливости и благу как бы по «закону больших чисел». Служит народу и стране в целом. И в целом выходит все более или менее правильно. А частности – ну что ж делать, издержки производства. Лучше ничего придумать невозможно. Судить по уму и совести – так ум и совесть возможны в вариантах, а уж взятка раздвигает диапазон этих вариантов до бесконечности.

Так: пока все ясно, пока все понятно, все само собой, к чему это ведется? Еще полминуты!

Люди не хотят мириться с несовершенством и после каждого казуса думают, не внести ли в Закон поправки. И начинают вносить. Умные. Четкие. Помогающие и уточняющие. И поправка делается все больше. И они начинают частично кое-где перекрывать друг друга. А там и кое в чем противоречить одна другой. Их вырастает лес. Ежемесячно выходят юридические бюллетени. Профессиональные юристы их ворошат и трактуют. Оп! – Закон превращается в дышло, вращающееся на шарнире. Группа изошренных юристов за хорошие деньги способна при помощи груд поправок и лазеек доказать все что угодно. Сильные и богатые опять провали сеть Закона. Но это бы ладно. Это всегда бывает. Сама вот сеть запуталась.

И вот сегодня в цивилизованных странах мы имеем прекрасный, гуманный, либеральный, детализированный, отточенный веками, справедливый Закон. Прекрасен его дух и каллиграфически выписана его буква. И что? Караул, вот что.

Все знают (ну, все, кому надо) руководителей наркокартелей. Они зарабатывают на смерти миллионов. Но убить их нельзя. Они могут десятилетиями смеяться над Законом и обходить его – а их по Закону не прихватить: свидетели исчезнут и т. д., а адвокаты всегда найдут лазейки.

За кражу ящика консервов, если ты при этом сломал фанерную дверь в ларьке, в России можно огрести восемь лет. За зверское убийство, доказанное, тоже можно обойтись восемью годами.

За дать по морде можно получить два года. За грамотно украсть миллион не получают ничего. Создатели пирамид обокрали миллионы людей безнаказанно. Но если ты с дробовиком пришел вышибить из гадов свои кровные деньги – ты в тюрьгу и сядешь, да лет на десять спокойно.

Все это знают, нового тут ничего, кроме ответа на вопрос: как же это так получается, что народ выбирает себе правительство – и народ же получает законы, с которыми никто, никто не согласен?! То есть все согласны в том, что: да, так быть не должно. А дальше – расхождение: народ говорит: «Карать по справедливости!» – а власть сочувственно разводит руками: «Мы вас понимаем, но Закон не позволяет...»

А заменить законы нельзя? А почему-то не получается. Законодатели объясняют: измени – только хуже будет, другие злоупотребления полезут. А народ плюет злобно и мечтает о судах Линча, и к киллерам за справедливостью обращается.

А теперь переходим к выводам. О.О.О.О.О. Леонид Ильич, это олимпийские кольца...

Мы имеем неискоренимое, имманентное отчуждение Закона от человека. Вроде мы создаем его и сами, а вроде невозможно создать именно то, что мы хотим. Неизбежно получается немножко не то.

Вот это «немножко» – зазор, люфт между человеком и системой. Личностью и Государством.

Через человека и посредством человека государство создает законы для себя.

Надличностная структура порождает надличностный Закон. В свою очередь, надличностным Законом (традицией, обычаем, психологической установкой) порождается надличностная структура.

Пчела будет строить соты, муравей – муравейник, человек – государство. И плевать государству на любого конкретного человека, лишь бы их побольше и делали то, что надо.

Неизбежно надличностная сущность Закона – один из лучших показателей надличностной сущности Государства.

—

Поэтому наивен и неправомерен вопрос: «Государство для человека или человек для государства?» И чьи, значит, права первее. Почему «поэтому»?

Потому что «Пусть рухнет мир – но свершится закон». А иначе все равно – рухнет сначала закон, а потом и мир. Так ли?

Государство состоит из человек, но человек не могут без государства: любая шайка рэкетиров, грабящая крутого одиночку – уже прообраз государства. Банально?

Государство – это форма существования людей. Они существуют так не для того, чтобы им было лучше. Они существуют так, потому что иначе не могут.

Люди могут жить только в форме сообщества, по законам сообщества и в целях сообщества, решая задачи сообщества.

Закон – это закон не для отдельной личности. Закон – это закон для сообщества. Кряхтят личности. А сообщество чегой-то делает.

По мере изменения государства меняется, понятно, и закон. Основы права могут оставаться те же. Но форма и механизм исполнения, степень наказаний, границы свобод личности – меняются, понятно. Заметьте – всегда с отставанием: реальный процесс делания дел стихийно опережает свое законодательное оформление. Законы всегда оказываются чуть устаревшими и несовершенными. (Приказное право при тоталитаризме мы сейчас, понятно, не учитываем, там любой бред законодательно предписать могут.)

И вот сегодня наша цивилизация имеет законы, способствующие ее исчезновению, самоуничтожению. Бессильные против убийц, мафий, наркоторговцев и высокопоставленных воров. Поощряющие бездельников и извращенцев. И т. д.

Во власти ли людей изменить эти законы? Каким образом выходит: каждый по отдельности против – а все вместе в сумме «за»?

Нам скажут про коррупцию политиков и технологии пиарщиков, но эти подструктуры – тоже объективные порождения человеческого сообщества.

Увы. Система прошла пик и вступила в фазу дегенерации. Ее институты размножились и стали с хрустом давить этажи. Ветвистый Закон превратился в лесной лабиринт – дом хищника. Дегенерация Закона – процесс объективный, соответствующий упадку базиса.

Не потому гибнем, что закон плох. А потому плох, что прошло наше время. В губительной дряблости закона – бессилие политической и социальной воли нашей цивилизации.

И то поразительное, что сегодня ни масса, ни лидеры не желают видеть элементарную и очевидную истину и спасти, пока еще не поздно, своих детей и внуков, народ, страну и цивилизацию – это даже не приговор. Это диагноз.

Все цивилизации рано или поздно гибли и спустя время уступали сцену другим. Этот упадок имел разные аспекты: экономический, военный, демографический, культурный, моральный. Имел и законодательный аспект. Без него никак. Безделье, шкурничество, бесплодный разврат и воровство неизбежно должны сопровождаться какими-то законодательными введениями, исключениями, послаблениями. Суровость и прагматизм закона периода подъема сменяется множеством крючкотворных параграфов и размыванием категорических запретов.

Упадок являет себя, что самое безнадежное, даже на базовом уровне – физическом: увеличение роста, уменьшение костной и мышечной массы, снижение кальция в скелете, рост бесплодия и импотенции. А что делать? Сбрасывать хилых детей со скалы? Нельзя ведь. Значит, надо уходить.

В законе объективным образом отражается сущность общества и его членов.

Интеллигенция, как самый интеллектуально чуткий, восприимчивый и реагирующий передовой отряд общества, яснее и лучше прочих слоев выражает суть происходящего: она ничего не хочет понимать, но ее устами произносится то, что объективно споспешествует объективному процессу. Именно она сегодня за все хорошее, что в реальном исполнении ведет ко всему плохому: идеология попустительства преступности и тунеядству, рост террора и исчезновение наций.

... Еще раз. Государство стоит на законе. Если закон кажется личностям абсурдным, вредным и даже непонятно откуда взявшимся – это лишнее свидетельство и аспект надличностной объективности государства, которое *не мы создаем по нашей воле – но оно складывается из нас по своим законам.*

Глава 5

Иллюзия экономической доминанты

Сегодня бытует мнение, что экономика все решает и все определяет. Сегодняшний политик, менеджер, бизнесмен – стихийный марксист или как минимум «смитовец». Под мощью государства подразумевается экономическая мощь – то есть выход валового продукта и соответствующий ему финансовый ресурс. Богатое государство – развитое, мощное, цивилизованное, передовое, хорошее. Бедное – наоборот.

Под целью государства понимается создание и преумножение богатства – и максимально высокое обеспечение своих граждан всевозможными благами. Под целью человека – жить богато самому и давать жить богато другим. А всевозможные свободы личности и обеспечения ее прав – также определяются уровнем богатства государства.

Самое богатое сегодня государство – США: оно же, естественно, и самое мощное. И все должны стремиться жить так же хорошо. А самое бедное – допустим, какое-нибудь Буркина-Фасо – оно самое слабое, плохое, ничего не может, просит милостыню у больших белых дядей.

Поскольку еды, одежды, самолетов, домов и прочего добра США имеют достаточно и больше не надо – основной вес экономики переносится с создания товаров на создание услуг. Три четверти американской экономики работает на услуги, и большинство трудящихся занято в этой сфере: химчистят друг другу штаны, заправляют автомобили, возят пиццу и промакивают друг другу носы. И это расценивается как показатель высокоразвитой, очень здоровой и правильной экономики.

Но мы никуда не денемся от законного вопроса: почему всегда в истории высокоцивилизованные государства с развитой экономикой, богатые и культурные, благополучно погибали под натиском варваров – бедных, экономически неразвитых и некультурных? Персы уступали в цивилизованности и богатстве египтянам, македоняне – грекам, германцы – римлянам, турки – византийцам, монголы – китайцам, русским и вообще всем, кого покорили и смели. Сегодня, когда XXI век начался с того, что террористы из «третьего мира» ввергли в шок взрывом небоскрегов богатейшую страну мира, – эта проблема из чисто теоретической превратилась во вполне и животрепещущую практическую.

Ответы всегда давались при видимом разнообразии одни и те же. 1. Народы богатых стран развратились, расслабились, утратили бойцовские качества. 2. Забыли Бога за распутством и корыстолюбием, вот он и покарал. 3. Богатые и мощные впали в экономический кризис, похужали экономически, вот и кончились. 4. Старые народы сходили со сцены под натиском молодых, чья история была еще впереди. 5. А также растеряли свой начальный заряд пассионарности – что иными словами то же ослабление от старости нации. 6. А также бывает наоборот, и это экономически объясняется с чудной ясностью – испанцы, скажем, покорили инков и прочих, потому что были более передовой и мощной экономической формацией. Но мы говорим сейчас не о колониальных захватах мощными слабыми, а как раз об экономически бессмысленном разрушении отсталыми передовых, развитых. Рим покоряет варваров – понятно. А варвары сносят Рим – не вовсе понятно.

Но одно уже следует констатировать: мощная экономика и высокий уровень цивилизации отнюдь не гарантируют в конечном итоге от гибели под бедными варварами.

Какова конечная, итоговая, объективная цель существования государства, этой системной целостности людей, и какова итоговая цель человека? Одна и та же: максимальное переделывание окружающей среды, совершение максимальных действий, максимальное потребление

и выделение – преобразование – энергии достигаемого Бытия. И этой задаче цивилизованное, экономически мощное государство отвечает куда полнее, чем слабое и малоразвитое.

Но. Но. Человек, эта подсистема государства, самоуправляется на уровне чувств. Субъективно его жизнь – это сумма максимальных ощущений, а действует он уже опосредованно, через чувства и посредством разума в действия. Он ведь не «выполняет долг перед природой», а руководствуется своими чувствами прежде всего, своими интересами на психологическом уровне.

Что же имеет человек в государстве по сравнению с сугубо «единоличным» житьем? Он имеет больше ощущений – и положительных, и отрицательных. Сыт, здоров, в тепле – и все равно не может расслабиться, переживает из-за массы условных вещей, пашет как карла, лезет наверх, пашет за излишние модные тряпки и т. д. Ночами не спит, научные теории создает. В солдатах мучится, на войне гибнет, зато победе своей футбольной команды радуется, как щенок конфете.

Государство (и вообще общество) дает человеку не просто максимальные ощущения в количестве большем, чем «условно-одинокому хуторянину» – оно дает ему *надличностные ценности*. То, ради чего он, сытый-здоровый, все равно может надрываться в максимальных усилиях и даже жертвовать ради них жизнью. Не только когда враг напал на твой очаг и все равно от смертельной схватки никуда не денешься – но смерть в первых кругосветных экспедициях и «необязательных» колониальных войнах, на костре за веру, от перенапряжения в творчестве и спорте, из чести и из верности сюзеру и т. д. Рискует жизнью ради богатства (излишнего) и карьеры (условной) – лишь бы выложиться за предел всех возможностей и подняться на ступеньку в иерархии. Ну, а тем временем государство богатеет и крепчает, все больше дел воротит в результате его стремления к максимальным ощущениям и через них – к максимальным действиям.

Максимальные ощущения и максимальные действия соответствуют друг другу. В государстве. Но только до поры до времени.

И вот – все, в общем, сделано. Создано. Эффективная из актуально возможных структура управления. Мощная экономика. Груды добра. Чудеса техники (свои для эпохи). Благополучие, благосостояние, права и свободы в актуально возможных пределах. Устаканилось все. Более или менее стабильный мир и благосостояние на актуально высоком уровне.

Одновременно государство бюрократизируется. Одновременно появляются официальные нахлебники, дармоеды. Одновременно права личности блюдутся законом. Одновременно множатся инструкции и предписания, часто бессмысленные и противоречащие друг другу. По мере развития любая система входит в стадию дегенерации, и государство не составляет исключения.

И вдруг оказывается, что в этом государстве исчезают надличностные ценности. Если жизнь личности, ее права и свободы (это для нашей цивилизации) превыше всего – то чего ради идти на костер? Чего ради изнемогать в работе за кусок хлеба, если и бездельником с голоду не подохнешь? Чего ради рисковать жизнью в экспедиции за сокровищами, если лучше стать биржевым брокером?

Идеалы снижаются. Культ героя-воителя исчезает. Место великих владык занимает временная шелупонь. Почитается набитый карман, способ набивания не имеет значения. Личная доблесть заменяется законопослушанием.

По достижении государством определенной высокой стадии общественного благополучия – оно начинает уже в меньшей степени удовлетворять потребности человека в максимальных ощущениях, как положительных, так и отрицательных. И в этом – его ослабление. Ослабление основной системообразующей функции. Ибо люди самоорганизуются в государство не для того, чтобы производить больше – а, на базовом уровне, уровне ощущений личности – для

того, чтобы получать больше упомянутых ощущений: и через то и тем самым полнее реализовать свои возможности (возможности своей личности как психической совокупности).

Государство-то еще продолжает пахать во всю силу. Производить горы добра и бедности. Количественно все в порядке, энергопреобразуем среду. Но качественный, принципиальный характер производства меняется. Поясняю. Вот пришел пионер-первопроходец с фургоном. Истребил индейцев и бизонов. Распахал землю, поставил дом, нарожал семью. Образовалось то, чего раньше не было – а из Англии он свои кости унес, там стало им меньше. А вот его правнук. Пашет на тракторе, вносит удобрения, пшеницы собирает с прадедовского участка в семь раз больше, положим. Производство выросло. Но принципиальных действий больше не произведено, качественно мир больше не изменяется.

А вот его уже внук открыл сеть закусочных. Рабочие места, все пахнут, деньги зарабатывают, хозяин богатеет. Но жрать-то люди больше не стали! Пшеницы для этого больше не надо! Производятся услуги. Но мир перелопачиваться перестал. (Конечно, образуется и производство «обслуживания услуг», но основная часть человеческой энергии идет уже не на передельвание мира, а на «перекрестные обслуживающие действия», мир как таковой не меняющие.)

«Обслуживающая экономика» есть снижение основной объективной сущности государства – энергопреобразовывать окружающее бытие. С точки зрения Вселенной экономика начинает работать вхолостую. Разделение труда, резко повышавшее продуктивную производительность, за определенным пределом начинает снижать КПД человеческой деятельности: вроде и трудится, а вроде ни фига Вселенной нет с этого толку.

То есть. Человек как «система ощущений» начинает менее эффективно функционировать – меньше получает максимальных положительных и отрицательных ощущений. А как «система действий» – тоже: все меньшую часть энергии пускает собственно в действия, т. е. в энергопреобразование окружающего мира. Суета вместо работы.

А государство при этом уже выполнило свою историческую функцию – принципиально переделать в этом мире все, что могло. Машина сконструирована, создана, опробована, на ходу, едет – а дальше ей уже осталось только ехать и ехать: чуть быстрее или чуть иногда медленнее, чуть ближе доехать или дальше – это уже непринципиально.

И разбухает индустрия развлечений – будь то цирки с гладиаторами или хоккейные игры. И люди ищут острых ощущений – будь то в поединках или в наркотиках. И в поисках «чего-то» падают нравы – будь то бордели Калигулы или розовые кварталы Амстердама. И корыстолюбцы и жулики всего мира устремляются в очаги цивилизации – будь то США или Рим.

И цивилизации буквально «кончают жизнь самоубийством», принимая самоубийственные законы. Логичные по логике отдельных людей и политических систем – но явственно самоубийственные для народа и государства. Это может быть эдикт Каракаллы, по которому все обитатели империи получили права римских граждан, растворили в себе римлян и стали уже другим народом с потребительской психологией. Или современные соглашения Стокгольма, Хельсинки, Гааги, по которым узаконено дармоедство и открыты двери для всего мира, который стремительно растворяет в себе «атлантическую цивилизацию».

Сверхмощная экономика работает, но счастья ведь от этого больше не становится. И смысла жизни становится не больше, а меньше. И собой, самостоятельно и добровольно, жертвовать больше никто не хочет (а чего ради?).

Исчезает историческая перспектива конкретного цивилизованного постиндустриального государства.

И человеку оно тоже ничего больше не может дать сверх того, что уже дало – в чисто материальном смысле. Автомобиль или пиджак моднее, спутниковый телефон вместо обычного и т. д. – это все ерунда, за это никто на смерть не пойдет.

А если: государство перестало выполнять свои основные объективные функции по отношению ко Вселенной и к личности; а человек в нем также перестал выполнять на прежнем

уровне свою основную объективную функцию переделывателя и перестал удовлетворять на прежнем уровне свою основную потребность в максимальных ощущениях; – то на кой черт природе этот динозавр?

По природе, по истории – уже требуется другое. Чтобы человек максимально напрягал чувства и вламывал, и жертвовал собой. Чтобы государство это ему обеспечило – и чтобы максимально переделывало мир.

И вот в этих условиях сытости и стабильности, бессмысленности производства и сенсорного недоедания – человек перестает на деле отождествлять себя с государством. «Дай мне» – это понимает, а «жертвуй для него» ему уже не в кайф. Он может даже думать, что еще готов – но уже обстроил себя системой запретов и поправок, направленных на личное благополучие. Слабеет вкус к жизни, воля к борьбе, размываются критерии и цели – а попросту говоря зажрался, ожирел, обдряб. Сыт, не жесток, не решителен до посинения, и говорение предпочитает делу и борьбе. И полагает, что цель государства – чтобы ему было сытно и хорошо. Сытно есть, почему не так уж хорошо – не понимает.

А здорово и перспективно государство до тех пор, пока люди его в напряге и собою жертвовать готовы – и пока оно прямой продукт производит, мир изменяет принципиально.

Поэтому мощная экономика постиндустриального государства – это признак мощи, да, но не здоровья и не перспективы. Постиндустриальная экономика означает: перегрелись, делать больше нечего, мощности прокручиваются вхолостую, ибо здорова машина, а ехать больше незачем, вот и жжем бензин и подпрыгиваем, воображая себе важность процесса.

Постиндустриальная экономика вкупе с «гуманитарными» перегибами означает – ребята, кажется, мы приехали. Дошедший близко к ограничителю маятник еще движется по инерции, но готовится качнуться в другую сторону. Логика развития бывает и печальна.

Есть противоядие? От развития до старости и смерти нет противоядия. Что делаем – от того в результате и кончаемся. Получше-то жить всем хочется. Ну и – вот в конце концов.

Для долгожительства цивилизации полезнее подтягивать ремни и бухать все силы в создание кораблей для экспедиции на Марс – чем в производство услуг друг другу. Большая цель и свершения нужны. Хоть египетские пирамиды! Не то сгнием в сладкой сытости и падем жертвой очередных варваров.

–

Так каким же все-таки образом более мощное может являться менее мощным?! В чем тут причина противоречия?..

Развитое государство мощнее как материальная система.

Ставим «чистый опыт». Вынимаем всю государственную структуру из производственной сферы. Рассматриваем формально – систему как таковую. Осталась система как совокупность людей в их отношениях. Структурирована система сложно – то есть уровень энергетики должен быть высок.

Но. Но. Индивидуальные энергетические векторы направлены кто в лес, кто по дрова. Все больше каждый для себя, а свобод много, «монадный люфт» большой. И на каждый активный порыв уже придуман и создан противовес. Разветвленнейший закон и разросшийся аппарат юристов. Нити для Гулливеров.

Растет энтропия системы, если рассматривать ее как систему межчеловеческих связей. Все равны, всем все можно, у всех равные права, делай что хочешь. Способность системы обеспечивать людям сильнейшие ощущения и порывы снижается.

А человек создан не для благоденствия, а для максимальных ощущений и максимальных действий.

И оказывается, что бедное и агрессивное варварское государство эффективнее – в том плане, что человек в нем больше напрягает свои чувства, оно дает больше места подвигам и великим делам.

Построим прямоугольную систему координат и отложим на ней все размахи и пики ощущений – суммарный график для всего населения государства. И вот в этой системе координат график получится мощнее, даст бóльшие значения, не для постиндустриального государства, а для варварского (сравнительно варварского, варварство вообще относительно).

А делается все в государстве человеческой энергией. А она прежде всего являет себя в силе ощущений. И получается, что потенция варварского государства выше.

А эти ощущения, эта потенция, в конечном счете стремятся реализоваться в максимальные действия.

А построить город и разрушить город – это равновеликие действия с противоположным знаком. И, стремясь к максимальным действиям, построить варвар не может, но может снести. И уничтожение развитой цивилизации для него – дает максимальные ощущения, в этой борьбе он максимально самореализуется, это слава и честь, подвиг и миф, вклад его в мировую историю и нанесение максимального изменения на лик мира, каким он его застал.

В постиндустриальном государстве профессионализация переходит в расплытие человеческой энергии: пластиковая одноразовая посуда и бесчисленные ансамбли. Упор на комфорт. А варвар суммирует усилия на направлении главного удара. Повышение энтропии – и повышение энергии.

Одни создают сложнейшую и дорогую военную технику и содержат ее высокооплачиваемую службу, одновременно тратясь на самоограничительные институты комитетов и комиссий по праву и гуманизму. Другие подбираются с ножами воткнуть их под лопатку. Эффективность затрат на результаты несоизмерима. Сила и агрессивность духа приобретают материальный эквивалент.

То есть. Имея дело не с автоматами, а с людьми, ошибочно будет абсолютизировать уровень материального производства как доминанту, относительно которой и оценивается все прочее. Нельзя забывать о той старой системе измерений, где «мера всех вещей – человек». Не барахла единого ради. Когда материальное производство превосходит диалектическую меру – система начинает слабеть. Это элементарно, и странно, если кому не понятно.

Паразитарно-зацикленная раздробленность

По мере развития любая цивилизация вырабатывает свой ресурс. Как системный ресурс, способность к дальнейшему эволюционированию, способность к регенерации и постоянному самовоспроизводству – так и ресурс материально-энергопреобразовательный.

Поясняем. Вот прикочевывают люди на новое голое место. И начинают обустривать его под себя. Охотой истребляют часть животных. Вырубают часть леса. Распахивают часть степи. Строят на ровном месте дома из бревен и глины. Прокладывают дороги, роют канализацию. Режут шахты, бурят скважины, добывают руду, плавят металл, делают машины, из хлопка ткнут ткани, а потом ткани делают синтетические.

Пейзаж перелопачен неузнаваемо. Образ жизни изменился кардинально. Наука и техника наизобретала и наделала черт-те что.

А дальше – а дальше наступает пробуксовка. Автомобиль, самолет, пароход, пулемет, радио, пенициллин, – в принципе все уже есть. Телевизор. Компьютер! Мобильный телефон с компьютером! А также: социальные гарантии, медицинское обслуживание, бесплатное образование... – все уже есть.

Темп материальных перемен в обществе снижается. Наступает стабилизация. Стабилизация также – социальная. Уже все хорошо! И отдельные философы говорят с отрадой: ну, вот

и совершенство, больше ничего уже меняться не будет. Гм. А другие философы возражают: «Когда все кажется совершенным и стабильным – значит, скоро рухнет». И приводят в пример канун I Мировой в Англии и т.п. И вы знаете? – оно таки рушится!..

...Так вот. Экономисты тут говорят: признак высокоразвитой экономики – это чем бóльшую долю ВВП, то есть всего производства страны, занимает производство не товаров, а – услуг. Парикмахеры, дворники, врачи, учителя, юристы, массажисты, спортсмены, артисты, психологи и политехнологи. Они работают – но товаров не производят. А – что? А – делают жизнь людей более комфортной, безопасной, насыщенной, интересной. Потому что производительность труда высока, и все меньшая часть населения нужна для производства товаров.

И. Все чаще меняются моды на все товары: одежду, автомобили, телефоны. Все больше людей работает в дизайне мод, изобретая новые бесполезные прибабасы, которые ничем не лучше и не нужнее старых. И! Все больше людей работает в рекламе, впаривая гражданам этот бесполезняк, отличающийся от вчерашнего иной формой кнопочки. И. Все больше людей работает на всевозможном информационном обеспечении псевдоновья, чтоб усовершенствовать некую новую загогулину.

А самое главное – все больше людей занято в сфере промакивания друг другу носов крест-накрест. Бесконечные охранники, банковские клерки, таксисты, продавщицы, менеджеры всего и владельцы закусовых. – И уже делается не видно, кто, собственно, работает?

Черт побери. Цивилизация перестает вносить изменения в окружающую среду. Принципиальных изменений нет! Работа идет по совершенствованию уже имеющегося. Все уже изобрели и построили. Можем только долизывать, подкрашивать и докручивать.

Ах, да! Исчезает цель, идеал, стремление, идеология. Чего хочет сегодняшняя Западная Цивилизация? А – ничего. Чтоб все было как сейчас – только еще немножко лучше, безопаснее, сытнее, добрее, легче. *Системный ресурс выработан!!!* Никакие принципиальные переделки устройства социума – не желательны, не нужны; невозможны.

А остановка и совершенство – есть конец пути.

И вот. Производственные силы развиты жутко. Производственные отношения совершенно до восторга. А делать н е ч е г о! Остается только поддерживать то, что есть.

Все бóльшая часть энергии цивилизации идет не в создание новых форм и способов энергопреобразования, что есть основная объективная цель всего, и цивилизации в частности. Нет. Все меньшая часть идет в энергопреобразование на уровне поддержания стабильного процесса. А все бóльшая часть – в непроизводительную суету, сопровождающую этот процесс.

То есть. С точки зрения эволюции энергопреобразования. КПД цивилизационной системы резко падает. А непроизводительные расходы растут. Производители энергопреобразовательного процесса, его монады, люди, все меньше выступают как перелопачиватели пространства, преобразователи материи, ускорители процесса, создатели нового в материальном переструктурировании энергии. А все больше выступают как обслуживатели себя самих, расходуя собственную энергию абсолютно непродуктивно: почесать друг другу брюшка, смешать нектар двух цветков, прогуляться вокруг стебля и совокупиться больше нужного. А ландшафт сада менять перестали! А на хрен же они тогда нужны?..

Достигнув уровня близ совершенства на своем научно-техническом уровне, цивилизация впадает в стагнацию, переходящую в прострацию. Принципиальные изменения уже невозможны! И начинается усовершенствование потребления. И потенциал цивилизации – интеллектуальный, эмоциональный, энергетический, – теряет созидательное направление и переходит в самообслуживание индивидов.

Паразитарно-зацикленная раздробленность – это важнейший аспект дегенерации цивилизации. Раньше: все вместе делали важное общее дело, меняя лик пространства. Теперь: повернулись друг к другу и кормим, гладим, лечим друг друга. Один мощный поток энергии, который размывал и перестраивал окружающую среду, подобно струе гидропушки, дробящей

скалу, а за пушкой той в скале спешно дорогу строят, а из обломков дома возводят, – этот поток дробится на множество ручейков, и ручейки начинают течь во всех направлениях и облизывать камешки в их руслах, и сливаться-расходиться своими тихими струйками. И суммарно воды течет столько же, и суммарно энергии этой текущей воды остается столько же! – но уже никакой преобразовательной работы от этой энергии текущей воды нету. А есть только тихое-тихое оглаживание камней, которые через сто миллионов лет превратятся в гальку.

Мощный поток цивилизации на подъеме преодолевает плато – и дробится на множество ручейков, зацикленных сами на себя, и тратящих свою энергию на обслуживание друг друга.

Стадия паразитарно-зацикленной раздробленности – это самоедение энергии, преобразуемой цивилизацией. Это затратный хозяйственный механизм, который жрет все, что производит.

Ну, представьте себе армию в наступлении. И вот она взяла город. Отдохнула и напилась. И все солдаты со всех сил стали бить друг другу морду. Усилий тратится – как на войне! А толку никакого. Урона врагу нет. И врага не видно! А воевать охота. И мордуют друг друга. Паразитарно-зацикленная раздробленность армейского наступления.

Паразитарно-зацикленная раздробленность означает: движение вперед закончилось, качественные изменения завершены, энергия идет в количественные изменения по мелочам. Скала цивилизации превращается в щебень, скоро щебень рассыплется в песок.

Паразитарно-зацикленная раздробленность – сладкий мед осени цивилизации. Совершенство мыслимого комфорта предшествует гибели.

Табу и его разрушение

В основе любого табу было принято искать рациональное зерно. Мол, изначально оно восходило к вполне рациональному запрету в интересах господствующего класса, или пола, или вождя, или в интересах всего общества и т. п.

Потому что табу отличается от закона именно невнятностью мотивации, неясностью смысла. Классические Десять заповедей – это скорее закон, нежели табу: смысл заповеди ясен, а ее нарушение предполагает внятное наказание – будь то по закону людскому или божескому. Заповедь «не убий» воплощается в статьи уголовного кодекса и обрастает параграфами и примечаниями.

Так. В любом обществе всегда была система регулирующих запретов, более или менее рациональная: регламентация действий и отношений между людьми.

Но в любом обществе была и система запретов весьма бессмысленных и на первый взгляд необъяснимых. Как, скажем, табу для полинезийского вождя какого-то племени касаться чьего-либо тела или питаться самому: касаться его могли только жены, а кормили его «с ложки», вкладывая куски в рот. Зачем? Ну, иначе он будет осквернен, скажем. Фрэзер мог бы привести представления туземцев о том, что так подчеркивается божественная сущность вождя.

Собственно, любая власть и любая религия всегда создают свой ритуал, включающий свод запретов – запретов на нарушение каких-то специальных правил или вообще на совершение каких-то поступков. И вот христианство, религия поначалу демонстративно простая, аскетичная, за пару тысяч лет обросла в католической конфессии ритуалом, огромным и ветвистым, как лес позолоченных бабабов. Масса незаметных для непосвященного мелочей обретает огромный смысл.

Любой религиозный человек приведет тьму доводов в защиту и объяснение рациональности ритуала и любого запрета. При том что жить без этого ритуала и запрета явно можно, и вполне неплохо, ни для чего он не нужен.

Вот для полинезийца табу ходить на ту гору. Нельзя, и все тут. А то убьют, съедят, изгонят. Простодушный ученый объясняет: ну, там когда-то кого-то деревом придавило, народ решил, что это злые боги там живут, и людей видеть рядом не хотят, карают, вот и не надо туда ходить. Допустим пока... Они темные, эти дикари, что с них взять.

Но вот явное и ужасное табу – плюнуть на знамя части. А что будет? Армейский бог покарает? Нет, военно-полевой трибунал в Бога не верует, вломит два года дисбата своей властью «за оскорбление святыни, символа» и т. д.

А знамя, как вздыхал еще Толстой, это просто тряпка на палке. И чего образованные люди с ним носятся? Да напилит палок, нарезал тряпок – и дал хоть каждому по охапке знамен.

То есть: в деталях ритуала, в разнообразных табу – мы всегда имеем перенос значения на какое-то условное действие, условный предмет. Знамя и его неприкосновенность – есть свидетельство значительности воинской части. Плюнув на знамя, человек тем самым говорит: «Да вы слабаки, дураки, я не считаюсь с вами и вашими чувствами и мыслями, я значительнее вас». Вот этого негодяю уже спустить нельзя – да он завтра приказ не выполнит, в атаку не пойдет, к врагу перебежит: расстрелять перед строем под барабанный треск!

Что означает вполне бессмысленный жест: вложить большой палец руки между указательным и средним и направить в чью-то сторону? Ну и что? Мало ли пальцев на руках у каждого. Но этот жест значит «фигу»: я тебя не уважаю, по-твоему не сделаю, ты дурак, я значительнее тебя.

Значит, так: жизнь человека в обществе регулируется массой мелких и менее мелких деталей, а ритуал и запрет – это внешний механизм взаиморегулирования отношений человека с окружающим обществом, а шире – вообще с окружающей средой (жертвы богам, соблюдения заветов Бога и пр.).

А с ходом времени, как обычно бывает, смысл ритуала и запрета растворяется в ежедневной повторяемости, над ним уже не задумываются, и остается самодовлеющая форма.

Возьмем-ка табу российских зеков в зонах: вот уж пример удобный, наглядный и современный, и прекрасно доступен наблюдению. Масса идиотских и жестоких табу! Особенно малолетние зоны свирепствуют. Так.

Нельзя ходить на парашу, когда кто-то ест. Понятно? Понятно. Ход мысли естественный? Вполне. Дальше имеем развитие мысли: если ты – один, сам! – ешь, а в небе летит самолет – надо прикрыть еду и подождать жевать, пока он не пролетит: там кто-то в этот миг может сидеть на унитазах. Гм. А если через дорогу дом? Там ведь тоже сейчас за стеной кто-то может в туалете сидеть. Ну, если дом, то это ничего, это не считается. Почему? Потому!

Нельзя есть помидоры. Почему? Они красные, а красный цвет – табу, «западло» – это цвет посадившего тебя государства, врагов-ментов, волков позорных. Красные трусы – нельзя, и т. п. А кровь красная?.. Ну, тут ничего не поделаешь.

С земли ничего поднимать нельзя, особенно с плаца. Западло. Зачушишься. Вот поднимешь зимой с плаца упавшую с головы свою шапку – и через это можешь «зачушиться», оказаться опущенным. Почему?! Могут пробормотать, что нельзя кланяться, работать на земле и проч. ерунда.

То есть люди сами усложняют себе жизнь. Зачем? Такой ритуал соблюдать любой шибзик может, силы и ума не надо. Наука социопсихология в ответ бормочет невнятно, не в курсе дела.

Дорогие мои! Да именно в этом усложнении себе жизни собака и зарыта. Зек не может костюмчиков закупить, музыку послушать, модной машиной похвастаться, ни такси, ни метро он не пользуется, и социум, в котором он существует годами долгими, прост и примитивен до ужаса: ну, пахан, блатные, мужики, опущенные, феня, кум, татуировки, и изо дня в день, из года в год одно и то же. И он придумывает и создает себе более сложную жизнь, условности в нее вводит и значение им придает. И через то жизнь его делается полнее и инте-

реснее, разнообразнее, забот у него больше, поводов для переживаний больше, – короче, его центральная нервная система получает больше ощущений, для этого она поводы к ощущениям и придумала. Только и всего. Неясно еще?

Вот две дамы на пляжу. Одна в купальных мини-трусиках топless: меж ягодиц у нее ленточка, на лобке у нее треугольник уже ладони, мужики на нее глаза пялят вождедеюще, но – приличия соблюдены: так ходить на пляже сейчас принято. Кое-где. В Европе. А вторая дама в прекрасном кружевном белье, и панталоны у нее с оборочками, и бюстгальтер с цветочками, и прелести ее прикрыты гораздо основательнее при этом, чем у первой. Но выглядит она, по всеобщему мнению, неприлично, неподобающе. В таком белье перед любовником раздеваются, а не на пляж ходят. Первая обнаженная, а вторая – раздетая, разницу улавливаете? Назначение иное, ассоциации возникают немного разные.

А пусть-ка они обе на дипломатическом приеме снимут только юбки, а все остальное останется – оживления-то сколько будет! Потому что нарушение условностей вызывает сильную эмоциональную реакцию прочих граждан, эти условности соблюдающих. Это нарушение уже – вызов, вольность, шокинг, хамство, неприличие, оскорбление.

Если ты на пляже в плавках, еле прикрывающих гениталии – это нормально. А в длинных кальсонах с пуговицами – идиот и посмешище. А вы говорите об отсталости дикарей с их табу.

Но. Но. Масса условностей и запретов н а п р я г а ю т человеческую жизнь массой мелких смыслов и дают массу поводов для забот и переживаний. Общая сумма ощущений при этом увеличивается. Надо соблюдать, и стараться, чтоб у тебя в этом смысле было все в порядке, как надо, как принято, как у всех, тогда ты чувствуешь себя уверенно, ты не хуже других, а иначе – ты не такой, как все, тебя не уважают, тебе дискомфортно.

Ритуал и табу обогащают твою жизнь дополнительными представлениями и ощущениями.

Это первое. А второе: что значит усложнение жизни? Это значит, что она более структурирована, более упорядочена, дальше от хаоса, чем при беспорядочном и вседозволенном смешении всего и вся. Это та организация, которая противоположна энтропии.

Избыточная энергетика человека и есть истинная причина ритуала и табу. Эта энергетика выражается во всем, в том числе и в ритуально-запрещающих формах организации человеческого общежития.

Чем меньше хаоса – тем больше энергии. Масса идиотских и условных предписаний на все случаи жизни – одно из воплощений избыточной энергетики человека, один из ее аспектов.

Это происходит на уровне инстинкта, на уровне витальной силы, а уж смысл к этому подстегнуть можно всегда, для рефлексирующего разума это дело нехитрое.

Один из сильнейших примеров – соблюдение ортодоксальными евреями всех многочисленных предписаний ветвистого Закона. Боже! Нельзя того и нельзя сего, надо так и надо эдак. Это же ведь надо додуматься, что в субботу можно все-таки ехать на лифте, но нельзя самому нажимать его кнопку, потому что это включение подпадает под запрет на работу в субботний день. А пешком топтать – хоть на сотый этаж, сколько влезет, на это запрета нет. Это же ведь надо было додуматься, чтобы из библейского запрета «не вари козленка в молоке его матери» вывести не только запрет на бутерброд с колбасой, потому что масло молочное, а колбаса мясная, но и вообще на употребление мясного и молочного в одну трапезу, и запрет на использование под мясное и молочное одной и той же посуды, и холодильников под них надобно держать два, и если нельзя два стола – то необходимо две разные скатерти, и странно еще, что не два разных комплекта вставных челюстей.

Явная бессмыслица, да? Но с каким нечеловеческим упрямством из века в век, из тысячелетия в тысячелетие соблюдают верующие евреи все свои предписания! А теперь скажите, что евреи – народ с пониженной энергетикой. Да нет, все сходятся на том, что напротив, с повышенной. А делать ортодоксальному еврею нечего, кроме как ревностно соблюдать закон

и выискивать в священных книгах все новые скрытые указания к новым соблюдениям всего на свете. И вот немалая его человеческая энергия прет на дальнейшее разветвление и строжайшее соблюдение ритуала (ибо, полагает иудаизм, «если все евреи хоть два шабата подряд будут свято соблюдать все, что велел Господь», то придет Мессия и настанет счастье Израиля и Царство Божие. Что вряд ли, уже по той причине, что разные течения иудаизма придерживаются немного разных взглядов на соблюдение и исполнение массы мелочей).

Жесточайшая и подробнейшая структуризация иудаизма – система антиэнтропийная, высокая степень порядка противостоит хаосу. Эта структуризация – суть энергия народа в одном из аспектов своего воплощения.

Чего в основном касаются ритуал и табу?

Всяческое регулирование сексуальных отношений.

Естественно связанные с ним степени и условия оголения тел.

Степень лояльности господствующей идеологии общества.

Поведение в обществе.

Получается, братцы, что масса смешных, нелепых, условных вещей – связаны, однако, с базовыми ценностями существования человечества. Ух ты.

То есть:

Не в том дело, что ритуал и табу условны и бессмысленны, а в том, что смысл их – в самом их существовании: повышении энергетических связей человеческого сообщества на главных направлениях – размножение и взаимодействие в деятельности.

И что же мы видим сейчас?

Мощной мировой силой является исламский фундаментализм. Он энергичен, агрессивен. Фанатичная вера, жесткий религиозный ритуал, масса запретов и ограничений, резкое разделение женской и мужской функций. Воюют непримиримо, жертвуют жизнями, наглы, ни черта не боятся. Общество энергично – и структура его жестка: это аспекты одного и того же.

Кем считает исламист голых белых баб на пляже, которые по обстановке не прочь трахнуть? Шлюхами. Их можно драть с презрением, но жениться на такой – Аллах избавь от дикой мысли. Европейцы считают кавказцев и арабов, которые в стриптизах и на пляжах истекают слюной, но плюются, дикарями: отсталые взгляды, понимаешь.

А кем европейцы считали голых полинезийцев – когда сами европейцы взглядов придерживались суровых, и дамская ножка, по щиколотку публично обнаженная, была пикантной вольностью? Опять же, дикарями.

Оценочка малость хромает: получается, что дикарь – это не такой, как ты, только и всего.

... Собственно говоря, табу – величина негативная. Это понятно. Запрет не существует сам по себе, запрет – это противодействие. Есть ритуал – позитивная величина, свод предписаний к действиям, и запрет – это его, так сказать, запретительная половина. Запрет на какое-то действие – это, во-первых, подразумевает, что импульс к такому действию уже имеется, и, во-вторых, означает, что действовать надо не так, а как-то иначе. То есть:

Табу свидетельствует о наличии энергии на этом участке – и регулирует, направляет эту энергию, ставя заслон в одном направлении и оставляя пространство для выхода ее в другом направлении. Это можно уподобить системе шлюзов, плотин, клапанов и т. п., аккумулирующих массу и силу воды и пускающих ее в определенном направлении, где она может совершить определенную работу – будь то мельница или гидроэлектростанция.

А если убрать все перегородки? Свободно растекающаяся вода никакой работы совершать уже не будет, не сможет.

Запрет (см. «Искушение») уже сам по себе рождает противодействие. Он привлекает внимание, возбуждает протест, и энергия противодействия, если не взламывает его, то ищет себе применения в другом направлении, на другом участке.

Тогда можно сказать:

Табуирование – это способ повышения человеческой энергии, как индивидуальной, так и в сообществе.

Самая простая аналогия – это известная теория творчества и вообще многих видов и способов деятельности как сублимация энергии сексуальной при запрете или вообще невозможности реализовывать сексуальную энергию напрямую. Строго говоря, это даже не аналогия – это один из примеров основных, генеральных табу и их следствий.

Возьмем еще для примера армию – в мирной и военной обстановке. Мирный армейский ритуал был изощрен везде и всегда. Сложные и поступенчатые формы отличий и наград, подробности экипировки и вооружения, формы отдачи приказа и формы изъявления подчинения и т. д. – отдание чести, соблюдение распорядка и масса разных изгибов, доводящих до изнеможения новобранцев и держащих бездельничающую армию в таком напряжении, что римские легионеры вообще рассматривали войну как отдых от всего этого кошмара.

И вот армия в действии, в бою. Мгновенно и «автоматически» слетают глупые ритуальные предписания. Вся энергия устремляется в одном направлении – победить и выжить. Все, что способствует победе в бою – всячески культивируется. А чистка пуговиц, парадная маршировка, обязательное единообразие не только обмундирования, но и заправки постелей – фронтовиками отбрасывается с глумливым пренебрежением: глупо, ненужно, не до этого. (Отчего фанатики армейского блеска типа Вильгельма I и констатировали со вздохом: «От войны армия портится».) Фронтовик гордится своей внешней расхлябанностью, своим неуставным, но эффективным и удобным оружием, своим полным пренебрежением к ритуалу. И хороший командир так же гордится своей толпой оборванцев, которые могут привести в ужас инспектора, но в бою перегрызут глотку любому врагу.

На кой же черт в мирное время ритуал? Любой приличный командир это знает прекрасно. «Чтоб поняли службу». Иначе разложившаяся в безделье и вседозволенности армия не будет пригодна к бою: духа армейского не будет, напряжения энергетического не будет. Дисциплина ритуала переходит в ту дисциплину, которая заставляет выполнять приказ – уже приказ на тяготы огромные, на бой и смерть.

Могут спросить: а если замордовать армию ритуалом? Конечно, тогда тоже ничего хорошего не будет. Измученный задолбанный солдат будет еле дышать, и место ему не в бою, а в санатории для восстановления сил. Все хорошо в меру. Не надо заставлять дурака так богу молиться, чтоб он лоб расшиб.

Точно так же в тоталитарном обществе можно залудить такой всеобъемлющий ритуал на все случаи жизни, что народ будет просто задыхаться среди перегородок по клеточкам, и нормальная деятельность быстро станет невозможной.

Но сейчас евроатлантическая цивилизация находится в другой стадии – грубо говоря, вседозволенности. Шо мы с этого имеем, и шо это означает?

Поедем не спеша и с разбега.

Когда-то пойти в театр – это было событием. Люди соответствующе одевались, и настроение было соответствующее, и буфет в антракте, и вообще праздник в храме искусства. Пойти в театр в ежедневной обычной одежде, не говоря уже о мятых штанах и старом свитере, было хамством, да одетый так человек и сам бы чувствовал свою ущемленность, неполноценность, бедность как жалкое неприличие (спецбогема и эпатажники не в счет, они на этом и играли). И как-то постепенно это исчезло (в СССР – на рубеже начала 70-х годов). И поход в театр приобрел характер чего-то обыденного или даже рабочего – билеты недороги, ходить можно часто, все после рабочего дня, буржуев у нас нет, и т. п. Интересно, что именно в это время происходит закат советского театра, который в конце 60-х был очень хорош, а лучшие театры были невиданно блестящи, гениальны были.

Да весь театр с его условностью и держится на ритуале! С вешалки он начинается, как фабрикант канительной фабрики Станиславский справедливо заметил! Падение искусства начинается с пренебрежения к нему, и поначалу это всегда пренебрежение к мелочам.

Нет, не потому, конечно, театр загнил, что зрители хуже одеваться стали. Это явления одного порядка – уравнивание всего пошло, исключительность всего происходящего стала снижаться, энергия института театра стала уменьшаться, энтропия пошла нарастать. Зал и сцена – они ведь вместе, две стороны одного явления, взаимозаряжаются и т. д.

Заметим, что было это не только в СССР. К нам с опозданием на несколько лет докатилось то, что на Западе было отмечено видимой чертой 1968 года, с ее студенческими волнениями, революцией хиппи и т.п. – мода на небрежность, неряшливость, грязность, утрированную «демократичность» поведения и раскованность манер.

Была отменена «ханжеская», «буржуазная» языковая цензура, и мат вылез в обыденную речь, на сцену, страницу, экран. Это что? Это языковая энтропия. Выматериться перестало быть экстраординарным выражением экстраординарных чувств – а так, вообще, выражение. В славном и глобальном американском английском вместо «скотина!», или «чтоб ты сдох!», или «черт тебя возьми» вошло в общем в языковую норму «я тебя ебал!». Если раньше такое брякнуть в приличном обществе, у людей глаза выпучивались и дар речи пропадал. А теперь – нет, ничего, привыкли. А что теперь можно сказать в приличном обществе, чтоб у него глаза выпучились? А нечего уже сказать!!! Вот это и называется языковая энтропия, вот это и есть снижение энергетики языка – когда ты убираешь перегородки запретов, и накопления и концентрации сдерживаемой энергии уже не происходит, и введением слова в обыденный оборот ты лишаешь его исключительности и взрывной силы, и если раньше ты мог выразить им сверхсильные эмоции, то теперь тебе нечем их выразить – потому что слово, которое было для исключительных случаев, стало для обычных случаев, и сравнялось по употреблению со словами, которые раньше были гораздо более слабыми выражениями, чем табуированные.

Удивительно умственное убожество сексологов и сексопсихологов, которые с научным видом поучали, что надо свободнее и без ограничений разговаривать о половых органах и половых отношениях, используя медицинскую лексику, и нечего придерживаться ханжеских табу, надо просвещать население. Надо-то надо, да ведь смотря как. Одно дело – поголовно обеспечить школьников бесплатной книгой, исчерпывающе дающей необходимые им основы всего, связанного с полом, а другое – присылать в класс сексолога, да еще мужского пола, и проводить занятие на тему дефлорации, да еще в смешанной аудитории.

А что тут плохого, спросите вы? А то, что стало больше импотентов и извращенцев, с сожалением констатируют сексологи, не будучи в умственных силах провести прямую зависимость между снятием сексуальных табу и понижением сексуальной напряженности общества. А понижение напряженности – это в переводе на механический уровень означает, что стоит хуже и хочется меньше, неужели не ясно.

Боже мой, да люди всегда знали: чтобы хотелось – надо, чтоб было нельзя. Еще Екатерина Великая так ввела картошку на Руси, которой раньше не знали и сажать не хотели, даже если из казны крестьянам раздавали бесплатно сажать: ну его к черту, фрукт гадкий бусурманский. Поля велели охранять солдатами, картошку давать только аристократам! А на ночь охрану снимать. По ночам крестьяне стали воровать картошку и сажать у себя. В президенты Академии психологических наук Екатерину!

Если бы я был председателем Всемирного общества импотентов, я бы через ООН добился запрещения повсеместной рекламы презервативов и менструальных прокладок, которая гремит со всех каналов телевидения круглые сутки. Потому что если женщина, которую приучено рассматривать как источник менструации и вообще мокрых и пахнущих выделений из половых органов, с вежливой улыбкой и светским тоном предлагает презерватив, чтобы надеть его перед половым актом на эрегированный половой член, дабы избежать возможной

инфекции, – то нормальному мужчине хочется избежать инфекции вместе с самим половым актом, а по возможности избежать и акта, и инфекции, и самой этой женщины, а лучше выпить лимонаду, или водки, или сыграть с друзьями в бильярд, или в лучшем случае попытаться заняться онанизмом, воображая сексуальные сцены с прекрасной принцессой, которая и слово таких не знает, а если и пользуется прокладкой, то мама-королева ее научила в нежном возрасте, что говорить на эти темы неприлично, а в обществе – просто невозможно.

Но сегодня мы имеем то, что имеем. А имеем мы не только понижение рождаемости белой цивилизации, но и понижение ее сексуальной энергии.

Невозможность развода при церковном браке – это бывало ужасно. Сейчас жениться вообще необязательно: живи с кем хочешь, хоть ночь хоть всю жизнь, хошь рожай, хошь не рожай, – права человека. Никакой девственности, никакой простыни на дворе после первой брачной ночи, и статьи в газетах о пользе внебрачных связей для укрепления брака.

Порнография, наркомания, отмена смертной казни за убийство, гомосексуализм, пособия безработным, провозглашение отсутствия социальных, расовых и национальных перегородок и т. д. – всем явно, что маятник либерализации от положения крайних зажимов качнулся в другую крайность – узаконенной вседозволенности. (Не полной, полная невозможна. Где мера, как ее определить? Мы лишь констатируем перегиб.) И в институте брака, и буквально во всех прочих социальных институтах мы имеем сегодня резкую либерализацию – иначе это можно назвать свободой допусков, люфтом, разбалтыванием. А можно сказать так: упрощение ритуальности и резкое сокращение запретов.

Комплекс табу белой цивилизации резко сократился по сравнению с тем, что было во многовековой истории и что было еще полвека назад.

Это означает: упорядоченность жизни сообщества уменьшилась. Уменьшилось разделение всех поступков на можно-нельзя. Можно сказать и так: степень структуризации поведения снизилась.

Что это означает уже само по себе?

Это означает повышение энтропии сегодняшней белой цивилизации. Понижение энергетики. Закат, упадок, разложение, гибель.

Снятие ограничителя с дроссельной заслонки двигателя ведет к его быстрому износу, падению мощности и приведению в негодность. А если насверлить дырок в стенках цилиндров, чтоб газ при сжатии мог выходить куда хочет, а то его давит сильно, он тоже имеет право – то степень сжатия упадет и автомобиль не поедет, а может, мотор вообще работать не будет.

Табу – это ограничители энергии в двигателе человечества, которые в суммарном результате и общем историческом итоге направляют человеческую энергию в созидательное русло.

Сегодняшние снятия табу – отчасти причина, а отчасти следствие, а отчасти свидетельство, а отчасти аспект – взаимосвязь тут сложная, всякая бывает, одно с другим сопрягается и взаимопроникает, взаимообуславливает, – аспект упадка цивилизации.

Падение цивилизаций

Какой, спрашивается, может быть исторический смысл в покорении варварской ордой цивилизации великой и богатой?

Конечно же, скорей все бегом к Риму – велик, культурен, мощен и отлично изучен.

Итак. Что мы имеем в Риме. Высочайшая многовековая культура, вобравшая многие более древние культуры Средиземноморья. Живопись, скульптура, литература, архитектура. Градостроение, акведуки, канализация. Сложная и изощренная структура управления государством, суды и право, чиновники и наместники, бюджет и налоги. Сельское хозяйство, пашни и виноградники, скотоводство и рыбная ловля. Торговля и финансы. Военное искусство, организация войска и производство вооружения.

И вот вам готы, и вот вам вандалы: племенной строй и союзы племен, натуральное хозяйство, примитивная меновая торговля, одежда из шкур или грубых кустарных тканей, неграмотны, грязны, жрут грубо и часто скудно, короче – толпа дикарей почти что... И даже по военной части едва ли равны римлянам: техники практически не имеют – ни катапульт, ни осадных башен делать не умеют, стройной организации войска нет, управление им весьма примитивно, и само оружие-то делается самосильно своими кузнецами – а уровень ремесел ох не равен римскому! – или выменивается у других народов. Победили!..

Вопрос о прогнилости Рима исследован досконально. И бюрократия, и отсутствие старых идеалов, и ожирение населения, лень, разврат, иждивенчество, паразитизм на покоренных некогда провинциях, утеря воинской мотивации наемными частями, и т. д. Факт в другом: цивилизация рассыпалась и перестала существовать, сменившись веками варварства, и только чуть не через тысячу лет европейская цивилизация вышла на былой уровень и пошла дальше и выше, чем когда-то прежде.

Были науки, искусства, разделение и производительность труда, города, и т. д. – и вот на этом месте живут грязные неграмотные орды. В чем тут прогресс?.. Какая в этом историческая целесообразность?..

Можно говорить о старении этноса и утере им энергии. Можно говорить, что варвары были молодым этносом, энергичным, на подъеме. Ну и что? А как же с производительностью, с могуществом человека перед природой, с возможностью человека реализовывать свои силы и энергопреобразовывать окружающую среду?

По самой простой, примитивной логике вещей можно было бы говорить так: цивилизация возникла, и с точки зрения прогресса должна расти и развиваться по поступательной, ну, то активнее, то пассивнее, но уж всяко не заменяться малопроизводительным варварством на многие века. Иначе это получается какое-то бессмысленное отклонение, не нужный с точки зрения поступательного хода истории спад, отброс назад.

На деле же это получается так. Кто побеждает из двух? Более сильный. И все тут. Варвары, энергичные полудикие вояки, в нужное время и в нужном месте оказались сильнее Рима. Сильнее в своей воинской целеустремленности. В добровольном желании сражаться и побеждать, не боясь смерти.

Фокус вот в чем. Ни отдельный человек, ни целое государство в своих действиях логикой общей истории не руководствуются, но только логикой собственной жизни. Рим уже больше ничего не мог. Наука, техника, производство, культура ничего не могли добавить к наследию прошедших веков. Войска ничего не могли добавить к совершенным безмерным завоеваниям. Застой. Страна истощила свои силы в тысячелетних усилиях и сделала максимум того, что могла.

Варвары же не могли ничего такого особенного, кроме одного – сокрушить Рим. Что и сделали. Совершив тем самым максимальное для своего народа действие.

Римская сила растеклась и исчезла во всех своих многочисленных и изошренных занятиях. И не было уже духу во всех мужах его взять в руки оружие и не щадя жизни умереть в ярости, сцепив зубы на горле врага. Бобик сдох.

А у варваров эта сила была. И осталась с ними после страшного 476 года, когда Империя кончилась навсегда.

Прогресс в том, что косное и старое должно было быть убрано с площадки, дав место новому и потенциальному. Медленно-медленно варварская сила обретала цивилизованные черты и направления, восстанавливала и развивала наследие римлян, чтобы через тысячу лет ринуться по всей планете, переделывая ее с чудовищной энергией, со все возрастающей скоростью.

А Восточная Римская Империя с Константинополем устояла еще на тысячу лет – и что? И снесли ее турки. И где те византийцы? И где ныне те турки? Мелочь балканских народов и дешевые базары Стамбула и Анталы. Нет, не столбовой путь развития цивилизации...

Биологическая энергия народа диких завоевателей – залог будущих великих свершений этого народа. Уже созидательных, а не разрушительных.

То есть исторический прогресс – процесс дискретный, это не непрерывный подъем каждый день и каждый год. Чтоб взять новую вершину, надо отойти назад и разбежаться. А посмотрим на путь от начала до конца – ух ты, куда влезли.

Выкорчевать высохшее исполинское дерево старой цивилизации – тоже труд, великий и необходимый; и не скоро еще на месте гигантской ямины вырастет из хилого побега новое мощное дерево. Но что делать, надо.

Представим себе, что все бывшие некогда великие цивилизации остались жить вечно. Со своими нарастающими институтами, бюрократиями, достижениями и взглядами. Это ж ничему новому не протолкнуться будет. У них там родовая аристократия, сонмы богов, сложившиеся уклады и системы взглядов, колонии и войска. Куда новому государству воткнуться?.. где разместиться, как среди них, здоровых и вооруженных, выжить?

Варвары – как лесные санитары-волки: загрызают все, что чуть слабей или больное. Здоровая кровь! Жизненное пространство! вот в чем прогресс – новый виток пошел. Снова начинаем с нуля, но на самом деле каждый раз не совсем с нуля, а чуть дальше, что-то берем с собой, что-то воспринимаем и развиваем, и делаем в свой черед еще шаг вперед. Кикладыки – народы моря – ахейцы – греки: шуточки делов, этой цепи развития около трех тысяч лет, каждый раз стиралось бывшее и начиналось с варварства новое, чтоб подняться до удивительной высоты.

Какой прогресс, говорите, если умирает муж мудрый и могучий, и остается беспомощный ребенок неразумный? А в том, что он остался жить, вырастет – всем покажет.

Чтобы Рим породил Европу, ему надо было сначала умереть.

...А если поставить цивилизованных и варваров рядом в один и тот же год – конечно: убогие коптящие пароходики пришли на смену совершенным парусным кораблям, тяжеленная пицаль упорно теснила скорострельный и удобный лук, да и вообще – что такое жалкий, безволосый и почти беззубый человек рядом со львом, мамонтом и буйволом.

Так что же, сметание любой цивилизации прогрессивно? А если на ее месте ничего лучшего не возникло: ау, Египет, где ты? Увы, не все зерна, брошенные из горсти, прорастают... Списывайте бесследно погибших на издержки и потери в пути. Прорастет в другом месте! Смена – всегда шаг прогресса, даже если сегодня это – шаг назад.

Приближение второе

Глава 1

Социальный инстинкт

Если мы начнем объяснять устройство и деятельность общества разумом – то окажется, что в устройстве и деятельности общества много глупого. Награды и почести заставляют людей стремиться к ним – и ради того совершать часто подлости и гробить здоровье из-за кусочка металла или бумажки с буквами. Блага и слава обычно достаются не свершителям великих дел, а тем, кто к ним ловко примазался. Почитают не тех, кто добродетелен и благороден, не тех, от кого больше пользы всем, а тех, кто больше нашумел или у кого больше власти. Наверх выходят по законам общества не лучшие, а пронырливые. Общество это организуется в такое государство, которое вечно гробит природу, производит ненужное и недосматривает за нужным, не вознаграждает добро и попустительствует злу. А уж про глупость войн, содержание паразитов, потакание жадности богачей, идиотический масштаб бюрократии, гробящей любое начинание – и говорить не приходится. И в правители-то обычно выходят не самые умные, не самые лучшие, не самые патриотичные и энергичные – а те, кто ловчей договорился со всеми сильными мира сего. И с удивительным тупым упорством все общества раньше или позже сами стремились к своей гибели. Вот ведь что поразительно!

Если мы объясним устройство общества пользой, то почему оно делает так много вредного? Та же экология, те же войны, то же противоестественное сочетание безработицы и гастарбайтеров, непомерное количество начальников и придурков, накачанное дрянью продукты и т. д.

Если ставить в основу общества справедливость – то оно весьма несправедливо к рядовым, к нижним, к большинству, к слабым. Вот вам митинги, бунты и революции. И вообще ни один добрый поступок не остается безнаказанным.

Если говорить об обществе как продукте общественного договора, то мы с этими уродами наверху не договаривались обо всем том, что нам навязали.

Нет, хорошее в обществе есть, кто спорит. Все же не по лесам дикарями сидим и трясем, что любой сильный гость сожрать может. Но. Если мы все знаем, как надо по уму и справедливости, для пользы и добра, – то почему не получается так сделать? Никогда не получалось.

1. Групповой инстинкт.

Выжили в истории только те, кто группировался в крепкие и скоординированные коллективы, спаянные взаимовыручкой, единством действий и оптимальным распределением функций. Так Селекционер Наверху вывел человека социального.

Одиночка был обречен на гибель. Изгнание из группы означало смерть. Включение в группу означало жизнь. (Это как высадили тебя в шлюпку посреди океана – или наоборот, подняли из шлюпки на корабль, где будешь пахать наравне со всеми, но придешь в порт.)

Групповой инстинкт стал аспектом, или под-инстинктом, инстинкта жизни. Хотеть жить – подразумевало хотеть быть в группе.

2. Что такое инстинкт? Все к биологам! Они это знают давно и отлично. Хотя определение допустимо в вариантах.

Инстинкт – это генетически заданная программа поведения, необходимого для выживания.

Если подробнее, то все равно что:

Инстинкт – это генетически заданная программа совершения цепи целесообразных последовательных действий по получению результата, необходимого для поддержания жизнедеятельности особи и вида, передачи генов и выживанию и развитию вида.

3. Из этого следует вот что первое, и весьма необходимое для дальнейшего понимания:

Если мы, как люди последовательные и добросовестные, начнем определять, что же именно такое эта самая жизнедеятельность. На самом основном, базовом уровне. То получится:

Жизнедеятельность – это поддержание материально-энергетической биологической системы в штатном режиме максимального энергопреобразования.

А инстинкт жизни? На базовом уровне – это что?

Инстинкт жизни – это имманентное стремление материально-энергетической биологической структуры к режиму максимального энергопреобразования.

То есть:

Инстинкт жизни есть импульс энергоэволюции Вселенной.

Пиковое, игольное острие этой энергоэволюции, идущей в биосфере и ноосфере с бешено нарастающей скоростью.

Субъективное «Я хочу жить» объективно есть «Вселенная стремится наращивать энергопреобразование».

4. Из этого следует вот что второе:

Если инстинкт жизни есть проявление вселенской тенденции к повышению энергопреобразования. Если инстинкт жизни – в широком смысле слова – включает в себя всю программу жизнедеятельности организма, со всеми частностями и деталями. То:

Любой инстинкт – есть под-инстинкт по отношению к инстинкту жизни.

Любой инстинкт – есть аспект и часть общего инстинкта жизни.

Любой инстинкт – это нить в совокупном пучке инстинкта жизни.

Мы не будем включать сюда переваривание пищи, или выработку антител, и вообще физиологию организма, которой не требуется наше осознанное отношение. Дыхательный рефлекс, вероятно, находится на грани «бездумной» физиологии и осознаваемых действий. А вот жажда, голод, секс, – могут быть сочтены инстинктами в чистом, так сказать, виде.

Но. Тогда.

Принято выделять инстинкт самосохранения. Под ним принято понимать стремление избегать опасности, грозящей смертью. Тогда трусость, осторожность, предусмотрительность можно считать аспектами, или формами, или под-инстинктами инстинкта самосохранения. Или иначе – инстинкт самосохранения имеет разные формы проявления.

Более того: инстинкт самосохранения может повелевать убить врага. И здесь он есть единое целое с инстинктом агрессии.

Но. Укрытие от зноя и мороза тоже необходимо для самосохранения. И запас пищи, и одежда. Почти все инстинкты – это инстинкт самосохранения: в широком смысле слова. И вообще – это конкретизированные и опосредованные проявления инстинкта жизни.

Бегство или нападение. Прятанье от опасности или укрывание от непогоды. Делание запасов еды или предание лени, сберегающей силы. И так далее. Все это может быть классифицировано как инстинкты, врожденные программы. А может быть рассмотрено как под-инстинкты единого инстинкта жизни, как подпрограммы общей человеческой программы. То и другое правомерно. Все зависит от удобства и задач конкретного рассмотрения. Это просто масштаб: взял карту покрупнее – и соседние квадраты не попали на этот лист.

Но.

Поскольку любой инстинкт не сам по себе, а часть неделимого общего, часть Инстинкта Жизни, это просто надо всегда иметь в виду. Ненавязчиво так, за скобками.

5. И вот что третье следует из понимания инстинкта как генетической программы выживания особи и вида.

Вид состоит из особей. То, что необходимо особи – необходимо виду. Инстинктивное поведение особей складывается в инстинктивное поведение вида. Ноу, сэр.

Природа идет от общего к частному. От Вселенной к виду, от вида к отдельной особи.

Ни одна отдельная особь не является обязательной и незаменимой для вида – но вид является необходимым для существования особи.

Вот теперь логической ошибки нет.

И получается. То, что необходимо для вида – необходимо для особи. А это уже сложнее и неоднозначнее.

Вид, пусть в рамках населяющего ареал стада, есть уже система. Особь по отношению к нему выступает подсистемой. А хоть монадой. Система же не есть арифметическая сумма единиц. Она уже обладает новым качеством и имеет новые законы и задачи. Она сложнее и многообразнее. – Надо выводить детенышей. От лучших самцов. При иерархии самок тоже. Защищать от врагов все стадо в целом. И т.д.

То есть.

Ради сохранения своего генофонда. Сохранения и развития стада в частности и вида вообще. Особь иногда должна:

Вступать в смертельную битву с врагом, хотя могла бы убежать и спастись. Жестоко конкурировать за место в иерархии стаи, а то генов не передаст, – хотя могла бы жить спокойно и дольше без этих стрессов. Обеспечивать пищей не только лично себя, но и ближайшее окружение, самку с потомством, а то стая вымереть может.

То есть:

Инстинкт индивидуального самосохранения вступает в конфликт с инстинктом группового самосохранения (видового). И решается в пользу видового. Иначе невозможно. Индивидуалисты сдохли по дороге к нашему времени.

Нет-нет, асоциальные особи случаются всегда. Но это можно считать исключением. Рецессивной мутацией, если можно так эклектически выразиться. (Борьба социума с паразитами – отдельный вопрос.)

Поскольку же инстинкт самосохранения. В расширенном рассмотрении может быть классифицирован как инстинкт жизнеобеспечения. Или вообще инстинкт жизни. Включающий в себя и «прорастивающий» из себя все остальные. То мы получаем:

Инстинкт индивидуального самосохранения может противоречить инстинкту видового самосохранения, причем конфликт решается в пользу вида путем действий особи вопреки инстинкту самосохранения – но в соответствии с видовым инстинктом самосохранения.

Короче. Особь жертвует своим интересом ради общества. Или даже жизнью.

Или:

Индивидуальный инстинкт подавляется социальным инстинктом.

Вместо «социальный» можно сказать «групповой». Суть от этого не изменится. Можно было бы сказать и «видовой», но если один доисторический род людской истребляет другой такой же, то хотя это в интересах эволюции вида, но драка все-таки исключительно в интересах своей группы. Так что говорить «видовой инстинкт», применительно к человеку особенно, здесь будет некорректно.

6. Итого.

Противоречие между индивидуальным и социальным инстинктами человека – это и есть основная проблема человеческого общежития.

7. Да! Вечно что-нибудь забудешь. То, о чем речь. Так:

Социальный инстинкт – это инстинкт жизни на уровне группового выживания.

Это, значит, в противовес индивидуальному выживанию. Социальный – он более опосредованный, значит.

8. Но... Чтобы выжить всем кагалом, драться и жрать мало. Происходит структурирование социума. Аморфная толпа организуется в стройный и эффективный порядок. Иначе хрен выживешь. Оптимальное структурирование – необходимое качество системы, обеспечивающее выживание всем и развитие потомству.

Социальный инстинкт разветвляется и изоощряется в сознании каждого таким образом, что он, каждый, хочет совершать определенные действия, чтобы занять определенное место в группе, которая становится определенным образом структурирована.

Социальный инстинкт повелевает каждому стремиться как можно выше в социальной иерархии. Повелевает самореализовываться в социально значимых формах.

То есть:

9. То есть. То есть. То есть.

Вот есть Мировая Воля. Или Абсолютный Дух. Или Высший Разум. Или Бог. Или Первотолчок Вселенной.

И он закручивает и запускает всю Эту Шарманку Бытия. Которая принимает в самом общем виде форму Энергоэволюции Вселенной. Чистая изначальная бесструктурная энергия – структурируется во Времени и Пространстве во все более дифференцированные и сложные материально-энергетические системы – от атомов водорода до государств Земли.

Воплощая своей эволюцией Закон Всемирной Структуризации, являясь агрегатным состоянием вселенской энергии, неся в себе импульс имманентного усложнения, материя переходит в своем развитии с уровня неорганического на органический, и далее на социальный, и социальные формы материи продолжают усложняться. Энергопреобразовательный уровень социальной материи растет, она становится геологической силой, а там и космической: звездные взрывы будем делать из мертвой материи.

Это – уровень объективный, физический.

А на уровне человеческом, психологическом, – на кой оно нам все надо? А-а, бабушка, бабушка!..

Индивидуальный инстинкт жизни – это импульс энергоэволюции на уровне отдельного человека. Благодаря ему человек есть самообеспечивающаяся, самовоспроизводящаяся, с большим запасом автономии, биосистема. Она, система, что? – она энергопреобразует.

Социальный инстинкт, он же социальный инстинкт жизни, он же инстинкт видового, или группового, или коллективного, выживания, – он что? Он обеспечивает существование социума, группы, коллектива. Которые – что? Которые, во-первых, есть система по отношению к человеку. А во-вторых, энергопреобразуют уже не как арифметическая сумма человек, из которых состоят: но качественно больше, на своем системном, новом, более высоком уровне.

Социум делается по мере социальной эволюции все более сложным. Чем больше энергии он преобразует – тем сложнее его иерархия. Тем разнообразней социальные роли человек, из которых он собран. Тем разнообразнее и многограннее социальные отношения.

Как всякая система, социум эволюционирует к усложнению.

В усложняющемся социуме усложняются внутрисоциальные отношения и импульсы.

И.

Инстинкт жизни отдельного человека, существуя в ипостасях индивидуального и социального, дробится и ветвится на ручейки, усложняется и изоощряется в сфере социальных целей, ценностей, отношений и форм проявления.

10. Вот два человека в поезде разговорились, заприятельствовали, помогают друг другу чемодан нести или чай. Это самая простая, первичная по простоте форма социального инстинкта.

А вот в любом классе школы, или группе института, или роте в армии, или бараке в лагере, собирается «избранная группа». Эти – поувереннее в себе, поуменьше или посильнее, позначительнее: своего рода малая аристократия общего коллектива. Это чуть более сложная форма социального инстинкта. Аморфный класс структурируется, возникает иерархия – пусть только на уровне престижа.

А вот лезут в командиры и начальники... и так далее.

Собраться и – влезть в сообществе повыше. Вот две основные формы проявления социального инстинкта.

11. Самореализация человека – это сделать в жизни побольше того, на что вообще способен. Потребность турбины отработать свой ресурс. Самореализация – это проявление инстинкта жизни через всяческие действия. Ибо жить – означает энергопреобразовывать.

Самоутверждение – это «оценка» за самореализацию. Это представление как самого человека, так и окружающих, о том, насколько он здорово сделал чего-то, т.е. самореализовался. Самоутверждение – это психологическо-социальный регулятор-оценщик уровня самореализации индивида.

Самореализация и самоутверждение – проявления инстинкта жизни.

Самореализация и самоутверждение «человека социального» имеют преимущественно социальные формы. Даже если человек, «чтобы доказать себе», прыгает с парашютом или ночует на кладбище – он утверждает себя в храбрости, каковая в его подсознании давно отложена как социальная ценность.

12. Сводим концы.

Человек стремится к максимальным ощущениям субъективно и максимальным действиям объективно. Значимость своих объективных действий он мерит – по своим ощущениям, и по оценкам окружающих. То есть. Критерием максимальнойности действия может служить социальная оценка.

Существование и функционирование социума есть объективное следствие и отражение стремления человека к максимальным ощущениям и действиям. В составе социума эмоциональная сфера человека функционирует богаче и в общем активнее. В составе социума человек в общем и среднем совершает более максимальные действия – т.е. энергопреобразует окружающую среду на более высоком уровне, что и есть его объективное стремление (оформленное в инстинкт жизни, как в прямых формах, так и косвенных, сложно опосредованных).

Объективная задача социума – энергопреобразовывать больше.

Социум для этого должен быть велик, энергосодержащ повыше, структурирован посложнее, иерархирован поизощреннее: мощен!

Человек для этого должен стремиться не только собираться в группы по 20 – 50 и выживать среди врагов. Он стремится соотнестись и соорганизоваться с себе подобными так, чтоб структура получилась как можно более и еще более мощная! – а для того большая, сложная, многоэтажная.

И в этой структуре он должен стараться занять как можно более высокое положение. Это был еще групповой инстинкт – передать гены, урвать лучший кусок, тем самым помочь группе и виду.

Чем выше место в социальной иерархии – тем выше оценка. Чем выше оценка – тем полнее представляется самореализация. То есть тем полнее реализуется инстинкт жизни.

13. Два противоречия мучат человека социального.

Первое. Противоречие между социальным и индивидуальным. Или можно сказать – между социальным и биологическим. Как член социума – герой, а как биосистема – падаль. Ужас! Но только биологическая самоотверженность гарантирует социальную устойчивость, и тем самым жизнь любому.

Второе. Противоречие между рациональным и инстинктивным. Головой человек думает, что он понимает, что гнаться за почестями, одобрением властных идиотов, престижными предметами, – это бред! – уйти в леса и жить в покое и гармонии с природой! Но инстинкт, который заставляет его жить и делать больше необходимого для выживания, инстинкт, который гонит его энергопреобразовывать Вселенную все активнее, дабы грохнуть ее к концу времен и зажечь Новую Вселенную! – этот инстинкт заставляет его стараться занять как можно более высокое место в иерархии социума, ибо через подобные действия каждого Социум энергопреобразует все больше, а это его сущность.

14. Так шо це таке социальный инстинкт?

Социальный инстинкт – это инстинкт жизни, т.е. биосистемного энергопреобразования, направленный по мере эволюции во все более культурно многообразных и изощренных формах на структуризацию людей в социум. Цель субъективная – психобиологический комфорт, адаптация, повышение самореализации. Цель объективная – повышение уровня энергопреобразования на более высоком системном уровне.

Гм. Чутко громоздко. Но в общем верно. И в основе исчерпывающе.

15. Формы проявления социального инстинкта чрезвычайно многообразны. Строго говоря, все, что человек делает инстинктивно, и что не удовлетворяет базовые потребности первого порядка, но является естественным элементом социальной структуры, работает на конструкцию социума, – все это в широком смысле слова есть проявления социального инстинкта.

Но. Надо избежать адекватизации понятий «социум» и «культура».

Если человек хочет стать ученым, или музыкантом, или офицером, или банкиром, – гм, профессиональное самоутверждение и профессиональная склонность еще не социальный инстинкт, пожалуй; нет смысла смешивать понятия. И стать самым лучшим музыкантом или банкиром – это еще тоже не социальный инстинкт, если мы имеем в виду истинное качество деятельности, явное самому профессионалу и группе знатоков. А вот если борется за премию, или чин, или благодарность Президента, – это уже социальный инстинкт, тяга к месту в иерархии.

Все действия, направленные именно на участие в иерархиях и структурах социума, либо на создание таких иерархий и структур, – есть проявления социального инстинкта.

Социальный инстинкт повелевает не просто собраться в группу и действовать сообща, – но с эволюцией цивилизации заставляет совершать все те действия, которые составляют каркас и структуру социального образования – будь то полк или государство.

Проявление социального инстинкта – ценностная шкала социума. Что важно и не важно, геройски и предательски, достойно и низко, стремление и отталкивание от этих вещей, – все это проявления социального инстинкта.

Сумма желаний, ценностей, отношений и поступков, превращающих аморфную человеческую массу в структурированный социум, – есть совокупность проявлений социального инстинкта.

.....

<Раздраженная записка на скрепке:>

Сколько слов! Социальный инстинкт – это инстинкт коллективного выживания, который гонит людей соединяться в группы, структурировать эти группы и стремиться занять максимально высокое место в иерархии группы – даже без всякого видимого смысла, и даже в ущерб личным интересам.

Формы социального инстинкта

Социальный инстинкт, ветвясь и изоцряясь в многообразии взаимодополняющих форм по мере социальной эволюции, – он не просто гонит людей до кучи. Но работает на структуризацию этой кучи.

Можно сказать так:

Социальный инстинкт – это Закон Всемирной Структуризации, проявляемый на социальном уровне эволюции материи.

Первобытное стадо, оно же простейше структурированная группа-стая, может насчитывать менее ста человек. Лидер, перворанговые самцы, самки, молодежь, дети, несколько старух-стариков: все родственники. Мощней, производя больше, побеждая победнее, стадо должно расти численно – а для этого необходимо ему усложняться организационно.

Рост мощи, численности и организации социума связан прямой пропорцией.

Усложняющаяся структуризация – это как связующий раствор для песка, скрепляющий его в блоки и в огромную высотную постройку. Неструктуризованная человеческая масса есть толпа, способная к панике или погрому, но совершенно не способная к длительным производящим действиям.

Толпа – сумма индивидов. Социум – это система. Система обладает новыми и более высокими качествами. Система есть шаг эволюции к более высокому уровню энергопреобразования. Усложнение системы – это проявление того же Закона.

Таким образом, —

Рост многообразия форм социального инстинкта – неотъемлемый аспект социальной эволюции.

Разжевали.

1. Общение

Ну, форма самая простая и общая. Люди тянутся друг к другу. И стремятся быть вместе, группой, коллективом. Изначально это вот, именно и только, и классифицировалось как «социальный инстинкт». Соседи, попутчики, отдыхающие, – знакомятся, сближаются, разговаривают, вместе выпивают, играют в карты или в футбол, ездят на экскурсии и рассказывают анекдоты. Хочется! Иначе – дискомфортно: скучно.

И не потому кучкуются, что вместе сподручнее дело делать, – а просто, без утилитарной пользы: «для души», «из интересу».

Совместные развлечения и совместное времяпрепровождение удовлетворяют прежде всего инстинктивную потребность общаться, в конце концов, это так ясно: человек есть «человек общающийся» – вся культура, язык, весь социальный пласт над-животного человека есть продукт общения, без него никак. Общение есть естественная форма существования человека.

Первое. В этом процессе общения всегда происходит структурирование группы. Половые притяжения оставляем сей час в стороне. И без этого хватает. Находится самый веселый и остроумный развлекатель. Самый здоровый и спортивный. Самый умелый и рукастый. Самый негромкий, покладистый и надежный. Самый пробивной, умеющий все достать и организовать. А также девушки первые красавицы, их подружки, «свои парни», и с богатым внутренним содержанием. Вообще каждая группа стремится уподобиться слепку общества.

Второе. Трудовой коллектив – он возникает по конкретной надобности, в целях большей производительности труда. Тут все проще. Хоть боевая группа, хоть рабочая бригада, хоть экипаж корабля, – собраться вместе необходимо по жизни. Однако и здесь – возникают «нефор-

мальные отношения», т.е. не связанные с социальными ролями: шутник, простак, доставала, авторитет, и разные дружеские и враждебные счеты.

То есть. В конечном итоге и в среднем тяга к общению имеет результатом структуризацию общества и повышение энергопреобразования. Но тяга к общению имеет основой не стремление к трудовой пользе, без какой часто можно обойтись, а «бескорыстное», инстинктивное желание.

2. Закон и порядок

Даже два человека в купе поезда соблюдают определенные правила «общезития». Не ковырять в носу и не пукать, не протягивать ноги поперек прохода, если другой хочет пройти, не кидать свою сумку на чужую полку и т.д. То есть. У каждого есть собственное пространство – но неизбежно есть и пространство общее. И вот рядом сигналов – взгляды, отдельные слова, изъявления вежливости и т.д. – оба демонстрируют, что ни один не претендует на пространство другого, а общее пространство готовы использовать совместно и полюбовно.

Если попутчик не смотрит на тебя, не разговаривает, протягивает ноги поперек прохода и занимает газетой и бутербродами весь столик – это воспринимается другим как невежливость, хамство, агрессия, гадство. Мелочи сами по себе не важны – важна информация, стоящая за ними, а она раскодируется примерно так: «я тебя в упор не вижу, ты для меня не существуешь». А это оскорбление. Это агрессия, направленная на психическое пространство моей личности. Это вторжение в мою зону существования человека среди людей. В мини-группе из двоих он тебя пытается социально опустить через систему социальных знаков – игнорируя ее.

Социальный инстинкт, требуя структурирования группы в совместном сосуществовании, требуя психо-физического совмещения людей в близком пространстве, *являет себя через систему знаков*. Эту систему знаков можно назвать *ритуалом*. А можно *социальным кодом*. А можно *простейшим законом* общезития. – Вы договариваетесь, когда гасить в более или менее общепринятое время свет, вы предлагаете друг другу свои газеты и печенье, – и, расставшись утром, забываете друг друга навсегда.

Вежливость, воспитание, терпимость, внимательность, – есть формы проявления социального инстинкта. Это позволяет сосуществовать и сотрудничать.

Психо-физическая совместимость есть аспект социального инстинкта.

Обобщаем:

Все знаковые системы (и/или ритуалы), служащие к психо-физической совместимости и структурированию социума, есть формы и проявления социального инстинкта.

Или:

Социальный код есть структурная детализация социального инстинкта.

От этой некоторой абстракции вернемся к жизни.

Даже группа бездельников на отдыхе должна соблюдать некоторые общие моменты. Вставать на завтрак, ходить на обед, занимать утром места на пляже, выбрасывать пустые бутылки и не орать ночью, если другие хотят спать.

Далее же человеческая психика обладает пг'интег'еснейшим свойством. Все отпущенное человеку внимание и психическое напряжение распределяется полностью между имеющимися предметами и занятиями. Нет, внутренние монологи оно конечно, и абстрактные мысли тоже. Но в рабочем смысле: человек придает то же самое значение своему совокупному труду, независимо труд ли это летчика или ночного сторожа. Нет-нет, стрессовый уровень все же разный. Но ночной сторож вживается в детали и мелочишки своего труда так, что через год-другой также находит в своей работе массу важного и ответственного.

Мы уже отмечали:

Психическая константа распределяется на наличное число раздражителей.

Для яркости примера: зеки в камере, или экипаж на траулере, или полярники на зимовке. Коллектив в малом замкнутом пространстве. И мало дел (предположим, что у рыбаков лов не идет). И что? И мелочи: топить печь, носить воду, варить чай, – начинают субъективно приобретать значение серьезных дел. И! – никто не хочет работать за другого! Не потому что тяжело, а потому что справедливость (о ней будет еще много разговора). Потому что никто не хочет быть хуже другого и стоять ниже в правах, ниже на социальной лестнице (и об этом позднее).

И тогда – устанавливают честную очередь на все работы. Или: воры в камере устанавливают порядок, при котором работают другие, а они в привилегированном положении. Короче: течение бытия упорядочивается. И все или согласны с ним, или не смеют протестовать.

Общежитие требует согласованности и порядка в производстве дел. Иначе все друганы переругаются, перегрызутся, а если бежать некуда – жди трупа.

Склонность к упорядочиванию обязанностей в социуме есть проявление социального инстинкта. А иначе жить вместе невозможно.

Это не обязательно предполагает равенство или даже справедливость. Для начала это предполагает только согласованность бытия.

Кстати, где есть обязанности – должны быть и права. Более того: права есть даже без нагрузки чел-ка обязанностями, – типа у меня есть право ходить где хочу, дружить с кем хочу и т.д.

И вот появляется Он – Закон.

Закон фиксирует правила и устанавливает наказания за их нарушение. Наказания, понятно, осуществляются силой. Закон регламентирует поведение в тех моментах, несоблюдение которых ведет к конфликту, причинению вреда членам социума, ослаблению его целостности и мощи, к убийствам.

Закон конституирует иерархию социума, обязанности и права его членов на всех ступенях социальной иерархии.

Протозакон есть в любом животном сообществе. Это элементарное соотношение своего поведения с поведением других, без чего никакое общежитие невозможно. Все просто.

Но. Получается такая опосредованная цепь: люди хотят быть вместе – они вырабатывают правила поведения для житья вместе – они устанавливают Закон для житья вместе – они соблюдают Закон и заставляют блюсти его других, а Закон – это такой внешний каркас. *Мотивировка отрицательная: за нарушение покарывают. А за соблюдение просто ничего не сделают.*

И вдруг Закон, исходным посылом которого являлся социальный инстинкт, превращается в такого зверя прожорливого, что народ стонет и разбегается по лесам. «Дожили!» – сказал попугай.

3. Метаморфозы Закона

Равенства в смысле одинаковости прав и возможностей нет нигде и быть не может, ни в какой стае. Природное неравенство индивидуальностей отражается в Законе как неравенство прав и обязанностей. У лидера одни права-обязанности, у второранговых самцов другие, у молодежи третьи. Чей вклад в выживание стаи больше – тот берет первый и больший кусок, гоняет остальных и выбирает себе самок. Так для всех лучше. Он главный воин и охотник. Его гены круче. Вид и группа должны жить.

Вот человек, вот культура, вот социум, вот социальный пласт в мозгах каждого и в устройстве общества. Возможности и факторы выживания все больше смещаются из биологической сферы в социальную. Физические способности все больше замещаются у лидеров социальными: организационные способности и материальные ценности. Собрать и увлечь войско, оплатить армию и полицию. А сам великий президент хоть в кресле паралитика кататься.

Что же есть Закон? *Закон есть фиксация иерархии общества* и привилегий лидеров. Закон утверждался зубами и копытами, потом дубинами и мечами, потом огромным и организованным армейским и полицейским аппаратом. И это оказывалось на пользу выживанию и эволюции группы и вида.

Биологическая эволюция человека сменилась социальной – и Закон встал на стражу социальной эволюции. Это что? Это кровавый тиран душил подданных – зато централизует огромное государство, которое потом даст «прогресс», т.е. будет энергопреобразовывать среду на более высоком уровне. Это банкиры и рекламщики раздувают потребность потреблять все больше товаров, т.е. производить ненужное сверх всех мер, – т.е. энергопреобразовывать среду на все более высоком уровне! Кому это нужно????!! Вселенной, мля... Закон у нее такой.

И. Раньше или позже наступает противоречие между антропоцентрическим здравым смыслом и справедливостью – и Законом! Который непонятно уже как и откуда такой взялся! Уроды хитрые продавили! И гады кровавые, которые поработили!

Наступает противоречие меж Законом и Справедливостью.

4. Справедливость

Ну, таки и что есть эта ваша справедливость?

Аристотель сказал так:

«Справедливость является государственным благом, ибо служит общей пользе».

Ну дак Платон перед ним сказал:

«То государство крепко, щитом которого служит справедливость».

Нам бы с вами греческих философов в правительство; ага. Они были люди мудрые, но парни простые, и рационалисты заядлые, и полагали, что государство люди создают для себя. Если бы...

Разница между нами и рационалистами в том, что они полагают человека самостоятельным в действиях, мы же полагаем, что человек в генеральном плане есть порождение и орудие Вселенной и действует в ее системных объективных целях. Во как.

А через две тысячи лет и после упомянутых англичанин Бентам, снедаемый жаждой добра создатель утилитаризма, сказал:

«Польза есть то, что дает наибольшее счастье наибольшему количеству людей».

Хорошие были ребята. Государство – для счастья всех. Ну?..

А немец, он же австриец, Лоренц уже под конец XX века расчислил, можно сказать:

«Справедливо то, что наиболее выгодно для вида во всей его совокупности».

Здесь речь уже шла о животных и об их инстинктах. И строят животные так свои отношения, чтоб сильные получали больше, но и слабые что-нибудь для жизни и размножения. Дай шанс каждому по возможностям его.

И сдается мне примерно следующее:

СПРАВЕДЛИВОСТЬ – ЭТО ИНСТИНКТ КОЛЛЕКТИВНОГО ВЫЖИВАНИЯ, СПРОЕЦИРОВАННЫЙ НА ПЛОСКОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Выжить в каменном веке можно было только группой. Жестокий отбор вывел человека социального. У него в генах заложено: стремиться к выживанию группы еще более, чем к выживанию личному. И первобытный социальный инстинкт был неразделим с чувством справедливости: поступать надо именно так, чтоб было максимально полезно группе в целом.

Мораль, нравственность, справедливость, добро, польза и выживание – подавались в начале времен в одном флаконе. Посуды было мало.

Твое чувство правильности каких-то поступков, твое отношение к благодати или гадству неких деяний, – имеет в основе социальный инстинкт, который можно выразить просто: живи сам и давай жить другим; хотя иногда надо убить или умереть, чтоб жила группа – народ твой.

Справедливость подразумевает соответствие поступка и воздаяния, вклада в общее дело – и пая в прибыли, образа жизни – и меры благ и почета, причем это соотношение должно быть равным для всех. То есть не одинаковость и не уравниловка в делах или благах, а вроде когдатошнего коммунистического для социализма: от каждого по способностям – каждому по труду. Кто чо как делает – тому так и воздавать за это. Больше сделает – больше получит, ни хрена не сделает – шиш ему с маслом.

Справедливость – это вроде такой сетки-клетки в трехмерной системе координат, которая пронизывает весь социум с людьми и их поступками: вот такое трехмерное разграфленное изображение того, каким должно быть общество – крепкое, дружное, работающее и богатое, чтоб все хотели работать и могли работать в полную силу и жить с максимальным удовольствием.

Справедливость – это неформулируемое представление о таком устройстве социума, где положительная и отрицательная мотивация к деятельности дает максимальный совокупный эффект, и возможности самореализации каждого максимальны. Где сочетание прав и обязанностей вызывает максимум эмоционального удовлетворения.

Гм. Это что – где больше всего пашут?

Нет. Это где от пахоты испытывают самые хорошие чувства. Сознание необходимости, общественного признания и оптимальности твоей социальной роли.

Как ты – так и все. Как все – так и ты. В меру сил и для общего дела. За справедливый личный кусок.

Один за всех и все за одного!!! Не чохом и пыром – а каждый самым эффективным для него способом, с максимальной пользой для общего результата.

.....

А дальше включается штука под названием диалектика развития, и стремление к справедливости как социальный инстинкт – начинает расходиться с более глубинным стремлением к максимальному энергопреобразованию – в его более поверхностных государственных формах. Биологическая естественность расходится с социальной громоздкой и косвенной постройкой масштабного общежития – государства.

Повторим: сложный и длительный процесс, разделяемый на произвольное число малых отрезков – может в этих отрезках противоречить направлению и сути общего процесса.

Произвольно малая часть целого – может противоречить своей отдельно взятой функцией, направлением своей деятельности, и даже законами своего внутреннего устройства – общей функции, общему направлению деятельности и общим законам целого.

Самый простой и наглядный пример. Армия взяла город, растеклась по переулкам и квартирам, и пошло мародерство, насилия и убийства. Солдат – от боев звереет, от комфорта и баб отвык, а за товарищей убитых мстит свирепо. И командующий, чтоб прекратить резню жителей и разложение войска, которое никаких приказов уже не слушает, – приказывает схватить и вздернуть трех первых попавшихся, всем в устрашение. И сытые молодцы из комендантской роты хватают троих матерых рубак, которые в ближнем проулке жбан пива не поделили, и вешают на ближайшем столбе под барабанный треск. А реальные уголовники в форме, насильники и убийцы, оказываются живы и ненаказаны. Это справедливо? Нет. Это необходимо? Да.

Более общая справедливость – спасти жизни и добро мирного народа, который, кстати, в этом бедламе сотню солдат перережет кухонными ножами, – предпочитается меньшей и частной справедливости, когда казнят одних, причем менее виновных, и оставляют жить других, более виновных. Ибо промедление смерти подобно.

Все армии и все командиры эту жестокую справедливость, осуществляемую через частную несправедливость, всегда понимали.

Закон – это «справедливость на макроуровне», покрывающая все пространство социума.
Но:

Закон «логически дистанцируется» от справедливости на частном уровне. Законы простого и прямого устройства «естественной группы» в полста-сотню человек – не действуют в сложном по необходимости устройстве государственной системы для ста миллионов человек.

Бюрократизация справедливости, теряющей конкретность и приобретающей абстрактность «закона», заворачивает социальный инстинкт в эдакие улитки, где закон и справедливость начинают прямо противоречить друг другу. Тогда социальное напряжение растет и разрушает социум, как вибрация стен рушит здание «вдруг».

По мере роста социума у человека начинается «социальное раздвоение личности». На уровне биологическом – работает инстинкт групповой справедливости. Но. На уровне макро-социальном – работает инстинкт повышения энергопреобразования. Объективно в большом государстве человек больше энергопреобразует. Больше живет, чувствует и делает в течение жизни. Но:

Как в группе инстинкт индивидуального и группового выживания могут противоречить друг другу. – Так в государстве инстинкт группового выживания и инстинкт максимального видового энергопреобразования могут противоречить друг другу.

Социальный инстинкт перерастает групповой и превращается в государственный.

И противоречие индивидуальный – групповой сменяется триадой: индивидуальный – групповой – государственный.

Как человек может разрываться между желанием выжить и желанием спасти группу – так он может разрываться между инстинктивным желанием пользы группы и пользы государства. Трехголовые гидры и драконы – не пустые фантазии, но осмысленные метафоры; и головы могут спорить между собой.

Прикол здесь в том, что индивидуальный биологический инстинкт ясно виден и определен. Государственный социальный инстинкт тоже понятен в основном направлении, хотя ветвления понятны хуже и видны темнее. А групповой инстинкт, где биологический и социальный есть две стороны, две ипостаси одного и того же! – этот групповой выпускается из внимания.

Со структуризацией государства социальный инстинкт отделился от биологического и стал в массе случаев независим от него или даже противоречить ему.

Это просто необходимо выделить в отдельную подглаву, хотя она выходит чуть вбок за рамки перечня форм социального инстинкта.

5. Человек групповой

В пустыне, в тундре, – человек испытывает дефицит общения и рад любому гостю. Накормит, напоит, уложит, даст еды на дорогу и поговорит душевно о жизни; зарежет последнего барана, выставит бутылку, будет считать другом.

В большом городе у человека переизбыток информации, и вся непервостепенная информация отторгается. Нервная система старается ограничить свой стрессовый уровень, а поступление информации – всегда стресс: до некоего уровня полезный, сверх некоего уровня вредный. Таким образом, в большом городе человек знаком с сотнями людей, но видится со многими, даже с родней, нечасто или очень редко; а новых знакомств избегает, соседей по лестнице не знает как зовут.

В деревне же на полтора-два десятка дворов все друг друга знают насквозь, все здороваются, вместе гуляют праздники и т.д. Правда, таких деревень почти не осталось.

Емкость человеческой памяти, объем эмоций, потребность в дружбе, в локте товарища, – она генетически запрограммирована на те самые полста человек в среднем. Это – свои.

Кореша. Земляки. Стая. Здесь не обманешь – все как на стекле, опустят в мнении, выгонят. Здесь – должна быть та самая справедливость.

Группа – эволюционный продукт человеческой самоорганизации. Группа в своей численности и своих связях естественна, органична, выгодна, высокоэнергетична.

Группа – ячейка общества. Представьте пчелиные соты из шестиугольных восковых ячеек: вот каждая ячейка – группа.

(Кстати, это отлично понимали немецкие генералы, формируя каждый взвод из одного класса: одноклассники, старые притертые приятели и друзья, не чужие. И Рейхсвер в I Мировую, и Вермахт во II-ю были самой боеспособной армией мира. Кроме прочих факторов – групповая эффективность не знала равных.)

О ком-чем заботится хороший командир, старшина, директор, хозяин? О своем полке, роте, заводе, школе. Пряников никогда не хватает на всех! Самое лучшее и передовое всегда в дефиците! Необходимо обогнать соперников и конкурентов! И любой ценой экипировать и вооружить свой полк, иначе снимут голову, не слушая объяснений.

А то есть:

С образованием государства межгрупповая борьба не исчезла!

Но. Поскольку объединение групп в могучие социумы есть подъем энергетический, культурный, демографический и т.д. – жестокие ребята объединители запрещали группам враждовать и велели мирно сотрудничать – а подчиняться центральной власти.

Культурное воспитание социального единства пытается изгнать групповой инстинкт. Лишает групповой инстинкт легитимности. Загоняет в подсознание. И пытается групповой инстинкт растянуть на огромный социум – так надувают презерватив до размеров аэростата.

Сложная сволочь этот человек.

Дворовая команда пацанов, бандитская шайка, взвод-рота, – вот группы, внутри каждой должна быть жестокая справедливость, но по отношению к чужим допускается черт-те что. Это – в крови.

Гордятся своим кораблем, историей своей части, своей футбольной командой, своей школой. И однако и кроме: своим народом и своей страной.

В социальном плане человек идентифицирует себя минимум в трех планах, основных, базовых: индивидуальном, групповом, национально-государственном. Я крутой, наш (университет, полк, завод, госпиталь) – это что надо, мы – победили в войне.

Источник же парадокса в том, что:

Групповую справедливость пытаются распространить на общесоциальную.

А вот это уже не получается никак. С переменным неуспехом. Как мы уже говорили, произвольно малые отрезки могут давать картину явления, противоположную общей.

– – – А группы в государстве могут складываться в сословия. И естественно возникает справедливость групповая, а далее сословная, а уж про общегосударственную и говорить трудно.

Ужас! —

В структурированном социуме справедливость дифференцирована.

Послойная. Да еще групповая внутри каждого слоя.

Но.

Как человек хочет дышать, хочет ходить свободно, – он все равно хочет справедливости! Инстинкт, понимаешь.

Два слова о том, что из этого выходит.

6. Анархизм

Анархисты были совсем не те истерики и кокаинщики в меховых горжетках поверх тельняшек, как изображало их советское кино. Анархисты были люди в идейной своей основе святые. Или почти святые. И не то чтобы были, они и сейчас есть, но кураж уже не тот, и перспективы не те, что на рубеже великого и пикового XX века.

Не будем тревожить великие фигуры Бакунина и Кропоткина, не будем повествовать о Вольной Республике хлеборобов Батьки Махно, не будем углубляться в политэкономии основателя-Прудона с едва ли не самым громким слоганом XIX века «Собственность есть кража!». История анархизма – одна из самых забойных страниц истории вообще. Места нет... и времени.

Анархисты во главу угла поставили свободу и справедливость. Справедливость как равенство прав, возможностей, статусов. Свободу как возможность самому выбирать свой образ жизни во всех подробностях – соотносясь только с правом других на такую же свободу.

Анархисты ненавидели и отрицали государство. Ненавидели любое принуждение, любую власть одного человека над другим. Ненавидели угнетение человека человеком в любых формах. Любое государство – уже угнетение: закон освящает власть чиновника над гражданином.

Надо иначе. Все производства принадлежат самим работникам. Земля крестьянам, фабрики рабочим. На школу и больницу сообща выделим деньги, учителю и врачу сообща определим зарплату – такую же, сколько сами зарабатываем. Преступников судим общим собранием: изгоним вон, или казним, или предупредим и простим на первый раз. Но свободы лишать человека нельзя! И в рабы сдавать нельзя, то бишь в каторжный лагерь.

«Анархия – мать порядка» – это отнюдь не глумление или озорство. Это означает, что работники сами договариваются между собой, сами решают конфликты, сами обмениваются товарами. И поскольку каждый старается работать по уму, и каждый работает на себя, и никто никому не приказывает, – и экономика поднимается, и изобретения сразу внедряются всем на пользу, и товары распределяются между работниками справедливо, по согласию при обмене сапог на сало. Т.е. – самоорганизация гражданского общества без бюрократического идиотизма и косности.

А если нужен такой координационный совет – на производстве или в войске, – общее собрание прямым волеизъявлением при открытом обсуждении выбирает себе временно командиров и начальников. И слушается их, раз само выбрало. Но может и переизбрать в любой миг, если захочет. И никаких дополнительных льгот у них нет.

Братцы, это ведь и есть коммунизм. Общество без государства.

Коммунисты хотели к коммунизму постепенно и поэтапно, через диктатуру пролетариата. А анархо-коммунисты сказали: чего ждать? давай прямо сейчас. И были они в Революции и начале Гражданской войны союзники и попутчики. Н-ну, потом большевики всех конкурентов перешлепали, было дело.

Короче, боролись все страшно, верили беззаветно, но коммунизм сейчас гораздо дальше, чем сто лет назад.

...А испанские анархо-синдикалисты! А греческие! А американские «ревущих двадцатых»! Красно-черные знамена земли и крови, братство в сердцах... было дело.

Короче, ни у кого ничего не получилось. Классно задумано, но номер не проканал. И шшто случилось?

А случилось то, что они пытались организовать государственного размера социум по схеме группы. Хотели деструктурировать государство. Полагали государственную сложнейшую иерархию излишней, несправедливой и паразитарной. Хотели аморфным общежитием

заменить высокоэнергетичную государственную систему. Светлые были устремления! Но антинаучные. Антиэволюционные. Противоречащие Закону Всемирной Структуризации.

О, конкретных аргументов можно привести без числа: что психология человека пока еще того, малосознательный он; что со временем люди воспитаются, будут сознательнее, и тогда государство не нужно; что хитрость, жадность, эгоизм надо порицать и высмеивать; и т.д. Что окружающие государственные правители, боясь распространения анархизма у себя, чернят его и подавляют. Что глупые его искажают.

Но. Если человек инстинктивно стремится к максимальному самоутверждению в группе и шире. Если человек инстинктивно стремится жить по законам группы. – И в то же время Социум собирает себя из человек в максимально энергопреобразующую систему, и этот процесс объективен, носит Вселенский характер и от разума человеческого не зависит. – То: *невозможно создать более примитивную и низкоэнергетичную систему на месте более структурированной и высокоэнергетичной.* (Пока, разумеется, конкретная цивилизационная система не исчерпает ресурс и не распадется.)

Не просто у государства кнут длиннее и пряник слаще. Но и – есть государство такая система, где человек в сумме средней за жизнь – больше всего ощущает и больше делает. При анархизме ни пирамиды, ни Китайская стена, ни крестовые походы невозможны. Не будет у свободных общин денег столько, сколько у королей, чтоб бросать их на культуру и науку, а хоть и у департамента налогов демократического государства.

Анархизм – самый яркий пример того, как социальный инстинкт в прямой форме группового инстинкта справедливости был последовательно, логично, линейно, поставлен во главу угла социального учения.

Увы нам, несчастным! —

Справедливость противоречит повышающемуся энергопреобразованию структурирующейся системы.

Социальные связи тащат внутрисоциальных монад в разные стороны, создавая внутреннее напряжение социума, держащее конструкцию.

Социальный инстинкт, проявляющийся в великом чувстве групповой справедливости, по мере эволюции социума тоже эволюционирует. Мутирует. Множится делением. И вдруг в разных проявлениях противоречит своим же изначальным формам. Работая на сложный социум – может отрицать и группу, и личность.

7. Мораль

Мораль – это свод представлений и предписаний о Добре и Зле в человеческих поступках и отношениях.

Мораль учит быть хорошим и не быть плохим. Сначала хорошее от плохого надо различать, а затем к хорошему стремиться, а плохого избегать.

Чтобы в этом разобраться, крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха: что такое хорошо? и что такое плохо? И отец Кант схватился за напудренные виски и застонал о загадке морального чувства внутри него, и назвал категорическим моральным императивом.

Нам слабо здесь пересказать всю библиотеку мировых философов о морали и сделать на сотне страничек собственные выводы. Мы все норовим выдернуть из лаптя главное лыко, завязать на бантик собственного изобретения и украсить им собственную строку. Лыка пригнаны прочно, и драть его с липы приходится самому.

Мораль предписывает: быть справедливым, честным, добрым, храбрым, патриотичным, альтруистичным, благородным, равнодушным. Не быть: злым, трусливым, жадным, подлым, равнодушным, жестоким, лживым, несправедливым, эгоистичным, неблагодарным.

Вот, собственно, и все... Э?.. И качества эти могут сказываться в отношениях между людьми, в построении карьер и союзов; а могут распространяться на отношение к животным, к природе, к культуре. На выборе шкалы ценностей сказываются.

Ну, и кому еще что неясно, граждане? А ведь тысячелетиями было неясно:

Закавыка здесь в том, что мораль, по первой видимости, создает «отрицательное селекционное давление». То есть храбрые, добрые и справедливые погибают первыми и получают свой кусок последними! А злые, жестокие и подлые норовят схитрить, спрятаться за спины других, урвать обманом кусок побольше, и должны тогда оставлять потомство больше и чаще. И гены их должны вытеснить со временем гены хороших людей!

А главное: зачем быть хорошим – если быть плохим выгоднее?!

А почему воспевают хорошего? Потому что благодаря ему остались жить остальные! Иждивенцы, понимаешь...

...Все эти споры и муки умственные были до открытия и формулирования, а вернее – до понимания – инстинкта группового выживания. Ты можешь хоть сдохнуть, ты можешь инстинктом индивидуального выживания подавить инстинкт выживания группового, – но он, инстинкт этот из глубин миллионолетий, будет тебя жечь, мучить, гнать, – и велеть поступать по-своему.

Внимание. Важно.

МУКИ СОВЕСТИ – ЭТО КОНФЛИКТ ИНСТИНКТА ГРУППОВОГО ВЫЖИВАНИЯ С ИНСТИНКТОМ ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ИЛИ МАКРОСОЦИАЛЬНЫМ

А вся-то мораль?

Так и хочется цыкнуть: легко и беззаботно!

МОРАЛЬ – ЭТО КУЛЬТУРНАЯ ДЕТАЛИЗАЦИЯ ИНСТИНКТА ГРУППОВОГО ВЫЖИВАНИЯ

Все моральные качества и ценности – это то, что было необходимо для выживания группы. Это такие качества, ценности, представления о должном, которые работали на выживание группы в целом. Ибо без выживания группы отдельная особь была нежизнеспособна, не нужна, обречена.

Все аморальные качества – вредили выживанию группы. Это социальный паразитизм. Раз преуспеешь, два преуспеешь, а потом или изгонят тебя, или вождь пришибет, или группа с таким народишком разбежится перед врагом и будет истреблена порознь. Аморальный человек – групповой унтерменш.

Но. Но. Философия и мысли глубокие об умном появились тогда, когда группы были абсорбированы государством. И групповая мораль сохранялась только либо у подростков, либо бандитов, либо дикарей. У народов же государственных групповая мораль была подмята макросоциальной и растянута на макросоциальную.

О-о!! *Мораль макросоциальная стала сливаться с идеологией.*

Мудрецы древних государств видели противоречие между личной выгодой и моралью. Под моралью понималось следовать ценностям общего блага, даже вопреки благу личному. Ибо высшее благо личности считалось в служении отечеству и даже славной смерти за него.

Мораль, общее благо и высшая польза были для них в общем одно и то же.

А если государство несправедливо? Мораль велит – царубийство, переворот, революцию, эволюцию, перемены. И-и – оп! Входит в противоречие с моральными нормами верности, присяги, неубийства.

Элементы групповой морали растаскиваются по участкам морали макросоциальной. Оп!!! —

МАКРОСОЦИАЛЬНАЯ МОРАЛЬ ВСЕГДА ЭКЛЕКТИЧНА

Это что – получаются две морали? И правы были марксисты: мораль носит классовый характер? И нет общечеловеческих ценностей? А есть моральный релятивизм? О, эта точка зрения прекрасна для бандитов всех мастей.

Макросоциальная мораль есть идеология.

ИДЕОЛОГИЯ – ЭТО АНАЛОГ МОРАЛИ НА МАКРОСОЦИАЛЬНОМ УРОВНЕ, СОСТАВЛЕННЫЙ ИЗ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННО ВЫБРАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ МОРАЛИ

И из этого вполне понятно, что —

Если мораль есть выражение инстинкта выживания группы – то идеология есть выражение инстинкта жизни государства.

М-дэ. Идеальное же государство есть то, где законы группы и государства совпадают – что принципиально невозможно по причинам естественным, структурным, системным, все-ленским. Но степени совпадения, конечно, возможны разные.

Интермедия Напоминание

А вещей Олег свою линию гнул, да так, что никто и не пикнул. Железная воля Миледи не давала д'Артаньяну отклониться от цели разговора. Вот так с шутками, с прибаутками, колхозники идут на работу. Повторение – мать твою учения.

Дело ведь в чем? В том, чтобы представлять себе систему, последовательность, закономерность. Чтоб любой факт был ячейкой общей видной мозаики. Иначе россыпь фактов – или разрозненные цепи фактов – смысла особого не имеют.

Я чего говорю:

Вот есть общий энергетический посыл расширяющейся, эволюционирующей, структурирующейся все сложнее Вселенной. И вот есть он же – в биологической ипостаси: клетка меняет-заменяет вещества внутри себя, делится, самовоспроизводится, размножается, вовлекает в свой энергообмен окружающие вещества и солнечное излучение, захватывает своими генами окружающее пространство. И вот есть колония муравьев – с разделением функций, сбором пищи, войнами с врагами, строительством жилища. И вот стая волков – с ее иерархией, охотничьим участком, спариванием, выведением потомства. Инстинктов делается все больше: самосохранения, размножения, утоления голода и жажды, движения, постройки логова. И все эти инстинкты – разветвленные варианты основного инстинкта – жить, быть, существовать, энергопреобразовывать. И вот инстинкт самосохранения особи подчиняется противоречащему ему инстинкту сохранения вида – и птица жертвует собой, отвлекая врага от гнезда.

И вот человек наращивает слой культуры все толще, и материя существует уже в социальной форме, и побеги длинные и ветвистые от глубинного единого корня – отходят все дальше, переплетаются, пересекаются, все чаще противоречат друг другу и пытаются задушить друг друга.

Но все это – «потомки», варианты, ипостаси, «специализации», ветви, – одного инстинкта, корневого, исходного, обобщающего, базового, основного: инстинкта Жизни, который сам-то есть извод Энергоэволюции Вселенной, проявляющегося в Законе Всемирной Структуризации.

И – и – всегда искали умные люди:

Вот так наше моральное и умственное естество связано непосредственно взаимообусловленной причинной связью с устройством Космоса, Бытия, Универсума – и его судьбой.

Это просто.

Эту простоту искали две с половиной тысячи лет со времен Сократа.

Вы получаете ее от меня в таком простом и логичном виде, что глупцам это покажется совсем простым.

9. Совмещения

Таким образом, социальный инстинкт являет себя в следующих основных формах:

1. Стремление к общению – первая и общая форма социального инстинкта. Общению не утилитарному, не для конкретной ясной выгоды – а просто так, из охоты.

2. Стремление занять как можно более высокое место в иерархии группы. Высокое, понятно, по своим возможностям и способностям.

3. Структурирование группы – которое происходит как бы само собой, из характеров и особенностей людей: но всегда по сходной модели.

4. Структурирование групп в племя, народ, государство, сословия, профессиональные группы.

В то же время, как аспект и необходимое условие пп. 2, 3, 4:

5. Стремление упорядочить деятельность и отношения членов группы – создать порядок как таковой.

6. Создание Закона – с принуждением соблюдать его и карой за нарушение.

7. И при этом – представление о Справедливости и стремление к ней, при том что она может противоречить Закону.

8. И при этом – существование Морали как интравертного кодекса поведения и мироотношения, в противопоставление экстравертному Закону. Если Закон – штурвал в руках капитана, то Мораль – это стрелка компаса, указующее направление которой Закону не подчинено. Мораль – это нравственная сфера окружающего человека пространства, где сама возможность его индивидуального существования есть единое целое с окружающим; где законы и отношения таковы, что в них только он и может жить и эволюционировать; и он, человек, как регулятор постоянно старается держать правильный химический состав и температуру этой окружающей сферы; и ее условия инстинктивно представляются ему единственно правильными для всего населенного пространства; и он подсознательно отвергает ту истину, что для обеспечения всего социума его конкретная сфера не подходит по температуре и составу; но – но! Но:

Мораль – это эталон отношений, который не дает структурированному социуму изуродовать людские отношения до такой степени, чтобы люди вовсе самоистребились. Мораль ежесекундно заставляет социально встроенных людей сверяться с независимой точкой отсчета.

Мораль можно уподобить гироскопу, не позволяющему ракете забыть заданный курс и заблудиться.

Мораль – это гироскоп кочковатой и скачковой социальной эволюции. Ее внутренний регулятор. Обеспечивает допустимые параметры среды обитания.

Такова самая внутренне-психологическая константа социального инстинкта.

10. Равновесие

Креативный аспект социального инстинкта, он же новаторское начало, влечет людей в объединения все больших социумов, все более сложно структурированных и высокоэнергопреобразующих.

Консервативный аспект социального инстинкта, он же самосохраняющее начало вида homo sapiens, то есть человека группового, то есть нас с вами, требует той системы социальных отношений, при которой вид и сформировался, которая свойственна ему инстинктивно, подсознательно, биологически. (Хотя говорить о человеке как чисто биологическом организме вне сущностной культурной части, разумеется, невозможно: но культура группы есть базовая культура, заполняющая «информационные емкости» обучающегося мозга ребенка в первую очередь и наиболее прочно.)

В равновесии этих двух начал социальная эволюция и вершит, шатко-валко, движение свое.

.....

(*Пометка на полях:*) **Совесть** – это довольно-таки хамство не выделить главу о совести, разглагольствуя о формах социального инстинкта.

Есть точка зрения, что совесть возникла в античные времена, с эпохой железа, с появлением «Осевого времени» (терпеть не могу это выражение и вообще считаю Ясперса мужчиной ограниченного ума; это когда, значит, Заратустра, Сократ, философия, наука, законы, демократия, и вообще процесс пошел. А раньше было не осевое, а болотно-застойное, медленно все было, то есть, и не возникало мировоззрения о лучших временах впереди, вечно Золотой Век считался сзади; но мы отвлеклись на экскурс, однако). Совесть – это стало заместо первобытной богобоязни, чтоб регулировать возросшую военно-техническую мощь человека, чтоб друг друга не истребили. Вот такой возник внутренний регулятор. А раньше не возникал.

Эта точка зрения представляется жутко примитивной и поверхностной. Идеалистически-гуманистической.

Совесть – это когда что? Это когда тебя мучит некоторое чувство вины, дискомфорта, неудовольствия, смущения, что ты – что? – не сделал чего надо, или наоборот сделал чего не надо. Это ощущение тебя иногда удерживает от каких-то поступков, нехорошо это будет потому что. Или уже совершил – и она погрызывает тебя.

Совесть – это негативная эмоция в случае расхождения твоего поступка с должным. Эмоция. Подсознательная реакция. Иногда и не формулируешь, что хорошо, что плохо, и даже не осознаешь вроде, – ан из подсознания чувство-то поднимается.

Дорогие мои. А вы никогда не видели собаку с виноватым выражением, которая знает, что поступила плохо? Не так, как между ней и хозяином считается за хорошо и правильно? А «знает кошка, чье сало съела» – не слышали выражения?

Вот два самца дерутся за границу участка. И тот, кто в центре собственного угодья – сражается как зверь! И гонит противника. И выгоняет за «справедливую границу», и гонит до середины его участка, – но: чем ближе к центру собственного дома – тем яростней сражается хозяин и тем нерешительней гость. Словно они понимают справедливость: каждый должен иметь свое, себе по силам и нужде. И совесть не позволяет им лишать соперника-соседа уж вовсе последнего клочка для житья.

СОВЕСТЬ – ЭТО ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ РЕГУЛЯТОР ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТРЕМЛЕНИЯ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

А справедливость изобрели задо-олго до I тысячелетия до Нашей Эры. Она была у развитых животных как бы даже и всегда. То есть:

Совесть – есть одно из эмоциональных ветвлений социального инстинкта.

Проявления и код социального инстинкта

Как прочитал – так и не идет из головы шопенгауэровское: «Трагикомизм нашего положения заключается в том, что мы стараемся снискать признание в глазах людей, чьи умственные способности презираем».

У Высоцкого была при жизни слава, в истории русской поэзии непревосходимая. Его пела страна, и магнитофоны орали из всех окон. Он ездил по советским улицам в «мерседесе» и был женат на французской кинозвезде. Почему он так болезненно воспринимал отказы издательств печатать сборник? И тираж по сравнению с магнитофонными записями ничтожен, и деньги

от него незаметны. Для чего он так хотел стать, кроме прочего, «официально признанным поэтом» – членом Союза писателей СССР и т.п.?

Когда ученый рвется в Академию Наук за деньгами и возможностями – это ясно. Но когда он же «хлопочет» насчет ордена, не дающего денег и возможностей дополнительных, – это менее ясно.

До той же кучи относятся разнообразные премии, призы, награды, звания, степени: виды отличий и поощрений всех мастей – за пределами утилитарной пользы. Смысл?

Человек всегда склонен к почестям, к повышению престижа. К похвале, к лести, к славе. В смысле – получать в свой адрес. Человек тщеславен и честолюбив. У разных людей это в разной мере, конечно.

Что есть **честолюбие**? Желание совершить что-то черт знает эдакое, стать значительным и знаменитым, играть большую роль в своем деле или вообще в стране, решать судьбы, вершить дела, стоять близ вершины или вообще на ней. Многого в жизни добиться, стать большим человеком, приблизиться к великим или сравняться с ними. Короче:

Встать наверху социальной иерархической пирамиды. Как реально – так и в людском мнении.

То есть:

Честолюбие – это стремление к своей максимальной значимости через максимальные действия. Стремление к максимальной самореализации. Хо. На общем энергетическом уровне – стремление к максимальному энергопреобразованию. Но:

Честолюбие – явление социальное. Существует только потому, что есть социум, в котором можно – и нужно!!! – занять по заслугам как можно более высокое место. Заметьте – по заслугам! То есть честолюбие включает в себя хотение и стремление наверх по законам справедливости. Кто любит формулировки – можно сказать так:

Честолюбие – это стремление к вершине социума посредством совершения больших дел и признания людьми твоих заслуг и достоинств.

Или:

Честолюбие – это комплекс социального самоутверждения личности.

Пока все понятно. Любая особь стремится занять в иерархии место повыше, у людей это называется честолюбием.

Но. У честолюбия, которое и само-то среднего рода, есть того же рода близкий родственник по имени Тщеславие. Репутация у этого родственника поганая. Чем отличается и в чем дело?

Тщеславие – это честолюбие, у которого разбалансировалась связь между заслугами и их признанием. Между достоинствами и их признанием. Тщеславец ужасно любит проявления престижа, почета, уважения, признания, – без способности адекватно соотнести их с реальными достоинствами, каковые видит в себе гиперболизированными до не критической степени. Он хочет все – причем даже согласен не делать ничего.

Поэтому тщеславец обожает лезть во всех формах без ограничения размера. *Ему важнее казаться, чем быть.* У него нет гордости и достоинства честолюбца – он падок на все внешние проявления значимости, как попугай.

Ну, так и что они оба в результате имеют? О, вот в этом-то все и дело.

В иерархии животной стаи – иерархированы реальные жизненные блага: лучший кусок, доступ к самкам-самцам, величина охотничьего участка, повеление и подчинение, – а также важность и опасность действий в штатных и нештатных ситуациях. Знаками же иерархической значимости служат позы, или звуки, или очередность приема пищи, или место отдыха и т.п. Все эти знаки имеют для животного огромное значение. В них содержится «социальный код» его положения.

По мере усложнения вида – но главное не в этом, конечно... По мере усложнения социума – усложняется социальный код. Совершенно естественно. *По мере усложнения иерархии – усложняется иерархический код.*

Вот вождь – у него убор из орлиных перьев. Вот лучшие воины – у них золотые браслеты на левой руке. У девушки одна коса – у замужней хозяйки две.

Дальше в лес – гуще дрова. Дубовый венок за то, что первый поднялся на стену штурмового города. Лавровый – за то, что спас командира в бою. Кольцо в нос – за то, что добыл и засушил десять голов.

Код дробится на знаки различия и отличия, названия чинов и должностей, обозначения в одежде и прическе, – за которыми стоят: физическая сила, или военная мощь, или экономическое богатство, или уровень политической власти, или заслуги перед государством, или сословная принадлежность, и т.д.д.д. У человека на плечах полосочки и железки, на груди полосочки и железки, – и сразу видно, что это геройский офицер, вояка матерый, уровень значимости его в войсках – командует несколькими тысячами человек, и соответствует этому уровень материальных благ и социальных возможностей, а ты ему обязан по жизни как защитнику, а при конфликте он может порвать тебе пасть левым мизинцем. И ведут все себя с ним соответственно. Или – «бентли», «армани», «патеф филипп», – и вот перед вами богатый человек с большими социальными возможностями.

Очень интересно в сегодняшней Москве: в спорных дорожных ситуациях преимущественное право проезда имеет тот автомобиль, который дороже и престижнее. Азия-с!

Но мы отвлеклись. Идак, социальный код. И вот – происходит неизбежное: он начинает отделяться от тех реальных вещей, которые призван был символизировать!

В природе это называется мимикрией. Безобидная змея раскрашена под ядовитую, поэтому ее боятся и не трогают. И рыбки так маскируются под морских убийц пестрым узором тропическим. И жучки безобидные оформлены под ужасных вонючек, с трудом различишь. То есть: знак отделяется от признака (пardon за лингво-семантическую каламбурную обратность «знак» и «при-знак», где вопреки конструкции «признак» есть свойство; а «знак» – лишь его обозначение). И так: кто может – имеет реальность, кто не может – хочет иметь хотя бы ее обозначение. Типа выронить в баре ключи от «бентли», небрежно заметив, что тачка в ремонте.

И как народ сообразил, что обзавестись знаком легче, чем реальной им обозначаемой ценностью, – такая тут пруха пошла! Стали измышлять вещи удивительные! Парадная спальня – показывать знатным гостям, а реальная – слуга стелит на диванчике в коридорчике. В дому нищета – но в праздник надо одеться нарядно и гульнуть по возможности шире, ибо перед людьми неудобно. Короче: стали притворяться, что они более значительны, чем есть на самом деле.

Тщеславный хочет казаться значительным, а реальность своих достоинств раздувает в воображении до соответствия любым почестям.

Честолюбивый хочет казаться значительным и быть им.

Гордый хочет быть значительным и не казаться таковым, но чтоб все иногда вспоминали и восторгались, какой он значительный, а он вроде к этому и равнодушен.

Тщеславный стремится ко всем знакам отличия напрямую, стараясь получить побольше, а уж сделать для этого сколько получится. Он ставит *социальный код выше социального содержания*. Награда важнее деяния! Был бы орден – а подвиг всегда отыщется.

Честолюбивый стремится к большим делам, и чтобы им соответствовали большие почести. Ему больно, если в почестях его несправедливо обошли.

Так что же непонятного, что люди стремятся к самоутверждению через социальный код? Со стороны – идиотизм: переживать из-за побрякушки, из-за бумажки со словами, что ты член некоего союза, общества, партии, кружка, палаты. Из-за того, что в каком-то сообществе обла-

дателей и членов Ордена Кривого Флажка или Союза Разбивателей Яиц С Тупого Конца – тебя посадят ниже других или вообще туда не пустят. Бред! Но:

Повинуясь социальному инстинкту, и одновременно стремлению к максимальным действиям, и одновременно стремлению к максимальным ощущениям, и все это вместе, и тем самым к максимальному повышению энергопреобразования, – – человек структурируется в социум с социальной иерархией и социальным кодом.

В этой иерархии всегда есть вершина пирамиды и ее основание внизу. В этом иерархическом коде всегда есть знаки более манящие и ценные – и менее ценные. Ценность их, за пределами удовлетворения базовых первичных потребностей человека, – ценность их относительна, избыточна, необязательна. Но неизбежна!!! Без структуризации социального кода – социум принципиально не может существовать. Развалится. Песок. Он держится стремлением людским делать дела и занимать свои клеточки повыше.

Повинуясь социальному инстинкту, люди стремятся занять как можно более высокое место в социальной иерархии – и определяют это место через социальный код. Все!

.....

Социальный код указывает на место человека в иерархии социума. Социальный код – это шкала самоутверждения в социуме.

Стремясь обеспечить себя максимально высокими знаками социального кода, человек волей-неволей делает для этого (обычно) все возможное – и тем самым совершает не только интриганские или жульнические движения для овладения внешними отличиями кода, но и реальные поступки, благие и значимые, которые подразумеваются этим кодом. То есть: гонясь за отличиями – иногда приходится делать и реальные дела. Для чего, собственно, код первоначально и предназначен.

Обойти человека знаком отличия – значит ущемить его социальный инстинкт. Обойденный может быть сколь угодно умен и скептичен – а все равно ему будет обидно, больно, дискомфортно. Несправедливость сильнее всего ранит, если обращена на тебя.

Ну, а дальше можно перечислить лишь основные знак-группы социального кода.

Материальные. Это самое понятное. Престижные и дорогие марки одежды и обуви, часов и автомобилей, драгоценности и яхты, каково твое жилище, его цена и район.

Дорогостоящие элементы образа жизни: дорогие рестораны, курорты, клубы, разнообразные тусовки богатых людей, посещение мировых спортивных состязаний.

Забавно: если ты известный миллиардер – можешь ездить на дешевой машине и питаться бутербродами, ибо это твой добровольный выбор, чудачество как бы, прикол, гордыня, – все и так знают, что ты можешь завтра купить Кремль. А вот обладание атрибутикой, то бишь социальный код, – заменяет тебе декларацию о доходе (не для налоговой инспекции – для корифанов): никто может и не знать, что ты бедней нищего, одни долги, за которые завтра пристрелят.

Сословно-должностные. Начальник. Директор. Генеральный директор. Председатель совета директоров. Министр. Президент. Старший специалист. Председатель секции любителей сямских кошек. Заведующий скотоперегонным пунктом. Главный товаровед. Депутат!

Должность – удостоверение личности человека. Если его не утверждают в должности – он переживает, даже при тех же деньгах и полномочиях.

Если значимость богатого реализуется через деньги, то значимость лица при должности – через должностные полномочия. За сословно-должностными возможностями – стоит организация, система, государство, скоординированные усилия многих людей, и у каждого возможности.

Даже должность самого маленького начальничка – знак, статус, и он из кожи вон лезет, чтоб свои малые полномочия перед тобой раздуть, ибо потребно ему быть очень-очень значимым.

С военными мужчинами интересно. В виде поощрения солдату могут нашить лычку, назвать «ефрейтор» и прибавить денег на пачку сигарет. Твоя лычка есть знак твоего повышенного солдатского качества. Армейская максима гласит: «Лучше дочь проститутка, чем сын ефрейтор». И тем не менее солдат-матрос хочет сержантских-старшинских лычек, ибо его социальный инстинкт, зажатый армейской жизнью, как слесарными тисками, ищет хоть какую возможную форму для капелюшечного повышения своего социального статуса.

Офицер может быть при должности, и денежно ему компенсируют как-то недостающую звездочку, – но торможение чина он переживает сильно, и мечтает о следующем звании, да побыстрее, а потом дальше-выше. Полковник и подполковник – это не одно и то же! Даже при одинаковости должностей и денег. Звезды на погонах – суть офицерской судьбы! Этот социальный код ярко сигнализирует: вот этот главнее, значительнее, удачливее, богаче, команднее, выше по служебной лестнице! (Даже если на этой ступени его лестницы один геморрой...) Ну – тот не офицер, кто не хочет делать карьеру.

Номинальные. Это самые смешные отличия. Особенная их прелесть для власть имущих, что эти знаки ничего не стоят.

а). *Престижно-групповые.* Это состоять в неких престижных обществах и объединениях. От Академии Наук до редколлегии мухосранской районной газеты. Прикол в том, что туда принимают не каждого. И не принятый мгновенно ощущает свою неполноценность по сравнению с принятым. Он вдруг оказывается поставлен на каком-то участке социума ниже того, кого приняли. И его социальный инстинкт ущемлен!

Союзы писателей, композиторов, художников, ПЕН-клубы; престижные студенческие клубы; а уж масонские ложи! фонды, советы, комиссии, и т.д. – причем мы имеем в виду, что это не из-за денег, там не платят, и не украдешь (предположим), а – тебя выделили из общей массы!

Участие в делегациях, поездках, форумах, круглых столах, выставках! Самолет, отель, шведский стол, табличка с именем, обмен рукопожатиями с иностранными гражданами – в основном такими же тщеславными халявщиками, как и ты. Но поскольку тебя – включили, а кого-то другого – нет, ты тем самым выше его, ты избранный, и социальный код сигнализирует твоему подсознанию, что ты приподнялся в иерархической пирамиде твоего социума.

(Мне доводилось видеть в старые советские времена, как немолодой серьезный мужчина носил на лацкане черного костюма лауреатскую медаль, которая при ближайшем рассмотрении оказалась детским значком Всесоюзной Военно-спортивной игры «Зарница», какие давали всем бюрократически причастным тоже...)

Человеку несносно сознавать, что его могут не принять куда бы то ни было, куда приняли кого-то не лучше него. И наоборот: страшно приятно, что он состоит там, куда другого не пустили. И хрен он избавится от этого инстинкта.

б). *Индивидуально-наградные.* Это придумали еще в античности. Что характерно: номинально-наградное поощрение возникло с появлением демократических государств Греции и Рима.

В монархии, в деспотии, награда носила характер чего-то полезного и материального: земля, рабы, драгоценности, дорогое оружие или дорогая одежда с плеча владыки. И вот победил человек в Олимпийских играх: их проведение и так полису и всей Греции денег стоит, а уж земель и рабов для победителей вовсе не предусмотрено. Увенчать его лавровым венком! А супер-дупер-чемпиону – поставить статую на родине. Прибытку с этого никакого – но приятно. Знак почета и уважения. Или награды римским солдатам: венки за то, что первым поднялся на стену штурмуемого города, или спас командира в бою, и т.д.

* * *

Тогда впервые произошло это интересное и характерное:

– социальный код отделился от материального содержания.

Социальный код перестал обязательно иметь материальный эквивалент.

Можно сформулировать этот мелкий социальный закон – он имеет важное значение для понимания людского поведения, для прояснения мотивов и стремлений цивилизованного человека:

По мере усложнения социума – усложняющиеся формы проявления социального инстинкта теряют материальное наполнение.

Нет, не любой знак и сектор социального кода теряет свое материальное наполнение, разумеется. Но чем дальше – тем больше разрастается «виртуальный сектор» социального статуса и престижа, где за кодом не стоит ничего, что можно было бы пощупать, потребить, съесть.

* * *

Вот идут перед героем по улицам Рима глашатай и два факелоносца, и все извещают, что проходит герой, доблестью заслуживший признание народа. Гм, но денег при этом могут не дать.

Таким образом – понятно давно и более или менее всем (нет?):

Люди стремятся к наградам и отличиям всех мастей, изобретая их без числа и меры. Степени орденов (каково? кусочки металла на цветных ленточках – разной формы, с разными названиями, с мельчайшими отличиями в штришочках на крестике, так еще и разных степеней: экое изошренное языческое поклонение предметам, экий шизофренический фетишизм!). Медали, призы, кубки. А также премии, – ну, там хоть немного (или не так уж мало) денег дают, но не в деньгах дело же. Нобелевский лауреат и просто обладатель одного миллиона долларов – это ведь не одно и то же.

Здесь, представляется, вот какая произошла интересная вещь:

.....

В животное заложены инстинкты, чтоб оно могло удовлетворять свои потребности. Собака должна охотиться, чтоб пропитаться. Поэтому у нее есть охотничий инстинкт (в природе). Если ее кормить до отвала – она все равно будет бегать по лесам-полям и нюхать следы, как делала бы при охоте. Бегать, нюхать, догонять, – это в ней инстинктивно: это чтобы прокормиться. А хоть и кормят – это сохраняется. Ну – так сытая домашняя кошка ловит мышей – у кошек сильно развит охотничий инстинкт.

В «сытных» условиях происходит своего рода психическая обманка: охотиться уже ради самого процесса охоты, и стремиться к этому, и получать удовольствие. «Охота с пустышкой». Игра – как модель поведения, психически заданного.

Мы имеем «код охоты». Можно сказать: «поведенческий код». Атрибутика охоты хороша для собаки уже сама по себе – результаты не важны, раз и так кормят.

То есть:

В обеспечение жизненной потребности формируется инстинкт. В реализации инстинкта обеспечивается жизненная потребность. Удовлетворение инстинкта «считывается» через выполнение всех пунктов программы, необходимых для удовлетворения потребности. Бегать,

нюхать, искать, догонять, ловить, убивать, есть. Все эти пункты заложены в инстинкт полным списком.

Что же происходит, если собаку накормить? Удовлетворен, выполнен, зачеркнут, только один пункт – последний и результирующий. Рационального смысла бегать больше нет. Но инстинкт требует выполнения всей программы! Иначе будет дискомфорт, неудовлетворенное желание. Мышцы, легкие, весь организм – и вся психика, управляющая организмом! – запрограммированы на выполнение всех пунктов охоты, венцом которой является питание. (В условной эволюции хорошее питание без всяких действий – даст в конце концов живой желудок с кишечником при минимуме мозга и мышц, минимуме легких и кровообращения... бр-р-р.)

Таким образом:

Элементом охоты, взятым отдельно самим по себе, – знакам «кода охоты», даже отделенным от результата и смысла охоты, – собака радуется, и хочет их, и стремится к ним. Это пункты программы одного инстинкта – каковой живет в ней в целом и стремится к полной реализации по всему списку.

Разжевали. Перешли к человеку. Чела-эк – поди сюда, мушкой!

Миллионы и сотни тысяч лет в человеке формировался социальный инстинкт. Групповой инстинкт неотделим от биологического индивидуального, это давно в подсознании: выжить можно только группой. А в группе следует занять максимально высокое положение. Высокое положение – это: ты лучше питаешься, ты кроешь лучших самок, ты передаешь свои гены дальше, – и одновременно ты больше берешь на себя в охоте и войне, – и одновременно ты отстаиваешь свое положение перед соперниками внутри группы. Ну, а поскольку ты не можешь давать им всем по морде трижды в день и вырывать остаток хвоста, – достаточно становится соблюдения правил поведения, или поз, или угрожающих жестов и гримас, демонстрации силы без применения силы. Поза (гримаса, жест) подчинения, или доминирования, или вообще обозначение твоего статуса в стае.

Социальный код обозначает социальную иерархию. С минимальными затратами энергии, без постоянных драк и увечий, без потерь времени, с сохранением здоровья всех членов стаи.

И. Влекомый социальным инстинктом занять максимально высокое место в иерархии стаи. С чем связаны: лучшая пища, самки, передача генов, подчинение соперников, ключевое место в охоте и на войне, – человек стремится выполнить в с ю п р о г р а м м у социального инстинкта. Как сытой собаке мало сытости, но потребно еще бегать и нюхать, – так материально удовлетворенному человеку необходимо еще обладать всей атрибутикой социального кода, соответствующего высокому статусу. Ибо в его подсознании, в его групповом инстинкте социальный код неразрывно связан с реальными благами, благами материального уровня, необходимыми для выживания и передачи генов.

Социальный код – это система социальной ориентации. Это полет по приборам, когда в кренящемся туда-сюда самолете неясно, где земля.

И человеку, независимо от набора и объема имеющихся материальных и социальных благ, – потребен весь список. Весь социальный код – в полном перечне пунктов статуса и престижа. И деньги, и награда, и власть, и слава, – во всех их проявлениях. Ну, все сразу невозможно, – но все возможное все-таки хочется.

И поэтому богатый и умный человек может радоваться ордену, как дикарь – костяной серьге, обточенной камушком из позвонка грозного врага. Инстинкты-с.

Знак социума

Символ как системообразующий знак

Лев Толстой эпохи «Войны и мира» был мудрец сократовского толка: простачок начал рассуждать с нуля. Типа: вот люди прибивают тряпку на палку – и потом умирают за эту

тряпку на палке, которую сами же изготовили и прибили. Не ерунда ли. Детская отстраненность наивно освежала вопрос.

Дело, конечно, не в тряпке. А в системе условностей, и в чувствах и представлениях, стоящих за условностями. Толстой условности ненавидел и жаждал естественности.

1. Содержания и смыслы символа и знака изучены и переизучены вдоль и поперек в ширину и в глубину. От геральдики до семиотики дистанция огромного размера. Суть несложна: людям свойственно свертывать информацию в знаковую систему. Для удобства, емкости, скорости. У любых животных, собственно, тоже есть знаковые системы – звуки и позы опасности, призыва, любви, угрозы и т.д. Содержание такого «первичного» знака – это комплекс эмоций и вариантов дальнейшего действия: волк зарычал и т.д. Боятся не шипения змеи, а того, что сейчас укусит.

2. Затягивающееся тучами небо – знак скорой грозы. Запах гари – знак пожара. Границу между знаком – и приметой надвигающегося действия – провести трудно. В широком смысле слова: природная примета есть знак природного явления – для того, кто умеет читать этот знак. Животные считывают знаки природы инстинктивно или рефлекторно, и принимают их к сведению или исполнению (бежать, есть, и т.д.). Инстинкты человека сильно ослаблены (вернее, инстинктивные реакции вытесняются рационально опосредованными), а знаки природы постигаются опытным путем и анализируются рационально по мере возможности. Гром к грозе, а гремит оттого, что Илья-пророк на колеснице по небу едет.

С такой точки зрения все наше постижение природы есть считывание знаков. А вся природа – своего рода текст из таких знаков. А поскольку познание (судя по всему) принципиально бесконечно – то текст это длинный, и читать его можно до посинения. Ибо за любым прочитанным знаком открывается следующий знак, цепь и куст знаков.

Это все известно и без нас. Но «привязаться к местности» всегда не вредно для определения и накрытия цели.

3. Нас сейчас интересует «знак» в разрезе человеческих отношений. Как межличностных, так и межгрупповых.

Что означает «оскорбление»? Это: я могу тебя избить, изнасиловать, ограбить, надругаться всеми способами, поставить на колени, – я тебя предупредил конкретно. И наши с тобой отношения строятся с учетом этого факта. Помни: ты в моей власти, и если я захочу – конец тебе, мальчик.

Реакция на оскорбление – адреналин: дерись или беги! Не надо доводить дело до увечий и смертоубийства: или ты признаешь себя слабее и сваливаешь – или бьешь в глаз первым и вцепляешься в глотку. Но это очень затратно с точки зрения расходов биологического материала. Поэтому есть третий способ – лаяться в ответ. Перелять соперника – дешевле инвалидности или бегства.

Вместо того, чтобы мериться силами – мерятся знаком своих сил! Тем обозначая объем ответного вреда противнику – и готовность этот вред причинить. И по мощи выражений и ярости крика зондируют силу врага и готовность к бою.

Поединок принимает «знаковый» характер. В результате: или один будет держаться подальше от второго, или один подчинен второму, или драка отложена до первой стычки.

Что произошло? Произошел акт структурирования социума: между двумя независимыми людьми образовались отношения доминирования-подчинения.

Как произошло? Через производство акустических колебаний, которые сами по себе ничего не значат и никакого значения не имеют. Но оба врага наполняют эти акустические знаки информацией, исполненной жизненно важного значения.

4. Знаковая система языка служит передаче информации, фактической и эмоциональной. И накоплению информации. И обработке, черт возьми, этой рационально упакованной информации. И вообще язык как средство мышления.

В социальном плане язык понятным образом служит координации действий социума и структурированию иерархии социума. Кому чего делать, кому чего положено, кто есть кто.

Язык как знаковая система позволяет информацию хранить, копить и передавать с минимальными энергетическими затратами, в минимум времени. То есть. Знаковая система повышает информационный уровень социальной системы. И тем самым повышает ее операционный уровень. И тем самым повышает ее энергопреобразовательный потенциал. Повышает ее уровень энергопреобразования. Что есть уже тенденция общевселенская.

Или:

По мере усложнения знаковой системы уровень энергопреобразования социума повышается.

5. Строго говоря. Эволюция – это усложнение информационного ответа организма на информационный вызов среды.

Или:

Эволюция – это рост информационного содержания неорганических, органических и социальных систем.

Так сказать, эволюция в разрезе информации.

6. Социальная эволюция естественно коррелировала с ростом информации. Общество всегда было информационным. С тех пор, как стали передавать детям знание о производстве дубины и пользовании ею.

Овладение огнем – та конкретная черта в истории, после которой знание стало силой. Информация дала энергию. Человек стал человеком.

Изготовление орудий, навыки земледелия и скотоводства, мелиорации и архитектуры, – все это информация. Можно сказать и так:

Сумма технологий, сделавшая человека человеком, есть информация. (Разделение общества на охотничье-собираческое, сельскохозяйственное, индустриальное и информационное – сугубо условно; и означает лишь, что все усложняющиеся информационно емкие технологии играют все большую роль.)

7. Объем информации растет. Информационные связи и комбинации усложняются. Передавать надо все большие объемы все более сложных информационных комбинаций.

С ростом объема информации ее хранение, передача и информирование ею усложняется.

Возникает «вторичный код». Информация сама-то по себе есть код. «Вторичный код» упаковывает ее, обозначая через краткие знаки объемные информационные блоки.

Так образуется терминология, профессиональные языки наук. За термином стоят развернутые формулировки с массой «спецпонятий».

8. Ключевое положение таково:

Прогресс социальный, информационный и энергопреобразовательный – это аспекты единого эволюционного процесса.

9. А также. Поскольку оперировать огромными информационными блоками впрямую, не пакуя их в знаки, невозможно. То:

С ростом объема информации содержание знака увеличивается.

Ну, потому что мозг человеческий может оперировать ограниченным количеством знаков. И количество знаков по мере накопления информации, конечно, растет. Но смысловая нагрузка на каждый знак тоже растет. – *Рост объема информации опережает рост числа знаков.*

10. Но есть и обратная сторона явления. Эмоциональная и смысловая нагрузка на знак растет не только по мере наращивания общего объема информации. Она же и уменьшается по мере увеличения количества этих разнообразных знаков. Проще. Больше информации – больше нагрузка на знак. Но меньше знаков – тоже нагрузка на один знак делается больше.

Или:

В бедной, примитивной культуре эмоционально-смысловая нагрузка на знак – гораздо больше, чем в культуре богатой и изощренной.

Ну, это как тридцатисловный словарь Людоедки-Элочки, которым надо выразить все мысли и чувства на все случаи жизни. Поэтому дикарь полезет в бой за не тот штрих в боевой раскраске. Или солдат подшивает подворотничок из хлорвинилового провода. Ибо средства выражения информации до крайности скупы – и поэтому их информационная нагрузка очень велика.

11. Гм. А нет ли здесь противоречия? Так с ростом информации – нагрузка на знак уменьшается или увеличивается? Что опережает: рост информации с увеличением нагрузки на знак – или рост знаков с уменьшением нагрузки на один знак, коли знаков много?

Придется разделить.

Наш эмоциональный багаж есть константа. И чем скупее культура – тем выше эмоциональная нагрузка на знак.

С ростом культуры эмоциональная нагрузка на знак уменьшается.

Оно же:

С ростом информации эмоциональная нагрузка на знак уменьшается.

А вот с нагрузкой фактологической, рациональной, интеллектуальной дело обстоит иначе. Ибо чем у нас в голове больше такой информации – тем большими объемами мы оперируем, тем более изощренные и сложные информационные комбинации строим.

По мере роста информации растет нужда и способность оперировать большими информационными массами. И растет нужда и способность все большие объемы информации «прицеплять» к ограниченному числу знаков, позволяющему оперировать ими: думать, то есть, не путаясь в бесчисленных подробностях и конкретностях.

12. Историческая семиотика, историческая информатика и историческая семантика могут быть до чрезвычайности интересными и полезными разделами общей культурологии. Экая жалость, что нельзя объять необъятное!..

В сущности, Информация и есть Бог, являя совместно с Материей двуединую сущность Бытия.

В этой парадигме – ***Энергия есть форма воплощения Информации из идеального состояния в материальное.***

Энергия есть связующая сущность миров Идеального и Реального.

... – Здесь надо перевести дух и вернуться к своим баранам.

13. Человек живет в реальном мире и силится постигнуть идеальный мир как первопричину всех вещей. Науки у него еще не было, но природная потребность сориентироваться в мире была всегда. Познание – необходимый этап адаптации и выживания.

Черт возьми. В этом мире – все реально. А в Том – все идеально. А как с Ним вступать в контакт, беседовать и просить о нужном? Словами-то словами... а как ему услужить, его задобрить, и вообще наладить отношения на регулярной основе? Ну, принести жертву. Ну, всем родом совместно. Ну, на каком-то определенном месте, к которому он, возможно, уже присмотрелся. Или что-то необычное было в том месте, приметное, странное.

Человек ищет материальную точку контакта с Высшими Силами. Раз в этом мире все материально, а в том все идеально, то должны же быть точки соприкосновения. Скрепки неба с землей. Должен же контакт являть себя через какие-то действия, а действия связаны с материальными предметами.

Все непонятное подверстывается к категории Высших Сил. Все предметы, связанные с проявлениями Высших Сил, становятся культовыми: поляна, ручей, пещера, дерево, скала.

Знание и убежденность есть аспект силы. Стремление к знанию, как и стремление к силе, есть инстинкт. Стремление к знанию и силе приобретает характер стремления к культовым предметам.

14. Амулет – это походный культовый предмет. Это точка контакта с богами, которая всегда при себе. Это аккумулятор благодати, подзаряжаемый Сверху. Подчеркнем – это твоя индивидуальная точка контакта.

Обретение амулета связано с какими-то над-практическими чувствами и действиями, будь то ритуал, магия, освящение, подарок по случаю. Либо же предмет становится амулетом, будучи при хозяине в опасных ситуациях со счастливым исходом и т.п.

15. Фетиш – это немного другое дело. Фетиш – это эрзац-объект. Женское белье вместо женщины. Кактус вместо семьи. Старая ваза как предмет любви и заботы заместо семьи.

Фетиш – это предмет, на который человек переносит чувство, страсть, любовь, заботу. Тем самым придает фетишу значимость, ценность.

Это может быть извращение – если рядом живой человек и реальные дела. А может быть замещение – если излить свои чувства не на кого и, так вышло, не на что.

Изначально это предмет бытовой, пользовательный, рукотворный.

16. И вот кипели некогда страсти на Вселенских Соборах: можно ли молиться иконам – или это идолопоклонство языческое и богопротивное. Доску сделали, краски нанесли, – и молятся рукотворному предмету, а?! Победило мнение мудрое и компромиссное: доскам молиться, конечно, нельзя, но изображенным на них Христу и святым – очень даже нужно.

То есть: да, святыню можно изготовить. Произвести над ней ритуальные действия – и можно поклоняться.

17. Дело не в святыне. Дело в потребности людей иметь святыни. Свинья найдет грязи, святой найдет путь к Богу. Молиться можно, в сущности, чему угодно. Строго говоря, что есть святыня?

Святыня – материальный знак надличностной ценности.

18. Надличностная ценность – это, можно сказать, «над-жизненная ценность». Это ценность более высокого уровня, чем твоя жизнь, – она включает в себя твою жизнь и придает ей смысл. (См. «Кассандра».)

Надличностная ценность – это то единое с тобой, что больше тебя.

Это – любовь, родина, истина. Это – твое дело, твоя семья, твоя вера, – ты есть их часть, а они часть себя. Твоя жизнь и служение им – это одно и то же.

Ценность жизни измеряется тем, за что ты готов ее отдать.

То есть:

Надличностная ценность – системообразующий фактор.

Обладая надличностной ценностью – ты тем самым подстегиваешь свою жизнь к чему-то большему, чем ты, необходимому, благому, похвальному. Ты обретаешь силу, единство и в чем-то бессмертие, становясь частью великого общего целого.

Вообще надличностная ценность – это объективация группового инстинкта, социального инстинкта: через стремление к этому делу-предмету ты стремишься воедино с группой отдать себя целям группы. Причем – теми же способами, что и другие члены группы. И – ради тех же ценностей, что другие члены группы.

Вот здесь и зарыта собака, которая размером со слона.

Повторим:

Надличностная ценность – это единообразная объективация социального инстинкта, структурирующая массу в социум.

Любовь, патриотизм, мораль, религия, семья, труд, истина, – все это существует в социуме так или иначе универсализованное, регламентированное, общепринятое. Основы этих ценностей всегда одни, как одна человеческая природа. Но «местный колорит» и антураж с

нюансами меняется в зависимости от особенностей истории конкретной культуры. Обычаи разных групп могут формально противоречить друг другу. Но суть и структура везде аналогична.

Исповедуя потребные и желанные надличностные ценности – люди структурируются в социум как систему. Они одинаково относятся к одним и тем же вещам. У них одна ментальность, одни взгляды. Они одинаково молятся одним богам. Всей группой, как строй по команде, они одинаково реагируют на все раздражители. Причем реакции их согласованы и действия их координированы оптимальным образом. Систематизированная таким образом группа – эффективнее дерется, охотится, спасается от бедствий, заботится о своих членах.

Надличностные ценности обязательны! Эгоист, трус, лентяй, подлец, – нарушают стройное и единое взаимодействие группы, ослабляют ее, уменьшают общие шансы на выживание и продолжение рода, и должны караться беспощадно.

В заключение раздела повторим чуть иначе:

Надличностная ценность – это единообразная объективация инстинкта группового выживания, структурирующая массу в социум.

Всем одинаково исполнять общие правила, соблюдать общие обычаи, участвовать в общих церемониях, молиться общим богам и жить по общему закону, – это категорически необходимо для выживания группы, и далее для ее культурной эволюции. И эмоции человека – избыточно энергетичного человека! – слишком велики, чтоб направлять их только на личное благополучие: они рвутся вверх и в стороны, они ищут точки приложения, – и движимый потребностью приложить еще к чему-то свои эмоции и силы, человек создает себе надличностные ценности и служит им – всей группой... Ну, поскольку эмоции есть акты психоэнергетические.

Повышенная энергетика человека заставляет его оформлять надличностные ценности и служить им.

19. Избыточная энергетика человека, история культуры, социальная эволюция, надличностные ценности, групповой инстинкт и святыни – это явления одного порядка, неразрывно связанные и взаимообусловленные.

20. Святыни исторические, национальные, артефакты искусства, – это все системообразующие ценности социума.

21. Фетиш в качестве социальной святыни, святыни рукотворные – это уже забавнее.

Итак. Соткали тряпку, прибили к палке, – все? Нет: провели церемонию: сами построились, палку наклонили, пригласили священника, он по традиции и обряду брызнул, сказал слова, поделал пассы руками. Потом командир части согнул нижнюю конечность в срединном суставе, склонился и прикоснулся к тряпке ротовым отверстием, служащим обычно для приема пищи и издавания звуков. Все это означает, что тряпка на палке стала штукой жутко важной. Вот раз шаман и вождь, пардон, священник и командир, произвели такие звуки и движения, то теперь эта тряпка на палке перешла в иное социальное качество – она стала святыней. Полку преклонить колена и присягнуть знамени.

М-да – так вот. Понятно, когда люди умирают за родину, за семейный очаг, за веру и правду. Но почему за тряпку, которую сами сделали и над ней поколдовали?! Не проще ли дать полку новое знамя, и еще пять про запас, пусть умирают за дело, а не за произведения швейно-столярной промышленности!

Да нет. Они умирают не за тряпку. А за свое единство. За свою верность армейским ценностям. За святыню своей системы. За свою надличностную сущность.

Верность знамени означает: моя надличностная ценность – безусловно важнее моей личной жизни, тому верен и тем горжусь! Верность святыне – это предъявление своей надличностной ценности своим и врагам. Это знак единства. Гм. Условный знак, нельзя спорить. Но

не более условный, чем все над-базовые ценности человеческой цивилизации, избыточной и условной по определению, если брать необходимость для существования.

Нам не нужна тряпка на палке. Нам нужна верность, единство, храбрость, дисциплина. Групповая сила. Знамя – это центральная чека, которую втыкают в ось полка, чтоб он не развалился. Поклонение единой для всех святыне структуризует массу в полк. Дерясь за знамя – дерутся за структуру своей группы, чтоб не развалиться в слабую толпу.

Чтобы в экстремальных условиях толпа была системой – необходима объективированная ценность, безусловная и высшая, в служении которой все будут равны, и служение которой будет ясно, просто, доступно и категорически обязательно.

Знамя – это игла жизни Кощея, которую он сам сделал.

Знамя – это надличностная ценность по отношению к любому бойцу. Это символ высшей истины, над-человеческого смысла.

22. Знамя есть атрибут групповой самоидентификации.

Знамя есть объективация воинского духа группы.

Знамя есть знак силы.

Знамя есть предметное проявление сущности войска.

Нет сил, как хочется закончить этот полет высокого штиля цитатой: «Знамя есть священная херугва, которая... которой...»

Священность знамени – это только предлог, повод, условность, закон, чтоб хранить и крепить единство войска. Драться с врагом все равно надо, бежать все равно не надо, и вот сбережение знамени – это как красная черта на шкале: дальше пойдет развал, взрыв, разрушение системы. Сбережение знамени – это индикаторная черта воинской группы: еще боевая система – или уже неуправляемая толпа.

23. Спать группу в систему так, чтобы каждый ценой своей жизни спасал каждого – практически невозможно. Хотя, конечно, «сам погибай, а товарища выручай», но товарищ ничем не лучше меня, особенно если это незнакомый товарищ. Всех героями не сделаешь, хотя стремление есть. Однако связь каждого с каждым в трехтысячном полку – громоздкая и невозможная связь. Полк собран по взводам-ротам-батальонам-службам. Но – все три тысячи человек – в равной степени обязаны беречь знамя. Это как спутанный ком прутьев собрать в ровную метлу и перетянуть поверху проволокой. Вот знамя – это закрутка концов той проволоки.

.....

Итоги под чертой.

Идеальная ценность – это реальная ценность более высокого уровня.

Когда человек умирает за идеальную ценность – он умирает за реальные ценности надличностного уровня, то есть системные ценности.

Смерть за родину в дальнем походе – это часть защиты родного очага, и только если все будут защищать всё, это возможно. Смерть за истину – это положить жизнь на то, чтобы твоя группа правильнее ориентировалась в жизни и тем самым успешнее выжила. Смерть за веру – это за то, чтоб твоя группа была системой, сильной в своем единстве взглядов и не растворенной в группе врага.

Формулировать эти комплексы чувств и цепи мыслей весьма сложно. Рыба не должна думать, как она плавает. Сидя на берегу, за нее думаем мы.

Люди в своих культурно-цивилизационных действиях руководствуются неосознанным социальным инстинктом в его многочисленных и разнообразных формах и проявлениях. Эти формы и проявления социального инстинкта мы и пытаемся осознать и сформулировать.

Символ – это максимально нагруженный знак. Потребность в символе – это потребность в закодировании огромного объема информации. Смысл символа – это перенос на него и концентрация на нем массы информации. Оперирование с символом – страшно упрощает, усиливает, рационализирует оперирование с предметным объектом конечных действий. Внушить личному составу священность знамени – в тысячи раз проще и доходчивее лекций о родине, дисбате и смысле жизни.

Смысл символа – в эмоциональной нагрузке, превышающей информационно-фактологическую настолько, что факт-информация лишь обозначена, а эмоция полностью доминирует. Символ вызывает к чувству и действию напрямую – ясно и эффективно!

Стремление к символу отвечает потребности человека в максимальных ощущениях и максимальных действиях. Это его психофизическая сущность.

Стремление к символу отвечает потребности человека в структуризации социума. Это его социальная сущность.

...Внешне абсурдная борьба за тряпку на палке – это экстремальное проявление социального инстинкта в борьбе за социальный знак. Это условное (знаковое, символическое) оформление инстинкта межгрупповой борьбы.

Структурирование социума, повышение энергетичности социума, совершенствование координации социума, большее информационное наполнение социума, рост операционной мощности социума, – основные и объективные функции символа. То есть:

Символ есть естественный и закономерный элемент в эволюции социума, коррелирующий с ростом энергопреобразования социума.

Мы говорили о символе в основном как знаке групповой самоидентификации. «Умираю за символ группы» – это все равно что «умираю за группу – сильную, единую и неделимую, достойную и непобедимую, тем я горд и силен, а на вас всех плевал». Духовная накачка – это тоже фактор победы.

...Герб, гимн и прочая торжественная символика – точно то же самое, вид сбоку.

К вопросу о самоусложнении социума

В любом обществе два процента людей психически неадекватных. Независимо от эпохи, социальных условий, материального развития и политического строя. Хоть тресни.

Психам всегда жилось не очень. И семью завести трудно, трудно самому прокормиться, не говоря уж потомство на ноги поставить. Вымирали психи.

И тем не менее – появлялись снова! Рождались от обычных нормальных родителей – дети с психическими отклонениями. Те же два процента!

А возьмем товарищей гомосексуалистов. Рождаются они, естественно, от нормально ориентированных родителей: от мамы и папы. А тянутся к своему полу! Потомства, естественно, не дают (если только не переступят через свои наклонности ради продления рода). Их сколько, врожденных? Около трех процентов. Ну, два – два с половиной. (Если потом оказывается больше – это милые друзья склонили, растлили и приохотили, Гомосексуализм благоприобретенный мы учитывать не будем, в местах заключения он вообще процветает, так это не от хорошей жизни.)

Гомосексуалисты природе явно не нужны. В размножение, в эволюцию, в передачу генов они не идут. С эволюционной точки зрения – это брак, отходы производства. А почему за миллион лет – еще не отбраковали?! Почему снова появляются, да в той же пропорции?..

А теперь поговорим о конформистах и нонконформистах. Большинство – оно всегда имеет общее мнение; одни и те же оценки, взгляды, ценности, шкалу стремлений. Без этого и существование социума невозможно. Большинство – оно идеологически организовано и ори-

ентировано. А меньшинство – это со своим поперечным мнением и странными взглядами. Раздражают, мешают.

Существуют врожденные бунтари, врожденные политические оппозиционеры. Каков бы ни был политический уклад – они всегда будут против основ, им всегда будет не стрижено, а брито.

И наконец. Что бы ни делал человек самое лучшее. Как бы он ни отдавал людям себя без остатка. Был мудр и свят. – Все равно найдутся те, кто распнут святого. Найдутся недовольные и несогласные. Найдутся удивительные уроды, которые своим извращенным умом откопают несуществующие злые умыслы, искаженным взглядом отметят ошибки, и с истеричным упорством потребуют обличения и наказания.

Самая плохая книга найдет своего читателя. Самая хорошая книга найдет своего критика. Каждый плюгавец встретит свою поганочку.

Кроме зависти и злобы, подсидок и интриг в отношениях людских – есть искреннее неприятие всего лучшего и искреннее превозношение всего худшего у некоторого процента населения.

Я хочу сказать. Что. Повинуясь всеобщему закону структуризации:

Социум стремится повысить свою сложность на всех уровнях и по любым поводам разнообразными методами. А в частности – стремится дифференцировать единообразие склонностей, типов психики, моделей поведения, оценок информации, – хотя бы разводя их на две группы.

Жизнь есть усложнение, в антиэнтропийной сущности своей. Инстинкт жизни на социальном уровне повелевает усложняться. Так возникают и в разнообразии множатся социальные институты. А на психологическом уровне – природе необходимы хотя бы два мнения. Фома неверующий – постоянный гость на любом празднике жизни.

Заметьте: педофилов мы воспринимаем не только как извращенцев, но и как преступников. Зоофилов? Ну, уголовный кодекс может сулить срок, но в понятии людском – почему козу можно резать на мясо, но нельзя перед этим трахнуть? Извращение без преступления, кроме нарушения и даже оскорбления общественной морали. А геронтофилы? Старушка совершеннелетняя, все по обоюдному согласию, благодарна до слез. Извращение на грани благотворительности. Цимес в том, что каргу ветхую – предпочел красоте в соку! Любят очень толстых и очень худых. Любят тех, у кого что-то ампутировано. А также любят лиц собственного пола. Чего только люди не любят!

Почему это так?! Потому что эволюции, развитию жизни, передаче своих генов, нужна кроме основного течения событий еще и максимальная подстраховка. Эволюция забывает все цели всех возможностей и вариантов. Ничто не должно остаться неиспробованным, непроверенным, нереализованным. Кто знает, какой вариант может выстрелить при следующем изменении обстоятельств? Какая мутация окажется спасительной?

Есть социальная форма материи. Социальный уровень эволюции. И социум пытается придумывать, изобретать и внедрять все, что только может себе вообразить. Воображает социум, понятно, людскими головами, умными и глупыми, конформистскими и бунтарскими.

А есть уровень информационного обеспечения социальной эволюции. Информация воспринимается, анализируется, сортируется, и по результатам сортировки и анализа делается заключение. А уже в согласии с заключением – предпринимается действие, прямо или косвенно, раньше или позже.

Без восприятия и переработки информации нет и невозможна никакая ни жизнь, ни эволюция. Организм – часть среды в единстве с ней. И необходимо адекватно реагировать на любые процессы в среде! Переработка информации – это инстинкт! В зависимости от обстоятельств среды, от сложности организма и процесса – этот инстинкт может быть более или менее опосредован.

ИНСТИНКТ СТРЕМЛЕНИЯ К РАЗНООБРАЗИЮ – вот как можно назвать Всеобщий Закон Структуризации применительно к эволюции биосферы Земли. Все виды постоянно в своих особях мутируют как могут – вдруг да чего пригодится? Вдруг да в рост пойдет? Вдруг да при катастрофе спасет? Вдруг да получше будет в жизни-то земной нелегкой и порой непредсказуемой?

Эволюцию вида во времени можно представить себе как ствол огромного дерева, лежащий по земле и растущий, повторяя рельеф местности. И вот изображение этого ствола дерева не четко очерчено, а на оконечности, где оно растет, как бы пульсирует слегка, клубится, выпуская краткие побеги во все стороны, принимая причудливые формы бугорков, впадинок, веточек, и постепенно это пульсирование затихает, и запечатлевается только одна форма из миллионов мгновенных картинок: а вид клубится на растущей и ползущей вперед вершине-оконечности, ощупывает мгновенными выплесками воздух и местность перед собой, заполняет собой реальные впадины поверхности, переползает препятствия, и дальше растет.

А из некоторых побегов развиваются собственные ветви-виды, и тоже клубятся и ползут вперед, применяясь к местности.

Вот и с информационной эволюцией то же самое. Туманный и ветвящийся пульсирующий тоннель, который своим клубением и пульсированием нащупывает свою адекватную форму.

Это клубение и ветвление есть форма и условие существования этого тоннеля. Информационной эволюции то бишь.

Поэтому. Раскол мнений – это социальный инстинкт. Это пульсирует информационное обеспечение социальной эволюции. Это объективная необходимость проверить и использовать все возможные варианты, чтобы избрать наилучший в качестве основного для развития.

Поэтому даже самые очевидные истины подвергаются порой критике, хуле, испытываются на прочность, отрицаются. Так отрицается аксиома о параллельных прямых и возникает пространство Римана. Так на смену эволюционизму пришел диффузионизм, чтоб смениться «нео»-эволюционизмом. Там гомосексуализм из греха, извращения и уголовного преступления стал почти добродетелью.

Это не так трудно понять. Труднее освоиться с давно уже не новой мыслью о том, что объективные социальные законы являют себя через искренние мысли страсти конкретных людей, каковые конкретные люди об объективных законах при этом нисколько не думают, а заняты исключительно собой, своим самоутверждением и своими делами.

Это дело поступенчатое. Многосложное.

Эволюция и природа создают людям разные семьи, разный достаток, складывают их гены в разные комбинации. Вот они и выдают разные мнения по одним и тем же поводам. Но это просто.

А когда люди, вроде, равны и одинаковы? Ум, мораль, достаток, профессия, – все сходно? Почему мнения различны? Не у всех – но обязательно на полсотни найдется хоть один поперечник?

Психологически – потому, что у каждого есть потребность мысленно «попробовать мысль на зуб» и прикинуть возражения. У разных людей эта потребность выражена в разной степени.

Социопсихологически – потому что в подсознание многих заложена и роль потенциального оппозиционера, критика, анти-лидера.

Социально – потому что такие люди с противоположными мнениями нужны эволюции и подчинены закону усложнения социума.

Биологически – потому что Природа рождает оппозиционеров, неконформистов, бунтовщиков, ниспровергателей. – А уж ниспровергают они то, что ближе, что под рукой, что видно.

...Поэтому не удивляйтесь поношению лучших своих мыслей и поступков. Это люди не со зла. Это закон социума. Это социум стремится к разнообразию, а природа рождает критиков, а подсознание некоторых людей стремится заполнить любой интеллектуальный вакуум, говоря то, чего говорить большинством не принято или большинству представляется невероятным.

Есть люди, которые белое считают черным, длинное коротким, горькое сладким. Их можно считать теми двумя процентами брака и эволюционных отходов, о которых мы говорили чуть раньше. Но эти проценты объективно необходимы! А можно их считать препятствиями, необходимыми для постоянного испытания истин и мыслей на прочность.

Методологически ошибочно ждать от всех и каждого подряд добра, истины, ума и компетентности. Мир, люди и социум устроены сложнее. И логика этого устройства иная. Составная. Структурная. Системная.

У камня на дороге и грязи в луже – своя функция и своя причина.

В системном стремлении социума к сложности, разнообразию, энергосодержанию, богатству структурирования, – неизбежно необходимо существование максимально разных монад, людей то бишь в нашем случае.

Что хулители! Что неверующие! Всегда будут неблагодарные твари всегда будут преступники, всегда будут негодяи. Это аспект и следствие социальной мутации, без которой нет жизни.

А если в обществе совершенно исчезнут преступники и мерзавцы – это будет означать исчерпанность эволюционного ресурса, падение энергетики социума и канун вырождения и распада...

.....

(отдельные замечания)

По мере усложнения системы степень сложности и автономности подсистем, ее монад, увеличивается. Сложность и автономность коррелируют. По мере повышения сложности автономности подсистемы ее КПД падает: все меньшая часть деятельности расходуется на поддержание системы в целом, и все большая часть деятельности – на самообеспечение всем необходимым.

Подсистема создает собственные подсистемы для своего обеспечения, и они также расходуют часть функционального ресурса на самообеспечение.

На определенном этапе существования, то есть развития, то есть эволюции, то есть усложнения, самообеспечение становится основной функцией подсистемы, а обеспечение деятельности материнской системы – побочной.

То есть. Для обеспечения системы в любых меняющихся условиях – подсистемы делаются все более многофункциональными, и усложнение подсистем, с одной стороны, обеспечивает им функционирование в расширяющемся диапазоне условий, с другой стороны, отвлекает увеличивающуюся часть материального и функционального ресурса на самообеспечение. Подсистема по мере развития функционирует все более в модели собственной целесообразности.

Чем выше сложность и автономность поддерживающих подсистем, тем устойчивее материнская система. Повышение устойчивости системы компенсирует понижение КПД ее подсистем.

Изначальная функциональная заданность подсистемы есть ее имманентное качество. И хотя по мере развития подсистемы это качество (обеспечение материнской системы) доминирует все менее, вовсе лишиться его подсистема принципиально не может.

По мере развития подсистемы ее собственные под-подсистемы, функционирующие в модели самообеспечения, вступают в противоречие с изначальным качеством обеспечения

материнской системы, и это противоречие нарастает. Органы и функции самообеспечения множатся количественно, и качественный переход раньше или позже приводит к отходу подсистемы от обеспечения системы.

Следует альтернатива. Или подсистема, дегенерировав в самообеспечивающуюся, рушится вне информационного и энергетического обмена, поскольку составляла с материнской системой организм, т.е. систему нерасторжимую, и нефункциональна вне ее. Или она скачком переходит на более высокий уровень автономии, и вступает во взаимную обменную связь непосредственно с системой более высокого уровня, нежели прежняя. Происходит своего рода «рождение системы», т.е. переход на более высокий качественный уровень.

* * *

У эволюции есть такая особенность – отсутствие заднего хода. Сложное не может стать обратно простым. Оно может усложняться дальше. Или может погибнуть и замениться другим простым, которое успешно впишется в новые условия на его место.

Применительно к социуму это проявляется образом, вечно удивляющим людей. Бюрократическая система не может упроститься. Она может решать любые вопросы только путем усложнения себя, множа органы и функции. Ее подсистемы переходят на самообеспечение и перестают обеспечивать решение изначальной задачи. На месте сокращенной инстанции по неизбежной системной логике возникают две новых.

Когда степень разъединения множатся инстанций и функций с выполнением начальной задачи достигает критической отметки, система рушится. Коррекция ее подобна стрижке ногтей или сморканию – это косметический ремонт.

Бюрократическая система реформируется только жестоким волюнтаризмом, когда разум и желание личности ломают хребет логике эволюции. Цезарь. Генрих VIII. Петр I. Наполеон.

Иначе деградация и бунт.

* * *

Идеология неолиберализма категорически осуждает любые кровопролития, жестокости и вообще насилие. И навязывание своей воли другим. Насильственные свержения строя и власти тоже не одобряются. Мирно надо. Постепенно. Эволюционный путь развития противопоставляется революционному.

В этих расхожих призывах трудно усмотреть разумность подхода или наличие образованности.

Революция – это узелок на нити эволюции.

Революция и эволюция – диалектическая пара.

Революция – это качественный скачок социальной эволюции. А развитие вообще склонно к скачкообразности. Переход количества в качество вообще скачкообразен. Как вам эта новость?..

Революция – это переход системы из неустойчивого состояния в устойчивое через точку бифуркации. Это переход социальной системы из одного неравновесного состояния в другое на более высоком уровне. Выражаясь столь модным сегодня языком синергетики, которая так весьма права и вразумительна.

Вода не может превратиться в лед постепенно. Полено не может постепенно загореться. Сдвигание тектонических плит не может вызвать их постепенное сминание и вспучивание без роста напряжения, разрешающегося землетрясением.

Люди не могут постепенно и мирно, руководствуясь разумом и доброй волей, изменять свою жизнь к лучшему. Социум объективно существует по объективным законам. Готовьте оружие и флаги!!!

Глава 2

Свистать всех наверх

Опытom мы называем страх повторить прошлое. Красивая фраза, конечно: не совсем правда; метафора. Но мы сейчас о другом опыте: который ставят ученые, чтоб выяснить истину. Его поставили, а сами легли.

Итак. Наука. Фонд, грант, деньги, мартышки, бананы, лаборанты. Журнал записей.

Обезьянья стая быстро разобралась по рангам. Вожак, перворанговые, второранговые, опущенные, самки альфа-бета, детвора. Кормятся, возятся, играют.

И вот им ставят на территорию хитрую клетку-кормушку с чудными спелыми бананами. Запор им непонятен. Открыть не получается, сквозь прутья не достать: слюнки текут, обезьяны раздражаются.

Тогда изымают из общества самого забитого обезьяна. И вдали от всех учат его открывать такой запор. Показывают, повторяют. И он радостно в своем лабораторном закутке таскает из такой кормушки бананы и жрет всласть.

Его возвращают ко всем. И смотрят внимательно.

Он скачет к кормушке, манипулирует с запором – и достает банан! Вся стая, давно удивившаяся, что запор не открывается, – обращает на него внимание. Он – достает второй! Стая собирается кругом. Вожак дает ему затрещину – и отбирает банан: жрет сам!

Наш обученный – достает третий банан! Второй по рангу после вожака самец дает ему пару плюх и отбирает банан.

Ученые смотрят и ждут. Обезьяны отлично обучаются методом подражания... Не обучаются, дуры хвостатые! Бьют ученого товарища и отбирают бананы, когда он их достает. Причем – никакой благодарности, никакого повышения в иерархии. Он им – бананы, они ему – по морде. Глупые, жестокие и несправедливые...

Ум проявляют ученые. Теперь они отсаживают вожака и учат открывать запор его. И, овладевшего передовой технологией, выпускают обратно к стае.

Вожак важно проходит к кормушке и достает банан. Все собираются кругом и смотрят, как вожак жрет банан. Затем второй. Затем самец поздравнее, убедившись, что вожак не гонит его от кормушки, пытается повторить манипуляции с замком. Не получается. Все расходятся. Через некоторое время ситуация повторяется. Второй самец настойчив, крутит запор. И с третьей попытки – открывает! И тащит банан! Все смотрят – заворуженно!..

Через энное время и число повторений вся стая, начиная от верха в иерархии и далее спускаясь до социального низа, овладевает передовой технологией доставания бананов. На нашего первооткрывателя никто не обращает внимания. Учатся у вожака, затем – у вышестоящих. Слабака бьют и отбирают добычу. Слабак может, наконец, есть свой честно доставанный банан не раньше, чем все, кто главнее, научатся тоже его доставать.

За такой опыт надо дать Нобелевскую премию по социологии, в виде исключения. Причем – не этологии, ибо не в животных тут главный для нас интерес.

Осмысление этого поучительного поведения приводит к выводам важнейшим и обширным.

1. Поведение в социуме матрицируется сверху вниз. Никогда не снизу вверх. Правители всех мастей могут впаривать народу что угодно – но только личным примером правитель может научить-заставить-побудить народ поступать так, как надо. Образ жизни и действий правителя – народу является как образец для подражания и цель стремлений. (В развитом социуме образ может замещаться политтехнологическим имиджем – но чтоб ему верили, как правде!)

2. Кто есть лидер социума? Особь, в которой главные необходимые качества выражены в максимальной степени и оптимальной пропорции: сила, храбрость, ум, агрессивность. Лидер есть идеал обезьяны, пардон, человека. Поведение лидера есть идеал поведения. И каждый как может тянется, чтоб приблизиться к этому идеалу. Вести себя как лидер – означает: я знаю, как подобает вести себя значительному мэну, и я веду себя как значительный, я и есть значительный, – уважайте меня, отдавайтесь мне, подчиняйтесь мне тоже. Поведение «под лидера» – о... это статус, и это инстинкт, и это скрепление социума, и это передача своих генов, и это шанс правильный в выживании... это подробней развернуть надо.

3. В природе имеет место пг'еинтег'еснейшая вещь. Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак. Ржать не надо. Это очень даже серьезно.

а) Социум должен быть структурирован, скоординирован, организован. Толпа должна быть системой. Лидер есть власть, власть есть системообразующий фактор. Для выживания социума в межгрупповой борьбе – необходима согласованность действий – и предпочтительней исполнять нелучший приказ, нежели вообще не исполнять приказов лидера и шарахаться в стороны то за одним, то за другим, по собственному самостоятельному разумению.

б) Угрозой и силой лидер добивается исполнения своих приказов, подчинение ему есть залог собственной безопасности.

в) Под главенством лидера социум более-менее выжил и выживает, что есть главнейший критерий истинности и благотворности его действий.

г) Внимание! Что конкретно есть ум – в нашем случае? *Ум есть способность добиваться нужного результата.* Именно! Ибо важнейшая функция ума для жизни первобытного социума есть функция *инструментальная*: ум как инструмент – которым надо действовать, чтобы выжить. Не аналитическая, не абстрактная, не рефлексивная, и вообще плевать какая, а главное – оценка по результату: раз выжили благодаря его уму – значит, это ум что надо! тот самый. Так что, гм, лидер успешной стаи всегда прав!

д) Инструментальный ум – это не огромная память, или огромная аналитическая способность, или огромная изобретательность. Инструментальный ум – это способность из всех способов действия и всех средств для того – избирать такую совокупность средств и способов действий, которая приведет к желаемому результату. Сюда относятся: хорошее зрение, слух, обоняние; знание местности; опыт в ситуациях данного рода; способность подчинять себе стаю и заставлять всех выполнять свои приказы; умение соотнести силы с поставленной задачей и умение мобилизовать все силы; храбрость, самоотверженность, жестокость, – готовность умереть в бою за свой род и уничтожить врага до полного искоренения.

е) Ум не должен быть большой. Ум должен быть правильный. Ум лидера – это составная часть его значимости, первосортности, правильности. *Ум лидера – это способность принимать адекватные решения в критических ситуациях – и проводить эти решения в жизнь!*

ж) Разум – это психическое оформление избыточной энергии человека. (Что повторяли мы неоднократно). Чем ниже уровень наработанной и передаваемой социумом культуры – тем непосредственнее и прямее разум особи прямо зависит от уровня ее энергии. Чем ниже, проще, примитивнее, беднее культура, – тем более прямой зависимостью связан разум с физической силой, возбудимостью, агрессивностью, жизненной мощью индивидуума в прямом смысле слова. (Если культура богата и высока, то социум структурирован сложно, и есть масса косвенных связей между умом – и воплощением решения в действие: институты, техника и т.д. Можно сказать: культурный ум – это сообразительность в уз ком, профессиональном, часто абстрактном и не имеющем прямого отношения к жизни секторе; культурный ум может быть совершенно непрактичен или даже анти-практичен; это клетка коллективного ума социума, не обладающая полной умственной автономией. Культурный ум специализирован и действует в конкретном направлении через усиливающие цепи законов, договоров, денег, правительств и т.п. Но в первобытном обществе –) – примитивно-первобытный ум универсален

и обусловлен способностью центральной нервной системы к мощным общим возбуждениям, и высоким уровнем обмена веществ. То есть. То же, что делает сильными мышцы и агрессивным характер – то же делает активным и ум. Это у первобытного человека – даже не родственные явления одного уровня, – это аспекты одного и того же явления. Сильный, властный и умный, – у первобытного человека сочетается, как грани одной личности, где одно невозможно без другого. (Мы говорим о гармоничном и пропорциональном развитии органов и функций у особей на биологическом уровне существования, где культурная составляющая жизни социума очень низка, малозаметна.)

3) Вот и получилось «похвальное слово начальственному уму». Сам факт лидерства означает наличие ума.

4. А теперь смотрите. Отобрать банан у слабого проще, чем научиться доставать самому. Слабый становится слугой для доставания банана. Природа блюдет свой любимый закон: достигать максимальных усилий с минимальными результатами. Низ социума обречен таскать бананы для верха социума, если это выгодно верху.

5. Твой ум и умения не повысят твой социальный статус, если у тебя нет силы защитить его. Ты можешь придумать и сделать что угодно, но без силы и права отстоять себя – ты будешь ограблен и останешься внизу.

6. Если твой социальный статус низок – то тебе не полагаются блага, равные или выше чем у тех, кто превосходит тебя по статусу. Это их унижает! Они отберут у тебя твои блага и опустят тебя на твое место – чтоб в плане обладания благами ты тоже был ниже их.

7. Если ты приносишь людям, пардон, обезьянам, пользу – не жди благодарности. То, что ты приносишь – отберут и попользуются. Раз можно отобрать – отберут. Внимание:

8. *Конкретная польза вторична – социальное положение первично.* Конкретная польза – преходяща, непринципиальна, не решающа, сомнительна даже может быть в конце концов. А социальное устройство – это жизненно необходимо, первично, основополагающе, обязательно для соблюдения. Поэтому нельзя допустить, чтобы особь низкого положения пользовалась тем, что подобает высокому.

9. Нельзя подражать тому, кто ниже тебя! Это страшная дилемма: банана хочется – но во всем остальном он ниже, а жизнь ведь наша сложная и многообразная, не в банане едином счастье! Подражание нижестоящим – противоестественно. Это социально невозможно. Это противоречит объективным законам складывания и существования социума. Пария – он слабый, пассивный, глупый, малопотентный, и подражая частности в нем – ты тем самым как бы подражаешь целому в нем. А это невозможно, антипрогрессивно, антивыживательно, антижелательно, антистатусно: это вредно и природой запрещено!

10. Дилемма между статусом и разовой пользой решается всегда просто: свой статус сохранить, обладателя чего-то полезного оставить на месте, а пользу отобрать себе, присвоить, приспособить.

11. Это значит, что. В каких бы слоях социума не изобреталось и не совершалось что-то полезное, оно присваивается социальными верхами и работает на их пользу и по их усмотрению.

12. Такое распределение продуктов, благ и изобретений – социально полезно! Ибо когда все блага и возможности распределяются сверху вниз – то каждый получает по своей силе, живучести, потентности. Что повышает шансы передавать лучшие гены – но и худшим оставляет шанс (мутации, катастрофы, расширение территории, да мало ли на какой случай пригодятся и слабые, пусть живут, – но, конечно, не так хорошо, как сильные). Такое распределение благ – по-прежнему и еще больше стимулирует каждого повышать свой социальный статус – для этого делая все возможное, напрягая силы и подражая во всем лидерам. Распределение благ сверху – это насаждение их, мультиплицирование, тиражирование в слоях пирамиды.

13. При конфликте социального инстинкта и инстинкта адаптации – часто предпочитается социальный инстинкт!!! Здесь необходимо уточнение. Инстинкт адаптации – это сбор и оценка информации об окружающей среде с целью адекватной реакции организма для приспособления к условиям среды: органами чувств и остальными, сознанием не контролируется. Разведка, познание, анализ, обучение, – это все необходимая часть адаптационного инстинкта, приспособительного реагирования. А социальный инстинкт – это стремление к такому поведению, при котором ты есть часть, возможно более значимая, общего структурированного социума. – – И вот ты не желаешь замечать, думать и понимать и учиться, как достать желаемый тебе банан – если это связано с действием, понижающим твой социальный статус, т.е. противоречащим социальному инстинкту. Соблюдение социального статуса и незыблемой, благой, необходимой структуры социума – важнее даже адаптационного инстинкта!!!

14. Социальная форма адаптации, сложная, косвенная, – инстинктивно почитается особью важнее, чем индивидуальный инстинкт адаптации!!! То есть. Человек может отказываться от явно верного и хорошего дела – ради того, чтоб сохранить социальную структуру. Отказ от познания и обучения выглядит противоестественно – а следование социальным правилам выглядит бессмысленно: если только не отрешиться от частных и не рассмотреть дилемму на системном уровне.

15. Тогда понятны другие опыты: насчет конформизма. Девять предупрежденных испытуемых называют более короткий отрезок линии из двух – более длинным. И десятый, честный подопытный, перестает верить собственным глазам, сомневается, и в восьмидесяти процентах случаев соглашается со всеми: длинный называет коротким, а короткий – длинным. Он не ослеп. И он не просто верит другим больше, чем собственным глазам. Глубинный и исконный социальный инстинкт повелевает ему придерживаться тех же взглядов на реальность, что и вся группа. Он – человек социальный, он живет в системе, есть часть системы, и действует согласованно с системой: это его социальная сущность.

16. Поэтому бьют пророков. Пророк – это человек, чье мнение раскалывает согласованность социума. Он противоречит мнению лидера. Он нарушает социальную иерархию. Он не по чину выступает. Его обычно не очень и слушают. Его мнение отрицают раньше, чем пытаются понять. Низкопоставленный иной – означает неправильный. Неправильный, настаивающий на своем мнении – это уже враждебный. Ненависть народа к пророкам и неприятие народом пророка при жизни – носит ни в коем случае не интеллектуальный, но социальный характер. Если бы то, что пророк, говорил бы правитель – было бы совсем другое дело!

17. Поэтому в донаучном, дорыночном, додемократическом обществе глумились над изобретателями. Они нарушали порядок представлений. Они много на себя брали, сами будучи никем. Их умность не соответствовала их чину. Отнестись к ним серьезно – означало уронить свой статус, признать умнее себя этого плебея. Изобретателю оставалось ползти к богачу или высокому чиновнику за поддержкой, и не только финансовой, – за властной, социальной, высокой поддержкой. А масса в гробу видала их пользу.

18. Всю жизнь я повторяю себе Вильяма Блейка: **«Истину невозможно сказать так, чтобы ее поняли, – надо сказать ее так, чтобы поверили».**

19. Конформизм. Пренебрежение нижестоящими. Глухота и слепота даже к собственной пользе, если она исходит от тех, кого презираешь. Подражание вышестоящим. Стремление вверх и нежелание опускаться вниз. Все это имманентные свойства социума. Он так устроен. Его недостатки – продолжения его достоинств.

20. Вышестоящий наделяется даже теми достоинствами, которых у него нет. Вышестоящесть – для толпы уже основание видеть в нем всякое разное хорошее. Правда, здесь есть оговорка: вышестоящесть должна обладать реальным авторитетом (чего обычно нет у сегодняшних лидеров, раздутых политтехнологами и СМИ).

21. Учиться будут у того, кого сначала признают выше себя. Это признание можно снискать властью, деньгами, бумажками, силой. Сначала должны уважать тебя – потом будут уважать твое мнение. Его большинство не поймет – но примет к сведению и усвоит, будет повторять. Нерассуждающий попугайский конформизм массы – необходимое условие существования социума.

22. *Чтобы утвердить свою истину, надо поставить себя над толпой.*

.....

(Заметки на полях:)

1. Сообразительность – лишь часть ума, род ума, но не адекватна уму. Ум – составляющая значимости, одно из условий значимости, но не адекватен общей значимости. Если сообразительность расходится со значимостью – тем хуже для сообразительности. Род ума, презираемого властью и толпой, – именно сообразительность, не замахвающаяся прямо на переструктуризацию социума: ум, направленный на достижение власти и влияние в обществе, всегда всем понятен.

2. Под «гением» мы подразумеваем обычно не Наполеона, а ученого или художника. Непризнанность гения – один из вечных исторических сюжетов. Дело здесь не в тупости толпы. Не в зависти бездарных, не в злобе лояльных. Но в социальном великом инстинкте, который сотни тысяч и миллионы лет назад собрал наших предков в группы, спаял воедино и позволил победить и выжить.

3. Даже умные, образованные и талантливые люди, умственно держащиеся в общепринятых, традиционных рамках науки и искусства, сначала чаще всего яростно отрицают гения. Ум здесь не при чем. Это чистая социопсихология. В отрицании нового гения являет себя консервативное начало социума: стремление социума к самосохранению.

4. Стремясь к знакам социального признания и значимости – гений объективно стремится к утверждению своей истины. Золотой венки, премия, орден, – это социальный код значимости гения и его творений. Бедность, скромность, отдаленность от власти – для толпы означают глупость и несостоятельность гения. Дурак в регалиях и гений в безвестности для толпы принципиально невозможны.

5. Внедрить и утвердить новое – значит преодолеть инерцию и сопротивление среды. Это сделает сильный, но не сможет слабый. Гениальность требует силы.

6. Гений – это гениальность плюс характер.

Прокрустово ложе социума

1. Эта легенда распространилась так широко, что есть вариант и про Солона в гостях у Поликрата. Путешествующий мыслитель в поисках наилучших законов спросил у тирана, благодаря чему на Самосе царит образцовый порядок и спокойствие? Беседа, они шли через просяное поле, и время от времени Поликрат срывал верхушки самых высоких метелок. «Смотри!» – повел он рукой назад: за ними лежала ровная поверхность. – «Так я поступаю и с людьми».

2. Афинский остракизм был интереснейшим институтом. Всеобщим равным и тайным голосованием могли изгнать любого! Заявленная причина: его взгляды и действия опасны для отечества и чреваты тиранией. Склонные греки повыгоняли многих выдающихся граждан, которым были обязаны победами и процветанием. Часто – из зависти, из ревности, по надуманным обвинениям. Но. С учетом буйного темперамента. Необходимо признать. Что веками афинская демократия все-таки самосохранялась, не позволяя сильным и эгоистичным подгрести себя под зад. Из двух зол выбрали меньшее: лучше народовластие без самых ярких лич-

ностей – чем самые яркие личности в качестве тиранов. Кстати: ярких и так хватало. Именно потому, что не дали тиранам затирать конкурентов.

3. Около трехсот лет Святая Инквизиция в Испании уничтожала до тысячи еретиков ежегодно. Любое отклонение от принятого канона веры, от принятого образа мыслей и действий каралось неукоснительно. А донос и пытка были прекрасными средствами получения признаний. Н-ну, поскольку же энергичность, ум и незаурядность человека толкают его делать что-то по-своему, в Испании выкосили все лучшее. Верность Церкви и королю привели великую империю в ничтожество, народ в заурядность.

4. Охота на ведьм в Европе закончилась истреблением красивых женщин и коррекцией генотипа. Это ж надо было придумать: «дьявольская красота»! «Красота – от дьявола, чтобы смущать души»! Сексуальные маньяки, импотенты и извращенцы, развернулись во всю женоненавистническую мощь, апеллируя к Господу и закону! (В те времена нигде не писалось, что славянские женщины красивее западноевропейских – зато сейчас это пишется везде, потому что и писать не надо.)

5. И командиру, и старшине, и сержанту наплевать, что солдат бесстрашен, инициативен, агрессивен и силен. На хрен! Солдат должен быть абсолютно дисциплинирован, исполнитель, послушен и беспрекословен, как автомат! Не создавать никаких проблем. Чтоб подразделение из таких солдат действовало воедино, исполняя приказ. Инициатива, злоба, умение, – только по приказу. В результате армия часто избавляется от лучших, и живет лучшим трудно из-за вечных конфликтов с начальством. Армии не нужны личности – армии нужны точные исполнители приказа. Если ты умный, талантливый, честный, храбрый, – ты в армии карьеры не сделаешь. Или тебя согнут, или выкинут.

6. Вот талантливые молодые кореша создали фирму. Или – новая политическая партия взяла власть. Или – открыта Академия Наук. Проходит время – и происходит бюрократизация системы. Во-первых, она обрастает формальностями. Во-вторых, лидеры системы, оберегая себя от конкуренции, всячески препятствуют приходу талантливой молодежи. Через несколько десятилетий, с постарением отцов-основателей, их все больше замещают бездари-аппаратчики, кооптированные системой именно за неконкурентоспособность.

7. Один из законов самосохранения и развития системы – отрицательная селекция.

Стремясь к стабильности, система проводит отрицательную селекцию.

Это относится к социумам от банды и театра до страны и цивилизации.

8. На разных фазах эволюции социума ему потребны разные люди. Раньше я уже писал: по мере эволюции социума наполнение социальных ролей меняется.

Возникновение! Лидер создает систему из группы послушных, единомышленников, обретающих значимость в единстве системы.

Взлет! По одному, или кучками, или группами, привлекаются все новые члены. Вот на этой стадии – и ценится талант, сила, доблесть, ум! Видят в человеке звездные проблески – и привлекают к своему делу. Дело растет быстро, и звездные должности возникают на глазах. Храбрые солдаты и лейтенанты становятся наполеоновскими маршалами. Революционные матросы сажаются в директоры банков. Владелец велосипедной мастерской становится автомагнатом и набирает толковую молодежь на бешеные должности и зарплаты.

Стабилизация. Присланные из метрополии чиновники раскулачивают и казнят конкистадоров. Взлет по вертикали сменяется расширением и укреплением по горизонтали. Личные качества и порывы заменяются параграфами договоров и законов. Обезличивание отношений. Свободная инициатива в чистом поле по своему разумению – заменяется ответственностью в правах и обязанностях выполнять распоряжения. Ну... если конкистадора уподобить буйной активной молекуле – то кристаллической решетке нужны стабильные молекулы. Буйная молекула нужна, чтоб преодолеть инерцию косного пространства, создать что-то не бывшее ранее на новом месте. А уже созданную кристаллическую решетку буйная молекула будет только

раскачивать и разрушать, и надобно ее удалить. То есть: креативные первопроходцы должны замениться надежными безынициативными исполнителями.

Вот в этой стадии все метелки, торчащие над общим уровнем поля, рвутся и выбрасываются.

Стагнация. Чиновники, оберегая свои места, берут в систему только тех, кто их места не сможет занять, не подсидит их. Смысл деятельности заменяется документооборотом, бюрократическим отчетом.

Дегенерация. Эффективность системы все ниже, и изобретается все больше правил и законов, чтоб она работала лучше. Правила начинают противоречить друг другу и изначальному смыслу. Умный и энергичный человек уже не может вписаться в эту систему, он неизбежно нарушает ее правила, она его отторгает.

Конец. Разваливается. Уже сами работники не хотят этой системы. Молодые и энергичные создают новую систему. Запускается новый цикл.

9. То, что система избавляется от дестабилизирующих элементов – это необходимо и хорошо. Буйные, не выполняющие приказов, не желая вписываться в рамки, нарушая цельность и единство, – грозят развалить, ослабить систему. А вне системы, без системы, человек не может ничего делать, и вообще не выживет.

Плохо то, что вместе с дестабилизацией выбрасывается высокая энергетика и незаурядность. Предприимчивость, креативность.

То есть:

Социальное устройство отбирает и поощряет людей, работающих на единство социума. Конформистов. Стадных. И вот уже среди них, чья индивидуальность и креативность – в пределах уровня единства, не вспучивая потолка единства, – социум отбирает талантливых, энергичных и незаурядных.

То есть:

Диалектика социального отбора состоит в балансе между уровнем конформизма индивида и степенью личной талантливости и энергии. В балансе между социальной адаптацией и креативным потенциалом.

В периоды стабильности социума социальная адаптация первична и предполагает снижение креативного потенциала.

В периоды реконструкции социума креативный потенциал первичен и предполагает снижение социальной адаптации.

10. Но. Только преобладание периодов социальной стабильности обеспечивает социальную эволюцию, рост знаний и технологий. И, тем самым, более высокий уровень реализации креативного потенциала.

Но. Только перемежение периодов стабильности промежутками социально-революционной нестабильности – обеспечивает регенерацию креативного потенциала элиты, возгонку креативного потенциала социума снизу вверх: из протухания в глубинах аморфной социальной массы – вверх, к определяющим социальным высотам.

11. Креативно высокопотентный индивид в условиях косного социума – маргинал, не вписанный в социально значимые структуры. Его потенция пропадает без применения. Либо же направляется в бюрократическую деятельность целесообразности без цели, что удовлетворяет потребности индивида в самоутверждении и занятию высокого уровня в социальной иерархии.

Революция меняет качественную реализацию креативного потенциала. Епископ, судья, откупщик, крутящие колесо системы за статус и блага, – могут стать революционными министрами, авторами конституций, командующими фронтами. – Но одновременно и главари бандитских шаяк, лидеры революционных кружков, мелкие учителя и чиновники с несносным

характером и затертые начальством, также могут выскочить на большой простор и вершить великие дела. Все революции и гражданские войны – тому массы подтверждений.

12. Что характерно: нарушение социально-психологического баланса в любую из двух сторон ведет к деградации социума и невозможности самореализации креативно потенциальных индивидов. Жесткое репрессирование креативно потенциальных личностей ведет вообще к ухудшению генофонда социума. Системная бюрократия заполнит все структуры социума и сожрет его. Системная дегенерация, которую креативщикам не позволено корректировать, разест страну. И когда эта система рухнет – уже мало будет вообще креативно потенциальных индивидов! Некому будет крутить колесо социальной эволюции на следующий виток. Типа вместо великого Древнего Египта останется ни фига: песок, руины и арабы.

Но предоставление креативно потенциальным личностям полной свободы – приведет к сплошным разногласиям, ссорам, развалу системы, к анархии. И в условиях анархии, без возможностей, предоставляемых социальной иерархией и всей культурой социальной пирамиды, – этим креативно потенциальным будет нечего делать. Их креативная потенция будет на фиг никому не нужна. Возврат к пахать землю и пасти коров всем поголовно – смогут заново изобретать сепаратор и стойловое содержание.

13. То есть. Вопрос подавления и поощрения креативно потенциальных индивидов в общем сводится к соотношению консервативного и новаторского начал в системе, равно необходимых в должной пропорции.

14. А поскольку все системные действия производятся «с запасом». То иногда консервативные силы начинают жрать живое мясо системы: передержки консерватизма. А иногда революционеры и модернизаторы разваливают все «до основанья, а затем» начинают заново с троглодитских хижин: передержки новаторства.

15. Креативно потенциальной личности непонятно и болезненно системное отторжение: он ведь хотел как лучше!

Конфликт между инстинктом индивидуальной самореализации креативной личности и консервативным инстинктом самосохранения социума – один из основных и постоянный социальный конфликт.

Это аспект имманентного противоречия между личностью и обществом. Между монадой и системой. Диалектика-с.

Увы и ах: уничтожение социумом «индивидуально лучших» еще не значит уничтожение «социально наиболее полезных». История трескается от случаев, когда «индивидуально лучшие» добивались своего, брали власть в масштабах от лаборатории до страны, а потом бывал тупик, или развал, или тихий ужас, или социально-психологическое перерождение в иной социальной роли.

Непонимание проблемы обычно проистекает из антропоцентризма. Цель культурной эволюции человечества – отнюдь не счастье людей, но этап энергоэволюции Вселенной.

Лидер

Кто должен быть лидером нации? Кто достоин? Кто правилен и желанен на этом месте?

Есть такая точка зрения, что – самый умный, образованный и высоконравственный. Что есть дурь политкорректной эпохи. Ибо самый умный должен быть мыслителем и ученым, самый образованный – профессором, преподавателем, и самый высоконравственный – духовным пастырем, монахом, патриархом, совестью нации.

Что требуется от лидера? Вождя, командира, руководителя? Требуется – чувствовать и стремиться в одно дыхание с народом. Говорить и действовать в унисон с народными чаяниями. Предводитель масс – как выразитель желаний масс.

То есть. Внушать к себе доверие и любовь. И при этом чтоб чувствовалось, что может внушать и страх. Зажигать своими словами и делами. Фигурально выражаясь: быть в бою впереди масс на белом коне.

Приводить массы к единению. Вести на великие дела. Сплачивать и вдохновлять. Формулировать общие вопросы и задачи – и давать на них ответы.

Организатор. Координатор. Вдохновитель. Сплотитель и усилитель. Вот что требуется от лидера.

Что и вытекает с простотой и непреложностью из сути объединения людей в государство. А суть его: свершение максимальных действий общими координированными усилиями. Это – истинная, системная, объективная, синергетическая суть государства как системы.

Какими качествами должен обладать лидер? Главнейшее и первейшее – умение увлечь, подчинять своей воле, направлять на единую цель, внушать доверие, любовь и некоторый страх. Мы это уже сказали. При чем здесь, черт возьми, университетский диплом, докторская совесть и кристальная степень (в смысле наоборот)?

Представьте себе насыщенный раствор, которому до кристаллизации не хватает одной крупинки. Ему не нужна самая красивая, или самая вкусная, или самая дорогая крупинка. Ему нужна такая, чтоб раствор кристаллизовался! Хоть она, простите, на крупинку дерьма похожа. (Да простится мне химическое сравнение с отходом от химической точности.)

Лидер – это тот человек, с помещением которого на нужное место человеческий раствор приобретает мощное, повышенное, согласованное качество.

Наличие лидера, выбор лидера, назначение командира, признание монарха, – это способ координации людской массы. Кто лучший координатор и лучше направит всех на нужные и желанные всем действия – тот и лучший лидер.

(И заметьте – подсознательно! сам не понимая, почему! повинуюсь интонации стиля! – я долблю одно и то же с акцентированными повторами, как лидер говорит с толпой. Флоберу стало плохо, когда он писал отравление Эммы Бовари...)

Наполеон кончил военное училище, Сталин не кончил семинарию, Хрущев кончал типа партшколы, а Путин кончал хороший университет. Ну и?.. Сделайте свой выбор.

Государь император Николай Александрович был чудесной души человеком. И образован весьма. Хоть в университет и не ездил, но царям давали довольно приличное образование прямо на дому. Университет на развес с доставкой. Ан туповат был и к должности в серьезное время не способен.

Железная воля – вот главнейшее качество лидера, без которого нет остальных. Железная воля – в основании всего. Стоять на своем, гнуть и прельщать, ломать и заласкивать, добиваться любой ценой. Потому что другой цены История не понимает.

Готовность брать на себя любую ответственность.

Умение адекватно отвечать на Вызовы времени, – сказал бы социоисторик тойнбиевской школы. Харизма, – сказал бы политтехнолог постсоветской эпохи.

... Он должен быть Высшим Существом. И при этом видеть, понимать и любить нас. В нем должны персонифицироваться наши надежды и желания, наша гордость и наше достоинство, наша значимость и наше единство.

ЛИДЕР ЕСТЬ ПЕРСОНИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИНКТА МАСС

Он силен нашей силой, страстен нашими желаниями, мудр умами всех нас, и только он мог собрать и воплотить в себе все это, став над нами – нашим именем и во имя нас.

Самопожертвование. Он живет нами и для нас. Он готов умереть ради нас. Он сжигает себя ради нас. Ему ничего не надо для себя. И поэтому мы готовы отдать ему все.

Любовь и страж! Вера и восторг! В огонь и в дым! Вот что такое лидер. Засуньте себе в задницу дипломы и премии.

В е л и ч и е и з а у р я д н о с т ь. Или царь должен быть – росл, величав, громогласен. Внушать трепет и восторг обликом! Когда крестьянские депутаты увидели маленького и тихого Николая II, они руки опустили от разочарования... Вот Петр Великий, о!..

Или Император или Генсек должен быть мал ростом, прост костюмом, скромн манерами – но по его жесту армии врага крушат! толпы умрут! Ибо мудр и непобедим, и через то силищи нечеловеческой. Ну, здесь короля играет свита и репутация.

Либо это Полубог над нами. Либо скромняга-парень, один из нас, но воля и ум его, и значимость в мире таковы, что побаиваются и подвигаются полубоги: так-то!..

Выпил вор (зек, чеченец, казак) со Сталиным самовар спирта, съел барана, и тогда дал совет. Значимость лидера в воображении растягивает все человеческие качества, характеризующие серьезного человека с положительной стороны: вот за что уважают, так он – сверхдостойн уважения.

Либо – не такой, как все! Либо – точно такой, как все, но это с виду, а на деле – еще более не такой, как все!

Ф о р м а л ь н ы й и н е ф о р м а л ь н ы й. Сержант в армии силен принадлежностью к армейской командной системе. Но самый здоровый и волевой в отделении/взводе является реально главным в нештатных ситуациях и вообще «по жизни». Когда-то вот таких и посылали на третьем году в полковые сержантские школы... но это уже другая тема.

Понятно, что несовпадение формального и неформального лидеров ослабляет систему и говорит об ее бюрократизации, несовершенстве, дегенерации. Реальный обладатель лидерских качеств и должен стоять на его месте. «Положительно необходимо, чтоб эта четверка храбрецов перешла ко мне на службу, – задумчиво пробормотал Решилье».

С и с т е м н ы й и н е с и с т е м н ы й. Но. Но. В системе типа армейской. Главнейшее назначение промежуточных и низовых командиров. Это претворять в массы приказы Лидера-Командующего. Эта функция послушания, исполнительности, верности приказу, – важнее многих прочих качеств. А уж умение заставить нижестоящих выполнить приказ Вышестоящего – стоит всего! Поэтому Сталин ценил Жукова – прощая страшные потери и катастрофические провалы, за которые расстреляли бы любого другого.

Самый же харизматичный, талантливый и храбрый, который начинает обсуждать и осуждать приказы, пусть дурные, нарушая великий принцип единоначалия. И подлежит ликвидации. Ибо единство системы важнее и ценнее любых самых храбрых и сильных по отдельности.

Конфликт личного и социального инстинкта в жесткой системе.

Ярким индивидуалистам вообще не место в строю или в толпе. Им же хуже будет.

П р о т о к о л ь н ы й и р е а л ь н ы й. Современная демократия, она же капитализм, она же общество свободного предпринимательства, дала вполне новый тип государственного лидера.

Вожак в животном стаде – самый физически здоровый и мощный, наиболее способный в борьбе за выживание. Открытой конкуренцией – в бою или ритуальной демонстрацией силы – он побеждает соперников.

Вожак в первобытном человеческом стаде, скорее всего, был подобен качествами вышеупомянутому.

По мере развития протоцивилизации и цивилизации требовались, кроме качеств физических и волевых, еще и умственные способности. Военачальник и царь должен быть еще и мудр! – ну, хоть в некоторых областях и пределах.

Введение института монархии, власть наследственная – была ступень в стабилизации общества, должна гарантировать от смут и гражданских войн. Это что значит? Это значит, что качество власти уже не в полной мере, уже в меньшей мере, а иногда и совсем в меньшей, зависело от личных качеств государя. Ибо. Значение и развитость государственных (или протогосударственных) институтов и законов с традициями сделалось велико, и кто бы ни правил – должно было происходить одно и то же. Государю оставался весьма узкий коридор полно-

мочий, а штат советников и помощников компенсировал и нивелировал его решения и действия до некоего среднеприемлемого уровня. Сильного и резкого государя окорачивали, слабого подпирали и поднимали. (Поэтому сильный гнул и ломал окружение, а слабый попадал под каблук волевого первого министра, визиря или т.п.) Строго говоря – правил не король, но – корона и трон! Символы самодержавия как фетиш объединяющей и координирующей власти.

Когда в великом 1792-м французы провозгласили смерть королям всего мира! – ну таки монархии прогнали. Выродившиеся габсбургские уроды, пуская слюни, загадили собой троны Европы, превратившись в роскошествующих паразитов. Власть – реально талантливым и полезным гражданам! – прокричал Конвент.

Насколько выборные граждане оказались полезны – это вопрос отдельный. Но то, что первые президенты и премьеры всех молодых демократических государств были яркими и способными людьми, энергичными, патриотами, – видно и очевидно. Народ отдавал голос и сердце тем, кого уважал, кому верил, чьи достоинства знал.

А затем? А затем. Демократическое общество свободного предпринимательства построило развитый капитализм. Одни высоко поднялись. Другие несколько опустили. Расслоение между верхом и низом увеличилось.

Не только и не столько материально увеличилось. Демократия сломала сословные перегородки – все стали социально равны! А дальше: пара поколений – и деньги породили новую касту, со своими обычаями, приличиями, образом жизни и образом мыслей. Свой круг. В нем женятся, дружат и берут на работу по высшим должностям. Исключения редки, и вошедший снизу в касту плебей – становится «одним из нас», «в нашей лодке».

И одновременно с материальным и научно-техническим подъемом цивилизации в великом XIX веке. Сильно выросло население Европы и США. Прямая демократия все более сменялась непрямой, косвенной и опосредованной.

И одновременно растет грамотность. И вместе с ней – пропаганда и агитация, объявления и газеты. Потом вообще радио изобрели. Про телевидение и XX век я вообще не говорю.

Избирательная кампания стала превращаться в шоу. Шоу стоили все больших денег. Специальные люди профессионально «раскручивали» кандидатов в Начальники страны. Электорат все меньше знал этих людей и все больше хавал избирательной жвачки.

А поскольку демократия, и власть Закона, и независимый Суд, и непродажная полиция, и священная неприкосновенность частной собственности. То, независимо от личных качеств и талантов Начальника, экономический и культурный организм страны работал по накатанному режиму.

Кто решал вопросы? Под зонтом Закона, на поле Закона, умея применить Закон с максимальной пользой для себя? Адмиралы экономики. Крупнейшие промышленники и банкиры. Корпорации и синдикаты. Они лоббировали законы. Они содержали государство на свои налоги. Они владели львиной частью доходов. Они создавали рабочие места. Они финансировали науку. И СМИ, кстати, и культуру, и университеты, и лаборатории.

Несменяемая верхушка, передающая экономическое богатство страны по наследству, финансирующая все ключевое, продолжает решать вопросы.

Об чем они думают? Чтоб им не было хуже.

Внимание:

СОБСТВЕННИК ВО ВЛАСТИ РАССМАТРИВАЕТ БЛАГО ГОСУДАРСТВА ТОЛЬКО В ТОМ СЕКТОРЕ, ГДЕ ВИДИТ СОБСТВЕННОЕ БЛАГО.

Это искренне. Это закон психологии. Это даже не перерождение личности. Это называется социальная адаптация. Она свойственна каждому. И каждый адаптированный совершает свои шаги в свете и в секторе той своей действительности; к которой он адаптирован своим образом жизни. Волк обожает лесную природу, но не может не есть зайцев. А кабан не подрывать корни.

Корпорации, желая блага государству, видят его только в том секторе, где им будет лучше, или хотя бы не хуже. Они искренни!

Они интимно и честно уверяют друг друга, что иначе невозможно, что это и есть благо страны!

Понятно, что они хотят в Начальники того, кто будет им полезен.

Крупнейшие политические партии цивилизованных стран, существуя на средства корпораций, входящих своими лидерами в эти партии, начинают искать подходящих кандидатов в президенты и премьеры. Это не важно, если он будет глуповат или слабохарактерен. Это даже лучше. Править будут они! Через штат советников, помощников, референтов и т.д.

От кандидата требуется хорошая биография и обаятельная внешность. Его назначение: вызвать доверие избирателей; чтоб за него проголосовали. Все!

Демократическая избирательная система выродилась в голосование за телекандидатов, о которых реально никто ничего не знает. СМИ печатают мозги.

И когда сегодня мы видим «лидеров» развитых государств. Мы видим, за редким исключением, заурядных никчемных людей. Которые читают речи, написанные спичрайтерами. Ездят куда им сказано и подписывают что подготовлено. Если один премьер – строительный жулик, а другой – жесткий полицейский, то это еще слава Богу. Остальные – просто ничтожные домохозяйки, пустоболты, несостоявшиеся юристы и не пришей кобыле хвост.

Они не лидеры. Они – таблички на пустом троне. Вывески. Протокольные фигуры. Марионетки.

За этими вывесками – реальные хозяева стран. Промышленники и банкиры. Профсоюзные боссы и владельцы телеканалов. Кандидаты в президенты – это продукты их консенсуса.

Мы живем в эпоху олигархических республик. Денежная аристократия правит миром. Они договариваются между собой. И впаривают свой выбор остальным.

Поэтому нынешний лидер может быть академик и святой, но значения это не имеет никакого. Ступайте царствовать, Ваше Величество! и хватит хныкать! Александр I наелся протокольного царствования полным ртом, с чего и вмер раньше сроку.

Объединительная функция высшей государственной должности. Для координации системы. Для увязки всех ее частей. Для легитимизации бумажек и постановлений.

Том Кенти с государственной печатью. Марк Твен был гений.

.....

(Замечания на полях:) Убирать любого непокорного! Влюблять в себя! Заставлять людей умнее тебя работать на тебя! Делать единой свою цель и цель масс! Умение внушать безоговорочную веру в себя!

ИДЕАЛЬНЫЙ ЛИДЕР ЕСТЬ ДВОЙНИК ЛЮБОГО ИЗ МАССЫ

Он как ты – только умнее, сильнее и лучше во всем. Ну – в идеале.

Функция и сущность лидера – единение и координация максимальных действий масс.

Пылесос социального инстинкта

Почти все великие лидеры обошлись родине в моря крови. Почти все великие исторические предприятия сопровождались масштабным разрушением и разорением. Великая эпоха громоздится на костях – солдат, работников, и просто затянутых под колесо. Это всем известно.

И однако. Когда говорят о мерной поступи железных легионов Рима. О наполеоновских войнах и первых кругосветных плаваниях. О мертвецах, на которых поднялся Петербург, или о голодоморе первой сталинской пятилетки. Имеет место пг'еинтег'еснейшая вещь! Всех впе-

чатляют, вдохновляют и привлекают великие свершения. Которые в восприятии, в воображении, в значимости заметно перекрывают издержки и потери.

То есть. Ретроспективно позитив практически всегда перекрывает негатив.

И здесь можно сделать тот вывод, что нежелательная информация подавляется и измещается (хотя бы частично), а желательная увеличивается и занимает сравнительно больший объем сознания. Это пока почти по Фрейдю. Хотя речь о памяти не индивидуальной, а коллективной и исторической.

Поскольку скорее стоит жить, чем сдохнуть, постольку жизнь скорее неплоха, чем плоха. Суммирующий эмоциональный итог от всех получаемых жизненных впечатлений – скорее позитив, нежели негатив. Если негатив – депрессия, болезни, самоубийство. Так что сама наша психика, уже в силу своего устройства, всегда позаботится о том, чтобы положительное сальдо позитив-негатив держало нас на плаву.

И когда речь о деяниях Истории – дело не в информации, а в ее оценке. Положительная же оценка субъективно задана общей позитивной ориентацией нашей психики. Поэтому не столько ужасают кровавые безумства Тамерлана, сколько впечатляет его военная мощь, грозность, победоносность, государственное строительство, масштаб личности.

Вот эту просто психологию мы сейчас развернем социальной стороной.

Крестьянский сын не хочет думать о крестьянах, сгнивших на стройках в неведомых топях, – а хочет думать о: «...юный град, полночных стран краса и диво, из тьмы лесов, из топи благ вознесся шумно, горделиво!» Он отождествляет себя с победами, а не потерями. С победителями, а не жертвами. Хотя в ту эпоху – сгнил бы на работах однозначно, не барин чай! Или помер в военном походе, или сгинул в северных лесах, в бегах от власти...

Наивный школьник эмоционально отождествляет себя с римским легионером, а не растоптанным провинциалом-варваром, каким стал бы в ту эпоху. Юный консерватор – с суровым пионером колоний, разбогатевшим среди опасностей... но отождествлять себя с жертвой дизентерии, малярии, холеры и желтой лихорадки, от которых мерли девяносто процентов колонизаторов, – он не хочет.

Он хочет отождествлять себя не со сдохшим в страданиях большинством – а насладившимся победой меньшинством. Даже – даже! – если это меньшинство на деле ему чуждо этнически, политически и религиозно. Александр! Чингиз! Сталин!

Инстинкт влечет нас к отождествлению с победителями. То бишь – влечет к большим делам, к риску, к максимальной самореализации.

Но. Он ведь знает, что большинство-то там погибло. Почему же ему все равно это эмоционально притягательно? Кой хрен катарсис, глупые юные романтики о нем не слышали!

...Большие групповые свершения – командные, коллективные, социальные, – сопровождаются гибелью большей части индивидов. Но – социум утверждает себя, теснит врага, расширяет сферу передачи своих генов и своей культуры. То есть: выполнение системной задачи сопровождается естественным отбором. Групповые свершения – аспект межгрупповой борьбы, эволюции человечества.

И вот инстинкт индивидуального сохранения говорит: «Дурак, сиди дома. Семья, хозяйство. Убьют ведь! Ты посмотри в прошлое – ведь почти никто не выживал в таких передрягах! Один из десяти, может, плодами боев и трудов пользовался, выжив...» А социальный инстинкт бодрит в ритме марша: «Вот какие дела люди делали! И что создали! Такие же, как ты! И ты можешь. Ты такой же, ты победитель!»

И солдаты – XVII век! XVIII век! шеренгой на штыки и пули, резаться лицом к лицу! – шагают под барабан. Да ведь убьют каждого третьего, а то и всех! Но – через надежду, через авось, через кружку водки, через многолетнюю уверенность военной муштры – социальный инстинкт твердо ведет вперед. Мы!!! – должны победить, и мы победим. Ужась... Смертнички!.. а идет, и каждый рассчитывает выжить и победить.

А если возобладает индивидуальный инстинкт самосохранения – труса и дезертира вздернут перед строем... Взбодрить прочих.

Но. Но. Но. Эти социальные институты принуждения, наказания, организации и страха, которые заставляют индивидов строиться и выполнять социальные задачи и системные функции, эти полиции, заградотряды, военкоматы и ордена, – они все вторичны. Они все – производные от социального инстинкта. Они – его реализация и детализация.

А первичен – он. Социальный инстинкт. Стремление к великим делам и великим подвигам – в составе прославленных групп, железных когорт, беззаветных патриотов и самоотверженных созидателей. Давно истлели кости бойцов, пали державы и сменились эпохи. Но когда наше воображение на миг переносит нас туда – о нет, мы не дезертиры, мы не здравомыслящие, и мы даже не гуманисты! Мы франтиреры. Через нас энергоэволюция Вселенной движет себя с максимальной силой по всем направлениям пространства-времени.

Капрал не загоняет нас палкой в строй, заградотряд не направляет нам в спину пулеметы, водка не дурманит мозг и пропагандисты не загаживают его. Мы – сами! – занимаем место в древнем строю бойцов, и шагаем вперед, и готовы отдать все силы, и рассчитываем выжить, и победить, и насладиться победой.

Вот эта романтическая игра воображения – есть ярчайшее и чистейшее проявление социального инстинкта. Мы отождествляем себя с победившим социумом! – а не с мучениями и смертью большинства его членов. Вот эта извечная игра воображения! – как крошечная прозрачная акварель, отображает отношение человека к конфликту между индивидуальным и социальным инстинктами.

Нет-нет! – наедине с собой мы можем признаться в трусости, и эгоизме, и представлять, как ловко сумели бы спастись, увильнуть, спрятаться, выжить, и ну его на хрен этот кровавый ужас; оно конечно. Но одновременно мы представляем, как мужественно и грозно идем на опасность в первой шеренге – и побеждаем! и тебя все боятся! а свои уважают! И даже если убили – гм... сейчас это уже не так страшно и не так больно... в воображении-то... и хоть ты там и погиб – но одновременно здесь и сейчас ты жив и гордишься собой, и это приятно и правильно, позитивное такое чувство.

Так воспроизводится культура. Усвоенные с культурой идеалы играют в твоём воображении, как плюшевые волчата в логове: в свой срок они будут волками.

Скажи мне, о чем ты мечтаешь, – и эхо откроет будущее твоей страны.

Коллективная ответственность

Время проходит свой круг – и опять приходится доказывать банальные истины.

1. Человек идентифицирует себя и других на двух уровнях – индивидуальном и групповом. Или:

Идентификация имеет двухуровневый характер.

«Я» («ты») – хороший или плохой, умный или глупый, трудолюбивый или лентяй, сильный или слабый, красивый или уродливый. А также, скажем: я – врач, муж, сын, отец, брат, меломан, альтруист. Личностная идентификация – это характеристика человека, определение человека, круг занятий и обязанностей человека. Это – портрет и анализ личности: вот ты лично, сам по себе, – что из себя представляешь, чего стоишь? Дружить с тобой или дать по морде, любить тебя или гнать, доверить тебе дело или жалеть.

Личностная идентификация – это совокупная характеристика всех качеств человека в полном объеме их связей с общим устройством мира и социума.

Но. Еще. Существовая как единица, индивидуум, личность, монада, – человек всегда и само собой существует еще как часть группы, член группы. Парень из нашего двора, нашего класса, нашего города, нашего кружка юннатов, нашей футбольной команды; нашей роты,

нашего округа, нашей армии, нашего рода войск; нашего института, нашей специальности, нашей фирмы; нашей национальности, нашего народа, нашей страны; нашей политической партии, нашей сексуальной ориентации, нашего министерства.

Групповая идентификация – это принадлежность индивида к группе, обладающей определенными характеристиками, качествами, свойствами, особенностями.

2. Между индивидуальной идентификацией и групповой образуется разрыв, качественное различие. Естественное различие между человеком как таковым – и человеком как членом группы.

Этот разрыв ведет к неустранимым противоречиям и спорам.

Сам по себе хороший человек, верный и храбрый. Но – эсэсовец.

Сам по себе плохой человек, эгоист и трус. Но – был санитар и выносил из боя раненых. Ага. Еврей. Но хороший. Русский. Но сволочь.

Есть различие между двумя сущностями человека – индивидуальной и социальной. Личность сама по себе и личность как часть своего социума – не одно и то же.

3. Человек гордится не только собой, но и своей группой. Его не существует без его группы. Я – это продукт моего народа, моей истории, наших побед. Это наш язык, наша культура, наша доблесть и наш ум. Таки да.

4. Группа – имеет свой имидж. О ней имеют более или менее стойкое представление. Что и необходимо для ориентирования в социальном пространстве мира. То есть:

Знать чужие группы досконально нельзя. Но иметь о них представление, иметь определенное мнение – необходимо. Это часть социальной карты мира, где я живу.

5. Оценивание другой группы всегда носит двоякий характер.

Если эта группа меня никак не затрагивает (древние римляне) – то я сужу о ней с точки зрения ее качеств, насколько я о них знаю, и по тем критериям, которые сейчас работают в моей группе. Они что – храбрые? мужественные? победительные? создали великую цивилизацию? гордились своими законами? – да: достойные были ребята, крутые, мощные.

Если эта группа меня затрагивает, исторически была враждебна, чем-то раздражала – о суки! Тогда оцениваем с точки зрения вреда, который от них был.

Немцы? Агрессивные, оккупанты, высокомерные, жестокие. Мы их били! Они на нас лезли. Научно-технически развитые, организованные, – но тупые, бездушные, расчетливые.

Татаро-монголы. Это просто звери! Пришли, пожгли, порезали, Иго установили. Мы храбро сражались, но были раздроблены. В конце концов им вломили и изгнали. Жестокие степные варвары!

Евреи. Эти просто лезут во все лучшие щели и норовят занять все лучшие места, причем не по заслугам, а коварством и солидарностью. Хитрые эгоистичные спекулянты.

Менты. Бандиты в погонах под крышей государства.

Врачи. Убийцы в белых халатах, кровью христианских младенцев торгуют.

Чиновники. Кровососы, взяточники, пауки, плюют на людей.

Правительство. Захапали все, что есть, и только и заботятся, чтоб не потерять власть. Добра и правды от них не дождешься.

Список бесконечен.

6. Должен ли честный оперативник отвечать за поборы гаишников? Должен ли эмчээсник Шойгу отвечать за шприц министра Кудрина, которым он выкачивает кровь из финансовых жил государства и сливает за границу? Должен ли детский хирург, умерший в пятьдесят лет от инфаркта, отвечать за упырей, торгующих детскими органами?

Нет базара. Хороший человек не отвечает за преступления, совершенные негодями из одной с ним социальной группы.

Э-э, бабушка, бабушка!.. Не так все просто.

7. Говоря о коллективной ответственности, мы не говорим о преступниках из какой-то социальной группы. Принципиально нет.

Говоря о коллективной ответственности, мы говорим о социальной группе, совершавшей коллективные преступления всей своей структурой. Говорим о социальной группе, для которой коллективные преступления были главным направлением деятельности, или одним из главных.

Вот команда пиратского корабля. Идут на abordаж и режут пленных не все. Есть ценные для хозяйства люди: корабельный плотник, штурман, кок, оружейник. Их в бой не пускают: берегут. Следует ли из этого, что они не должны быть повешены на реях? Да: сами не убивали. Но обеспечивали деятельность группы, без какого обеспечения она не могла бы грабить и убивать. Узел за левое ухо!

Вот банда, где убивали не все. Эти двое стояли на атаке, этот взламывал дверь, этот вел машину. К стенке всех! Убийство людей – результат их совместной, групповой деятельности.

А вот террористы. Убивали только они. А эти – кормили их, одевали, укрывали, сочувствовали и снабжали. А террорист – это не уголовник. Его террор – это борьба против враждебного ему социума и за победу своего социума. Сегодняшний терроризм – это борьба социумов! А в такой борьбе воюет максимум – максимум! – десять процентов населения. Остальные – это тыл, без которого невозможна война. Объявим ли мы тыл – не отвечающим за действия фронта?

8. В начале 2-й Мировой войны в Америке интернировали всех лиц японского происхождения. 99% – честные граждане или еще неграждане. Но. Необходимо было обезопасить свой тыл от вражеской разведки и диверсий.

Точно так же в Англии интернировали всех немцев. Ну, про отселение немцев в СССР в Сибирь и Казахстан подальше и говорить не приходится. Заметьте: не в лагерь, большое спасибо.

Вот это и есть коллективная ответственность в голеньком, чистеньком, дистиллированном виде. Японцы? Немцы? За проволоку! Увы – мы воюем с вашей страной, с вашим народом, хрен вас знает, у кого что на уме, вы – один народ, родная кровь, и шпионаж ваш очень даже возможен.

Когда англо-американская авиация сносила в щепень целые города Германии – реально это и была коллективная ответственность всего народа. Вермахт и СС не могли существовать в пустыне! Их надо было родить, воспитать, любить, кормить и одевать, снабжать и лечить.

9. Убийцу не присуждают к отсечению убивавшей руки. Но к отсечению головы. Рука – лишь рабочий орган преступной личности.

Армия, боевики, террористы, партизаны, – это лишь рабочий орган социума, группы, народа. Они – часть его. И оставшийся в целости остальной организм – очень быстро регенерирует, породит, восстановит свой отсеченный рабочий орган.

Ошибочно судить часть социальной системы в отрыве от всей социальной системы.

10. Когда одно первобытное племя – сто рыл, двадцать воинов, – налетало на другое, то убивали всех, и не могли себе вообразить иного порядка. Наши враги – не конкретные люди, но эта группа!

Она вырастит новых воинов, и через двадцать лет они уничтожат нас, вы охренели!

11. Следите за движением моей правой руки. Итак:

Любого человека идентифицируют на двух уровнях, причем каждый двоятся в глазах, в смысле в мозгах. А именно:

Он – сам по себе. Сначала – его имеют за нормального приличного человека, то есть – социально адаптированного, морального, не хама и не сволочь, не дурака и не гения. Потом – его узнают и имеют за того, кто он есть на самом деле.

Он – как член группы. Сначала – как член группы трафаретной, расхожего имиджа группы, усредненный представитель самых ярких качеств группы в среднем. Потом... через него узнают его группу чуть лучше. По нему откорректируют мнение об его группе. Но – он все равно останется членом той группы.

Вначале: личной идентификации еще нет, представление о нем только по имиджу группы. Потом: личная идентификация имеет все большее значение, а групповая – все меньшее.

Но: идентификация группы – гораздо устойчивее, мощнее, долговечнее идентификации личности. И если со временем имидж личности все больше расходится с имиджем его группы – имидж группы по о ч т и не меняется. «Они» все равно такие, просто «ты» не такой, как они. И чем меньше знакомство со всей группой – тем устойчивее и неизменнее представление о ней.

12. Ибо социальная характеристика, групповая характеристика, – гораздо важнее для другой группы, чем характеристика любого отдельного индивида той группы.

13. Социальная идентификация, аспект социального инстинкта, делит людей на «мы» и «они». Иначе невозможно. Эволюционный механизм, эволюционная психология неотменимы.

14. Внутри одной группы конфликт индивидов носит личностный характер. Конфликт тех же двух индивидов, но принадлежащих к разным группам, неизбежно принимает характер межгрупповой.

И тогда группа врага – автоматически воспринимается как враждебная группа.

Ибо. Столкновение двух групп отнюдь не носит характер «каждый дерется с каждым». Достаточно столкновения представителей, застрельщиков, небольших боевых групп. Группы, как шары на столе, как пятна на рисунке, сталкиваются лишь краями, чуток – но импульс удара, энергия отраженного удара, передается всей системе!

Импульс столкновения гасится всей системой группы.

Энергия удара передается всей системе группы.

Что в переводе на человеческий язык означает: все отвечают за каждого, и каждый за всех.

15. Бессмысленно пытаться лишить человека групповой идентификации. Это противоречит его человеческой сущности – человека группового. И противоречит его психологическому устройству, социальному инстинкту, руководящему им.

Бессмысленно человеку пытаться дистанцироваться от своей группы (народа, расы) перед лицом и окружением другой группы. Все равно не выйдет. Ибо групповая идентификация будет подразумеваться в глубине его существа под внешним слоем идентификации личной.

Социальное качество человека – значит в глазах людей больше индивидуального.

Ибо каждый инстинктивно ощущает себя членом группы, частью группы, человеком с групповой сущностью.

16. Групповая самоидентификация подразумевает групповое достоинство. Это «мы» совершили все подвиги в нашей славной истории, и я, как и каждый, один из нас.

Но. Точно так же. Симметрично. Неотъемно. Групповая идентификация подразумевает групповую причастность ко всем грехам, преступлениям, недостаткам конкретной группы.

Ибо группа идентифицируется не по именно положительным или именно отрицательным качествам. Но – по самым ярким, приметным, характерным качествам – независимо от их хорошеи или плохости.

И в глазах другой группы – ты носитель всех качеств группы.

Боле того: любой приличный человек должен помогать всем важным действиям группы! Сочувствовать, соучаствовать хоть чем. А иначе он предатель, унтерменш, человек порочный, негрупповой.

17. Вот и пусть – как член пиратской команды, как член враждебного народа, как часть группы поганой, – отвечает за всё и за всех!

Это и есть системный подход социального человека. Только такой подход, жестокий, суровый, эффективный, справедливый, и сделал человека человеком.

Твое племя и твоя группа породят другого такого же, как ты. Уничтожить тебя – значит уничтожить все твои гены, все твои связи, всю твою систему, которая тебя породила, и породит вновь.

Люди всегда это знали, не вдаваясь в науку, которой еще не было.

18. О нет, человек не остров, не сам по себе! Человек – это его семья, его народ, его страна, весь уклад его жизни, весь окружающий преобразованный мир. И должен знать человек, и всегда знал, что это не он один поступает вот таким образом – но его семья и его народ так поступают. И должен знать человек, что не один он в этом мире – но этот мир полон его заложников. Его дети и внуки, его друзья и земляки – все они заложники его действий. Все и ответят.

Этой силой и был силен человек в истории. Этой силой и поднялся.

.....

<Приписка сбоку:> В новейшее время, с запрещением коллективной ответственности, исчезла групповая солидарность, и народы стали беспомощны. И оказалось вдруг, что народы отсталые, полудикие, внедряясь в тело цивилизации, делают что хотят с коренным цивилизованным населением. Ибо если тысяча арабов, или пуэрториканцев, или чеченцев, или китайцев, будут в миллионном городе жестко защищать всеми силами каждого, и за каждым из них окажется стоящей тысяча готовых на все людей, – местные, повязанные запретительными законами, которыми сами себя удавливают, будут беспомощны перед пришельцами, раздроблены и слабы.

Такова сила системы перед слабостью аморфной толпы.

Кровная месть – апофеоз групповой ответственности.

Групповая солидарность – это аспект структурированной системы народа в противоположность аморфной массе толпы.

Коллективная ответственность – это оборотная сторона групповой солидарности, и групповой самоидентификации, и группового самоутверждения. Помни, что ты во всем един со своим народом. В горе и радости, болезни и печали, победе и поражении, святости и грехе. А иначе ты унтерменш, и живи-ка в земляночке отдельно от всех.

Имперский синдром

Это – плохие слова. Символ ретроградства. Колонизаторской ностальгии и великодержавного шовинизма. А также умственной ограниченности и личной ущербности. Такой тоскующий холоп, который хочет гордиться мощью барина.

Чего хочет имперствующий синдроман? Он хочет, чтобы его страна опять была великой и могучей, подчинившей и включившей в себя другие народ и земли. Если он живет за границей, в независимой стране, отпавшей от империи, – он не интересуется жизнью своей эмигрантской общины, землячества, а тянется к проблемам и интересам метрополии: идентифицирует себя с бывшей великой родиной.

Так: а плохо что? А то, что империя была плохая. Угнетала, зажимала, лгала, не давала, и вообще убивала. Свободы не было, богатства не было. Иностранцев подминала, соседей оккупировала.

Так. А он, имперсиндромщик, это знает? Знает, бродяга. Одобряет? Да в общем нет – не одобрям-с. Ему самому туго жилось. А все-таки – что-то такое... хорошее... правильное!..

величественное! что-то в Империи было... Гордость была. Величие страны было. Чувство причастности к великим делам было!

Это мы открыли Антарктиду, и разбили Гитлера, и вышли первыми в Космос, и создали периодическую таблицу элементов, изобрели телевизор и сконструировали автомат Калашникова. Это великое слово «МЫ».

То есть. На уровне индивидуальной самоидентификации – дерьмово я жил и мало значил; а теперь – человеком стал, вроде. А на уровне групповой самоидентификации: я был гражданином великой страны! НАС все уважали, боялись, считались с нами. МЫ, ничтожные поодиночке, ВМЕСТЕ вершили великие дела и решали судьбы мира.

Парень – а миру было лучше, что мы решали его судьбы? Ну, нет. А сейчас что – лучше ли без нас? Гм. Кому и лучше, многим и хуже. Но: мужик – МЫ же были людьми! Хоть какая, а вера. Хоть какая, а цель. Хоть что, а для страны, а не для себя.

То есть. Дорогие мои. Чего же проще. То, что вы называете сегодня «имперским синдромом» – это потребность индивидов в величии и победоносности своей группы. Антиэгоистическая, бескорыстная, лично не мотивированная, – потребность в мощи своей группы. И сожаление, что это было и прошло.

«Имперский синдром» – это потребность в групповом самоутверждении.

А через групповое самоутверждение обретает себя и самоутверждение индивидуальное: малая я песчинка – но часть великой горы!

Да без такого комплекса человек и не выжил бы в природе, и не поднялся бы, и царем зверей не стал, и сапиенса из него не вышло бы.

Имперский синдром – это политическое проявление социального инстинкта. Проявление простое, прямое, естественное.

Имперский синдром – это социальный аспект инстинкта жизни на пике политического системообразования. Я хочу жить – это возможно только в группе – мне нужно входить в группу – и нужно, чтоб моя группа была сильнее всех, победительней всех, великое всех. Мое величие – это величие моего государства! Мы – это я!

+1. Русский – означает: человек русской культуры, русской истории, часть русского народа со всеми его свершениями прошлого и настоящего. (Англичанин, немец, француз, швед, – то же самое.)

И вот я нахожусь среди другого народа. С которым себя не идентифицирую. Ну – по двум разным причинам, возможно.

Первая. Он меня отталкивает, не уважает, не любит, не принимает. И потребность в группе я реализую в своем землячестве.

Вторая. Я ощущаю себя представителем, носителем более мощной, древней, богатой культуры и народа, чем эти латыши. И мне психологически невозможно пытаться ассимилировать в этой мелочевости, когда я куда значимее носителей этой фигни на национальном языке.

И поскольку русский (англичанин, немец, француз) – это не набор генов, а еще и продукт всей истории, всей культуры своего народа, – то, дети мои, он естественно связан со своим народом неразрывной пуповиной. Он живет заодно с его бедами и радостями, свершениями и провалами, надеждами и наградами. Ибо «русский» – повторяем, означает человек русского народа (немец, француз, англичанин).

А местные/местечковые политиканчики-активистки обвиняют его в великодержавности, шовинизме и имперском синдроме. Что он интересуется только Большой Исторической Родиной, бывшей метрополией. Вместо того, чтобы жить интересами страны пребывания. Особенно если он получил ее гражданство.

В этом случае «имперский синдром» – это индивидуальное проявление инстинкта группового самосохранения. «Русский» означает: я идентифицирую себя с русским народом. Есте-

ственно, живу его интересами. Иначе я буду латыш славянского происхождения. А я этого не хочу, и себя таковым не ощущаю.

И наша маленькая колония, землячество наше, конечно считается с происходящим за окном. Но себя считает частью великого народа, от которого сейчас отделена политически и географически. Но – не психологически! Не культурно!

А если вы живете только интересами своей колонии и местного титульно-национального начальства – вы маргиналы, перекаати-поле, колонисты, мелочь пузатая и никому не нужная.

Психология роли

Психологическое обеспечение социальной роли.

Собственно, в этом и заключается весь предмет социальной психологии.

Социальную психологию следует понимать как *индивидуальное психологическое обеспечение структурированного социального инстинкта*. Или в конкретном случае – индивидуальное психологическое обеспечение локально обозначенного социального инстинкта. Или:

Социальная психология – это изучение психологической мотивации социальной роли.

Переводим с доступного, но специального языка – на нормальный человеческий:

Почему на самые поганые и ужасные работы – всегда находятся люди? Не только под страхом расстрела или умирая с голоду – но и добровольно, и находя в своем деле грязном и ужасном какой-то интерес, профессиональные детали, кайф даже? Откуда берутся ассенизаторы, убойщики скота, палачи?

И второе. И как это получилось, что бандиты и проститутки были нормальными мальчиками и девочками? И будешь где-нибудь рядом с ними пить кофе, скажем, так и не подумаешь о нормальных внешне людях ничего такого.

И третье. Вот люди, которые правят, власть, – они что, не понимают, сколько эгоистичного вреда в их действиях для страны и народа? Их крышевание коррупции, сколачивание миллиардных состояний, публичная ложь, – зачем она? Неужели совсем совести нет, или вправду врагам продались? Кстати: если у тебя есть миллиард – ну сколько же тебе надо, ведь не истражишь, правнукам останется: так хватит же воровать и жульничать, ну отдохни, или живи честно, или уйди на покой, да что ж ты все хапаешь, прорва?..

Для начала констатируем, что разные социальные группы плохо понимают друг друга. И:

Психологическое обеспечение групповых противоречий составляет единое целое с индивидуальным психологическим обеспечением социальной роли.

1. Когда в детстве мы играли в войну, быть фашистом никто не хотел, конечно, все хотели быть нашими: спорили. Но когда фашисты были уже назначены – в них мгновенно просыпалась нехорошая, но искренняя злодейская радость. Мы засучивали рукава, делали зверские рожи, выкрикивали пять известных немецких слов и старались глумиться над партизанами и патриотами, наслаждаясь своей властью, и страшностью, и гнусностью, садизмом и беспощадностью. Подчеркиваю: искренне получали удовольствие от того, что было нам не просто чуждо – было враждебно и ненавидимо! Э?

2. А вот студенческий стройотряд едет в эшелоне на Мангышлак. И мы, кончившие первый курс шесть орлов, едем в штабном вагоне как «опергруппа» – типа патруля, красные повязки. И раз в час мы, добровольно, по собственной инициативе, из рвения молодого служебного, проходим в оба конца весь эшелон, пробираясь меж полок, и властно смотрим, не нарушил ли кто «сухой закон»: за выпивку – высаживание из эшелона и возможные неприятности с комсомольскими выговорами и т.п. Мы не трезвенники, и не любим начальство, и не гады, мы нормальные, мы как все. Чего мы пытаемся поймать кого-нибудь на выпивке? Зачем оно нам? Пока начальство эшелона, ребята уже по 25 – 30, не уняли наше рвение, чтоб сидели себе тише.

4. И тогда вспоминается опыт знаменитый и страшный. Отобранные добровольцы-испытуемые делятся на две группы: тюремщики и заключенные. Все – здоровые, психически устойчивые, без дурной наследственности, с приличным ай-кью и неагрессивные. И вот одни должны сидеть за решеткой, а другие следить за соблюдением тюремного режима. Срок – два месяца. В любой момент можно отказаться от участия. Опыт прекратили через месяц. Две группы приятелей-однокашников люто ненавидели друг друга, вредя друг другу всеми доступными способами. Тюремщики уже почти увечили заключенных, а заключенные были близки к убийству сук-тюремщиков.

5. А теперь вспомним опыт, когда актер за стеклом изображает приговоренного преступника, а доброволец должен дать рубильником напряжение, причем доброволец думает, что его никто не видит, а шкала рубильника имеет полукруг делений несмертельного напряжения. И почти все не «убивают» преступника сразу, а медленно проходят контактом всю шкалу, и «преступник» корчится от изображаемых мук. Боже. Добропорядочные граждане почти все оказались любознательными садистами!

6. Ну, и в заключение вспомним еще более знаменитый опыт, и совсем не страшный. Про длинную и короткую линии и девять подговоренных участников из десяти. Девять называют короткую линию длинной, а длинную короткой. И десятый не просто колеблется. Но в большинстве случаев не хочет верить собственным глазам, не верит очевидному, а верит большинству мнений.

За каждым из вышеописанных случаев и опытов стоит огромное количество подобных. Большие числа позволяют говорить о закономерностях.

А закономерности таковы.

7. Имеет место правило первое. Социальный инстинкт в человеке часто подавляет и подчиняет себе индивидуальный. Человек *совершенно искренне* предпочитает верить своему окружению, нежели своим органам чувств.

Про это и была сказочка про голого короля, которую мы играем сегодня и ежедневно.

Человек – существо групповое. Быть членом группы – означает придерживаться мнений группы, мировоззрения группы, ценностей группы. Это не приспособленчество, не лицемерие! Это могучий и главный социальный инстинкт сплавляет человек в группу как единый надорганизм.

Группа должна действовать воедино. Информация – основание для принятия адекватного решения и действия. Группа должна воспринимать и раскодировать информацию единым образом. *Для группы верно то, что ведет к достижению нужного результата.* Единство – первейшее необходимое условие группы для достижения желаемого результата. Поэтому для группы раскодирование информации должно быть в первую очередь единым. Это как принцип единоначалия в бою и беспрекословного выполнения приказа.

Если ты вождь группы – ты можешь трактовать информацию по-своему вопреки всем, и группа обязана послушаться. Если ты рядовой член группы – ты должен думать как все. Так для всех легче, проще, и группа остается единой. Еще раз: это не притворство! не лицемерие! Это – инстинкт.

Рядовой член группы искренне принимает любое мнение всей группы за истинное.

Групповой конформизм – это проявление социального инстинкта.

Групповое единомыслие – это проявление социального инстинкта.

Член группы читает информацию иначе, чем чужой.

Член группы видит мир иначе, чем чужой.

Групповая истина субъективна.

Групповая истина корпоративна.

Я не знаю, как еще доходчивее и проще выразить важнейшую и основополагающую мысль о субъективности корпоративной истины. Здесь необходимо понять последовательность:

Не потому истина, что она отвечает их интересам – а потому и отвечает их интересам, что она истина! и они ее познали и применили.

8. Стремление к выживанию группы – это закон природы.

Стремление к единству группы – это закон природы.

Стремление к единомыслию группы – это закон природы.

Групповая истина служит групповому выживанию.

Истинность групповой истины определяется ее полезностью для группы. Истинно то, что ведет к результату. (Да: здесь мы имеем дело с прагматизмом в чистом виде, Чарли Пирсу привет.)

Социальный групповой инстинкт мы можем сейчас назвать инстинктом единства. А индивидуальный инстинкт выживания можем сейчас назвать инстинктом самосохранения и инстинктом информационного ориентирования в пространстве, скажем условно. Так и вот:

Инстинкт единства сильнее инстинкта индивидуального выживания. Подумай сам: их много, у них много умов и много опыта, и они все выжили вполне успешно, и ты тоже выживешь среди них, а один, вне группы, без них, ты не выживешь, это смерть. И тогда для тебя *жизнь, истина и общее мнение – сливаются воедино.*

Инстинкт повелевает разумом. Разум обслуживает инстинкт.

Если инстинкт приказывает признать длинное коротким – разум ищет доказательства тому, что длинное коротко.

Групповой конформизм – залог выживания.

Групповое единство видения мира – база конформизма.

9. У группы только одна пара глаз.

У группы только одна пара ушей.

У группы только одна голова.

Много рук, ртов и гениталий.

В этом ее сущность и сила.

10. Влюбленный видит любимую не теми глазами, что все. Так и член группы видит истину. Группа существует в своем измерении, в своей системе координат. Общечеловеческие ценности, мораль, ментальность в группе подвергаются корпоративному искажению. Коррекции. Довороту.

Корпоративное рассмотрение информации отличается от «общегуманитарного». Корпоративное зрение выборочно, как у орла на дальность, змеи на движение и пчелы на цвет. Одно приближается, другое удаляется; одно ярко освещается, другое притемняется. В этом нет злого умысла или индивидуального эгоизма! Это следствие и аспект самого существования группы, ибо и существует она как единый надорганизм для выполнения определенных функций, существует группа только в динамике своего группового действия!

Сущность группы – групповая функция.

Групповая функция определяет отбор и трактовку информации.

Групповое ориентирование в информации – функционально.

Сытый голодного не понимает.

11. Представьте себя на берегу речки: луг, рошица, небо в облачках, даль безбрежная, и переходит та даль непосредственно в Космос бескрайний, черный и звездный, сейчас не видный сквозь атмосферу. И теперь представьте себе комнату объемом в кубический километр, выгороженную вокруг вас в этом пейзаже. Стены площадью в квадратный километр – не то зеркало, не то картина, повторяющая пейзаж: трава зеленая, роши, небо в облачках. Потолок в небо расписан. То есть живая природа переходит в выгородку, в декорации неотличимые,

отражающие и продолжающие природу. Даже похоже, что стены километровые – это стекло, сквозь которое просвечивает дальше натуральная природа. Но на самом деле – это такое отражение в замкнутом километровом кубе. Но – ощущение простора. Вам этого куба для жизни вполне хватает, вы в середине его находитесь.

Это – ваша зона, обиталище, здесь дом и работа.

Ваше зрение, ваш слух и обоняние, ваши планы построить дачу и половить рыбу, работа ваша и друзья иногда в гости – оно все здесь, в этом километровом кубе. Вся ваша энергия и ваши эмоции – внутри этих стен. Ваши чувства и интеллект – они способны контролировать этот километр, вы снимаете информацию с этого пространства. И все ваши психические реакции и вся значимая для вас информация – в пределах этой кубокилометровой комнаты: за ее стенами другой мир, отграниченный от вас, не касающийся вас, вы по жизни отвечаете только за свой участок, не за всю Вселенную.

Человек – не ограничен своим телом. Человек – открытая система, функционирующая заедно с окружающим пространством обитания. Все окружающее влияет на нас, а мы – на него. Геосфера, биосфера, ноосфера и т.д. – аспекты и срезы того же пространства. И вот ваши эмоции, силы, разум, чувства, – они распределены по этому километру и существуют заедно с ним. Это такой ограниченный кусок мира, объект – где вы субъект.

Вы чувствуете? Этот кубический километр – это вы и есть, он наполнен вашей энергетикой, воспринят вашими чувствами. Ваше восприятие, ваше мышление – они имеют форму кубического объема.

Так вот:

Мы не можем одновременно всех помнить, обо всех заботиться, всех слушать. Не можем одновременно всем заниматься. Не можем одновременно все делать и везде быть.

Мы переходим из одной комнаты в другую. И у каждой комнаты – свой размер и форма, там своя температура и там делаются свои дела. И, заходя в комнату, мы очень быстро адаптируемся к ее условиям. Буквально переключаемся.

Большая комната или крошечная – наше зрение мгновенно настраивается на даль или близь. Жарко или холодно – организм потеет или отводит кровь от поверхностей. В тихой – слух обостряется, а где гремит музыка – слух тупеет, зато ритмы сердца и мозга реагируют. В спальне расслабляемся, у станка напрягаемся.

С жизненными ситуациями, с групповым поведением, с психологией социальной роли – происходит то же самое. Очень быстрая перенастройка психики. Смена психологии со сменой социальной роли. Как костюм переодеть.

Мы переходим из одной социальной комнаты в другую. И психика мигом адаптируется к климату в новой комнате.

Каждой социальной комнате соответствует свой психологический стереотип. Входя в другую социальную комнату, мы меняем психологический стереотип быстро и легко, как костюм. Таков человек с его емкой и мощной лабильной психикой, с его чудовищным адаптационным ресурсом.

12. Человеческая психика подобна конструктору «Лего». Комплекты могут состоять из разного количества деталей, и прочность материала тоже может быть разная. Но в принципе из любого конструктора можно быстро собрать что угодно, вновь разобрать и перемонтировать.

Смена, перемонтирование психологического стереотипа происходит быстро, легко, безболезненно и как бы незаметно для самого субъекта.

13. Обычная цепь такова:

Чтоб что-то делать, надо хотеть. И полагать, что это стоит хотеть, оно неплохо. Или: желание – рассмотрение и одобрение желания – действие. Или оно же: желание – анализ – действие.

Теперь смотрим в ином порядке, очень даже жизненном: сначала – действие. Из меркантильных побуждений, по жизни так вышло, надо чем-то кормиться и т.п., но вообще это кормящее занятие я в гробу видал. Но: если ты что-то делаешь – твой глубинный инстинкт включает и налаживает всю цепь! И тогда уже желание следует за действием: стерпится – слюбится, любым делом можно увлечься, профессиональный интерес можно найти во всем. И тогда разум создает и подбивает под твои действия и желания рациональные обоснования; ибо во всем можно найти положительные, полезные стороны, и всему можно построить оправдания.

И тогда действие сует впереди себя желание, как платформу перед паровозом на заминированном пути. А за желанием прицепляет перед собой вагон с рациональным обоснованием. А само едет сзади. И сознанию тогда хорошо и спокойно. Потому что все как надо.

Это вроде как улыбайся через не хочу – и настроение улучшится, ибо ощущение напряжения тех мышц подсознательно связано с хорошим настроением. Вот и народный рецепт: делай через не хочу – глядишь, оно и захочется.

Наши действия, желания и обоснования связаны устройством нашей психики. Триада.

14. Если человек хочет одно, а должен делать другое, – это называется конфликт между чувством и долгом. Оно же психологическая сшибка. Опять же:

Если он считает разумом, что должен поступить вот так, – ну так он х о ч е т так поступить, испытывает стремление, тягу поступить так. Хотя это и опосредованное желание: он не хочет самого такого поступка – но он хочет, испытывает психическую потребность исполнить свой долг, т.е. поступить согласно разуму, анализу. Психика требует совмещения анализа и желания!

Разлад анализа и желания – это разлад двух желаний разной степени опосредования. Это что? – причина и база невроза. Это мешает действовать, т.е. жить. Психологическая сшибка нарушает функции организма, снижает иммунитет, ввергает в депрессию, провоцирует болезни, и резко снижает вероятность успеха, лишая человека уверенности и сил. То есть: это состояние организму нежелательно. Противоестественно даже. И нормальная психика устроена так, что от этого избавляется. Она принимает конкретное решение! И тогда одно желание утверждается, а другое выбрасывается.

Ликвидация психологических сшибок – это гаечный ключ, которым быстро и крепко свинчивается конструкция психологии социальной роли. Любой роли: лакея, палача, шлюхи.

15. В любых социальных условиях человеком владеют два стремления: самосохранение – и выполнение системной задачи в той роли, которую он занимает в системе.

Фокус в том, что *это двуединая задача*. Ибо сохранить себя можно только в рамках системы, а выполнение системной роли и есть сущность твоего индивидуального существования.

Но это вообще. В больших числах. В социальном и историческом аспекте. На уровне эволюции и прогресса.

А в частности – человек монада самообеспечивающаяся, с огромным индивидуальным адаптационным ресурсом и большим радиусом свободы воли. Это многовариабельность и автономность монады сообщают социальной системе гигантский запас устойчивости – и гигантские возможности самонастройки.

И в массе частных индивидуальное самосохранение противоречит выполнению системной задачи. Не хочу на войну, хочу кушать и жениться. Это всем видно и понятно. Явное и конкретное системное противоречие «монада – система» заслоняет итоговое единство «монада – система». Стр-роем, в ногу, запе-вай!! Если только система защитит тебя при опасности – то будь любезен являться полноценным членом системы. Не то все сдохнем, если не сейчас – то при первой же опасности. И:

Стремясь к самосохранению, организм стремится как минимум к самосохранению (какова максима?!). К здоровому нормальному функционированию всех органов.

Поэтому организм стремится к здоровью психики, она всем рулит.

Психика стремится сохранить свою нормальную структуру, нормальный стереотип функционирования. А именно, в рамках нормы:

Восприятие, отбор и оценка информации по важности – сортировка и анализ информации, необходимой для ориентирования и функционирования во внешней среде – выводы и рекомендации к действиям – планирование действий – совершение действий.

Образ действий диктует нашему зрению.

Цель действий определяет, какую информацию мы воспринимаем, а какую сознание отбрасывает. Отбрасывает всерьез, как горох от стенки: психика самосохраняется, избегая уродования.

16. В состоянии аффекта человек неадекватен: психически другой. Он может геройствовать или злодействовать, идти на костер или резать беззащитных. Картина его эмоционального мира искажена, окружающая информация читается им не так, как здоровым человеком. Суд, экспертиза, врач, лечение. И никто не спрашивает: «Как же он мог?» Его эмоции, энергетика и шкала желаний продиктовали ему вот такие выводы из картины мира.

Но он не сумасшедший! Он видит все правильно. Просто акценты сменились. Масштабы разных участков информации изменились. Карта желаний там вздулась, а там опала.

Состоянием аффекта мы считаем такое возбуждение, когда срывает сдерживающие центры. И сознание не властно над желанием. Гормонов и сахара столько, что боль и труд нипочем.

Но. Возбуждение той или иной силы и направленности присутствует у нас всегда. Карта мира и карта наших эмоций всегда искажена в каких-то участках и направлениях.

Человек в с е г д а видит окружающий мир необъективно, но под углом своих желаний и целей. А также лабильности и мощности своей психики, своего темперамента. Поэтому часто даже дружески настроенным людям нелегко понимать друг друга.

17. Позавтракать в анатомичке, облокотясь на вскрытый труп – шик медика первокурсника. Эмоции страха, брезгливости, суеверия, отвращения – подавляются, вытесняются цинизмом и бравадой, обрести профессионализм врача нелегко. Патологоанатомы – такие же нормальные отличные ребята, как все. Вот только в своем деле не такие, как все: другие в обморок падают и тошнят, а они работают. Ничего. Обвыкли, насмотрелись, приняухались.

А сунь им на вскрытие немедика в напарники – тот лучше в подметалы пойдет.

18. Работая в молодости на промысловой охоте и разделывая туши, я вдруг поймал себя на остраненной мысли, что точно так же можно разделать человека. Тем же ножиком, те же разрезы, тот же спуск крови и вынимание потрохов. Ничего особенного. То же мясо и хрящи. Палач, мясник, охотник за разделкой – один черт, работа. Первый-то раз страшновато. И курице голову отрубить страшно, и барана зарезать. А потом – нормально.

Тогда я и вспомнил бытовой роман Садриддина Айни «Бухарские палачи». Усталые рабочие люди...

Психика быстро прилаживается к обстановке, сохраняя нормальный стереотип эмоций и реакций при любых привычных действиях.

Сознание? А сознание словно блокируется. Работа и работа, делаешь свое дело. Да ножик поточить, да руки в ведре с водой ополоснуть от крови и лимфы, да перекурить раз в час, а то поясница устает. А потом помыться, поесть горячего и попить чифирку через затыжку.

19. Все смертны, всем родных хоронить в свой час приходится. Не дай Боже никому, а куда денешься. И вот эта анестезия чувств знакома с возрастом всякому. Сам делаешь, а сам до конца не осознаешь, а сам как со стороны смотришь. А потом все года вспоминаешь и сам немного не понимаешь того своего остраненного состояния.

И непривычная это роль, да инстинктом запрограммированная. И психологическое ее обеспечение инстинктом запрограммировано. И состояние свое, не совсем адекватное, ты помнишь. И делал ты то, что надо, иногда вспоминая свою деревянную выдержку и покой.

20. В любой ситуации, где можно выжить и функционировать, психика обретает устойчивый стереотип состояния. Любая экстремальная информация, входя обычной составляющей в эту ситуацию, перестает восприниматься как экстремальная, но будничная.

В расстрельном 38-м году в страшных сталинских концлагерях зачитывание в бараке расстрельного списка воспринималось как еще один пункт распорядка. Расстрел так расстрел.

В 1793 году французские аристократы шутили и рассказывали истории, прощаясь перед гильотиной. Большой террор. Палач был шокирован столь безответственным отношением к смерти.

21. Надо ли удивляться, что в любой постоянной житейской ситуации, в составе абсолютно любой социальной группы, психика человеческая «полагает, что все в порядке»?

Жить захочешь – привыкнешь, и все тебе будет в порядке.

22. Стремление психики к устойчивому, уравновешенному состоянию – это инстинктивная самонастройка организма и избавление от стрессовой ситуации.

Если ты не можешь изменить положение – измени свое восприятие этого положения.

Если ты не делаешь то, что тебе нравится – тебе понравится то, что ты делаешь.

23. И наконец: что такое Истина в этом нашем конкретном, социопсихологическом плане? Не физико-математическая, не археологическая или естественнонаучная. А Истина в плане человеческого общежития?

Вообще: соответствие наших представлений о действительности самой действительности.

В нашей частности: соответствие наших представлений о благе, справедливости, морали, счастье, – им, родимым, какие они есть в действительности. Оп: а в действительности они относительны и субъективны. Корректируются социумом и группой. Не считая индивидуальных различий.

Социальный инстинкт повелевает члену группы видеть благо, справедливость и мораль в том, что приносит наибольшую желаемую пользу наибольшему количеству членов группы и группе в целом. И ему самому! – поскольку он тоже член группы!

И этот феномен, простой, как мычание, и древний, как земля, этот феномен, известный на уровне факта всем нормальным людям, – тем же людям все-таки непонятен. «Ну почему они так... гады?»

24. Вот рухнул СССР, настала рыночная Россия. И это же поразительно – сколько умных образованных людей отождествляют благо страны с собственным!!! Нет – не политики, не бизнесмены, хрен бы с ними. Режиссеры, журналисты, художники: «Вот тогда я ничего не мог, а теперь я вот как хорошо живу, так что все хорошо в стране». Пенсионеры, официальные писатели, офицеры: «Раньше я был человек, и жил достойно, и труд мой ценился, а теперь все воровство, нищета и дерьмо».

Они не тупы. Они не жлобы. Они искренни! Они эгоисты не больше других. Они меряют мир критериями своей группы. Это инстинкт.

25. Стадный инстинкт – это пг'еинтег'еснейшая разновидность социального инстинкта. Сформулировал это выражение в научном смысле впервые британский хирург в I Мировую войну.

На миру и смерть красна. За компанию и жид повесился.

Стадная истина решается голосованием.

И:

Вся эмоциональная сфера человека сообразуется таким образом, что стадная истина эмоционально обслуживается точно так же, как религиозная священнику, научная ученому, моральная интеллигенту.

То есть: это Истина! – и все тут.

26. Что такое социальная истина? А-А-А-А!!!:

Социальная истина – это Категорический Императив.

27. Для того, чтобы группа могла существовать, ей нужна не просто единая система взглядов, – ей нужен Категорический Императив. Жестко повелевающий по ряду моментов придерживаться вот таких единых взглядов, и никак иначе.

Категорический Императив – есть необходимый системообразующий элемент любого социума. Стержень. Игла Кашея.

28. Разные социальные группы естественно необходимы для культурной эволюции социума, повышения его энергопреобразовательной деятельности. Разность групп повышает социальный энергопотенциал.

Противоречия и борьба между социальными группами – они источник социального развития, прогресса культуры и всякого такого.

Разность категорических императивов, т.е. идеологических стержней социальных групп, есть объективная заданность.

Групповая истина – это развертывание группового категорического императива.

Групповая психология – это реализация группового категорического императива через психологию членов группы.

Психологическое устройство человека (с индивидуального конца) – соответствует разнотипному устройству социума (с общесоциального конца).

29. Таким образом, и шлюха и палач, и банкир и бомж, живут в нормальном мире, который в принципе ничем не отличается от твоего. Деталью отличается. А чувства те же, и отношение то же. И каждый познал н о р м а л ь н о с т ь с в о е й ж и з н и.

30. И. И. И. Каждый средненормальный человек рассматривает интересы страны и народа только и исключительно в том секторе, где расположены его собственные интересы. Там его эмоции и мысли. Там его категорический императив. Там живет его группа, и края ее обитания – это границы его сферы достижения.

Поэтому.

Главвор во власти – искренний патриот! Он любит родину и работает на ее благо день и ночь. Но! Только в том секторе, где лежит интерес и польза его группы и его лично. За пределами этого сектора он не видит ни родины, ни ее пользы. Это – далеко, туманно, абстрактно, необязательно, и совершенно непринципиально, и невозможно по целому ряду объективных причин.

Истина вора – зона воровства. А патриотизм – это пожалуйста.

Поэтому миллиардер кует бабки. Этим занято все его окружение! Они это обсуждают, завидуют успехам друг друга, сравнивают яхты и замки. И чтоб ощущение дела! – а это уже только от движения миллионных потоков. Ну, есть такая профессия – миллиарды воровать! И здесь – свой кайф, и профессионализм, и чувство власти, и самоутверждение, и все как у людей. А кушать можно бутерброды с колбасой, не в этом суть.

31. Вспомним кубокилометровую комнату с тобой посередине и сформулируем к завершению:

Весь эмоциональный ресурс человека распределяется по объему и форме его существования, действия, внутри их границ.

А также:

Весь интеллектуальный, рациональный ресурс человека распределяется по объему и форме сферы его существования, функционирования.

А также:

Весь физический, энергетический ресурс человека реализуется и расходуется в пределах объема и формы его сферы существования.

И то, о чем говорилось в этой главе:

Психологический ресурс человека,

в принципе принимая форму мотивировок его действий,
и в принципе выполняя функцию соединения поступающей информации с предпринимаемыми действиями,
в принципе диктует отбор и угол анализа информации и такой образ действий,
которые наиболее эффективны в пределах объема и сферы существования и функционирования человека.

Dixi.

Или оно же:

Психологический ресурс человека принимает форму системы психологических мотивировок для действий, целесообразных и эффективных в сфере группы и системе группы.

То есть:

Психология так выстраивается, чтобы в этой природной кубокилометровой комнате оптимально обслуживать органы чувств и удовлетворение всех потребностей в тех формах и объемах, что эта кубокилометровая комната может предоставить. То есть: психология подгоняет себя под жизнь в этом кубе, максимально пристраивается обслуживать все действия, которые к форме и объему этой комнаты наилучше подходят. И одновременно – обратной связью – психология пристраивается получать максимальное удовлетворение, максимальные потребные комплексы ощущений – от тех действий, которые в этой кубокилометровой комнате возможны, эффективны, получаются, необходимы.

Функция нуждается в психологическом обеспечении – функция диктует психологическое обеспечение.

Информационный стереотип, психологический стереотип и функциональный стереотип жестко коррелируют.

То есть:

32. В одной и той же окружающей среде две группы (системы) для выполнения двух разных функций – выбирают для анализа и ориентирования два разных информационных блока – и два разных соответствующих им психологических стереотипа, мотивирующих связь между избранной информацией и намеченным действием.

Обе группы (системы) испытывают те же отрицательные эмоции от недостижения цели и те же положительные от достижения. Психическая структура личности остается та же. Мотивационная модель остается та же.

Разница психологических стереотипов лишь в том, что избирается разная информация для загрузки на входе – и намечены разные действия для выгрузки на выходе. А суть механизма одна.

33. Разные действия и коррелируемые им разные психологические стереотипы – диктуют доминирование для них разных информационных блоков окружающей среды.

И если волку несравненно важнее и естественнее съесть зайца, нежели сдохнуть с голоду – то для зайца нет сомнений, что его спасение куда важнее смерти поганого волчары. При этом оба они патриоты родного леса и пацифисты.

Точно так же ты предпочитаешь выпить чашку кофе – не думая даже, что эти деньги можно дать на буханку хлеба для спасения умирающего ребенка в Африке. Африка далеко, всех не накормишь, а выпить кофе на свои трудовые ты имеешь право. А твой банкир имеет право в кризис кинуть тебя и заныкать твои деньги. Всех не пережалеешь, а поддерживать свой законный банковский бизнес надо.

34. Разность групповых интересов повышает возможности переделывания мира во все направления и всеми формами. Т.е. работает на повышение культурной эволюции и в конечном счете энергоэволюции.

Разность групповых интересов есть один из стимулов для большего напряжения сил каждой группой и совершения больших дел каждой группой.

Разность групповых интересов – это конкуренция и естественный отбор, неотменимые факторы человеческой и культурной эволюции.

Разность групповых интересов повышает возможности выживания социума в катаклизмах.

Разность групповых интересов – это эволюционный ресурс социума: природа сама отберет, в какую сторону двигаться дальше; и природа сама отберет, что останется и пойдет в развитие при катаклизме, изменившем условия жизни и сгубившем многие другие группы.

35. Н-ну-с, а чтоб человек, член группы, монада системы, напрягал в группе все свои силы и пахал во всю мочь, – он должен быть свято убежден в ценностях своей группы! В истинности ее образа действия, в правильности ее целей и действий!

Вот он и убежден.

36. Похоже, что:

Психологическое обеспечение социальной роли – это проекция корпоративной модели на индивидуальную психологию;

это субъективная картина мира, определяемая корпоративным отбором и анализом информации;

это корпоративная целесообразность в качестве личной сферы достижимых целеположений, т.е.:

корпоративная целесообразность – это объективная цель корпорантов;

и психологический стереотип, свойственный группе, становится личной психологией человека.

37. Истина группы, как откорректированная информация об окружающем, – с принятием психологического стереотипа есть искренняя индивидуальная истина члена группы.

.....

(Заметки на полях:)

– Психическая сущность ценностной ориентации: что важно и что не важно, с чем считаться и с чем не считаться, что останавливает и что не останавливает.

Четкая связь: нужность информации

желаемость информации

важность информации

истинность информации.

Нужность определяет желаемость.

Желаемость определяет ценность.

Ценность определяет истинность.

Информационная картина окружающего – комплексная и комбинированная: те же элементы разными группами воспринимаются в разном масштабе как разные массы и силы. – Мир зайца и мир волка – это два немножко разных мира.

Все групповые картины мира истинны. Но соотношение элементов этих картин масштабно разное. Как карты в проекции Меркатора и других. Как круг местности, приближенный биноклем. Заячья жизнь для зайца и волка – ценности разного масштаба, хотя в принципе сходны. Вообще ты любишь птичек, а в частности любишь цыпленка табака. Если, покупая сорочку, ты не думаешь о нищем индусе, который ее строчил за грош, – почему богач, покупая бриллианты, должен думать о пенсионере без лекарств?..

– Групповые противоречия – это разность социальных потенциалов источник социального развития, аспект социальной энергии.

– Мораль – это групповая истина как ценностная система и шкала приоритетов. А групповая истина – это максимум пользы для максимального числа корпорантов.

—

<Комментарии к информации:>

1. Канцлер Германии негодуяще высказалась в адрес немецких солдат в Иране, которые фотографировались с найденным черепом в руке. Осудить и наказать! За циничную аморальную браваду! Садистские прихваты, понимаешь... – Но, милые мои! Долг и профессия солдата – быть убийцей по приказу, и убивать указанного командиром умело, профессионально и эффективно! И психология солдата мигом формируется в психологический стереотип бойца, воина, вояки, – сильного, наводящего страх, смертоносного для врагов! – Уволившись из армии, солдат опять становится законопослушным гражданином, работником, заботливым родственником. Бравирование атрибутикой смерти и жестокости – неотъемлемый аспект солдатской психологии! Ей манко быть инфернальной. Дьявол, кости и череп, мы смертники и расходный материал, трепещите от ужаса перед нами! – это необходимая часть психологии бойца!

Человек не машина, его психологический стереотип целен, солдат – не святой, убивающий со вздохом и кающийся всю жизнь. Если солдату не нравится быть бойцом, не нравится наводить страх на врагов, реальных либо воображаемых, не нравится сеять смерть среди врагов, реальных либо воображаемых, – это не солдат, это психологический брак, это моральная эклектика, ошибка природы.

2. Тридцатилетним старшим лейтенантом запаса я был призван на двухмесячные офицерские сборы. Только приехав в гарнизон и переодевшись в х/б, курим мы в тени, полста учителей и инженеров, семейные интеллигенты. И вдруг! – через плац! – в просвечивающем платье! – проходит молодая женщина! И мы все дружно ведем ей вслед носами и восторженно тянем: «У-у-у!..» Ну, будто год бабы не видели, будто одичалые пацаны. Аж сами поразились. Мгновенная смена стереотипа: женщина через полк идет! Армия тут... И все здесь иначе. И женщина тут выглядит иначе, и отношение к ней иное. И ценности тут другие. И баба – ценность особая, огромная, редкая, завидная. Мало их, практически нет, не подкатишься. Не важно, что все только от жен, не важно, что не красавица. Ты в полку, ты в солдатской шкуре, и изнутри этой шкуры ты видишь мир солдатскими глазами. Стереотип уже в твоей сущности, как марсианин в твоём сознании!

И в столовой мы, как в детсадишке, закатывали бенц повару, если порции казались маленькими или печенье (пять печенок самых дешевых, маленьких!) из офицерского доппайка забыли выдать. Взрослые мужчины с высшим образованием, насмешливо относящиеся, вроде, к этой «игре в солдатики». Ценности и поводы относительны – стереотип непреходящ, приняв форму ценностей солдатских, наличных, реально доступных.

3. Ничего приятного в том, чтобы отрезать барану голов у, нет.

Есть захочешь – зарежешь. И вот мы, обычные мужички, скотогоны, раздобыв выкинутый кем-то дешевенький фотоаппарат «Смена-3», фотографируемся – позируя зверски с отрезанной головой в одной руке и ножом в другой, подражая «зверствам Иностранного Легиона» в советских газетах. Мы дебилы? Нет, вроде... Игра такая. Уж если все равно резать – и вдруг тебе весело и кайфово выглядеть крутым резателем, которому кровь нипочем, и жизнь чужая нипочем, и вообще ты головорез и оттого балдеешь. Тебе приятно шокировать этим слабонервных гуманистов. Нейтрально-неприятный поступок вдруг прорастает в тебе неким... нет, даже не желанием повторить его – но удовлетворением от роли совершателя этого поступка.

Желание испытывать удовлетворение от себя в качестве совершателя конкретных поступков – имманентное качество человеческой психологии. Оно остается основой, осью, несущим каркасом любых психологических стереотипов, меняющимся в деталях мгновенно и легко.

4. Проститутки разговаривают между собой – с чуть дополнительной ноткой взаимоуважения, взаимопонимания и взаимосочувствия (когда не ругаются, конечно). Опущенные другими. Их общение выткано по канве корпоративной солидарности. К уважительным профессиональным ценностям относится умение развести клиента и закосить оплаченное время. А клиенту подаются как достоинства, скажем, прибытие девочек этой фирмы точно в срок или высокий профессионализм процедур. Это обычный профессиональный кодекс! Он может быть наполнен дойкой коров или шитьем обуви. Просто в данном случае он наполнен проституцией. А стереотип тот же!

Вот и психологический стереотип проститутки тот же. Работа есть работа. Радости и неудачи в работе в принципе везде те же. Детали не принципиальны. Принципиальна сама структура ценностей и отношений.

(Хотя, конечно, поскольку группа нелегитимна и социально неравноправна, – присутствует не комплекс неполноценности даже, а комплекс именно социальной ущербности своей профессии...)

5. Милиционер может рассказать, сколько есть профессиональных способов изувечить или убить человека и остаться по суду безнаказанным. Упасть на землю, выстрелить в воздух, второй выстрел – в человека: чтоб траектория пули была снизу, из падения. Потом рвануть на себе одежду и дать себе по губе. При отсутствии свидетелей или равном их количестве с той и другой стороны – по экспертизе ты был сбит с ног и защищался, произведя предупредительный выстрел. И т.д.д.д.д.

Мент – садист? Отнюдь. Нормальный парень. Он живет в ментовской группе корпоративных ценностей и взглядов.

6. Как омоновец бьет дубинкой по голове пенсионерку?! Молча, с размаху. Как учили. Работа есть работа, неслушающиеся люди есть неправильно себя ведущие, мешающие, не понимающие, выводящие из себя, враждебные, должны быть вразумлены, наказаны, приведены в надлежащее положение. И вся моя команда, взвод и рота, и командир полка, и министр Внутренних дел, государство и правительство так считают. Я – действую по Конституции, охраняю правопорядок, имею приказ, предупреждал мирно. А они – несанкционированно, беспорядки мутят, нарушают Закон. Сто раз не поняли!! Ну, врезал им, аж за жопы схватились – и мелкими скачками!

7. Прекрасно у Джером Джерома в «Троих в одной лодке». Трое друзей гребут на лодочке – и так и взорвали бы вонючие пароходы, которые нагло сгоняют их с фарватера! А потом едут на пароходе – и так и утопили бы пару лодчонок, нагло болтающихся под носом и мешающих! Шютка? А всерьез: смена ценностной ориентации диктует смену мировоззрения.

8. Друг-собутельник. Боец-задира. Бригадир-трудяга, футбольный фанат. Сын. Муж. Отец. И каждой социальной роли соответствует свой стереотип поведения и ценностей. И свой психологический стереотип, диктующий свою систему отношений. Психологические стереотипы могут меняться мгновенно – с выражением лица. Суровому директору звонит внученька – подчиненные аж удивляются его лицу. Исполнитель-расстрельщик может до слез переживать, что друг-сослуживец на услугу ответил ему черной неблагодарностью.

9. Нервная система, получая информацию от органов чувств, мигом корректирует функции организма, адаптируя к холоду снаружи, или жаре внутри, или предмету вблизи, или пейзажу вдали, или напрягая мышцы под нагрузкой, и т.п. Тут же меняется физиологический режим, режим функционирования организма, так сказать. Жрешь больше или меньше – организм перенастраивается больше-меньше переваривать, запасать, пускать в энергию сразу.

Смена психологического стереотипа – это адаптация высшей нервной системы, адаптация разума и эмоций, к сменившемуся образу действий, к сменившейся информации и новой группе.

10. Блокадные ленинградцы знали, как изменяет голод сознание и мысли человека. Еда становится главной ценностью, все мысли вращаются вокруг доставания еды, сравнительных достоинств разных продуктов, способов утолить голод. И без того ослабший интеллект дистрофика структурируется вокруг проблемы питания. Абстрактные ценности исчезают, интеллектуальные ценности растворяются. Сознание занято проблемой выживания, то бишь прокормления, и психика заточена на это.

11. Ипохондрия – это человек заиклен на своих болезнях, реальных и мнимых. Грань, за которой мнительность переходит в психопатологию, неопределима. Здоровому человеку ипохондрик несносен или смешон. У здорового человека – нормальная система ценностей.

Да? Вот ему доктор сказал такое, что он побелел. И – весь мир для него изменился! И ценности сменились. И суета тщеславия его больше не интересует. И смерти он больше не желает даже лютым врагам, пусть все живут... И к малейшим симптомам своим он прислушивается с надеждой и страхом. И теперь он живет своим здоровьем и своей болезнью. Друзья и родственники качают меж собой головами: что случилось с нашим железным и мудрым... Диссертацию забросил, а читать хочет забойные боевики, отвлекают и увлекают, и по телику боевики хочет.

Стресс меняет психологический стереотип как кузнечным молотом сминает. Человек становится не адекватен сам себе. И это всем понятно.

12. Вчерашний раб – худший хозяин. Со сменой стереотипа он превращается из угнетенного в сущую сволочь.

Как только Дон Кихот освободил каторжников, страдальцы стали гадами и показали ему кузькину мать.

В России любили жалеть арестантиков. Арестантики бежали, освобождались, и резали жалельщикам глотки и кошельки. А пока страдает – уж так мил!..

13. Русский человек угнетен чиновником. Вот он сам становится чиновником – и через два года эту сволочь невозможно узнать со стороны. Стереотип бесправного гражданина сменился стереотипом государственного вершителя, плюющего на мешающие конкретности.

14. Зулусское сальто: если бью я – это хорошо, если бьют меня – это плохо. Искренне!!! Вот обнаженный каркас смены психологического стереотипа.

Психологический стереотип преступника и жертвы взаимозаменяются особенно мгновенно. И тут же сопровождаются сменой всего мировоззрения!

15. Характерно: именно великие злодеи, впав в великие страдания, видели из глубин мир совсем иным, чем с вершин зла, и порой становились великими святыми. Смена стереотипа – смена ценностей – смена видения мира – смена Истины.

Таки каждому свое...

Глава 3

Ритуал

Ритуал – это когда делают что-то не как придется, не как хотят, не кто в лес кто по дрова, а общепринятым, традиционным, утвержденным, тщательно соблюдаемым образом. Придерживаясь в действиях деталей, мелочей, принятой последовательности. И речь не о топке печи, не о мытье пола, не о производственных каких-то операциях, – речь о чем-то сколько-то торжественном, отвлеченном, церемониальном. Принесение присяги; целование знамен; разрезание ленточки при пуске объекта; свадьбы, крестины, похороны.

Ритуал – это действия без конкретной утилитарной направленности. Они никак не помогают в хозяйстве. Они носят оттенок символичности, торжественности, некоей особой значимости. Вечный огонь. Президиум на сцене. Подъем флага.

Ритуал есть военный, церковный, государственный, бытовой: можно много подразделять. Производственный ритуал тоже везде почти есть. Но производственный уже ближе к рабочим привычкам. Церемониальный марш, воскресная обедня, вставание парламента при исполнении государственного гимна. Условные действия. Выражают общее уважение к каким-то ценностям.

Мы подъезжаем.

Ритуал – это традиция. Церемония. Общепринятость. Единообразие. Символичность. Отсутствие прямой утилитарной целесообразности. Приподнятость. Значение. Формальная условность. Но психологически важная. Рекомендуемая участникам определенных ситуаций и действий.

Ритуал – это формальное единообразие символических действий. Парад, закладка фундамента, молитва, рукопожатие. Действия эти – или совместного характера, или общение человека с богами. Связанные с более или еще более важными вещами: армия-война, боги и как с ними ладить, совместное дело и совместное проживание.

Ритуал есть поведенческая разновидность культурного кода. А именно: проявляется ритуал именно через поведение, он есть *упорядоченная форма поведения* в традиционных социальных ситуациях. И важны ритуальные действия не сами по себе – сами по себе они условны. А важны тем, что они выражают. Доброжелательность, уважение, согласие, подчиненность, мощь, веру.

Ритуал у животных частично совпадает с социальным кодом, частично – способ передачи информации для координации действий. Через ритуальные движения и действия животное обозначает свой статус, свое отношение и свои намерения. Ритуалом могут стать особенности способа действия, когда эти особенности утратят утилитарный смысл и превратятся в привычку без физической целесообразности, но психически связанную с действием.

По мере наращивания культуры человеческие отношения чрезвычайно усложняются, а поведение чрезвычайно разнообразится. Личность становится многограннее, а свобода ее больше. А сожительствовать и сотрудничать в одном социуме как-то надо. Не говоря уж о необходимости дружить с Господом.

Чем богаче культура, чем сложнее человек, – тем меньше знаешь, чего от него ожидать. Может он всего-разного много, и обо всем не расспросишь, и рассказывать долго. Объем и ассортимент возможных опасностей со стороны окружающих растет. То есть:

По мере роста социума – растет неопределенность внутрисоциального поведения. Или, что то же самое, нарастает социальная энтропия. Разросшийся народишко движется в сторону вавилонского столпотворения, оно же вавилонской башни.

Упомянутую неопределенность необходимо упорядочить, ибо без этого нельзя.

Ритуализация есть форма социальной синергетики.

Любая система стремится упорядочить себя.

Любая система существует в динамическом равновесии центростремительной тенденции к сильной организации – и центробежной тенденции к развалу и хаосу.

Можно сказать чуть иначе:

Любая система существует в динамическом равновесии синергетического и энтропийного начал.

В молодой системе побеждает самоорганизация, в старой – энтропия. Так и вершится эволюция в смене отживших систем на новые, в конечном итоге всегда более энергопреобразующие.

Социальная система не составляет исключения.

Ритуал – одна из форм самоорганизации социальной системы.

Ритуал – это самоорганизация социальной системы на поведенческом уровне.

Система отличается от аморфной массы чем? – упорядоченностью, структурированностью, организацией. Социальная система состоит из автономных монад-индивидов, обладающих самостоятельной волей, свободой, потребностями. Самопроизвольное поведение каждого – а поведение есть совокупность цепей целесообразных действий и вообще реакций, – вот это поведение надо как-то совокупно структурировать, организовать, скоординировать, – чтоб каждый своими действиями не мешал другому, не противоречил, не сталкивался, но напротив – координировал действия для общей цели, и чтоб встроиться в общий «поток движения», и иметь свое место в общем доме.

А для этого необходимо, чтобы каждый понимал намерения каждого. Что он собирается делать? Как он ко мне относится? Будем ли мы сотрудничать? Каковы его боги, его мораль, его взгляды на жизнь? Он полагает себя равным мне, или выше меня, или ниже? У него счастье, или горе, какое у него настроение? Нам что сейчас: пить, или идти на войну, или на работу?

Оп: опять получается интересно:

Бытовой ритуал – это сигнальная система общежития индивидов. Пожелать здоровья, поинтересоваться как дела, угостить конфетой, поговорить о погоде, пригласить выпить. Что есть выражение миролюбия и возможности сосуществовать в общем пространстве без конфликтов. Готовность к определенному и общепринятому уровню взаимотерпимости, взаимопомощи, взаимоуступок. Оознавательная система «свой-чужой». Это называется в то же время вежливостью, или манерами, или культурой поведения. Но: это система сигналов, через которую выражаются отношение и намерения.

Нарушения бытового ритуала: не поздороваться, не смотреть в глаза, не предложить сесть, – выражают недоброжелательность, нежелательность контакта с тобой, враждебность. Воспринимаются как обида, оскорбление, вызов, провоцируют ответную негативную реакцию: желание сосуществовать в одном пространстве и сотрудничать замещается желанием дать по морде.

Бытовой ритуал – поведенческая разновидность социального кода в то же время. Манера поведения, речи, бытовых реакций – в то же время сигнализируют о социальном статусе человека. Аристократ, шпана и чиновник – по-разному выскажут тебе дружелюбие или недружелюбие. Как бы ни вел себя человек – своим поведением он обозначает свой статус: как статус вообще, так и статус себя относительно тебя.

Бытовой ритуал – это унификация поведенческих знаков, упорядочивающая хаос человеческих импульсов в систему социального поведения.

Бытовой ритуал – это поведенческий код социума.

Праздничный ритуал. Все трезвеем и напрягаем мозги для понимания. Праздник – это радостное событие – как коллективное, так и индивидуальное. Убили и жарим мамонта,

а раньше месяц с голода мерли, – это праздник. Перебили стаю врагов, которая сто лет нас терроризировала и чуть не сжила со свету, – это праздник. То есть праздник – это огромная общая радость по очень даже реальному поводу. Такое никогда не забудешь. Идут годы – а вспоминать хочется! вспомнишь – и то зарадуетесь. Сильнейшие положительные ассоциации с этим связаны. Эх, ребята, здорово было! – бойцы вспоминают минувшие дни. А поскольку все живет по годовому циклу, и в день того события – и погода такая же, и вообще внешних природных ассоциаций больше, и в то же самое время общехозяйственного, общебытового цикла встроены день того праздника, – то в годовщину события вспомнить его всего логичнее.

И тут же срабатывает обратная психологическая связь. Типа улыбайся – настроение лучше станет. Ты вспоминаешь былую радость – и начинаешь слегка вспоминать и переживать все то веселье – и тебе в самом деле веселее! И гордости собой больше, и уверенности в силах больше – это мы все совершили!

Реальное событие все дальше в прошлом. Празднование все меньше имеет непосредственного отношения к тому делу. И настроения искреннего все меньше – одних уже убили, другие в маразме, молодежь того не застала. Но радости-то всем хочется! А ее – искренней – все меньше, и повод все туманнее. Но праздновать-то как-то надо – это ведь хорошо, и означает нашу значительность и победность, и отдых тут, и пожрать от пуза, и попрыгать: но той, первоначальной, на адреналине бешеном вскипевшей радости, уже нет как нет сто лет. А как все было? Убили, принесли, разделили, зажарили, плясали кругом, вождю первый кус. Встали! подровнялись! построились по росту! Ты и ты – будете как будто тащить мамонта. Ты – беги и кричи, что жрать несут. Бабы все – пошли с ветками для костра! веселей пошли! Ну, вот и весело.

Праздничный ритуал – повторяемое обозначение радостного события. А хоть и не радостного – день скорби по поводу.

Во-первых, это народная память. Культура. Историческое самосознание. Исторический опыт. Сохранение в сокровищнице судьбоносных событий – без чего нет их осмысления, знания.

Во-вторых, это акт групповой самоидентификации. Мы – это те, кто убили огромного мамонта, перебили стаю страшных врагов, запустили человека в космос и открыли Америку.

В-третьих, через первое и второе, – это акт структурирования социума, опять же. Праздник – это радость по поводу совместного выживания в переломной точке; поодиночке не выжили бы.

Праздничный ритуал – это код общерадостного и общезначимого события. Ритуал – культурное эхо праздника. Праздничный ритуал – это упорядочивание и объединение социума.

Праздничный ритуал – это акт единения и унификации социума через формальное переживание общей положительной эмоции и общего ощущения и сознания своей групповой значимости.

...Прошло тысячу лет, и подивились бы герои и победители того дня, как дико, пышно и непохоже празднуют в их честь. И обиделись бы, что большинство празднующих даже не знает – в чем дело-то там было начально!..

Ритуал отделяется по мере лет от события и становится самостоятельным актом. Праздничный ритуал через церемонию долженствует – всем гордиться, общаться, и радоваться: мы – достойная группа, мы победители, мы много вынесли, мы орлы, ур-ра нам!

И тут прибегают политтехнологи и з о б р е т а ю т праздники! Главное – дать ритуал! и плевать, что там было на самом деле. Раз нынешние все равно не знают – так вдуть им миф насчет прошлого, главное – чтоб праздновали, радовались, объединялись.

И. Единообразное соблюдение деталей ритуала, то бишь праздничной церемонии, – есть объективное отражение его структурирующей функции: только так! всем одинаково! всегда! вот в этой последовательности и никак иначе!

Праздничный ритуал – есть культурный код исторического, функционального и эмоционального единения нации (группы).

А день рождения? То же самое, но группой здесь является семья. Праздничный стол, подарки, тосты и пожелания: акт и код единства семьи. И день свадьбы то же. А если один отмечает? Э-э: он при этом с собой разговаривает и как бы раздваивается: это тоже праздник семьи и группы, просто в таком случае реально она состоит из одного человека. «Кадрированная группа», которая при возможности и удаче готова расшириться до нормы.

Военный ритуал: без крови и огня выражает грозность, мощь, мужество, выучку, готовность, единство и согласованность военной машины. Смысл утилитарный давно улетел. «Отдание чести», «строевой шаг», «принятие присяги», «караул у знамени» могут смешить детской безмозглостью. Но – это формы выражения подчиненности, иерархии, готовности и т.д. – а шире: формы выражения военной потенции. Условные формы. Принятые. Не кровавые.

Военный ритуал – это код боеспособности армии.

Бессмысленный парад с разводом и докладом призван обозначать: армия послушная, четкая, в огонь и в воду, сокрушит любого! И что характерно: «От войны армия портится», как заметил справедливо Вильгельм I. Кто хорошо воюет – может плохо парадировать, и наоборот. Но: вбивая в солдата ритуал – в него вбивают воинский дух подчинения, исполнения, выносливости, силы, агрессии, бравости. А дух, подчинение, выполнение любого приказа любой ценой, удовлетворение от себя как агрессивного винтика всесокрушающей машины – это стержень человеческой массы армии.

Когда ритуал отрывается от реальной боеспособности – это показуха, которой страдают армии мирного времени. Когда вооруженные массы людей перестают соблюдать всякий воинский ритуал – партизанщина перерастает в анархию и бандитизм.

Ритуал – знак структурированности армии. Показатель того, что – и пойдут по приказу, и умрут ради выполнения задачи, и выполняют все лучшим образом и беспрекословно. Без ритуала – а как знать, что он в бою подчинится тебе, а не пошлет на фиг?

Гм! Поскольку существование армии в мирное время вполне бесцельно для солдат. То воинский быт мирного времени в основном сводится к выполнению и соблюдению ритуала! Заправка коек, зарядка, зубрение уставов, мытье туалетов, строй, отдание чести, чистка обуви, – практического смысла почти не имеют! Недаром в армии ритуал обычно называется воинской дисциплиной. Ибо кроме ритуала – делать там в армии почти нечего. За исключением частей на реальных боевых дежурствах, как дремлющие ракетчики или задолбанные подводники.

Но. Без дисциплины. А точнее – скрупулезного и ответственного соблюдения бессмысленного и всепроникающего ритуала. Делать в мирной армии будет почти совсем нечего. И безделье разложит толпы пацанов – вмиг и дочиста. Бандиты, анархисты, насильники, наркоманы, наглые и агрессивные бездельники.

Военный ритуал – всасывает, потребляет, структуризирует, формализует, канализирует в направлении безопасности, подчиненности и боеготовности – огромную коллективную энергию армейской массы, не имеющую точку полезного и осмысленного приложения.

Военный ритуал структуризирует толпу в систему.

В мирной армии ритуал имеет огромное самостоятельное значение. Ибо армия только и занята соблюдением ритуала! Ритуал не дает людям спокойно спать, есть и гулять, когда войны все равно не предвидится. Ритуал здесь и внешняя оболочка, и внутренний несущий каркас армии!

М-да. Во время войн ритуал нужен в самом минимуме. Именно для минимального обозначения подчиненности и управляемости: это код дисциплины. Дисциплина – в том, чтобы воевать по приказу: храбро, самоотверженно, ответственно, умело. Ритуал – чтоб иногда через

малый знак показывать, что так и будет, все на то и заточено. Но бредить шагистикой и уставами на фронте – признак кретинизма и личной злобности.

Религиозный ритуал. Как договариваться с Высшим Существом – непонятно. Надо выказать ему уважение, покорность и любовь. Как? Какими-то действиями и словами. Поставить столб, принести жертву, помолиться. Дальше – как обычно: ритуал оформляется с повторением, детализируется, канонизируется, отдаляется от первоначального смысла веры. И все больше подменяет собой, т.е. внешними проявлениями, прозрение души и порыв разума. – – И вот уже христианская церковь, лопааясь от золота и земель, в пышных бесконечных словословиях, в бесконечных церемониях, – молится тому, кто был воплощением простоты, бессеребренничества и доступности, – и кто погнал бы их посохом прочь, а драгоценности раздал страждущим беднякам.

Ритуал призван закреплять сущность веры через слова, действия и предметы, – т.е. материальные манипуляции и артефакты.

Можно сказать:

Ритуал есть форма отправления религии.

Что за форма?

Ритуал – это структуризация религии в поведенческий и вещественный код.

Или:

Ритуал – это упорядочивание всех форм и проявлений отправления религии, их единообразие, канонизация и смысловое наполнение.

Если вообще ритуал есть код, то религиозный ритуал – это код религии на уровнях вербальном, поведенческом и вещественном. Каждое действие, моление и предмет, имеющие место в религиозном ритуале, имеют (кроме непосредственного и прямого) значение символическое, переносное, условное.

В самом общем:

Религиозный ритуал – культовый уровень социального кода.

Он поведенчески, мировоззренчески, ценностно, – упорядочивает социум на самом глубинном умственно, мистическом уровне. Здесь пахнет вытаскиванием иррационального на уровень предметного – и оформление рационального через предметное. Мне не дано понять, это непостижимо, Господь высоко, – я пытаюсь понять Его волю, Его знаки, – и через доступные мне действия и слова вступаю в контакт с этой Иррациональной, Начальной Силой, – чтоб через мои простые действия, впущенные в этот Черный Ящик – вышло то, что мне нужно; и все должны так делать, чтоб Он не разгневался! О: я должен так делать – и все должны! А познать это нельзя... жрецы кое-что знают... но – слушаться! не рассуждать помногу! исполнять! и будет хорошо.

Инстинкт принимает форму веры.

Инстинктивная потребность познать мир, выжить в этом не совсем понятном мире, обустроить свои дела, – ведет к очеловечиванию скрытых механизмов этого мира, – попыткам налаживать контакт с этими механизмо-человеко-божествами, – и «натаптыванию тропинок» в этих односторонне видимых отношениях: повторению тех же слов, жестов, движений, жертв и т.п.

Но, поскольку происхождение и формы религии есть отдельная ветвь науки, мы здесь не религиоведы, нас сейчас интересовал только социальный аспект. А в этом аспекте:

Религиозный ритуал – это структурирование социума на иррациональном, мистическом, Высшем, Непознаваемом, уровне. На Божественном уровне, можно сказать. На уровне согласованности, предопределенности и подчиненности жизни всех и каждого Высшей Природной Силе. Так распорядились Наверху – и мы это знаем, уважаем, и исполняем со своей стороны внизу у себя – все, что требуется Верху, чтоб у нас все было истинно и хорошо.

Платон был гений, и нет сил не помянуть эту банальность лишней раз. Ибо. В нашем случае. Социум пытается угадать и определить себя – как земное отражение Высшего Устройства, как проекцию Высшего Узора на земле, как марионетку с малым запасом свободы собственных движений – которую водит на ниточках Высший Кукловод. Его надо понять, умиловать, дружить с ним, двигаться по его плану, уговорить позволить нам что-то в желаемом нам направлении. Мудрецы и старейшины племени, шаманы и жрецы, волхвы и раввины, которые думали об этом больше всех и воспринимали воззрения прошлых поколений, – нарисуют народу более или менее определенную картину. – – Ибо человеческое сознание устроено так, что автоматически систематизирует и структурирует любую информацию; суть человека есть структуризация Бытия.

* Внимание. Важно и неожиданно.

СИСТЕМАТИЗИРОВАТЬ – ОЗНАЧАЕТ ПОНЯТЬ

Оно же:

ПРОЦЕСС ПОНИМАНИЯ – ЭТО СТРУКТУРИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМЫ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЕЙ

Правда, вопросы гносеологии и герменевтики тоже остаются сейчас за рамками нашей книги...

...А в рамках остается – в заключение этой пары страниц о религиозном ритуале:

Религиозный ритуал – это код Божественного устройства социума и служения Божественному предназначению.

Социальный инстинкт за пределами рационального познания – структурирует социум вехами на поле Непознаваемого. Можно сказать и так:

Религиозный ритуал – это культурный код Непознаваемой части Бытия. Социальное структурирование на высшем, духовном, надсознательном и подсознательном уровне: единство и единообразие в вере, мировоззрении, мироотношении.

Трудовой ритуал. Он же обряд, а также церемония и т.д. Тот же, в общем, код. Перенос смыслов. Изображение охоты через танец вокруг рисунка будущей желаемой добычи – оно и магические действия, и «групповая пассионарная индукция» – разогревают и настраивают себя на охоту, и воображаемый перенос действия с условных его обозначений – в реальную охоту. Праздники урожая, первой борозды и т.п., – та же структуризация процесса, упорядочивание жизни в ее важных аспектах. Объединение в назначенных точках, организация в назначенных точках, координация в назначенных точках.

Ритуал – это способ синхронизации социальной жизни в назначенных точках пространства-времени. Так простегивают ватное одеяло – чтоб слой ваты меж тканью фиксировался нитью в точках прошивки насквозь и не сползал, не ерзал комьями, а сохранялся именно как слой. Ритуал – это винт-дырка-гайка в подвижном скреплении частей движущегося механизма: чтоб они хранили совместное положение и могли двигаться в согласном режиме. Ритуал – это гвозди, крепящие каркас социума.

Спорт. Спорт. Спорт. П'геинте'геснейшее сочетание соревнования, игры и ритуала. С физкультурой и физподготовкой не путаем.

Игра – поскольку все это «понарошку», судьбоносных последствий не имеет само по себе. Соревнование – поскольку условно-безопасным способом выясняет, кто здоровее-быстрее-ловчее. Ритуал – потому что этому игровому соревнованию часто придается значение, далеко выходящее за его формальные границы.

Спортивное состязание – это условный показатель значимости. Кто здоровее, главнее, ценнее. Зачем убивать до смерти, если можно условиться: положил на лопатки – значит, это мясо (баба, место) твое. Кинул копье дальше всех – значит, ты лучше других, имеешь право на уважение, т.е. место у костра, хороший кусок.

Одна крайность спорта – поединок вождей родов-племен-групп. Зачем всем резать друг друга, если два старшака сойдутся насмерть – и вопрос решится с минимальным пролитием крови. Здесь спорт, ритуал, естественный отбор и экономия жизней-энергии-усилий совмещаются воедино.

Внутригрупповой спорт – это соревнования индивидов на физическую значимость. Но. Этой физической значимости, в ее иногда очень условной форме (метание диска) – придается социальное значение. Победа в спортивном соревновании – означает более высокий социальный статус, чем у проигравшего.

Спорт как социальный код. Победителя больше уважают мужчины и любят девушки. Он показал свою лучшест, свою мощь – условным образом. И его лавровый венок или золотая медаль – как галстучек воробья или рога оленя.

Спорт как индикатор энергетика. Выберите меня, пустите вперед меня, – я здоровее, мощнее, лучше.

Пока можно сказать так:

Спорт – это социальный код, предъявляемый через условленные формы физических возможностей. Победитель значимее побежденного.

Боже. Когда бодибилдеры на сцене надувают друг перед другом и судьями свои мышцы – и когда самцы раздувают друг перед другом яркие грудки и топырят крылья у кого больше: ну чисто одна картина. Победитель получает лучшую самку и место для гнезда – самка может оказаться кинозвездой, а гнездо совьют в Беверли-Хиллз.

А дальше начинаются групповые, командные соревнования, – чья команда завладеетдохлым козленком, или первой передаст палочку в беге по очереди, или забросит каучуковый мяч в каменное кольцо. «Я» заменяется на «мы». Кто-то из команды победителей могут быть некрасивы и даже не очень сильны, реакцией и ловкостью взяли. Но – ореол победителей делает их важными, предпочтительными!

А дальше два племени выставляют по пять рыл команды – и орут как бешеные! Чья команда выиграла – то племя и лучше! Что стряслось?! Почему умение вкатить мяч меж столбов десяти бугаями – наполняет счастьем или унынием целый народ?! Не один хрен? Какая разница?..

...Н-ну, а далее Большой Спорт становится формой межгосударственного ритуала. Он приобретает самодовлеющее значение. В нем возникает своя политика и профессионализация. Он стал отраслью государственной экономики.

Спортсмен – это жрец спортивного ритуала. Спорт гробит здоровье и жизни. Но: болельщики орут – и в этот миг являют собой народное и государственное единство. Спортивный ритуал структуризирует толпу единством цели, желания, условности. Координирует воедино эмоции и усилия. Опять же: безопасная форма коллективного самоутверждения. Или:

Спорт – ритуальная форма группового доминирования.

О. А уже любая группа инстинктивно стремится быть самой сильной и т.д. – быть победительницей в этой жизни, которая есть соревнование по выживанию.

.....

Системообразующая функция ритуала. Через единообразие речей, действий, зрелищ, церемоний, – через разностороннее единообразие форм бытия – аморфная масса структурируется в координированную систему. Целесообразность ритуала, даже при реальной бессмыслице, – в самой его форме, обязательной для всех. Ритуал есть формальный акт, смысл ритуала – в самой его форме.

Культуровоспроизводящая функция ритуала. Он являет консервативное начало культуры. Сохранить все, что возможно сохранить! Повторять всегда без изменений все, что можно

повторять без изменений! Не потерять ничего из накопленного культурного багажа. И передавать это дальше. (Даже если начальный прикладной смысл потерялся по дороге.)

Обучающая функция ритуала. Люди разные. Мозги и нервы у них разные. Отношения в семьях и на работах разные. На самотек все пускать нельзя – неучи и анархисты будут. Все важнейшие, типовые, повторяющиеся ситуации жизни – надо предусмотреть, рационализировать, и научить всех, как надо поступать. А поскольку обучение всегда немного строится на вере, всего сразу не объяснишь молокососу, – то не надо много думать! надо повторять, как сказано! все так делают.

Иррациональная функция ритуала. Люди особенно уважают то, чего не понимают. Они этого побаиваются, и при наличии угрозы особенно готовно слушаются. Тайнство рождения, свадьбы, смерти, судьбы, удачи, – особенно впечатляет. Тайнство требует какого-то предметно-действенного отражения, отношения, задабривания: я обрежу ради Тебя крайнюю плоть, или пожертвую ребенка, или козла, или построю Тебе храм, и буду хорошо одеваться и говорить молитву, – и тогда у меня, у нас все будет хорошо.

Структуризирующая функция ритуала. Кто есть кто в нашей волчьей стае, в нашем детском садике, кто за что отвечает и кому что положено.

Энергоканализирующая функция ритуала. Через жест, слово, поступок, церемонию, – можно выразить презрение, ненависть, радость, благодарность. Вот чувства тебя распирают, – и весь народ распирают! – а просто убить или просто накормить всем лучшим – или не получается, или не нужно, или мало тебе этого! И тогда ты тратишь все деньги на букет безумный или подарок дурной и яркий, и падаешь на колени! Или делаешь жест неприличный, непонятный в другой стране, и даешь по морде, даже чтоб не искалечить, а гадкое чувство выразить. Всеобщее ликование в праздник, или всеобщая скорбь в день памяти горя, или всеобщая ненависть к общему врагу через митинг или речь президента. Сколько энергии, требующей агрессии и победы, канализирует футбол! Сколько ненависти канализирует публичная казнь изверга – не пристукнуть его в темном углу, а торжественно и страшно казнить на лобном месте. Ритуал – это эмоциональный клапан – и эмоциональный насос!..

Религия

1. Если перечислять функции религии, то оказывается, что она стремится к всеобъемлемости. Она стремится и долженствует отражать весь Тот Мир, а Тот содержит в себе идеальный план всего этого мира. Она всего касается, ей до всего есть дело, у нее есть рецепт на все случаи. Лишь основные проблематики таковы:

- научная (наукозамещающая): об устройстве мира;
- этическая: основы и принципы поведения;
- эстетическая: религиозное искусство;
- историческая: смесь мифологии, науки и летописи;
- регламентирующая: что можно, надо, нельзя;
- культурная: фонд очеловечивающей информации;
- информационная: хранить, обрабатывать, передавать;
- и т.д.

2. Когда животное совершает ритуальные действия, потерявшие свой первичный смысл и закрепившиеся как рефлекс, можно говорить о «первичных суевериях». Животное не знает, зачем надо делать что-то (излишнее или нецелесообразное), но усвоило, что это входит в комплекс действий, ведущих к желанному результату. Излишние детали комплексного действия (подбежать, порыть, нюхнуть, потереться) представляются ему также нужными. Если сделать именно вот так – то должно получиться эдак. Эту мнимую взаимосвязь можно считать «первичным суеверием». Это бедолаго с малорефлексирующим недочеловеческим мозгом затруд-

няется отделить нужные детали действий от ненужных еще больше нашего. Инстинкт работает, а рациональный аппарат не догоняет. Но оно старается закрепить взаимосвязь действия и результата.

3. Мозг у человека больше, рефлексия мощнее, и потребность в объяснении взаимосвязей действие-результат, причина-следствие, – у него куда шире и дальнобойнее. Вопрос «почему» делается главным – но ему предшествует еще более главный, практический, вопрос «как». Как – загнать мамонта, сберечь огонь, сделать копьё – постигается опытным путем и очень верно: жизнь шлифует наилучший вариант. Почему же все устроено так, а не иначе, – здесь подойдет любое непротиворечивое объяснение на существующем уровне знаний. Гром – это гремит небесный великан каменным ведром, собираясь полить свою грядку.

Прикладные действия, соединяясь с высшими теоретическими объяснениями, образуют религию. Вначале – прото-религию, связанную сумму нехитрых суеверий. Но от вздыбленного загрызка пса при виде трупа – до ритуального погребения неандертальца – дистанция огромного размера.

Религия рождается из потребности постичь мир. Кто не знал?

4. Мы постигаем теми средствами, что имеем. Примитивные суеверия сменялись все более изощренными. Сфера конкретно известного расширялась. И вместе с ней расширялась сфера неизвестного – граница познанного со всем вообще: как площадь внешней поверхности сферы известного, раздвигающей полость в массиве неизвестного. Пока не приблизишься – не узнаешь, как много ты не знаешь.

До религиозных открытий и постижений додумывались лучшие умы. Гении родов и племен. Светочи породы человеческой. А потом? А потом то, что они сказали, становилось обязательно для всех.

Религия дала единообразие представлений о мире.

5. Любое животное сообщество ведет себя целесообразно и единообразно. Это задано на уровне инстинктов и рефлексов.

Религия же дает Высшее Обоснование такому единообразному поведению людей. Человек гораздо свободнее стайного животного в своем поведении, его вариантах и границах, – возможности больше позволяют. И вот Высший Перст не велит ему вести себя черт-те как, – а как предписано.

Высшая сила всемогуща, грозна, и не очень-то постижима. С ней необходимо ладить. Она – это безусловность и неизменяемость нашего существования, ее не обманешь. Можно словчить перед соплеменниками, можно преступить закон, когда никто не видит, – но Он видит все, знает все, и правит всем. И если что – накажет ужасно!

Религия – это рациональное оформление категорического императива, вышедшего из группового инстинкта. Это мы уже говорим на уровне регламентации поведения. Животное не рассуждает и поступает так, как велит инстинкт выживания группы. Даже во вред лично себе. Человек рассуждает и спрашивает: фиг ли я не могу поступить к своей пользе, и хрен с ним, с обманутым сородичем. Рассуждение о групповом выживании для него сложновато и, главное, души может не затронуть. И вот совесть, то бишь тот самый инстинкт группового выживания, спроецированный на плоскость моральных внутренних отношений, вылезает из-под придавившей ее личной пользы и облекается в слова и понятия: сделаешь так – Мужик Сверху тебя изуродует!

Религия – это рационализированная совесть. Это совесть с кулаками. Это совесть, которая не смогла иссосать тебя изнутри – и тогда взяла кнут и стала сечь снаружи.

6. Религия – это объяснение, посул, угроза, утешение и приказ в одном флаконе.

Религия отвечает умному, хитрому, жадному, эгоистичному, трусоватому человеку, почему надо вести себя по совести.

Религия – это ум совести.

Бог – это совесть, повелевающая миром.

Бог – это совесть с неограниченными возможностями.

7. Гм. Христос – не единственный бог в этом мире. Бывали боги и похуже. Им приносили в жертву собственных детей. Боялись до посинения. Суеверия имеют побочные следствия хуже чумы, и это бывает. Но люди были убеждены, что действуют во благо своего народа, и ставят общие интересы настолько выше личных, что бросают в жертвенный огонь самое дорогое – своих первенцев. Это надо понимать: групповой инстинкт не всегда цветет розами. Групповой инстинкт может принимать уродливые и отвратительные формы. А люди слезно убеждены, что они правы и благородны!

Совесть может проявляться в страшных и отвратительных формах. Таки увы. (Всем привет от Павлика Морозова и от пламенных рыцарей ВЧК).

Совесть было имя орла, жрущего печень Прометея.

8. Религия – это регламент и одновременно обоснование безусловной и высшей необходимости этого регламента.

Религия – это единообразие чувств, мыслей и поступков, обязательных для всех в основных, типичных, главных (и даже второстепенных) ситуациях.

Из всех функций религии нам сейчас важно отметить именно эту – религия структурирует социальное, культурное, психологическое пространство, придавая ему стройность, логичность и организованность системы.

9. Пример простой и яркий, как прожектор на карнавале.

Каким образом хилое, гонимое, плебейское, примитивное и нелогичное Христианство завоевало Великий Рим? Языческий Рим исповедовал древние культы, превыше всего ставил доблесть и был терпим к любым верованиям. Как христианство, религия слабых, предлагавшее «возлюбить врагов», «подставить вторую щеку», и вообще отрицающее насилие, – как оно могло перенести гонения и казни, овладеть душами имперской аристократии, и стать государственной религией?

Гм. Из добросовестности заметим вначале, что. Во-первых, Рим существовал уже давно и жаждал перемен. Коснеющая система хочет отрицать консервативные ценности и утверждать что-нибудь новенькое. Во-вторых, в мировой империи, где сосуществовали десятки культов, еще преобладала центростремительная тенденция, и приход к единой религии был проявлением системной тяги к единству. Но главное еще – к какому единству и как к единству?

Рим был толерантен, мультикультурен и терпим. Вседозволен, развратен и продажен. Можно было все – почему нет? Вольноотпущенники, торговцы и разноплеменная знать – то есть сливки бизнеса и космополитическая элита – сорила деньгами, перетирали вопросы, покупала и продавала политиков и услаждалась всеми мыслимыми услаждениями, не давая себе засохнуть и беря от жизни все, ведь мы этого достойны. В этом царстве морального релятивизма критериев не осталось, кроме своего хотения, удовольствия и личной пользы. Сначала разруха произошла в головах.

Жизнь потеряла смысл, потому что не было ничего, за что ее можно было бы отдать. Высшие ценности растворились в праве на удовольствие. Жертвовать собой ради кесаря не хотел ни один идиот, хотя это произносилось. Легионеры получали жалованье и выполняли приказ, от профессионалов требовался боевой дух, но не политические убеждения, которые достаточно было продекларировать, чтоб не возникали стукачи.

Это называется распад, развал, духовный упадок, деградация. Ткань социума расплзлась. Разноплеменная, маргинализирующаяся, эгоистичная масса потребителей – переставала быть народом, социумом, группой.

Христианство же... О, внешне оно было бесконечно мягко, терпимо, доброжелательно и скромно. Оно говорило о любви, смирении и бедности. Но внутри!!! Внутри оно было тверже камня, острее меча, огненной пламени!!! Оно давало жесточайший императив поведения. Вот

так поступать обязательно надо – вот так нельзя ни в коем случае! Вот это похвально – вот это наказуемо! Абсолютно терпимое снаружи – оно было абсолютно нетерпимо внутри. Добро и Зло, Приказ и Запрет, Награда и Казнь, – подавались христианством с жестокой неотменяемостью закона военного времени. Расстрельные приказы коменданта были заменены молитвами, военно-полевой суд назывался Высшим Судом! Хорошим – вечное блаженство, плохим – вечные адовы муки.

Христианство дало Риму жесткие моральные критерии. Суровую модель поведения. Дало с м ы с л ж и з н и: вот чего ради стоит жить правильно, вот кому ты принадлежишь, вот для чего явлен в сей мир дольний.

Христианство структуризировало морально-психологическое пространство Рима. А людям необходима единая система координат. Единая ценностная шкала. Единые моральные критерии. И чтоб они как-то аргументировались! Чтоб их благодать была ясна и доходчива.

То есть. Социальный инстинкт повелевал людям как-то структуризовать из аморфной толпы систему. Как-то организоваться в каком-то единстве. Люди не хотят кто в лес кто по дрова, даже если в тех дровах много удовольствий. Это подсознательное, групповое, системное стремление: быть не толпой единиц, а народом, социумом, сильным, эффективным – с высшими ценностями, с общим выше личного, с причастностью к великим целям и истинам.

Христианство вращало в рыхлую массу стальной системный каркас. Дало императив поведения. Дало аргументацию этого категорического императива. И людям это было нужно. Нужно было ограничить себя во вседозволенности удовольствий – ради моральной координации и обретения смысла. Хм, – ради структуризации... Христианство удовлетворило социопсихологическую потребность народа в системообразующих ценностях.

...Ну, а дальше Христианство стало транснациональной религиозной корпорацией, и Великая Империя рассыпалась, ибо не было в ней христианского смысла. (Ну, конечно, она не только поэтому рассыпалась...)

10. Римские легионеры-христиане были в бою отличными солдатами. «Не убий» здесь отменялось несложной религиозной казуистикой: ради блага родины Бог грех отпустит, на врага обязательность заповеди не распространяется и т.п.

То есть: Христианство давало смысл жизни, моральные критерии, шкалу ценностей, единство с народом, поддержку духу. Но исполнять свои обязанности оно могло и не мешать. Что по жизни надо – мы как бы... отменим... частично так оговорим, что раз надо – значит надо. А в основном мы христиане.

Когда батюшка освящает ядерную боеголовку в стратегическом ракетноносце, я резко делаюсь антиклерикалом.

11. Немытые варвары перенимали римское христианство как один из важных атрибутов высокой римской цивилизации. Хлодвиг крестил германцев, примерно как в XX веке Рауль Кастро подавлял забастовку гаванских докеров, проходя с маузером вдоль строя, в смысле с палицей. «Ты – будешь христианином?» – и трах несогласного по немытой балде. Крестились франки!

Они не убавили жестокости. Не убавили жадности, сластолюбия, гневливости и коварства. Они были такими же христианами, как вы канатоходец. Они были обрядопоклонники. Сменили языческий обряд на христианский. Капище на церковь, руны на латынь, одну молитву на другую.

Но. Единое религиозное пространство Европы делало народы ближе и понятнее друг другу. Давало общие точки соприкосновения. Общие культурные ценности. Общие представления о добре и зле. Даже если эти представления попирались – но все-таки о них знали.

Христианство стало общей канвой единой европейской цивилизации. А резали друг друга, а грабили, а лгали! – о Господи...

12. Вот и Владимир Святой принял христианство для Руси. И почему не ислам и не иудаизм, рассуждают умные уже тысячу лет. Пошутил летописец насчет «вино пити, веселию быти» (или то переписчик развлекся в скуке монастырской?) – и рядят всерьез потомки.

Принять христианство означало войти в культурную сферу Византии. Стать равноправной страной европейского культурного мира. Подстегнуться к самой процветающей цивилизации. Облегчить, стимулировать, продвинуть связи династические, культурные, военные, экономические.

В Константинополе с V века действовал первый в мире университет. Русь разворачивалась к цивилизации.

А еще с самого начала христианство на Руси было под рукой государя, шло в народ от престола, и призвано было служить государственным задачам. Религия в России отчетливо работала на государствообразование, государствоуправление, централизованное подчинение. Православие как идеология, внедренная стольным князем для пользы и процветания державы, и свою княжью власть подкрепить словом пастыря.

.....

(Заметка на полях:) И двух тысяч лет не прошло – и ах! – вот мы снова в процветающем, толерантном, мультикультурном, морально-релятивистском (или то же самое аморальном) мире. Все есть, все можно, все классно, все дерьмо, все не имеет смысла.

Христианство все более терпимо к любым грехам: журят педофилию, защищают гомосексуализм, заботятся об удобствах для убийц, и твори каждый что хочет. Педофилы борются за статус сексуального меньшинства, воры – экономического меньшинства, убийцы – гуманитарного меньшинства (вы уверены, что это шутка?).

Жизнь масс обесмыслена тем, что высшие цели отсутствуют. Нет ничего выше твоего личного блага, счастья и удовольствия, дорогой потребитель. Идеалом человека провозглашен богач, наслаждающийся самыми престижными товарами. Товаропроизводящая цивилизация все разгоняется в закольцованном тупике. Не хлебом единым.

Перед смертью больной всегда чувствует себя лучше. Господи, куда меня несет?..

М-да. Сегодня, в 2010 году, уже мало кто сомневается в близком конце нашей цивилизации. Слово «эсхатология» всегда ассоциировалось у меня со скотоложеством. Мы здесь – только о системообразующей функции религии. Когда религия жестка, категорична, дает ясный идеал поведения и шкалу ценностей, когда религия категорически противопоставляет грех добродетели, зло добру, награду наказанию – она нужна. Потребна. Отвечает глубинным чаяниям. Соответствует великому социальному инстинкту. Работает на создание и крепление народа, страны, культуры, государства, цивилизации.

Таким было христианство в деградирующем Риме.

Таков фундаменталистский ислам сегодня.

Хорошая картина? А что? Просвещенные римляне тоже считали серых христиан ограниченными фанатичными варварами.

Мораль, семья, искусство, образование, патриотизм, трудолюбие, – во всей нашей цивилизации падает все ниже и распадается. А нет четких моральных критериев, нет жестких норм общежития, – и нарастающая свобода разваливает систему на атомы-индивиды.

Ортодоксальный ислам дает жесткий свод поведения. Жесткую мораль. Четкие критерии нравственности, добра и зла. Ясность вознаграждения и страх наказания. Категорическую обязательность соблюдать законы. Это ничего, что он ограничен, нетерпим, низкоцивилизован и агрессивен. Зато – он дает системообразующие ценности. Следуя им, масса может обрести идеалы и систематизироваться в народ.

Заметьте: все больше христиан переходит в ислам все последние десятилетия – однако все меньше мусульман переходит в христианство, что-то о таком вообще стало не слышно.

Готовность умереть за свой идеал – это серьезный индикатор жизнеспособности и потенциала системы. Не смейтесь над самоубийцами и не считайте себя выше их. Лучше спросите себя: способен ли я так же умереть за свои идеалы – и есть ли у меня такие идеалы?

Повторим: ценность жизни измеряется тем, за что ты готов ею заплатить. Так за что ты готов – кроме собственной семьи?

А вы что, каналы, собрались жить вечно?

Ортодоксальный ислам способен придать жизни такую цену, что есть за что жизнь отдать. Завидуйте, шакалы.

Цели и ценности ортодоксального ислама можно отрицать, презирать, ненавидеть, – но сам факт их наличия невозможно не уважать.

Религия – это системообразующая совокупность безусловных надличностных ценностей.

Когда постулаты религии теряют силу безусловных надличностных ценностей – религия мертва и не может выполнять свое предназначение, свою главную социальную функцию: структурировать толпу в социум, связанный единством мировоззрения и морали.

Сегодня ислам культурно ниже христианства и энергетически потентнее христианства. Это означает, что у него – оба выше! – выше культурный ресурс (возможность будущего развития, эволюционный потенциал) – и системообразующий, структурирующий ресурс тоже выше. Закуривай, ребята, сейчас не время бороться с курением, сейчас время сушить сухари и писать завещания.

Наступает Новое Средневековье.

Падение рождаемости, сокращение численности всех цивилизационных народов, этническое замещение их народами третьего мира, разрушение морали и семьи, идеология потребления, рост числа паразитов-социальщиков-бездельников и предшествующий этому вывод производств в дешевые страны, терпимость к преступникам, объявление жизни убийц священной, падение уровня образования и повсеместный рост коррупции, – этот список можно продолжать долго.

Людям Рима III века тоже казалось невозможной антиутопией, что исчезнет грамотность, гигиена, искусство, торговля, ремесла, не станет книг, бань, театров, врачей, тонких тканей, воинское искусство вырождается в свалку разновооруженных групп, без больших масс, без строя, без единообразия оружия, исчезнут большие города, поля зарастут лесом, население сократится в несколько раз, камни с Колизея будут растаскиваться для примитивных жилищ, и т.д.

Это называется смена цивилизаций.

Она казалась невозможной в Египте, Вавилоне, Кикладах. Вот везде, где цивилизация была, ее конец казался цивилизованным невозможным.

Если вы умнее людей прошлых цивилизаций – ну так готовьтесь заблаговременно к тому, что наступает. Будет интересно, но не всегда радостно.

Это и будет новая исламская цивилизация. С простой, обязательной и жесткой религией. Которая обвалит мир в варварство. Чтобы через положенное количество времен все настало вновь своим чередом.

Почем, спрашиваете, опиум для народа? Дороговат.

Глава 4

Системный ресурс

Сил нет как хочется написать первую фразу ненаучно, неполиткорректно и просто непридуманно. На Востоке всегда жили мудрые сволочи, которые пронизали суть и обожали изложить ее с туманной краткостью. Например: «Слабое побеждает сильное», или «мягкое побеждает твердое». Сколько же взыскующих душ толпится на том свете, чтобы побеседовать с Лао Цзы!

А имелось в виду, что мягкая вода подмывает скалистый утес – оно же русское «капля камень точит»; или слабый ребенок вырастет, а муж силы состарится, и юный силач будет куда круче старца.

Вот здесь уже изложено понятие системного ресурса. Мужской силе, не ржите, в мускульном смысле слова, развиваться уже некуда, впереди слабение и старость, – а у ребенка впереди рост, возмужание, сила, будущее за ним. Скала стоит себе и стоит, и воде сделать ничего не может, а вода течет-течет, лижет-лижет ее миллион лет, – точно подмывает и обрушит, у нее впереди такая возможность есть.

Понятно, что у ребенка системный ресурс больше. Нет, не чем у воды, а чем у взрослого. У него, как био-социо-системы, впереди взросление и вся взрослая жизнь, в смыслах и биологическом, и социальном. Он, считая от сегодняшнего дня, сделает куда больше, чем при равных условиях взрослый. Пока не умрет и не распадется на составные атомы.

Вот так и любая система имеет свой ресурс. Это – все, что она может сделать еще, от сегодняшнего дня – или любой избранной точки, тогда от этой точки и считать будем, – и до завершения своего существования, до прохода всех фаз и завершения своего системного цикла.

Понятно, что. Могучий старый дуб сравнительно скоро упадет, умрет он, – а молодой дубок будет расти и крепнуть еще долго после падения старого. Ну, и все прочие примеры с биосистемами того же рода.

Машина новая и старая – это другое. Она не меняется, только изнашивается. Накапливающееся число нагрузок и деформаций постепенно ее разрушает – и все. А так новая отличается от старой только тем, что крепче и лучше по качеству – будучи точной копией по форме. Ресурс ее не системный – у нее ресурс живучести, работы, километраж и отчасти хронометраж.

Нас интересуют системы саморазвивающиеся и самовоспроизводящиеся. В частности нас интересуют социальные системы. От кружка танцев до государства и цивилизации.

Вот интересно! Все театралы часто слышали, что «срок жизни театра – двадцать лет». Имеется в виду, что группа молодых талантливых единомышленников, создав и подняв театр, поработав на высоте профессионализма, – с возрастом обрастает людьми менее талантливыми, а конкурентов талантливых сама выживает из ревности, и начинаются распри, портятся характеры, исчезает самокритичность, и падает уровень, не тот кураж, разная мера славы и денег разрушает коллектив, ну и вот. А что с государством в принципе то же самое – это как-то менее понятно.

Молодой театр пашет на энтузиазме. Ищет новые пути и решения. Все пока равны, все бедны, все рвутся к славе. Договариваются быстро. Перспективы вынюхивают в воздухе и ловят на лету! Старый – это клубок змей, отравленных собственной пищей.

Ярчайший пример эволюции стремительного полулабораторного государства – Израиль в XX веке. В 1948 году, по провозглашении, туда ехали пионеры, трудяги, бойцы и патриоты, и дух страны был духом коммуны в хорошем смысле слова. Жили на голом месте и пахали

вровень. В Израиле не было воровства, не было проституции, не было убийств, вообще не было преступности! Прошло полвека. Ну? Коррупция, мошенничество, казнокрадство, проституция, пошли и убийства: и крутая бюрократия. Боже! Почему так быстро?

Дело вот в чем. В Израиль ехали социально сформировавшиеся люди из разных стран. Они налаживали социальные отношения внутри юной системы. Но стереотипы старой сидели уже в их подкорке. А главное – Израиль связан единой кровеносной системой с развитыми странами западной цивилизации: США, Германия, Англия, а также Россия. То есть. Это – имплантат в современную западную цивилизацию. А имплантат, будучи органическим, стремительно стареет до возраста всего организма. В биологии это изучено. В социологии мы имеем вот такой дивный пример.

Юный Израиль с еще живыми пионерами стремительно постарел до возраста системы, частью которой является. Уподобился. Стал псевдогуманным, демократически-бессильно-болтливым, юридически крючкотворным, – утратив силу, честность, жесткость и прямоту государства юного. То есть. Можно сказать. Ресурс вылетел – в одно касание. Без принципиального изменения государственной идеологии Израиль сегодня, в многократном и агрессивном арабском окружении, при импотентном полуосуждении-полусочувствии Запада, увы, обречен.

Теперь. Смотрим. Вот кончилась II Мировая. Разрушенная Германия. Через 20 лет – одна из лидеров мира в производстве всего хорошего и технологичного, при высоком жизненном уровне и свободах всего. Япония! Нищая, разоренная, два атомных удара, скучены на бедном острове. Через 20 лет – одна из лидеров мира в производстве того, о чем раньше и не слышали! Вплоть до: автомобили, гитары и рояли, фотоаппараты и телевизоры, бытовая техника всех мастей и т.д. Высочайшие цены и зарплаты, туристы Японии шлещутся по миру толпами.

Китай, Китай! В 1950 г. был нищей, отсталой, голодной страной. 60 лет – и Китай обошел Россию, Францию, Англию и др. по производству всего, и на памяти одного поколения стал великой державой, уступая в экономике только Америке.

Нам могут привести массу экономических, исторических, психологических и политических причин. И все будут верны. О национальном характере, о влитых деньгах, о военных блоках и политическом руководстве. Да, йес! Но – почему сейчас, почему не раньше и не позже? Объективные на то причины? А почему такие причины? Ведь и характер, и деньги соседей, и жесткие люди, – они ведь всегда были? Почему убогие поднялись мощно – а мощные опустились, причем быстро-то как!

Гуманитары очень любят составлять формулы. Три неконкретные величины они связывают в простейшую дробь типа $A = b/c$. И радостно подбивают высоконаучную базу под то непростое явление, что изменение числителя связано с общей величиной прямой пропорцией, а изменение знаменателя – обратной. Формула придает этому явлению научности в их головах. Это напоминает треугольник, который Паниковский нарисовал на песке зонтиком Шуре Балаганову победив таким образом в научном споре.

Тут трудно не вспомнить Ландау, сказавшего среди прочих перлов: «Математический аппарат физики достиг такого совершенства, что мы можем обсчитать то, чего не можем представить». Когда дело не идет о точных науках – лучше иногда попытаться представить.

Представьте себе над картой-рельефом Европы две аморфные массы, вроде облачных сгустков. Одна масса – серая, большая, слабо клубящаяся, тускловатая. Другая – гораздо меньшая, более компактная, плотная, розоватая, даже вроде бы похожа не на облачную кочковатость, а что-то осязаемое. Серая – это огромный и отживший Римский Мир. Розовая – это приходящая на его место Германская цивилизация. Одна большая, но рассеивается, другая маленькая, но растет.

Она вырастет, станет огромной, мощной, потускнеет, посереет и начнет рассеиваться. Она находится в начальной фазе системного цикла.

Короче.

Системный ресурс – это потенция энергопреобразования системы от точки замера до пика развития и далее завершения цикла со спадом и разрушением.

Можно сказать:

Системный ресурс – это внутренний эволюционный запас системы, позволяющий ей совершить энергопреобразование определенного объема.

А сейчас мы возвращаемся к возродившимся Германии и Японии. В древности, кстати, отлично знали, что побежденного противника надо истребить и разорить настолько, чтобы он уже не поднялся никогда. Ну – после II Мировой такой задачи не стояло. А что мы поимели? Говоря о социумах этих стран?

Хозяйственно-экономический уровень системы был сильно опущен. Политическая структура была насильственно размонтирована – и готова к модернизации, перемонтированию в соответствии с требованиями сегодняшнего и завтрашнего дня: инерции политической системы в побежденных странах не было. Социальное сознание человек-монад находилось на уровне более высоком, нежели соответствие разрухе и упадку. Психологический момент опускаем как частность. Помощь развитых стран опускаем как частность. А не опускаем как не частность ту закономерность – что, будучи встроены в систему мировой цивилизации, побежденные вчера подсистемы объективным порядком были должны «подтянуться» к общему уровню. А подтянулись выше.

Подтянулись выше, потому что технологии были теперь самые новые, старое все порушено или вовсе не существовало. Подтянулись выше, потому что политическая система была новая, некоррупцированная, честная и открытая. Подтянулись выше, потому что набрали, фигурально выражаясь, «инерцию роста». Поддали с чистого листа.

Экономически – был огромный непокрытый спрос. Огромный резерв экономического подъема без тени кризисов. Обновление фондов. Отсутствие военных расходов (репарации быстро фактически отменили).

Психологически – было счастье выжить. И желание избавиться от унижения побежденных. И жажда реванша в чем можно – в экономике и хорошей жизни.

И демографический бум. И политический покой.

Но это все детализации. В которых являло себя главное. Это очень важно.

Разруха и политический демонтаж страны – при сохранении государства и социальных отношений – и модернизации социальных институтов и структур – ощутило и резко повышало системный ресурс социума.

Проигрыш в войне – это капитальный ремонт страны.

Иная рухлядь после капремонта еще поковыляет и рассыплется. А иная – если был оставлен здоровый остов – после капремонта лучше той, что капремонта не проходила.

И должно быть очевидно. Что когда речь идет о соревновании или столкновении двух цивилизаций, двух систем. Частную войну выиграет тот, кто сейчас сильнее. Но конечным победителем будет тот, у кого сейчас больше системный ресурс. Кому в большей степени есть, куда еще развиваться. Кто еще не скоро достигнет потолка.

...Я часто повторяю эту фразу собственного изобретения. «С вершины все тропы ведут вниз».

Как только система достигает вроде бы совершенства. И в ней уже нельзя ничего кардинально улучшить. И перед ней не стоит мощных задач, солидаризирующих людскую массу единым импульсом. И она технологически, экономически, энергетически сильнее любого своего врага. И остается только чуть-чуть там и сям улучшать, подправлять, гуманизировать и т.д. – Это яснейший и роковой признак того, что системный ресурс исчерпан. Теперь пойдём вниз, ребята.

От тысячи до полутора тысяч лет на страну и цивилизацию.

Ничто не вечно под луной.
Бытие есть изменение.

.....

(*Пометка на полях:*) Когда Российская Империя развалилась в 1917 году, и превратилась в Советский Союз в 1922 – это был именно капремонт системы. Быстрый, варварский, на ходу, но – капремонт.

В результате *резкого подпрыга системного ресурса* – СССР совершил небывалый экономический рывок, за 10 лет (десять!!!) создав в нищей стране передовую военную экономику. Вооружил до зубов самую большую в мире и самую оснащенную современным оружием армию. Изготовился к большой войне и установлению своего, социалистическо-советского, строя по всей Европе и Азии. Н-ну, потом Англия, Германия и США внесли свои коррективы...

Однако через сорок лет советской власти русские полетели в космос. Россия стала сверхдержавой – одной из двух в мире, наравне со США. Народ не в пример беднее и зажатее США. Но Государственная Система – практически была равна американской!

Ну, а потом за напряженным пиком последовал естественный утомленный спад и свободный развал как под наркозом...

Био-социальный регулятор

1. В любом обществе два процента психов. При любой власти. При любом уровне достатка. В любом климате. Большая часть не опасна, социально адаптирована, в стационарном лечении нуждается только при обострениях, которых может не быть вовсе. И тем не менее. Да, понятие психической нормы не установлено – но в практическом порядке существует.

Вот словно это – два процента брака на производстве. При передаче генов. Все-таки активность, мощность, емкость, операционный ресурс – они немного разные у центральных нервных систем различных людей. Природа постоянно «немножко комбинирует». Два процента комбинаций оказываются за пределами нормы. Зато поле нормы заполнено!

Можно попробовать истребить или стерилизовать всех психов. В расово чистой Германии III Рейха опыт ставился. И действительно – генетический брак не будет передаваться по наследству, и дети нормальных родителей тоже все будут нормальными.

Не будут. Наследственных психов действительно не станет, и общее число уменьшится. Выскакивание в доминанту гена сумасшедшего прадедушки можем сейчас вот взять и не учитывать. Но:

Мутации происходят постоянно – и психи будут появляться вновь. Чтобы типы и варианты здоровой человеческой психики наличествовали в социуме в полном ассортименте – два процента идет в стружки. Усушка и утруска. Расход материала на пробные флакончики.

Два процента! Хоть сдохни. Такие дела.

2. Мальчики рождаются к войне. А девочки, соответственно, к миру. Кого больше на сотню новорожденных – делайте выводы.

Древняя народная примета. Наука над ней посмеялась. А потом посчитала и перестала смеяться. Хотя объяснить не может.

Ну, понятно, что на войне гибнет больше мужчин, и поэтому надо как-то восполнять их убыль. Но откуда Природа может знать, что люди собираются воевать????!! И каким образом обычное соотношение: 51 мальчик на 49 девочек – может резко меняться в пользу мальчиков? Да, они больше болеют, больше гибнут, и вот как-то Природа сделала так, что их 51, а к возрасту свадеб будет как раз поровну. М-да – а к пенсии мужчин уже мало...

Если рассматривать людей как нечто отделенное от Природы, нечто обладающее свободой воли и поступающее по своему хотению – тогда с этой загадкой веков ступайте к Богу. Если же признать, что *мы – суть сгущения Единого Энергетического Поля*, которое и есть Вселенная, тогда дело немножко другое. Тогда все наши коллективные, мощные, массовые действия едиными нитями энергетического поля повязаны со всем окружающим.

3. Когда у нескольких пород озерных рыб в зависимости от хороших либо плохих условий прокорма и вообще проживания резко, в разы меняется соотношение самцов и самок, вылупляющихся из икринок, это ихтиологов давно не удивляет. Вот потому что биоценоз этого озера, все живое в нем, да на фоне природных условий конкретного года, является «единой адаптивной системой». Взаимосвязано в одно целое. Как? Насчет всех тонкостей наука еще не в курсе дела. Но: жратвы меньше – прокормить озеро может нынче рыбок меньше – икры надо меньше – значит, самок надо меньше – и самцов из той же икры, что уже отмечена как всегда! – вылупляется намного меньше.

4. Лев, конечно, сложнее рыбы. Но. В засушливый год, когда в саванне меньше травы, и сильнее пересыхают реки. У антилоп рождается меньше детенышей. И у львицы – тоже меньше. Еще голод не наступил, еще все вокруг как всегда, и бюро метеопрогнозов львице ничего не обещало, и экономисты молчат, – а она уже рождает меньше.

В конце концов, вся Биосфера Земли – единая система. Каждая подсистема в ней, конечно, обладает своим ресурсом автономии. Но, однако, все они повязаны воедино, просто длина поводков разная.

5. Так что не надо удивляться древним прорицателям, жрецам всех мастей и конфессий, когда по разным и тонким приметам природы они пытались определять время, благоприятное или не благоприятное для разных дел. Суть дела – они понимали верно. Методики только у каждой эпохи свои.

И жуткие холода к войне страшной, и голод страшный к смуте в государстве, и комета над головой сулит беду. Все связано!

6. Взорвалась атомная станция. Утонул в теплой спокойной воде близ порта огромный лайнер. А другой теплоход вдруг воткнулся в опору моста и обрушил на себя проходящий поезд. А два встречных поезда сгорели с пассажирами в лощине, заполненной газом из дырявого трубопровода.

И? И тут же, в тот же временной короткий отрезок вслед за тем, рухнул Советский Союз.

7. Вы подходите к цветку с намерением его понюхать и полить – или желая сорвать. И электромагнитное поле тела цветка реагирует на два этих ваших намерения по-разному. Простой опыт. А вы говорите.

8. Годовые кольца на срезах пней – намного шире в социально беспокойные годы. Энергетика одна-едина на биоценоз Земли!

9. Когда начали массово вырубать лес бразильской сельвы – количество несчастных случаев резко превышало то, что должно было произойти согласно теории вероятности. Не хотел лес вырубаться!

10. Практически все максимальные социальные потрясения на Земле происходили в годы максимальной солнечной активности. Этому открытию Чижевского давно никто не удивляется.

11. То есть. В биосфере планеты наличествует механизм саморегуляции. Который координирует соотношение и взаимосвязи подсистем. И при перепроизводстве какого-то биологического вида – принимает меры к его уменьшению. Через разнообразные контактные биосистемы.

То есть. Множество клеток и организмов, самых разных, из которых организмы данного биовида частично состоят сами, а частично с ним взаимодействуют по жизни, – вот все они начинают влиять на него так, чтоб он подсократился. Вроде как соседи приходят к кулаку и

говорят: «Брателло, твой участок залез на другие, и дом твой заслоняет соседние. Тебе в глаз дать – или сам подсократишься?»

Иногда биовид «понимает разговор добром», по-тихому. И тогда сокращает рождаемость.

А иногда получает в глаз. И тогда происходит война или эпидемия.

12. СПИД – это реакция Биосферы Земли на слишком большое распространение человека, на слишком большую нагрузку, которую он оказывает на биосферу. Земля человека подсокращает.

По большому, эволюционному, внегуманному счету, – бороться со СПИДом бессмысленно. Не он – так другая зараза начнет выкашивать многочисленных и прожорливых существ, которых стало слишком много.

Механизм возрастания смертности – не боящиеся антибиотиков штаммы, снижение иммунитета горожан, и т.д. – не принципиально. Это детали. Они легко варьируемы.

13. Мальтус был прав! Заполним всю сушу и сдохнем с голоду! Но. Это – вряд ли.

Маленький полуостров Европа, переполненный людьми, бешено размножавшимися весь XIX век в частности, – вдруг скис. Перестали размножаться! А стали сокращаться. Средняя рождаемость коренных европейцев, белых христиан, – где-нибудь 1,35 на женщину. Вместо 2,17, необходимых для простого воспроизводства.

И жизнь отличная! Медицина, комфорт, изобилие! И? Не рожат, суки. Гомосеки, лесбиянки, матери-одиночки, «человек должен иметь выбор».

А нищие дикари в Африке – рожают, как крольчихи, 15 – 20 на женщину. Ну? И вымирают от СПИДа.

Не будет вам перенаселенности. В раннее Средневековье численность населения в пределах бывшей Римской Империи – уменьшилась в несколько раз! И потом стала тихо-тихо расти.

Вот и мы сейчас – сокращаемся. В Азии-Африке еще есть накат – но и у них стоп и спад впереди.

14. И самое потрясающее. Имеющее самое прямое и сильное отношение именно к социологии и социопсихологии.

КОЛИЧЕСТВО УБИЙСТВ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ – ВЕЛИЧИНА ИСТОРИЧЕСКИ ПОСТОЯННАЯ

То есть. В эпоху дубин и каменных топоров. В эпоху бронзового оружия и в эпоху железных мечей. С изобретением лука и изобретением пулемета. С применением латной конницы или штурмовой авиации. Посредством финки или атомной бомбы. На тысячу человек в среднем и на сто лет в среднем – приходится то же самое количество погибших.

Уехать и не встать. Трудно поверить. И тем не менее.

Милые австралийские аборигены своими деревянными дубинками и копьями убивают друг друга столько же на душу населения – сколько потерял Советский Союз в Великой Отечественной войне. Забавно?

Пулеметчик может за считанные минуты уничтожить сотню наступающих врагов. Но война коротка, а вообще он мирный садовник, если жив останется. Дикарь просыпается, кушает личинок, берет дубинку и идет с соплеменниками искать и убивать врагов – это его жизнь.

Атомная бомба вмиг убила десятки тысяч человек. Но за сто лет самурайских войн отличными мечами и длинными копьями вырезали гораздо больше людей! А тут пробомбили – и сто лет тишины. Так на так и приходится.

Нет, с этой мыслью надо осваиваться долго:

КОЛИЧЕСТВО УБИЙСТВ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ – ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА

То есть. Инстинкт межгрупповой агрессии. И шире – инстинкт внутривидовой агрессии. Неким образом. Корректируясь законами снаружи и моралью внутри, корректируясь всем устройством и функционированием социума. Снижает частоту своих проявлений. Снижает силу большинства своих проявлений. Но в конечном итоге остается на постоянном уровне результата своих проявлений.

Тц!.. Естественный отбор не хочет прекращаться...

Но здесь и сейчас мы не о том. А вот о чем:

Природой было запрограммировано, что для естественного отбора, для оздоровления вида, для пользы эволюции, люди должны убивать столько-то себе подобных. Как? Как выйдет.

В результате эмоциональный уровень проявления агрессии изменился (снизился?) таким образом, что с совершенствованием орудий убийства и расширением возможностей убийства, – уровень убийств остался тот же.

Вы как хотите, но это обалдеть.

15. То есть!!! Наша интеллектуальная и трудовая деятельность отлично совмещаются с общей программой Биосферы. И являются частью этой программы.

Мы в своих действиях гораздо менее свободны, чем нам до сих пор кажется. Вроде и знаем о своей несвободе – но в голове укладывается с трудом.

Нельзя сказать, что мы зомбированы Вселенной, потому что мы сами и есть Вселенная.

16. И этот недавно проясненный и открытый факт о константе убийств – еще раз подтверждает вывод, сделанный мной 30 лет назад и вошедший во «Все о жизни»:

Не волнуйтесь, человечество не погибнет в атомной войне, мы созданы для более серьезных дел.

Конец Света откладывается до точки Нового Большого Взрыва.

.....

<Обрывок утерянной главы...>

...ограниченную во времени функцию. Нельзя исключать, что человечество, запустив кибернетическую цивилизацию, компьютерную цивилизацию, биороботов с применением клонирования, сойдет со сцены. Естественным порядком сойдет – как-то перестанет размножаться, захиреет, исчезнет. Главное что? Главное – что созданная человечеством Постцивилизация небиологических организмов – должна быть само воспроизводящейся, и должна имманентно стремиться ко все более высокому уровню энергопреобразования, что и есть наша вселенская задача. Постцивилизация должна выйти на более высокий уровень энергоэволюции, быть эффективнее человеческой – и иметь имманентный импульс к повышению своей деятельности. Тогда – пишите письма, мавр сделает свое...

.....

(Приписка на обороте:)

Более того: чем совершеннее оружие, средства убийства – тем реже они применяются, тем меньше людей гибнет в вооруженных конфликтах!

Но, правда: все больше гибнет в техногенных катастрофах, в автомобильных авариях, в несчастных случаях на стройках, в экстремальном спорте, и т.д. И без вести все больше пропадает в огромных мегаполисах – что в основном нераскрытые, неучтенные убийства.

Вот с учетом роста этих потерь – как раз компенсируется уменьшение потерь от явного вооруженного насилия. И выходит так на так: сколько гибло – столько и гибнет (на душу населения). (Это можно считать своего рода косвенными убийствами – через следствия всей деятельности человеческой.) То есть:

Насильственной смертью, от рук особой своего вида, должен гибнуть определенный процент. Своего рода внутривидовой отбор. Ну так он был и будет.

Колебательный контур

1. Если бы все в жизни было жестко обусловлено, жить было бы вовсе невозможно. Да, все повязано причинно-следственными связями. Но это не такой железный каркас действительности, такая сваренная арматура, что в этом панцире ни вздохнуть, ни пискнуть.

В жизни всегда есть небольшая слабинка. Люфт. Всегда есть место случаю, и этот случай иногда случается. Всегда есть возможность вариантов, хоть каких-то.

Короче: Господь всегда оставляет за собой право выбора. А нам оставляет щелочку для свободы воли. Даже падающий вниз камень может никогда не упасть, если вдруг угодит в открытый верхний люк пролетающего самолета, или будет раздроблен в брызги шальной пулей, или взметен вверх огненным столбом вдруг извергнувшегося вулкана.

2. Но самолет раньше или позже приземлится, брызги разбитого камня упадут порознь, а отброшенный фонтаном вулкана камень просто упадет далеко в другом месте.

То, что в принципе должно произойти – в принципе все равно произойдет. Но жизнь нафарширована массой деталей и случайностей. И путь предмета до цели бывает куда как извилист и прихотлив.

3. Ничто в мире не неизменно. Везде происходит действие. Даже в гранитной скале – носятся электроны по своим орбитам вокруг атомных ядер. Десять миллиардов лет назад этих скал не существовало. И через десять миллиардов лет тоже уже не будет существовать.

Но. Изменение, действие, движение, по прямой линии от начала до цели – невозможно. Привходящие факторы не дают.

Сползающие вниз по стеклу капли выписывают причудливые ломаные маршруты. Мельчайшая пылинка на стекле, молекулы невесть чего в воде капли или в составе стекла вот в этой точке, разница в температуре на сотую долю градуса или неслышное дуновение воздуха, увеличивающее теплосъем и испарение капли, – все это влияет на траекторию ее движения. Итог: все равно сползет вниз. Но: неизвестно точно в какой точке, и неизвестно точно сколько миллиметров пути проделает и каким путем.

4. Как капля ни болтайся, но вниз сползет. Куда она по этому вертикальному пути ни поползи под действием непредсказуемых факторов – сила гравитации откорректирует ее колебания таким образом, чтоб ползла вниз, зараза.

Как веревочка ни вейся, а конец найдется.

5. Вот два велогонщика стоят на старте трека и выжидают: каждый хочет пропустить другого вперед и сесть ему на колесо, экономя силы.

Вестибуляр у них отличный. Мускулатура отличная. Велосипеды наилучшие. Но. Стоять ровно они не могут. Хотя это просто: достаточно держать центр тяжести тела и велосипеда в вертикали, проходящей через прямую линию на досках трека, соединяющую точки касания земли двумя колесами. Но: даже биение пульса нарушает равновесие на миллиметр. И – приходится чуть-чуть подрабатывать рулем туда-сюда, чуть-чуть балансировать телом, чтобы стоять на месте не падая.

Это простейший пример колебательного контура.

6. А вот хороший автомобиль едет по хорошей дороге. Но рулевое управление имеет некоторый люфт, иначе любое непредсказуемое препятствие на дороге, мельчайшее, технологически неизбежное, будет жестко передаваться на весь корпус. А при высокой скорости удары от этих микропрепятствий быстро разобьют машину. Но раньше – ее расхлябают, расшатают, и будет она болтаться и сыпаться на ходу.

И руки водителя на баранке управления делают мельчайшие движения влево-вправо, компенсируя болтания на дороге так, чтоб машина ехала по прямой.

Можно отцентровать рулевое управление так, чтоб машина ехала по прямой сама. Мельчайшие колебания колес в этом случае компенсируются автоматически, направляющие колеса сами возвращаются в прежнее положение. Но все равно на ходу болтаются и возвращаются обратно.

7. То есть:

Пребывание в состоянии равномерного прямолинейного движения в реальности включает в себя колебания относительно оси движения.

Это только в космическом вакууме нет препятствий. И то воздействие гравитационных полей и световых потоков вынуждает время от времени проводить коррекцию космического аппарата, траектории.

Состояние покоя есть частный случай равномерного прямолинейного движения – приходится колебаться и здесь, чтоб устоять.

Колебания небоскребов давно бы их уронили, если бы нагрузки не принимались фундаментом и несущим стальным каркасом и железобетонной коробкой. И что делают небоскребы? Они раскачиваются. Туда-сюда, туда-сюда.

8. Ньютон был великий человек, а классическая механика – великая вещь. После того, как гений ее открыл и сформулировал, она кажется жутко простой для понимания. Да, так мы к тому, что она лежит в основе понимания почти всех явлений природы. В ее основе лежит добрая классическая логика жизни нашей грешной. Ну, вот от нее мы и пляшем. Страшно уважая электричество, атомы и относительность.

Доводилось мне несколько раз управлять судном. Это громко сказано. Стоять на руле. Дело нехитрое. Штурвальчик, компас, атлас карт вдобавок. Штурман занят своим – хлопот не предвидится.

И вот надо повернуть немного. Вертишь штурвал. А судно – не слушается! Идет прежним курсом! Вертишь штурвал больше. Не слушается! Вертишь еще. О, пошло наконец. Идет. Стрелка компаса доходит до курса. Возвращаешь штурвал в положение прямо. А судно катится дальше! Уже повернули больше, чем надо!

Я в поту верчу обратно. А оно все катится! Я выворачиваю обратно до отказа. О! Оно возвращается к курсу. Вернулось. Я – штурвал прямо. А оно – катится дальше.

Меня не трогали полчаса. Развлекались. Рейс долгий, время выдалось свободное. С меня лили ручьи. Глаза вылезли от ужаса. Судно выписывало зигзаги. Я был беспомощен. Удержаться на курсе было невозможно.

Потом штурманец отодвинул меня, и восстановил порядок несколькими движениями. Дал руля к повороту – и тут же прямо. Судно подождало и слегка двинулось в нужный курс, и вскоре почти пришло. Он еще чуть дал к курсу – и тут же руль прямо. Оно опять подождало, покатило тихо – и чуть перекаатило. Он – опять туда-обратно. И от этого шевеления пера руля судно чуток толкнулось куда надо – и замерло на румбе. «И всех делов», – сказал он.

Движущийся корабль обладает огромной инерцией. Как прямолинейного движения, так и поворота, циркуляции. И. Или ты гоняешь его влево-вправо через курс, пытаешься удержаться – и в среднем двигаясь, кстати, в нужном направлении. Или ты шевелишь рулем к циркуляции и прямо, к циркуляции и прямо. И он потихоньку встает на румб.

Это отличная и простая модель колебания системы. В движении. Эволюционирующей. Кстати: все передвижения корабля по перемене места и курса к нужному тоже называются эволюциями.

9. Любая система обладает инерцией.

Эту инерцию можно считать инерцией движения, ибо любая система эволюционирует в широком смысле: движется в некоем конкретном на любой данный миг направлении.

Инерция – это стремление сохранить свое положение, будь то покой или уже определившееся движение.

Для преодоления инерции требуется больше энергии, чем для поддержания движения системы. И больше, чем надо для продолжения изменений системы, коли они уже пошли.

Если ты сдвинул стоящий шар – он еще какое-то расстояние прокатится без всякого приложения силы извне.

10. Капля на стекле. Автомобиль по дороге. Корабль в море. Колеблются туда-сюда на пути к цели. Влево-вправо от направления движения.

Мы идем по жизни зигзагами. Любая корректировка курса уводит нас в противоположное, чем раньше, отклонение от точного направления к цели.

В жизни все движется – и цель тоже не стоит на месте. Мы меняем, корректируем курс, целясь в нее. Как же нам не колебаться туда-сюда в стороны от линии прицела?..

11. Земная ось описывает эдакие восьмерки полюсами, словно болтаясь в шарнире центра Земли. И магнитный полюс ползает по земной поверхности.

12. Когда-то Земля была раскаленным шаром, а сейчас она остыла даже по сравнению со временем динозавров, какая-то сотня миллионов лет. И однако:

Каждые несколько десятков тысяч лет период похолодания сменяется периодом потепления, и наоборот. И каждые несколько сотен лет происходит то же самое, но в меньшем масштабе. В V веке было довольно холодно, в IX рос виноград на Ньюфаундленде и пшеница в Гренландии, в XVI веке замерзали каналы в Голландии и море у ее берегов, а сегодня это и представить трудно.

То есть:

Остывание Земли происходит не равномерно, а по затухающей синусоиде.

13. Лемминги плодятся-плодятся, пока в теплый год их в тундре не станет совсем много. Тогда они массово мигрируют, и по дороге массово же топятся в ручейках и реках. Численность поголовья резко, на порядок, снижается. И цикл повторяется вновь.

Это – лишь самый яркий и хрестоматийный пример. Но:

Любой биологический вид в своем ареале иногда, время от времени, размножается так, что и не прокормиться ему, и экологический баланс нарушается. И тогда они начинают меньше рождаться, и вообще массоводохнуть, – не только от голода, но и от малопредсказуемых хвороб. И – численность снижается много меньше допустимого поголовья. С запасом снижается. Чтоб долго-о еще было куда расти.

14. Кроманьоны были вполне нашего роста. Античные люди – тоже. В раннем Средневековье народишко помельчал. А в XI – XIII опять стали здоровые. А к XVI веку опять измельчали. А к рубежу XIX рослые гренадеры европейских армий не уступали никаким предкам. А в 1914 в окопы пошла мелочь пузатая. А в 60-е годы XX века рванули вверх. А в 80-е опять стали уменьшаться.

Об этом написано в главе «Адаптационный ресурс». Мутации тоже носят колебательный характер, как бы постоянно нащупывая оптимальные размеры тела вкупе с прочими параметрами.

15. В 60-е же годы XX же века советские ученые стоном стонали, что пересыхает Каспийское море. И строили безумные планы переброса сибирских рек и чуть ли не доставки самолетами льдин из Антарктиды. Море отступало от берегов на десятки метров в год, рыбацкие поселки заносило песками пустыни.

Прошло четверть века. И море поперло обратно. И зеркало поднималось на метры в год. Затопливались дамбы и порты. Вымолили! Достукались, доброхоты.

А главное: умные и добрые ученые так и не знают, чего это оно сохло, и вдруг поперло обратно.

16. Любая система имеет свой механизм саморегуляции. Иначе она не могла бы существовать в нашем мире, где царствует движение и изменение. Механизм саморегуляции позволяет системе сохранять себя, поддерживать свою целостность, корректировать себя, – в нашем изменяющемся мире, постоянно влияющем на систему, иногда угнетающе, иногда стимулирующе.

Инерция существования, консерватизм, самосохранение, – проявляют себя через механизм саморегуляции. Это имеет место и на уровне макрофизики, и на уровне термодинамики, и на уровне биологии.

Саморегуляция – имманентное свойство любой системы. Это вообще аспект существования. Это способность противостоять изменениям, которым систему норовит подвергнуть окружающая среда.

На простейшем уровне: сколько жрать – а сколько уже не жрать, сколько из этого усваивать, а сколько выводить вон, сколько вырабатывать калорий для поддержания постоянной температуры тела, когда спать, чтобы восстановить силы и нормально функционировать, и т.д. Уровень иммунитета, уровень обмена веществ, уровень сексуальной активности, и т.п.п.п.п.

Колебательный контур – это одна из форм механизма системной саморегуляции.

17. Колебательный контур – это циклическое изменение параметров системы, позволяющее ей охватывать всю полосу возможного существования. И в то же время сохранять свое системное единство параметров, не расширяясь чрезмерно по форме подсистем, не распадаясь вследствие ослабления внутренних связей по причине слишком большого разброса форм и направлений своих элементов.

Ну то есть: то тепло – то холодно. Не может же быть – днем плюс сорок, ночью минус сорок. Или народ: от ста тридцати сантиметров до двухсот десяти. Или всегда наводнение, или всегда засуха.

А кто его знает, что лучше для эволюции на Земле. Сделаем то влажно, то сухо. Животных то больших, то маленьких. Вот что лучше в рост, в будущее, в развитие пойдет, – то, значит, и пригодилось.

Колебательный контур – один из механизмов эволюции.

18. Колебательный контур позволяет системе делать все по очереди, обходясь минимумом энергии.

Колебательный контур позволяет системе выбирать оптимальный из всех возможных вариантов.

Колебательный контур отвечает эволюционному принципу совершения максимальных действий при минимуме собственных энергетических затрат.

Колебательный контур есть проявление Всеобщего Закона Изменения на уровне системной эволюции.

19. Фигурально выражаясь:

Колебательный контур – это:

Слегка надкусить все яблоки, чтоб выбрать лучшее, и уже его съесть. А потом начать надкусывать следующий вагон.

Дон-Жуан перепробовал всех девиц в городе, чтобы лучшую взять в возлюбленные. А через месяц переехал в соседний город с теми же настроениями.

Зигзагом влево-вправо, прочесывая лес, идет цепь контрразведчиков, детально обыскивая местность.

Давление в котле растет, пока предохранительный клапан со свистом и громом не сбрасывает излишек до ниже нормы; и все растет по новой.

Пулеметчик водит стволом слева направо и обратно, стараясь захватить цель рассеивающейся очередью.

А пловец в бассейне, преодолевая на рекорд четыреста метров, так и мечется взад-вперед по пятидесятиметровой дорожке, от стенки к стенке: больше в бассейне места нет, за здание на улицу выскочишь, а плыть надо четыреста метров. Ну и – в нарезку туда-сюда.

А в социальном плане колебательный контур выглядит примерно так:

20. *Мода.* Вот уж наглядно! Брюки: шире-уже, длиннее-короче, пояс их выше-ниже, то бедра в обтяжку и клеш от колена, то в бедрах свободно и сужено от колена к щиколотке. Что угодно! – только не так, как несколько лет назад.

Уголки воротничка сорочки: длинные-короткие, острые-тупые.

Галстук: узкий-широкий, пестрый-монотонный, полоска-узор.

Носки туфель! Острые-тупые, круглые-квадратные, треугольничком-обрубочком. Это – мужские. А женские:

Каблук толстый-шпилька, высокий-низкий, узкий-широкий.

Юбка: выше-ниже.

Плечи: шире-уже, прямые-косые, подложенные-свободные.

М-да. Поскольку изменение – сущность моды, а возможности тут ограничены неизменностью и сравнительной простотой человеческой фигуры, да вдобавок требованием функциональности, только и остается менять шило на мыло и обратно.

21. Заметьте: *автомобили* делались все ниже и зализаннее, совсем размазались по дороге – и вдруг стали сменяться джипами, выше прежнего, громоздкими и угловатыми по внешнему виду.

22. *Античный* мужчина должен был выглядеть – атлет. И в Новые Времена – дородность и полнота стали признаком достатка и высокого социального статуса. А в последние полвека – в моде стройность.

Античное наслаждение плотью – сменяется христианским средневековым аскетизмом, плоскогрудой астенией. И снова – сочным мясом Ренессанса, корсетами, бюстами и бедрами классической эпохи, спортивной подтянутостью ревуших двадцатых и костлявостью моделей рубежа XXI века.

23. *Киногерои* Голливуда! Смазливые красавчики сменились резколицыми мужественными героями. Потом героини отсушили широкие задницы бездельников и пьяниц, накачали дряблые тонкие руки интеллигентов и нарастили мускулы плеч. Время шло. А где же свеженькое? И появились инфантильные мужчины-мальчики, рефлексирующие мужчины плаксы-педерасты и жирновато-небритые тормозы на должностях героев. Шлифовка образа героя сменилась конструированием имиджа недотепы в должности героя.

24. Дикари чудовищно изобретательны по части *казней*. И то сказать – развлечений у них мало, а мозг развит. Античный мир несколько регламентировал и упростил арсенал доисторических казней, хотя поизощряться порой любил. Но: декапутация, крест, утопление, а уж зверства типа перевязать член и вливать молодое вино, пока пузырь не лопнет, – это так, экзотика рабовладельцев.

Пришедшим варварам жизнь была копейка. Могли еще сломать хребет, перерезать горло, проломить череп. Наступившее раннее Средневековье характеризовалось грубостью простых нравов, но без ядовитой утонченной жестокости.

Жестокость росла по мере роста цивилизации. И ко временам британского парламента и испанской инквизиции достигла высот. Оскопить, вспороть живот, потроха сжечь на решетке перед еще живым казнимым, раздробить кости ломом и привязать дугой к колесу умирать, – обычное дело. Гомосексуалистов на кол, еретиков сжечь, фальшивомонетчиков сварить в кипящем масле. Боже, как гуманна была Античность из этого грязного кровавого тумана!

В новое время стали говорить, что эти зверства пора сократить. Не звери же мы! Доктор Гильотен специально машину изобрел, чтоб казнимый умер без мук. Направление изобретения – гуманное!

В XX веке остались лишь: расстрел, виселица, электрический стул и газовая камера. Ну, еще гильотина и меч в Азии-с для той же цели. А со второй половины XX же века стали отменять и их.

Таким образом сегодня маньяк может зверским образом замучить и убить двадцать детей – и закон цивилизованных стран гарантирует ему жизнь и полное отсутствие пыток. Причем – достаточное питание, койка с одеялом и бельем.

Нет никаких сомнений, что это положение, дойдя до крайней точки абсурда, дальше будет меняться в направлении к обратному. Или цивилизованные страны начнут вводить смертную казнь за тяжкие преступления, убийства без смягчающих обстоятельств, – или эти государства рухнут, и им на смену придет новая цивилизация, новый порядок типа Ислама, где подобные убийцы будут караться жестоко и беспощадно, под полное одобрение населения.

25. *Общественное мнение* подвержено колебаниям особенно быстрым и противоположным.

В 1917-м году взявших власть большевиков в основном презирали, ненавидели, считали узурпаторами и тупицами. Но – дело большевики организовали жестоко, деваться некуда, подчинялись! И через 30 лет огромная часть страны СССР, почти все граждане, полагали коммунистов прогрессивными борцами за счастье и справедливость. А еще через 40 лет снова ненавидели и мечтали свергнуть, что и сделали.

В 1920-м году Ленин был лидер государства, в 1950-м – икона святого, в 2000-м – жестокий полубезумный сифилитик, заливший Россию кровью.

В 1918-м Сталин был фигурой второго ряда Совнаркома, в 1928-м – генсек Политбюро Партии, в 1948-м – наше Все, отец народов, вождь всего, в 1988-м – кровавый злодей.

Тухачевский был красный Бонапарт – маршал – шпион – гениальный военачальник – бездарный каратель.

И дело не только в политтехнологиях, СМИ, пропаганде и сливе компромата.

26. Перемен! Мы ждем перемен! – пел рокер в перестроечном Союзе, и стадионы ревели.

А чего вы переизбрали Пиночета, если он все делал хорошо? – А надоел, синьор, захотелось чего-нибудь новенького.

27. *Тяга к изменениям – это аспект инстинкта жизни.*

Эта тяга к изменениям являет себя во всех аспектах человеческой деятельности и мироотношения.

Если изменения быстро доходят до предела, заходят в тупик – значит, надо двигаться обратно. То есть, может, ты и не думаешь так: «надо обратно». Ты просто изменяешь. А получается обратно, потому что в узком коридоре больше некуда. Идешь прямо – и приходишь домой с другой стороны Земли.

28. Толпы людей вопили в залах: «Смерть бухаринским собакам!» Те же толпы вопят ныне: «Жизнь любого человека священна!»

И это тоже пройдет.

29. Полтора года лет подряд «Гамлет» считался пьесой вялой, скучной, без движения. Не очень хорошей.

29. В эстетике колебательный контур привел в начале XXI века к примитивизации формы и содержания. Но спускаемся мы – с покоренных вершин.

Кино. Муви, потом звук, потом цвет, потом комбинированные съемки, спецэффекты, широкий экран и компьютерная графика. И? И в моду вошел глухой депрессивный сине-черный цвет картинки, уродливые корявые рожи и отталкивающая жестокость. Анти-красота как принцип.

Живопись. Полный распад формы при отсутствии содержания.

Литература. Грязный фотореализм в примитивном оформлении.

Музыка. Не Бах. Нет, не Моцарт. И лучшее – попроще.

И т.д.

30. Главное же для нас здесь проявление колебательного контура – *политическое, цивилизационное*.

Республика, монархия, диктатура, – сменяют друг друга. Демократия солдатская, воинская, – аристократия, – олигархия, – тирания, – охлократия, – и дальше.

Во-первых, нет и не может быть, разумеется, одной лучшей формы политического устройства. Как нет лучшего лекарства от всех болезней. Но каждому народу, в каждой ситуации, на каждой стадии развития цивилизации, – наиболее подходит конкретный строй. От которого минимум вреда и максимум пользы. Демократия – не подходит для войны, для дикарей, для унтерменшей.

Во-вторых, цивилизации должны циклически меняться, ибо это есть аспект эволюции. Смена систем.

Это и означает: «Все новое есть хорошо забытое старое». Что было – то и будет, и нет ничего нового под Солнцем.

Заключение

Что вам история?

Почему люди, далекие от науки, вообще интересуются историей? Зачем ему история?

Почему в России засекречены архивы и семидесятилетней, и столетней давности, – о Великой Отечественной, и Гражданской, и революции? За давностью лет секреты протухли и истлели – почему правда скрывается на государственном уровне?

Почему столько страстей вызвали книги Виктора Суворова о том, что в первой половине XX века СССР (которого давно нет) готовился первым напасть на III Рейх (которого нет еще дольше)?

Берем лопату – роём в глубину веков:

Почему пытались оспаривать норманнскую теорию происхождения Руси, если другой теории не было вовсе? Почему стараются умалчивать (в России) тот общеизвестный факт, что когда процветало великое княжество славян от Киева до Пскова и от Вильно до Смоленска – Московия с примыкавшей Тверью была вассальным клочком Золотой Орды и на многих европейских картах именовалась «Татария»? Почему в учебниках истории даже не ставится вопрос, известный всем историкам: с чего, собственно, Наполеон погнал гигантскую армию в Россию, что он в ней оставил, чего хотел?

Я люблю начинать с банальностей. Неоспоримая и банальная истина – это скальный грунт, на который ставится фундамент постройки. Возводится здание из фактологических блоков и логических сцепок. Без фундамента на незыблемом основании постройка плывет и валится.

Начнем, перекрестясь:

Таки люди неравнодушны к биографии своего народа.

1. Человек идентифицирует себя на двух уровнях – личном, индивидуальном, – и социальном, групповом.

На каждом уровне ему хочется, комфортно, потребно, – осознавать себя поближе к своему идеалу. А подальше от идеала – это ему плохо, дискомфортно, не потребно.

Идеал человека, в общем, – хороший: добрый, честный, справедливый, храбрый, умный, сильный, красивый. Уважаемый и любимый по заслугам. Быть слабым, трусливым, глупым и уродливым никому не охота.

Идеал народа, в общем, – хороший: древний (!), талантливый, мудрый, трудолюбивый, храбрый, щедрый, свободолюбивый, сильный, благородный. Уважаемый соседями по заслугам. Любимый хорошими соседями, внушающий страх плохим. Быть недревним, малоталантливым, трусливым, жадным и раболепным никому не охота.

Человек хочет принадлежать к народу – носителю похвальных, уважаемых, престижных качеств.

2. Понятны все похвальные-антипохвальные черты, кроме древности. Стремление к древности своего народа требует разбора. Какая разница человеку, семьсот лет или три тысячи существует его народ? А спорят – аж слюни кипят. И чем скромнее в истории выглядит народ – тем на больший срок тысячелетий претендуют его национал-патриоты. К насмешкам соседей.

Древность – это знак качества. Когда твои предки строили Парфенон – мои ковырялись в болоте? Никогда! Они тоже много строили, просто не сохранилось. – – Сегодня-то культуры перетекают, перенимаются, мир стал единым культурным макрокосмом. Любой дикарь может перенять чужую культуру. А вот те народы, которые изобрели ее сами, которые шли во главе

культурного прогресса человечества, – они, вероятно, были умнее других, изобретательнее, трудолюбивее, энергичнее. Быть членом такого народа – конечно, хочется!

Древность – это мера значимости. За тысячи-то лет мой народ много всего-всякого делал в истории. С другими народами воевал, им противостоял, свои законы устанавливал. Мой народ был уже тогда – тверд, силен, известен другим как носитель достойных черт. С моим народом уже тогда считались другие! Его отмечали, знали, уважали.

Древность – это вклад в мировую культуру. Это мой народ изобрел (уже знал, уже умел) строить пирамиды, ставить колонны, прокладывать мощные дороги. Порох, телескоп и микроскоп, паровоз и пароход, алфавит и книгопечатание.

Древность моего народа – это степень наполненности его биографии, его послужной и наградной список, выслуга лет, место в историческом пространстве. Это его врожденный коллективный ум и доблести. Это его признание другими народами от начала времен.

Стремление к древности народа – это ретроспективная форма стремления к групповому самоутверждению.

Стремление к древности народа – это стремление завысить групповую самооценку по оси времени.

Психологически – это стремление к самоутверждению через завышение самооценки на уровне групповой самоидентификации в ретроспективном разрезе. О. Слов много, зато все понятно любому, кто прочтет медленно. И, в общем, исчерпывающе.

3. Социальный инстинкт заставляет человека стремиться к своей максимальной значимости – через максимальную значимость своей группы. Социально так: по отношению к другой группе – значимый человек это человек значимой группы. Мы сильны вместе! Мы одна большая семья! Сила любого – это сила каждого! И в настоящем человек инстинктивно стремится делать сильнее и значимее свою группу.

А в прошлом? Представления о прошлом весьма субъективны. Субъективны в той мере, в какой их невозможно однозначно подтвердить или опровергнуть материальными свидетельствами. Именно поэтому среди стариков так много бывших красавиц и бывших героев. Хрен докажешь обратное. Наша власть над прошлым велика.

Социальный инстинкт, веля человеку стремиться к значимости своей группы в настоящем и в будущем, диктует ему стремиться к значимости своей группы в прошлом. Приукрашать прошлое народа, короче. Причем – верить в это! ибо это психологически потребно.

4. В изучении, реставрации, трактовке Истории – сталкиваются два базовых инстинкта. Это интересно. Это вообще свойственно человеку. Это относится не только к Истории.

Один – это инстинкт познания: стремление к истине, к максимуму информации. Это необходимо для ориентирования в окружающей среде и адаптации к ней. Он требует максимум знания и максимум объективности, честности: адекватного восприятия информации, – что необходимо для анализа с последующей адекватной реакцией.

Второй – это инстинкт максимального действия, он же стремление к максимальному росту энергопреобразования, он же инстинкт жизни как максимально энергопреобразующей формы существования: он же социальный инстинкт в данном случае, как стремление индивида объединяться в эффективный социум, и чтоб социум его был максимально значим, мощен, potentен.

Имеет место парадокс:

стремление к истине расходится со стремлением к значимости.

Временная ступень-порог разделяет их на два разных уровня.

Стремясь к значимости, человек стремится к ней в настоящем, прошлом и будущем. Прошлое уже состоялось объективно. Но изменимо субъективно. И субъективно человек прибавляет значимости своему прошлому – как индивидуальному, так и групповому. Насчет собственного индивидуального он твердо знает, где врет, а позднее начинает верить кое во что

сам. А вот насчет группового, отдаленного веками и посредниками, он искренне верит в то, во что ему нужно.

5. Все всегда знали, что все люди и все народы склонны приврать, приукрашая свое прошлое.

Мы говорим лишь о том, что на серьезном, коллективном, народном, научном уровне, – это зависит не от прихоти, самолюбия, тщеславия или глупости, но: диктуется социальным инстинктом.

Социально-историческое искажение Истории есть побочное действие великого социального инстинкта.

Инстинкт этот диктует личности быть членом великой группы.

5-А. Социальный инстинкт заставляет человека завышать групповую самооценку.

Стремление быть значительным принимает субъективную ретроспективную форму **к а з а т ь с я** значительным.

Желаемое становится действительным в восприятии Истории.

Украшение прошлого есть форма стремления к значительности.

6. То, что в разговоре об истории мы так быстро свернули на фальсификацию истории, весьма показательно. Фальсификация истории – убедительное доказательство равнодушия к ней. Фальсификация истории – это показатель ее значимости для настоящего.

7. Все насущные решения мы принимаем, исходя из соотношения своих сил с предстоящим делом. Силы оцениваем, исходя из опыта. Стремление к максимальным действиям имеет результатом завышение самооценки: чтоб сделать так много, как только можно, надо напрячь все силы (а уж там что выйдет, ухмыляется природа...).

*Стремление к приукрашиванию истории – это **инстинктивное** стремление к завышению групповой самооценки.*

8. Когда мы знакомимся с человеком – мы не устраиваем ему испытания на силу, храбрость, благородство и ум. Мы составляем о нем мнение по его манерам и речам. Составляем портрет личности по деталям. Ты – кто и каков? По рекомендациям своих друзей, по кругу, к которому он принадлежит, по известным моментам его биографии, по репутации: то есть – по его прошлому. По тому, как он уже проявил себя в жизни. Что он сделал – вот то он и есть. Человек – это его дела. Сумма поступков.

Можно сказать иначе:

Человек – это его прошлое.

Или:

Человек – это его биография.

Или:

Человек – это сумма его поступков.

В этом видны все его моральные и умственные качества, его энергичность и достоинство. Если мы узнаем, что обаятельный мужчина – убийца и вор, он мгновенно перестанет быть в наших глазах хорошим человеком. Если мы узнаем, что бомж – бывший герой, человек добрый и отважный, но спился, – мы посмотрим на него другими глазами и как минимум дадим хоть сколько денег. Если мы узнаем, что эта светская красавица – проститутка и бандерша... и т.д. Ну, а биографии политиков – это просто расчисленный продукт имиджмейкеров. Тут все ясно.

Ну так: история народа – это биография группы.

История народа – это характеристика народа.

Тоже всем ясно.

9. Интерес к истории – это психологически обусловленная потребность в групповой самоидентификации. Чтобы быть членом группы – надо, чтоб эта группа вообще была (для начала...). Если она есть – она должна как-то выглядеть, иметь какие-то черты, характери-

стики. Если она как-то выглядит – надо же знать, как? Нельзя же быть членом группы, не представляя, что это за группа, черт возьми.

Социальный инстинкт лежит в основе интереса к истории.

История – это оформление группы во времени и характеристика группы во времени.

История – это ответ на вопрос, кто мы такие в этом мире, и кто ты такой в этом мире.

Знать, кто мы такие и каковы мы – необходимая база для того, чтобы успешно действовать в мире. А это действие – суть и назначение нашей жизни вообще.

История – это форма ориентирования народа во времени и пространстве.

10. Что есть патриотизм? Любовь к родине. К народу и всему тому, что делает твоих людей народом: к его земле, его культуре, его языку, его истории.

Что есть любовь к родине? Самая яркая и сильная форма социального инстинкта, когда человек осознает и формулирует, что его желание счастья и блага своему народу – сильнее, чем желание счастья и блага лично себе: и при столкновении интересов он ставит, сам, лично, добровольно, по своему внутреннему чувству, благо народа выше собственного. На фронт! В тюрьму! Не отступлюсь.

Лорд Байрон – это любовь!!

Гм. Большинство любит скромнее. Но от группового инстинкта никуда не денешься. Свой народ – как свои родители. Сукин сын, но ведь все-таки это наш сукин сын... Короче:

Когда ты кого-то любишь, то все его поступки ты стараешься истолковывать в его пользу. Ты всегда предпочтешь увидеть его с хорошей стороны. Найти плюсы в его характере и действиях. Найти смягчающие обстоятельства, если что не так. Усомниться в правдивости информации, если она рисует его с неблагоприятной стороны.

Любовь освещает любимого с наилучшей стороны. Ибо он воплощает для любящего все лучшее, что есть в его душе. Любимый делается для любящего идеалом человека. И никто не требует, чтобы любящий видел любимого объективным трезвым взглядом. Ну, разве что тот окажется преступником и мерзавцем. А мелкие грешки – это ерунда...

Заметьте, в основе любви лежит половой инстинкт, который проявляется на рациональном уровне так, что любимый наделяется всеми возможными достоинствами. Разум подбивает аргументационную базу под веление инстинкта.

Если таково индивидуальное чувство – то почему вы ждете иного от социального? Кого любят – того и видят в розовом. Мы не обвиняем любящего во лжи: мы понимаем, что он видит не так, как остальные. Ну, видит, может, и так, – но для него это исполнено совсем не того значения, что для остальных. Ибо для патриота в его стране воплощены все лучшие чувства и приложения сил...

Глупо ждать объективности от патриота. Все, что можно, он будет трактовать к чести своего народа, в его пользу. Он будет прибегать к любым оправданиям, приводить головокружительные объяснения, искать безумные причины, – лишь бы объект его любви, его страна, выглядела предельно хорошо. Благородно. Сильно. И т.д.

Гм. И тогда другой стране, иностранным силам, приходится выглядеть похуже. Ибо все возможные причины всех зол и бед должны быть списаны на: а) врагов; б) случай; в) природу; г) ошибки историков; д) ошибки и преступления отдельных идиотов и вредителей.

11. Нужно особое устройство ума, чтобы видеть любимого в истинном свете. Как правило, это бывает у очень страстных людей. Высшая нервная система которых способна к очень сильным возбуждениям. Способность, позволяющая очагу возбуждения в центрах любви (прежде всего половых) достигать высокой активности, – та же способность позволяет возбуждениям достигать большой мощности в центрах рационального мышления. Перемещение очага перевозбуждения. (Хотя центры сексуальные и мыслительные могут быть у разных людей развиты по-разному...)

Страстный патриот может быть объективным историком. Но это, скорее, исключение. И большинство как историков, так и рядовых патриотических граждан, норовят объявить такого объективного историка врагом и вражеским шпионом, ненавидящим собственный народ.

Народ не хочет правды. Народ хочет, чтобы его страна была лучшей в мире. И если этого нет объективно – она должна быть лучшей хотя бы по качествам и потенцию своего народа.

Это естественно. Ибо народу потребна максимальная значимость и лучшестъ своей социальной биг-группы – своего народа. Чтоб можно было по всем убеждениям отдавать своей группе-народу все силы. И тем самым делать максимум в этой жизни, на этой Земле.

– – – Но. Поскольку для адекватных действий в мире необходимо адекватно оценивать окружающую действительность и свои с ней взаимоотношения. То на самом деле: – народу необходимы люди, которые говорят правду. Объективно необходимы. Для будущего народа и страны. Ибо ложь – это дезориентация и залог будущих неадекватных действий, ведущих к вреду для народа.

Но – убежденность в своей потенциальной лучшести – тоже необходима народу! Это стимулирует к действию, прибавляет храбрости и надежды, помогает подняться на великие дела – и в результате ведет к совершению коллективных социальных действий.

12. Приходится констатировать: социуму нужна как конформистская тупо-патриотичная масса в качестве движущей силы – так и отдельные трезвые мыслители, анализирующие правду с дискомфортными для народа результатами, ибо без адекватной информации система идет к гибели.

13. То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть, заметил поэт. Любовь и ненависть – та же страсть, но с обратным знаком. Любовь к стране диктует ненависть к ее порокам, – казалось бы... Увы – для этого нужен зрелый ум и национальное самосознание без комплекса неполноценности.

Зрелый ум ненавидит пороки своей страны – ущербный отрицает их. Добросовестный историк видит благо в том, чтобы искоренить недостатки своей страны, – недобросовестный хочет лишь искоренить ее врагов. Ненависть как оборотная сторона любви у человека умного и глупого обращается на разные объекты. Глупый, отрицая недостатки предмета, отрицает и возможности их исправления.

Нельзя требовать ума от патриотов – достаточно и любви.

Историк, чья любовь правит умом, профессионально непригоден.

История цинична, как физиология любимого тела. Что не мешает ее высокой сущности, как и прекрасной душе в упомянутом теле.

14. Для действия нужна уверенность. Для уверенности нужна правота. Мой народ всегда прав. Прав в общем – значит прав во всем!

... Вот и темнят архивы, и уничтожают, и не допускают, и лгут. Потому что история моей страны – это я! И пусть сменилось название страны, и политический строй, и прошли века, – моя страна и мой народ храбрые, благородные, сильные и умные. И все, что показывает мою страну и мой народ не с лучшей стороны – оскорбляет лично меня. Как, простите за высокую банальность, грязная правда о матери оскорбляет сына, и он не желает этого слышать и знать, и естество его требует опровержения.

Любовь и правда совместимы отнюдь не всегда.

15. Любовь к истории – это любовь к себе. Карлик на плечах гигантов не может быть равнодушен к той куче, на которой сидит. Он инстинктивно знает, что без этой кучи его нет.

Любовь к истории – это желание быть сильным и значительным. Ибо ничтожнейший ты – силен силой своего народа, славен его славой и велик его величием.

Собственно говоря, история – это настоящее, каким оно становится каждый миг, удвигаясь назад и становясь тут же прошлым.

Интерес к истории – это социальный инстинкт, оформляющий аморфную людскую массу в структурированный высокоэнергетичный социум. Но кажется, мы уже повторяемся...

.....

(Притиска сбоку:) На закате СССР новое и весьма гнусное значение приобрела классическая притиска: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя». Не вдаваясь в интимные подробности смысла, слово «патриот» было тем самым приравнено к слову «негодяй». Ну, потому что много десятилетий творилось много зла и несправедливости под прикрытием патриотических лозунгов.

Гм. Ну так что имелось в виду изначально? Что негодяй, прижатый к стенке, свое негодяйство пытается оправдывать тем, что он делал это из высоких патриотических побуждений, имея в виду общее благо. То есть намерения были хорошие, хотя дело, конечно, плоховатое. Но я ради всех свою душу губил!.. Это когда больше оправдываться уже нечем. Путем логических рассуждений вывернуть свои дела и мотивы так, что якобы вышло бы для всех лучше, если бы... чуток иначе... почти... а сколько я хорошего раньше всем сделал!

Но придать слову «патриот» отрицательную стилистическую окраску – это надо было суметь... Натерпелись граждане народишко от диктатуры партии с ее демагогией – и яростно поносили все, что партия объявляла священным. Ну, стихийная реакция. Дождались перемен. Было стрижено? – теперь должно быть брито!

То, что «интеллигентный» слой вкладывал в слово «патриот» самый отрицательный смысл – еще раз подтверждает, что качество мозгов не имеет значения, когда в дело вступает социальный инстинкт. Толпа умных – все равно глупа.

Движущая сила, смысл и цель истории

После тридцати лет изучения, размышления и систематизации некоторые исконно сложные вещи осознаются с большой ясностью.

Все дело в понимании. Понимание – это включение информации в единую систему анализа и обращения, составляющую цельное мировоззрение. Понимание – это раскодирование частной информации как составляющей части и аспекта единого целого. Понимание – это такое размещение информации в едином пространстве Бытия, когда она явствует из всего уже известного, а все смежное явствует из нее.

1. Что есть История? Движение человечества во времени. Ну да, конечно. Любое понятие следует рассматривать совокупно с окружающей его средой. С каковой средой сие «Понятие» составляет единую сущую систему – во взаимодействии материей и энергией.

Во-первых, человечество существует совокупно с биосферой Земли.

Во-вторых, оно существует совокупно с геосферой Земли.

В-третьих – совокупно с энергией Солнца, излучение которой захватывает косвенно и прямо.

В-четвертых, наконец, – человечество существует совокупно со всей энергией и материей Вселенной, будучи овеществлено из тех же волн и материальных частиц.

Рассматривать Историю человечества изолированно от Истории Вселенной – это даже остроумно. Но как минимум некорректно. Здесь можно получить верный результат в рамках условно ограниченной системы, если таковой счесть человечество Земли. Но смысл и причину Истории человечества понять в таких ограничениях невозможно. Предположение, что Человек создан Природой для его собственного, Человека, удовольствия, не имеет ничего общего ни с наукой, ни с серьезной философией.

2. Чтобы понять причину и смысл движения дождевого червя, надо как минимум понять функционирование почвенного слоя во взаимодействии с кругооборотом воды и температурными колебаниями. За ними встает вопрос о химическом составе почвы и механизме ее геологического и органического образования. Начиная с разгадки движения червя – вы неизбежно приходите к разгадке существования Вселенной.

В какой бы вопрос мы ни углубились – мы приходим к проблеме Первоначала Всего.

3. Много лет, начиная с глухих и изолированных советских времен, я повторяю одно и то же. Отдельные фрагменты этого одного и того же обнаруживаются в прошлых десятилетиях, отдельные фрагменты продолжают проявляться и по сейчас в работах отдельных философов и ученых.

Существование Вселенной от Большого Взрыва и до схлопывания – есть энергоэволюция. Эволюция энергии от состояния чистого и минимально материального, практически нематериального – до структурирования энергии в агрегатное состояние материальных систем, все более сложно структурированных, все более энергоемких.

Процесс структурирования энергии в материю сопровождается обратным процессом – высвобождением связанной энергии из материи, распадающейся, перестающей быть и переходящей обратно в агрегатное состояние энергии, что можно назвать и качественным переходом.

Этот переход энергии в материю и обратно, а также переструктурирование материальных систем с поглощением и/ / или выделением энергии, – этот переход идет с нарастающей скоростью и в возрастающих объемах.

Энергоэволюция идет с нарастанием, с положительным балансом. Материальные структуры все сложнее, все более энергоемки, все чаще переструктурируются, все больше энергии выделяют обратно или способны выделить.

4. Все это кончится увеличением объема-скорости энергооборота до такого уровня, когда вся энергия Универсума будет стремиться в исчезающе малый миг времени преобразоваться в материю – а вся материя Универсума будет стремиться в исчезающе малый миг времени отдать всю содержащуюся в ней энергию. Это и будет конец света – и одновременно Новый Большой Взрыв.

5. Вся эта фигня и есть История.

6. Общее определение:

История – это эволюция энергии и материи во времени.

7. Пока материя существовала только в форме неорганической, дело шло медленно. (Первые секунды после Большого Взрыва – это отдельный момент, поскольку само понятие Времени имело в тот период не совсем тот смысл, что сейчас. А также, кстати, понятие Пространства, коего в узком смысле слова не было в первый миг.)

С появлением органической формы материи – на планете Земля в частности – дело пошло куда быстрее. Энергия-материя стала переструктуризироваться с отчаянной скоростью. Формы так и меняют одна другую. Вещество Земли так и перелопачивается!

С появлением социальной формы материи – воткнули следующую скорость. Социум, структурированный из человеческих особей, потоптался на месте, сделал шагок-другой, – и рванулся переделывать все вокруг с ужасной скоростью и неудержимым рвением.

Вот узкое определение:

История – это эволюция социальной формы материи.

Или иначе:

История – это эволюция материи на стадии социального оформления.

То же самое:

История – это эволюция материи в социальной форме.

Продолжаем:

История – это социальная стадия энергоэволюции, ну, поскольку энергия и материя – это разные агрегатные состояния одного и того же, и существование Вселенной – это и есть энергоэволюция, и ничего кроме, строго говоря.

8. И «движущая сила» Истории Человечества – та же самая, что и движущая сила Истории Вселенной вообще. Десяток формулировок вполне стоят одна другой, и суть их одна:

Изначальный энергетический импульс Большого Взрыва.

Энергоэволюция Вселенной.

Положительный баланс, с которым идет энергопреобразование Вселенной.

Всемирный Закон Структуризации.

Стремление любой энергоматерии во Вселенной в любой форме существования к производству Максимальных Действий, то есть максимальному уровню энергопреобразования, перелопачивания окружающей среды.

Стремление производить все возможные действия, все изменения окружающей среды, – больше, объемнее, быстрее, эффективнее.

Движущая сила Истории – положительный баланс Энергоэволюции.

9. Трудность понимания этой чрезвычайно простой истины объяснялась, во-первых, уровнем естественных наук, которые до эдаких обобщений еще не дошли. Но постепенно дорастали и подставляли свою научную табуреточку под ноги.

А во-вторых, трудность понимания вызывалась сравнительной сложностью человека. Даже противоречивостью. Ибо его энергопреобразующая мощь связана с его огромной энергетической автономией в окружающей среде. И огромным адаптационным и мотивационным ресурсом его психики. Таким образом, каждый отдельный человек в каждый отдельный момент времени может делать что угодно, в том числе поступать вопреки общему движению Истории. *На произвольно малых отрезках времени произвольно малая единица движущей силы*

может двигаться в любом направлении без исключения. Это следствие закона автономии монад в системе. Но – суммирующее действие монад в системе всегда соответствует движению системы и суть само это движение.

То есть. Мы можем выбрыкивать абсолютно что угодно и под любым соусом. Но в сумме и результате мы ускоряем и ускоряем энергоэволюцию окружающего Бытия.

10. Смысл Истории неизбежно рассматривается на разных уровнях. На уровне религиозном – чтобы вернуться к Богу и там вечно счастливиться. На уровне человеческом, оно же антропоцентричном, смысл в том, чтоб быть все благополучнее и счастливее, жить все дольше и интереснее, богаче и изощреннее, на этом свете, а не на том, который проблематичен.

На уровне научном – все больше и глубже знать.

На уровне экономическом – все больше производить.

На уровне эстетическом – делать мир и жизнь все прекраснее.

Все это как минимум спорно, неполно и неоднозначно.

И при этом что бы люди ни делали – они все активнее и эффективнее переструктурируют окружающее Бытие, энергопреобразуют его все быстрее и полнее.

В виде же самом всеобщем, базовом, фундаментальном, универсальном:

Смысл Истории – в максимальном повышении энергопреобразования Вселенной вплоть до ее уничтожения и нового зарождения – до Армагеддона и Нового Большого Взрыва, рождающего Новую Вселенную.

11. Цель Истории? А вот это и цель.

.....

(Вопрос на полях:) Если отграничивать из общей – именно Человеческую Историю – то ее целью может оказаться создание неких сверхквасисуществ, энергопреобразующих и эволюционирующих, которые смогут подхватить у биологическо-социального человечества эстафету энергопреобразования – и вывести энергопреобразование Бытия на новые уровни скорости, эффективности и объемов. Типа материализовывать поля и излучать энергию из вакуума (сейчас и предположить трудно). Но, короче, чтоб способами, нам еще не известными и даже принципиально не представимыми, таки грохнуть нашу Вселенную и засветить Новую.

--

(Резюме по-простому:) [Приписка от руки: «Развел тут рулады...»]

Движущая сила Истории – вселенская энергоэволюция.

Смысл Истории – максимально повышать и активизировать энергопреобразование Бытия, переструктуризацию энергоматерии.

Цель Истории – обеспечить конец нашего Бытия и начало Новой Вселенной.

Хау! – сказал вождь краснокожих.